

СМЕНА

сентябрь

08

Анна Каренина. **Ловушка для героев**

Ольга Николаевская **Кабаны косили трин-траву**

СОВРЕМЕННОМУ МОТОРУ

МАСЛО

ЛУКОЙЛ

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

Главный редактор

Михаил Кизилов

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данишевский

Николай Левинев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

Тамара Чинна

Сдано в набор 2.07.98
Подписано к печати 30.07.98
Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Reg. № 014832

Учредитель —
ООО "Издательский дом
журнала "Смена".

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
Valid Design Alliance
Издательство "Открытые системы".
Отпечатано в типографии
"Koro Print" (Италия)

Журнал выходит
12 раз в год.

© "Смена", 1998.

48 Джеймс М. Фаррелл
ИСТОРИЯ УСПЕХА

Рассказ

160 Андрей Ильин
**ЛОВУШКА
ДЛЯ ГЕРОЕВ**

Остросюжетный роман

4 Сергей Литвинов
РЕКТОР

Беседа с ректором МГУ В.А.Садовничим

12 Владимир Захаров
ДУЭЛЬ СО ЗВУКОМ

22 Светлана Бестужева-Лада
ПРАВДА НА КРОВИ

36 Леонид Шаров
**ВСТРЕЧИ
С БЕЗЫСХОДНОСТЬЮ**

74 Ольга Чайковская
**КАБАНЫ КОСИЛИ
ТРЫН-ТРАВУ**

126 Светлана Бестужева-Лада
**СОДЕРЖАНКА
В ЗАКОНЕ**

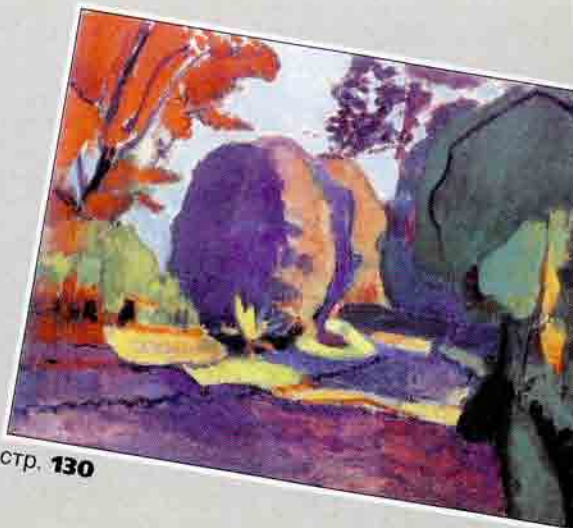
148 Надежда Автомонова
"ВНЕБРАЧНЫЙ" ВНУК

В НОМЕРЕ: сентябрь '98

стр. 154

На 1-ой обложке
фото: "East News"

стр. 130

- 56 *Любовь Русева*
СЛУГА, НО НЕ ЛАКЕЙ
- 116 *Иван Зюзюкин*
**НАСМЕШНИК
В СУТАНЕ**
- 130 *Алия Байрамова*
МАТИСС
- 154 *Олег Газманов:*
**"В БУДУЩЕЙ ЖИЗНИ
Я НЕ БУДУ ПЕВЦОМ"**
- 262 *Дмитрий Вебер*
**ТРИП-ХОП —
МУЗЫКА XXI ВЕКА?**
- 266 *Майя Орлова*
**ЗОЛУШКА,
ДОЧЬ МИЛЛИОНЕРА**
- 277 *Валерия Свальнова,
Вячеслав Свальнов*
**ГУТТАПЕРЧЕВЫЙ
МУХТАР**
- 287 *Людмила Кадалова*
ГЕННАДИЙ ПАВЛОВ

- 18 *Глеб Горбовский*
- 153 *Маргарита Мусина*

Энтони Беркли
**"УБИЙСТВО НА
ВЕРХНЕМ ЭТАЖЕ"**

В доме обычного лондонского квартала совершается преступление — убита пожилая одинокая женщина. Расследованием занимается инспектор Скотланд-Ярда. На тут автор решил привнести в роман некоторую долю тонкого английского юмора и ввел в действие еще одного героя — писателя, в результате чего появляются две версии убийства — профессиональная и частная. Кто же в конечном счете окажется прав: Скотланд-Ярд или любитель-детектив?

Борис Соцельяк
РОЗЫ И ПУЛИ

Известная киноактриса, дважды лауреат Сталинской премии, любимица зрителей и... узница владимирской тюрьмы, приговоренная к 25-ти годам заключения, — это Зоя Федорова, погибшая семнадцать лет назад при загадочных обстоятельствах.

стр. 12

РЕК

фото Игоря Яковлева

ТОР

Кабинет ректора Московского государственного университета Виктора Антоновича Садовнического поражает воображение так же, как впечатляет вблизи само новое здание МГУ. Потолки — высота, наверное, метров десять. Гигантские стеллажи с книгами и журналами. Внушительная мебель эпохи «большого стиля». Величественный вид на Москву с одной из самых высоких точек столицы — Воробьевых гор...

А с чего начался путь ректора МГУ, председателя Совета ректоров вузов России, академика РАН в это красивейшее здание, в этот огромный кабинет? Таким был первый вопрос, который я задал ректору.

Я учился на мехмате МГУ в конце 50-х— начале 60-х, и у нас на факультете проводили «Звездочки» — это были походы, в которые старшекурсники водили младших. Все было почти по-военному: на факультете вешали карту Подмосковья, на ней обозначали точку — место сбора. А каким манером до нее добираться — это было личным делом группы. И вот, каждая своим маршрутом, собиралась в «точке» разные группы. Встречались, будто сто лет не виделись. Шутили, смеялись... Потом футбол-волейбол, костры, песни... Мехмат умел веселиться. Однажды, помню, пошли мы на электричку, и тут начался дождь: темень - хоть глаз выколи, девчонки расписли. А я запомнил, как идти к станции, и весь отряд тогда вывел. Как раз на следующий день были выборы секретаря комсомольской организации курса. Одна из девчонок встала и сказала: "Садовнический

нас вчера вывел — давайте его выберем, он и курс наш в правильном направлении выведет..."

После окончания МГУ Виктора Садовнического приняли в аспирантуру. Вскоре он защитил кандидатскую, а затем стал одним из самых молодых докторов наук страны. Занимался наукой, преподавал, а параллельно работал заместителем декана, потом деканом мехмата, затем проректором и первым проректором МГУ. В 1992 году уверенно победил на выборах ректора Университета. Выиграл Виктор Садовнический и следующие выборы ректора — в 1996 году.

Академик Садовнический возглавляет кафедру математического анализа. Сфера его научных интересов — математическое моделирование процессов, происходящих в человеческом организме. Под его руководством был разработан специальный тренажер, на кото-

ром тренировались все космонавты и астронавты последних лет (за эту работу в 1989 году Виктор Антонович Садовничий был удостоен Госпремии СССР).

Рентор Садовничий, как рассказывают, может "держать" любую аудиторию — от студенческой до академической, от благодушного застолья до резкого собрания. Мне довелось читать запись его лекции, прочитанной на факультете журналистики МГУ. Это захватывающий рассказ о драмах науки, изложенный ясным, простым языком. Молодые журналисты могли поучиться у математика не только знанию предмета, но и умению интересно его преподнести. [Вот, для примера, небольшой отрывок из лекции — звучащий сегодня актуально не только применительно к научным, но и жизненным драмам: «По словам Макса Планка, новая научная истина побеждает не потому, что ее противники

убеждаются в ее правильности и прозревают, а лишь по той причине, что противники постепенно вымирают, а новое поколение усваивает эту истину буквально с молоком матери... По-видимому, людей нельзя переубедить. Остается лишь ждать».)

— *Как вы считаете, Виктор Антонович, способность быть лидером — природное качество? Или этому можно научиться?*

— Насколько я знаю, биологи, социологи и психологи четко доказали: кому из нас быть ведущим, а кому ведомым во многом решает наследственность. Но "ведомый" — не значит неудачливый. Зачастую такие люди проявляют недюжинные умственные способности и добиваются больших успехов в искусстве или науке...

— *А вам, наверное, и учиться было легко...*

— Нет, тяжело. Особенно поначалу. Математику я в школе любил, но дополнительно ею особо не занимался, а после школы работал и многое основательно подзабыл... Поэтому мои однокурсники поначалу показались мне "зубрами" — многие были выпускниками физматшкол, победителями олимпиад. Вроде бы все им давалось шутя. И вот мы с товарищем сидели до десяти вечера в «читалке», а потом, когда она закрывалась, шли в пустую аудиторию и занимались до двух-трех ночи. Но в один прекрасный момент, курсе на третьем, все-таки произошло, что называется, "переход количества в качество" — и мне вдруг стало легко учиться.

— *Как изменились, на ваш взгляд, сегодняшние студенты по сравнению с вашими временами?*

— Если говорить по большому счету, то молодежь не изменилась. У нее

собственное сообщество, свое общественное мнение, своя солидарность... Молодежь осталась той же, вот времена — разные. Середина 50-х и начало 60-х, когда мы учились, — это время многими воспринималось как послевоенное. Жили мы тогда только на стипендию, и никому не приходило в голову ждать "дотаций" из дома: Стипендия была — 29 рублей "новыми". Но на еду нам хватало. Мы покупали абонементы на питание: 30 копеек в студенческой столовой — обед, столько же — завтрак и ужин. 2 рубля ежемесячно еще оставалось! А те, кто подрабатывал, жили вообще шикарно. Но это не главное. Мы, студенты мехмата, чувствовали себя тогда, если можно так выразиться, "героями нашего времени". Это была пора взлета физики. «Девять дней одного года» с Баталовым и Смонтуновским. Первый спутник. Сплошные открытия в физике, химии, других точных науках. И стимулом нашей учебы было: стать великим ученым. Я мечтал стать таким, как Колмогоров...

— А сейчас и на стипендию не проживешь, и вряд ли многие студенты мечтают стать великими учеными...

— Да, «нынче физики в загоне». Но этот процесс — "престижно — не-престижно, модно — немодно" — он, как и многие другие процессы в нашей жизни, колебательный, и, я думаю, не за горами то время, когда быть физиком снова станет престижно. Впрочем, и сейчас на мехмат подают заявления столько же абитуриентов, что и в мои годы. Вот учиться им труднее, чем нам.

— Вы возглавили Университет в самое, пожалуй, нелегкое для него время. Почему вы пошли на это?

— Потому что я знал, что делать, чтобы его спасти. Люди поверили мне. И я сделал все, что в моих силах, чтобы вывести МГУ из кризиса.

— Что же вы сделали?

— Я обещал сохранить педагогические школы — и они не разрушены. Старался создать бесконфликтную творческую обстановку — и ни одного серьезного конфликта в Университете не было. Мы учредили новые премии: Шуваловскую для молодых ученых и Ломоносовскую — за педагогическую работу. Действуют две программы по продвижению молодых ученых: их называют "сто и сто" — сто вакансий для молодых профессоров и столько же — для молодых доцентов. Я обещал поднять зарплату по максимуму — и выполнил это обещание. Хотя один Бог знает, чего стоило добиться, чтобы финансирование МГУ сохранялось отдельной строкой в госбюджете. Денежные вопросы — зарплаты, стипендии, средства на научные исследования, на ремонт — конечно, самые тяжелые. Университет — некоммерческая организация, и он ею быть не может и никогда не будет. А как финансируются у нас образование и наука — вы, я думаю, знаете...

— Как вы относитесь к идее сделать высшее образование платным?

— Очень плохо отношусь. Категорически против. В МГУ 8 процентов от числа поступающих принимаются на платные отделения — при том, что общий уровень "платности" в нашей системе образования достиг 27 процентов. Организовать высшее образование за деньги — мало того, что это нарушение Конституции. Это будет означать, что наша высшая школа погибнет. Сейчас и в ближайшие годы мало кому будет под силу платить за учебу сына или дочери. И мы не только оставим страну без специалистов — мы наши научные школы разрушим. Это — тупик!

— Но научные школы и без того разрушаются. Сколько, к примеру, ученых уехало за границу?

— Статистики я не вел, но думаю, что за годы реформ Университет покинуло примерно 10 процентов преподавателей. Это включая тех, кто оставил страну навсегда, уехал за рубеж на какой-то срок или же ушел в коммерцию. Но у нас в аспирантуре учиться пять тысяч человек, и, оттока мы почти не заметили. Научные школы мы сохранили. Да, у нас мизерные, по сравнению с Западом, зарплаты; да, не хватает денег на новые приборы и материалы, но самое главное все-таки — это научная среда. И пока мы ее сохранили. Вот если будет уезжать из страны не потому, что за рубежом больше платят, а оттого, что у нас работать неинтересно, а интересно там — вот тогда наша наука будет разрушена. Вот против чего я изо всех сил борюсь.

— МГУ — это целый город... Вы могли бы стать мэром города? Кепку Лужкова мысленно не примеряете?

— Нет, Юрий Михайлович такой человек, что заменить его на посту руководителя Москвы невозможно. А мэром небольшого города я бы мог стать вполне. Ведь принципы руководства университетом и любой другой большой системой — одинаковые. Конечно, нужны специальные знания, опыт, подготовка — есть общие принципы управления, которые действительны всюду: логика, понимание законов больших систем, умение на них воздействовать...

В тот день, когда в МГУ вручали мантию почетного доктора Биллу Клинтону, множество студентов, не попавших в аудиторию, собрались перед входом в Университет. После выступления американского президента его охрана заявила: выходить через главный вход нельзя, слишком близко стоят люди. Надо либо оттеснить их милицией, либо эвакуироваться через

другой выход. Рентор Садовничий спросил, каким еще образом можно и американского президента студентам показать, и его безопасность соблюсти. "Он может выйти, если убедить их отступить на три шага назад — но уговорить толпу вряд ли кто способен". Виктор Антонович вышел на крыльцо Университета. После нескольких его слов студенты отступили ровно на три шага...

— В чем, по-вашему, Виктор Антонович, основные слагаемые успеха руководителя?

— Знать обстановку. Ловить предложения "снизу". Но при этом иметь свою голову на плечах. Иметь талант и волю принимать свои решения.

— Чем занят ваш рабочий день? Когда вы приходите в свой кабинет, когда уходите?

— Обычно я работаю с 9 утра до 10 вечера. Но далеко не все эти часы я провожу в кабинете. Во-первых, я поставил себе цель бывать на собраниях на всех факультетах Университета, а кроме того, приходится часто встречаться с людьми в Академии, в комиссии по грантам, в министерстве, в совете ректоров...

— Что, по вашему мнению, надо менять в системе высшего образования?

— Наша система образования — уникальна. И пока она недосгаема для других стран. За 250 лет своего существования она впитала в себя лучшие черты немецкой, английской, французской систем образования... Я не квасной патриот и утверждаю, на основе не ощущений, но знаний: наша высшая школа — лучшая в мире. Пока еще лучшая.

Рентор Садовничий (в соавторстве с тремя другими учеными) написал интересную книгу "Университетское образование: приглашение к размышле-

нию". В ней буквально по полочкам разложены все мало-мальски значимые системы образования прошлого, от древних греков до позднего средневековья, в ней дан анализ деятельности сегодняшних университетов всех развитых стран, от США до Японии. Пересказывать книгу можно было бы бесконечно: она полна неизвестными фактами и со знанием дела сделанными выводами. Так что утверждения ректора — совсем не пустые слова.

— Многие ваши коллеги в торговле от зарубежных университетов, вы же утверждаете, что наша высшая школа — лучшая... Почему?

— Ее краеугольным камнем является фундаментальность. Мы готовим специалистов не по тому утилитарному принципу, что зачастую принят на Западе. Там ведь как? Вот, скажем, появился новый полимерный материал. Профессора говорят студентам: "Давайте разберем его свойства". А наши студенты сначала масштабно изучают химию, физику, биологию — и уже потом профессора показывают им: из каких же законов следует, что ученые смогли создать этот материал с такими-то новыми качествами. Наш подход не только дает будущему специалисту ответ на конкретные вопросы, связанные с сегодняшним открытием — он, этот фундаментальный подход, позволит ему самому находить ответы на другие вопросы.

Нашу систему ни в коем случае нельзя разрушать. Да, ей нужна материальная помощь, необходима моральная поддержка — но ее принципы должны остаться теми же. Она должна меняться — но перемены эти нельзя утрировать. Нельзя ставить вопрос так: специалисты в той или иной области сейчас, сегодня не нужны, поэтому давайте не будем их готовить. Это

же не пирожки: не едят их сию минуту — не станем печь. Важно, конечно, куда пойдут работать наши выпускники. Но еще важнее то, что сегодняшние выпускники через 15 лет станут — каждый в своей области — главными специалистами страны, и надо предугадать, какой тогда будет наша экономика, какие профессии потребуются тогда. Чтобы они владели первоклассными знаниями, новейшими технологиями — в той, будущей, стране могли строить, изобретать, учить других...

— Как вы оцениваете уровень подготовки сегодняшних абитуриентов — он, наверное, сильно упал?

— Вы знаете, сколько я работаю в Университете; столько слышу среди преподавателей разговоры: абитуриенты с каждым годом все слабее. Если бы так было на самом деле, давно уже учить было бы некого и нечему. Сейчас нас волнует не уровень знаний каждого конкретного абитуриента, а неразбериха со школьными программами. Раньше, помнится, ругали программу по математике или преподавание химии в школе. Сейчас же появилось столько лицеев, колледжей; каждый учит кто в лес, кто по дрова. В итоге на вступительных экзаменах бывает, что абитуриент не то что какой-то один вопрос не знает — он о целой теме никакого представления не имеет. Значит, тем, кто хочет наверняка поступить, приходится заниматься с репетиторами. Стало быть, те, у кого богатые родители, имеют преимущество перед не слишком обеспеченными. Вот это большая проблема.

— Не хотелось ли вам бросить административную деятельность — и снова заняться "чистой" наукой?

— Конечно, хотелось. И не раз. Работа ректора — тяжелая, нервная. Порой приходится принимать обидные

для кого-то решения. Но я не отказался от полноценной научной жизни — у меня есть кафедра, аспиранты. Другое дело, что порой хочется и с семьей побыть побольше, и ни о чем не думать, и просто поваляться наконец. Ответственный пост требует нескольких лет адаптации к нему. А потом понадобится столько же времени на обратную адаптацию. Я знаю нескольких высоких начальников, которые, оказавшись не у дел, чувствовали вдруг огромную пустоту, в буквальном смысле не знали, чем себя занять.

— **А чем вы занимаетесь в свободное время?**

— Люблю гулять по лесу с семьей. Люблю мастерить. Могу сделать стол, построить крыльцо или веранду, настелить пол, покрыть крышу. Печь могу сложить.

— **Неужели есть люди, которые приглашают ректора МГУ сложить печь?**

— (улыбается) За большие деньги.

— **Говорят, вы любите анекдоты и хорошо умеете их рассказывать...**

— Поскольку я математик, люблю такой анекдот... Летели два путешественника на воздушном шаре. Поднялся ветер. Они заблудились, их стало прибивать к земле. И вот они видят: внизу, под деревом, стоит человек. Они принялись кричать ему: "Скажите где мы?!" Человек поднял голову, подумал и ответил: "Вы — в воздушном шаре". Ветер подхватил путешественников и унес, и тут один говорит другому: "Ты знаешь, мне кажется, под деревом стоял математик". — "Почему?" — "Во-первых, он ответил не сразу, а подумал. Во-вторых, он сформулировал свой ответ очень точно. И, в-третьих, то, что он сказал, для нас — абсолютно бесполезно"... ■

Беседу вел **Сергей ЛИТВИНОВ**

Дуэль со звуком

Владимир ЗАХАРОВ

С то лет назад, в апреле 1899 года, в автомобильном спорте произошло знаменательное событие: бельгийский гонщик Камилл Иенатци на машине "ЖАНТО" с электрическим двигателем преодолел первую "крутую" цифру и установил абсолютный рекорд скорости — 105,87 км/час. С той поры погоня за скоростью приобрела суровый, подчас драматический характер, когда каждый новый этапный рубеж скорости отмечался не только мужеством и мастерством гонщика, но и взлетом конструкторской и научной мысли. Ведь, как это не покажется странным, вторую крутую величину скорости француз Фред Мэрриотт превзошел в 1906 году, показав на автомобиле "СТЕНЛИ" с паровым двигателем рекордную скорость 205,38 км/час. Однако затем пять десятилетий абсолютные рекорды скорости устанавливались только на машинах, снабженных ДВС и, назалось, этому лидерству суждены долгие годы.

Так бы эта гегемония и продолжалась, но в 1963 году из США пришла

сенсационная новость: весь автомобильный спортивный мир узнал, что никому доселе не известному заокеанскому конструктору и гонщику Крэг Бридлоу на трехколесном автомобиле с реактивным двигателем достиг скорости 655, 587 км/час, что значительно превосходило абсолютный рекорд скорости, принадлежащий тогда знаменитому англичанину Дональду Кэмпбеллу, сыну легендарного Малкольма Кэмпбелла, автора семи абсолютных рекордов скорости. В тот год рекорд устоял, так как по правилам Международной федерации автомобильного спорта (ФАИ) трехколесные машины (без привода на колеса) не считались тогда автомобилями. Такая неувязка не смутила энергичного американца, и он подал заявку на признание его результата как абсолютного рекорда скорости среди мотоциклов. Международная федерация мотоциклетного спорта (ФИМ) не имела в своих правилах подобных ограничений и трехколесник американца вот уже три с половиной

десятилетия остается самым быстроходным мотоциклом в мире.

Пока американец обдумывал и разрабатывал новую четырехколесную конструкцию еще более мощного и скоростного рекордного болида, у него неожиданно появился соперник-соотечественник, который вывел на трассу знаменитого соляного озера Бонневиль (штат Юта) четырехколесный агрегат с реактивным двигателем и претенциозным названием "ЗЕЛЕНОЕ ЧУДОВИЩЕ". 5 октября 1964 года Арт Арфонс на своем турбореактивном "чудовище", мощность двигателя которого составляла ни много ни мало... 17500 лошадиных сил, по сумме двух заездов (на встречных курсах) показал средний результат — 698,726 км/час, что явилось новым абсолютным рекордом скорости. До заветного круглого "рубежа" оставалось менее полутора километров, но...

Но, прежде чем продолжить рассказ о соперничестве двух великих американских конструкторов и гонщиков, необходимо

сделать небольшое историко-географическое отступление. Во-первых, рекордный результат на коротких дистанциях (1 километр и 1 миля) фиксируется по средней сумме двух заездов и утверждается в качестве официального только в том случае, если его величина превышает предыдущую величину на один процент и более. И второе, все соревнования на таких скоростях проводятся на дне высыхающих соляных озер в трех точках земного шара: на озере Бонневиль (США), на озере Эйр (Австралия) и озере Баскунчан (Россия). Есть еще несколько песчаных отмелей и аэродром в пустыне на военной американской базе Эдванс, где проводились тренировочные и пробные заезды.

А теперь представьте: раскаленное добела солнце, серо-желтые размытые очертания гор на краю пустыни, мягкая соль, огромные, дышащие огнем "чудовища" на колесах и крепкие мужчины, которые садятся за штурвалы этих

стальных монстров в погоне за славой. Каждый из них прекрасно понимает, какие опасности поджидают его на этих "сумасшедших" скоростях и помнит последние слова легендарного Дональда Кэмпбелла: "Я гибну! Это — конец..."

А теперь вернемся в тот памятный октябрь 1964-го и представим себе радость нового обладателя абсолютного рекорда скорости, которому удалось поднять его потолок сразу на 40 километров! Однако новоиспеченному рекордсмену удалось продержаться на верхней ступени пьедестала всего одну неделю: все тот же Н. Бридлоу на своем новом четырехколесном болиде "ДУХ АМЕРИКИ" превзошел очередной "круглый" рубеж скорости и поднял планку рекорда до отметки 755, 741 км/час. Такого "рывка" история автомобильного спорта еще не знала!

По оценкам нынешних историков автомобильного спорта: "карнавал скоростей" в начале 60-х годов ошеломил и знатоков, и любителей сверхвысоких скоростей своей скоротечностью и драматизмом. На том памятном этапе в борьбу за обладание высшей короной вступило американское трио, однако на первом же этапе одному из них пришлось сразу сойти, оставив двоих наиболее удачливых вести дуэль у тогда еще недостижимого тысячекилометрового барьера.

Кто же был тот третий, кто осмелился бросить перчатку своим соотечественникам? В том памятном 1964 году на бонневильскую трассу доставили реактивный автомобиль американского конструктора Уолта Арфонса (брата Арта), двигательной установкой которого были ракетные двигатели от знаменитых "Поларисов". И в начале октября, на несколько дней раньше родного брата, автомобиль, ведомый гонщиком Томом Грином, показал скорость 664, 953 км/час. Но результат не был признан рекордным, так как у автомобиля были все те же три колеса вместо четырех, предусмотренных правилами ФАИ. Так, в общем-то, нелегкое правило, которое

впоследствии было отменено, лишило Уолта Арфонса лавров рекордсмена, а его "БЫСТРОНОГИЙ ЭКСПРЕСС" так и не попал в заветную таблицу рекордсменов. Кан и первый автомобиль Н. Бридлоу.

Прежде чем продолжить рассказ о бескомпромиссной погоне за скоростью на дне Бонневильского озера, стоит отметить правды ради, что "реактивные" новости из-за океана нашли живой отклик в одном из автомобильных вузов тогдашнего Советского Союза. Харьковский автомобильно-дорожный институт не был известен в те годы ни в Европе, ни тем более в США. Однако о его лаборатории скоростных автомобилей (ЛСА ХАДИ) и ее руководителе — заслуженном мастере спорта СССР Владимире Нинитине, авторе знаменитых гоночных автомобилей "ХАРЬКОВ" и "ХАДИ", в те годы у нас в стране были слышаны многие. Этот мундштвенный конструктор и гонщик задумал в условиях студенческой лаборатории спроектировать и построить первый советский реактивный болид, который впоследствии, через восемь лет, получит порядковый номер ХАДИ-9. Но этот необычный автомобиль станет сенсацией позже и потому наш рассказ о нем впереди...

А пока вернемся к заокеанским "дуплянтам", их реактивным автомобилям и их атанам на скорость. 15 октября 1964 года неугомонный Н. Бридлоу стартует на своем сверхскоростном болиде и преодолевает очередной рекордный рубеж, показывая фантастический по тем временам результат — 846, 942 км/час! Казалось бы — нуда дальше! Но упорный Арт поднимает перчатку и, приняв вызов, 27 октября возвращает себе пальму первенства, показав 875, 694 км/час...

Весь спортивный мир замер в ошндании: чем же ответит Крэг и примет ли он вообще этот вызов? В ожидании ответа на этот вопрос прошел почти год. Новый рекордный результат Н. Бридлоу показал на модернизированном "ДУХЕ АМЕРИКИ" 2 октября 1965 года, достигнув скорости в

893, 366 км/час. Кан же отнесся к этому рекорду А. Арфонс? Просто: не прошло и недели, как он вывел свое "ЗЕЛЕНЕ ЧУДОВИЩЕ" на ту же трассу и "перешагнул" очередной рубеж, показав скорость 927, 862 км/час. Арт и его неудержимое "чудовище" замahнулись и на тысячекилометровую отметку, благо мощный реактивный двигатель фирмы "Дженерал Электрик" был рассчитан на преодоление скорости звука, а шины — на скорости порядка 1500-1600 километров в час, но в одном из следующих заездов "ЗЕЛЕНЕ ЧУДОВИЩЕ" на скорости почти в 1000 км/час потерпело аварию. Не помогли ни тормоза, ни тормозной парашют. Спасла лишь распаханная по краям полосы мягкая соль.

Но трагедия, разыгравшаяся на соляной трассе (сам гонщик остался жив), не остановила Н. Бридлоу. Под занавес того спортивного сезона он возвращает рекорд себе и с результатом 966,547 км/час 15 ноября 1965 года становится самым быстрым гонщиком на планете. И на этом прекращает борьбу за мировую корону скорости, оставаясь абсолютным рекордсменом долгих пять лет и дав возможность своей жене Ли Бридлоу стать рекордсменкой мира среди женщин с результатом 496, 566 км/час. И хотя мощности двигателя было сверхдостаточно, чтобы преодолеть и скорость звука, но супруги решили больше не рисковать, так как, по словам Крэга, в последнем

из звезд он физически ощутил, в какой близости от него прошла смерть.

Пять лет, отделяющие последний старт "ДУХА АМЕРИКИ" от первого старта "ГОЛУБОГО ПЛАМЕНИ", были заполнены напряженной работой по созданию сверхзвуковых болидов по обе стороны Атлантического океана. О том, что делалось в Соединенных Штатах, известно по многочисленным публикациям американской печати. О том, что делалось в СССР, знали немногие. Но новость о смелом проекте из лаборатории ЛСА ХАДИ, студенты которой бросили вызов американцам и взялись за создание первого советского сверхзвукового автомобиля, в считанные часы облетела Соединенные Штаты. В мало кому известный там украинский город Харьков полетели телеграммы, письма, стали раздаваться многочисленные звонки. Одним из первых заволновался энтерпрендер Арт Арфонс, который в письме спрашивал В.К. Никитина не только о технических деталях проекта, но и хотел получить исчерпывающие ответы: зачем, на какие средства и с какой целью русские строят этот сверхзвуковой автомобиль? Где будут проводиться испытания, и не даст ли уважаемый мистер Никитин согласие на вызов в этих гонках американским гонцидам? В.К. Никитину и самому хотелось объяснить соотечественникам, зачем нам тогда нужна была эта машина, эта скорость, наконец, этот огромный риск?! И смогут ли харьковские студенты противостоять американской ассоциации владельцев газовых предприятий, по чьему заказу проектировалась и строилась в Америке быстроходная машина, двигатель которой (мощнейшая турбина) должен был работать на сжиженном газе. Саму машину и многие ее узлы проектировали, между прочим, специалисты НАСА.

Умудренный жизненным опытом, тонкий знаток человеческой психологии, Никитин встречал многочисленных оппонентов, а зачастую и недоброжелателей, что ни он, ни его помощники-студенты не собираются

устраивать соревнования и гнаться наперегонки с американцами за абсолютным рекордом. Просто, ставя перед своими питомцами сверхзадачу — постройку сверхзвукового автомобиля, — он и руководство ХАДИ хотят раскрепостить творческие силы студентов-конструкторов и помочь им решить сложнейшую техническую задачу. Что же касается самого рекорда, то быть ему или не быть — покажет время...

Время показало, что в тот период наша страна не была готова к подобным проектам и "девятка" так и не вышла на гоночную трассу из-за многочисленных объективных и субъективных обстоятельств. А вот американцы довели свой проект до завершающей стадии, и в 1970 году на бонневильской трассе реактивный суперболид установил не только новый абсолютный мировой рекорд скорости — 1014,661 км/час, пройдя мерный километр за 3,548 секунды, но и попутно стал мировым рекордсменом на дистанцию в одну милю — 1001,623 км/час. Несостоявшийся астронавт Гарри Габелич стал известным спортивному миру в совершенно новом качестве. Рекордсмен и владельцы ассоциации праздновали долгожданную и заслуженную победу...

Назалось бы, до заветного звукового барьера рукой подать, но... Было, оказывается, одно "но", которое не удалось преодолеть ни Габеличу, ни всем его предшественникам — это барьер психологический, который и помешал всем соискателям перешагнуть заветный рубеж.

Мягкая соль не покорила крепким мунчама, но могла покорились женщины... Этой женщиной должна была стать американка Китти Хэмблтон, давно сделавшая риск смыслом своей жизни. Сначала Китти была испытательницей парашютов, потом — гонцицей на водных лыжах: здесь ей принадлежит рекорд скорости — 168,291 км/час, установленный в памятном 70-м. В 1976 году, став каскадером в Голливуде, бесстрашная Китти на автомобиле "МОУТИВЕЙТОР" достигла

скорости в 843,323 км/час, отобрав рекорд у Ли Бридлоу, а в одном из заездов вплотную "подошла" к тысяченилометровому рубежу и готова была риснуть еще раз. Но тут заволновались спонсоры, вложившие огромные средства в постройку машины и пожелавшие видеть новым рекордсменом только мундчину.

Он им и стал, правда, не совсем официально. В сентябре 1979 года на бонневильскую трассу доставили реактивный трехколесный "БУДВАЙЗЕР" (по названию пивной фирмы, финансировавшей проект), снабженный двумя двигателями, шины которого были заменены на стальные диски, армированные титановым сплавом. Мощные двигатели не уступали предшественникам, а кузов, напоминающий форму заостренного карандаша, был значительно легче за счет применения космических технологий. Каскадер и бывший боксер Стэн Баррет в первых же заездах показал хорошие результаты, но для официального их утверждения необходимо было сократить время подготовки машины к заезду по встречному курсу. Норматив — 60 минут не был соблюден ни в одной паре заездов, и компания приняла решение не участвовать в официальных стартах.

Буквально на следующий день после такой досадной неудачи "БУДВАЙЗЕР" вместе со всей командой был перевезен на военную базу Эдванс с ее уникальным аэродромом в пустыне. Здесь дела у Стэна Баррета пошли гораздо успешнее: в одном из первых же заездов ему удалось показать фантастическую скорость — 1190,344 км/час. От заезда по встречному курсу гонщик отказался, так как его машину вели армейские локаторы и отсутствовала официальная международная судейская бригада. Так в упорном преодолении силы притяжения и консерватизма членов ФАИ (были сняты наконец запреты на три колеса) был превзойден звуковой барьер на автомобиле. Превзойден, но не утвержден...

Именно это обстоятельство вдохновило англичанина Ричарда Нобля привезти

на знаменитую американскую трассу рекордов свой турбореактивный "ТРАСТ-2" и, вспомнив славу легендарного Дональда Кэмпбелла, взять реванш у заокеанских коллег. Никому не известный конструктор и гонщик с берегов туманного Альбиона стартовал не на привычной дистанции 1 километр, а наиболее приятной для англичан 1 миле. 4 октября 1983 года Ричарду удалось преодолеть трудную милю со средней скоростью 1019,251 км/час, и многие информационные агентства поспешили распространить известие о новом абсолютном рекорде скорости. Хочу обратить внимание вдумивого читателя на правдоподобие одного процента, из которого следует, что англичанин стал всего-навсего мировым рекордсменом на дистанции 1 миля (1019,251 км/час, что более чем на 1% превосходит результат Г. Габелича, равный 1001,623 км/час). Но абсолютный рекорд, равный 1014,661 км/час, тогда удержался.

И вот недавно новое сенсационное известие: официально утвержден абсолютный рекорд скорости на автомобиле, превысивший скорость звука — 1220,861 км/час. Рекорд установлен 15 октября 1997 года на автомобиле "ТРАСТ-ССН", созданном неутомимым Р. Ноблем и ведомый пилотом Энди Грином. О последнем чуде конструкторской мысли следует сказать несколько слов и назвать его технические характеристики. В переводе с английского "траст" означает "удар", оснащен он двигателями "Ролс-Ройс" кандый тягой 9000 кг. Для сравнения отметим, что суммарная мощность двух двигателей равняется мощности двигателей 1000 автомобилей "Форд Экспресс". Расчетная максимальная скорость автомобиля должна составлять 1,1М (число Маха) и у "ТРАСТА-ССН" еще есть резерв рекордных километров. На пределе скорости для автомобиля пока не предвидится. Надолго ли абсолютный рекорд скорости "переселился" в Великобританию? На этот вопрос может дать ответ только время. ■

Глеб ГОРБОВСКИЙ

*Несет октябрь вдоль мостовой труху.
Затопали соседи наверху.
Видать, вернулись с отпусков и дач.
За стенкой вновь раздался женский плач.*

*Скрипит на кухне под ногой доска.
Грядет непроходимая тоска.
Несет по телеку писатель чепуху.
Уже не топаят, а пляшут — наверху!*

*Спит за окном полудоблзлый парк.
Наполнен доверху — смердит помойный бак.
И лишь полночный греет душу чай.
Да пес бездомный улыбнется невзначай.*

Окно в Европу

*Петербург, Петроград, Ленинград —
благоволие, запах и смрад!
Новостройками сжато нутро.
Расщепляется смысла ядро.*

*Там, где в храме царит полумрак,-
прах Петра заключен в саркофаг.
Царь окно прорубил нам — во вне!
Да застряла Россия... в окне.*

*Не золото египетского трона, —
я славлю фараонову вдову,
ее цветы в гробу Тутанхамона,
что и сегодня излучают синеву.*

*О, нужно быть ребенком — не царицей,
быть женщиной — до мозга, до основ,
чтоб положить любимому в гробницу —
простой венок из полевых цветов!*

*На часах недвижны стрелки, —
время кончилось... Ну что ж.
Затяжной, осенний, мелкий
заменял секунды — дождь.*

*Дождик соткан из мгновений,
в сумме — годы и века.
Из подъезда вышел гений
за бутылочкой пивка.*

*Был он мрачный и невзрачный
и замшелый, точно пень.
Он в кладовочке чердачной
рисовал вчерашний день.*

*Жил он жизнью тошной, трудной,
лица делая из рыл.
Но, заслышав дождь запудный,
как бы духом воспарил.*

*Выпил пива, съел огурчик,
запустил часы всерьез...
И мечтать о доле лучшей
стал под шум небесных слез.*

*Относит желтый лист река.
Всяк путь, Господь, — благослови.
Относит ветер облака...
А в отношении любви —
пришло письмо издалека.*

*Относит почту почтальон.
Пустой мечтой себя не теши.
В ломбард относят медальон.
А в отношении надежд:
оставил дедушка “мильён”.*

*Относит солнце свет — во тьму,
дурак поносит мудреца.
Герасим в пруд отнес Му-Му.
А в отношении конца —
известно Богу одному.*

*Понаделал ливень луж,
сырь и стынь — снаружи.
А в избушке — тишь и сушь,
и тепло к тому же.
Засыпаю... Вдруг — шлепок!
По полу... И — снова.
Будто чавкает сапог,
какает корова.
Я обычно чутко сплю,
оттопырив ухо...
Вдруг себя на том ловлю,
что на мне... лягуха!
Встрепенулся я: Ахти!
Что еще за мода?!
И лягушку на груди
вынес — в непогоду.
...Долго думал я потом
с неподдельной грустью:
кто пожаловал в мой дом?
Девушка, допустим,
или бабушка ничья
из соседней хатки?
Или смертушка моя?
Так... Одни догадки.*

*Жизнь принимая, как дар — не зарплату,
шел я к рассвету, а вышел... к закату.
Радости жаждал, любви и цветенья,
а не похмельной тоски-обретенья.*

*Нынче проснулся: печаль моя, где ты?
В жизни, как в небе, бывают просветы.
Вот она — мудрость Судьбы всеблагая:
нынче — погодка, а завтра — другая!..*

*Руки шевелятся, ноги топочут,
глазоньки видят, сердчишко хлопочет...
И по тропе твоей, дяденька встречный —
не с кистенем, а с улыбкой сердечной!*

*Ураганный ветер, голый лед.
Словно листья, пронеслись лица.
Каждый как бы совершал полет,
а не шел... Не мог остановиться.*

*По проспекту — с севера на юг —
нас несло, как мусор, — прочь за город.
Вдруг навстречу мне — нетрезвый друг,
что имел при жизни вздорный поров.*

*Разрезая ветер, друг-алмаз,
из небытия и без оглядки,
шел вразвалку в город мимо нас.
И роились в голове догадки.*

*Если он — сюда, а мы — туда,
значит, есть какая-то надежда,
что не опустеют города,
если совершать свой путь прилежно.*

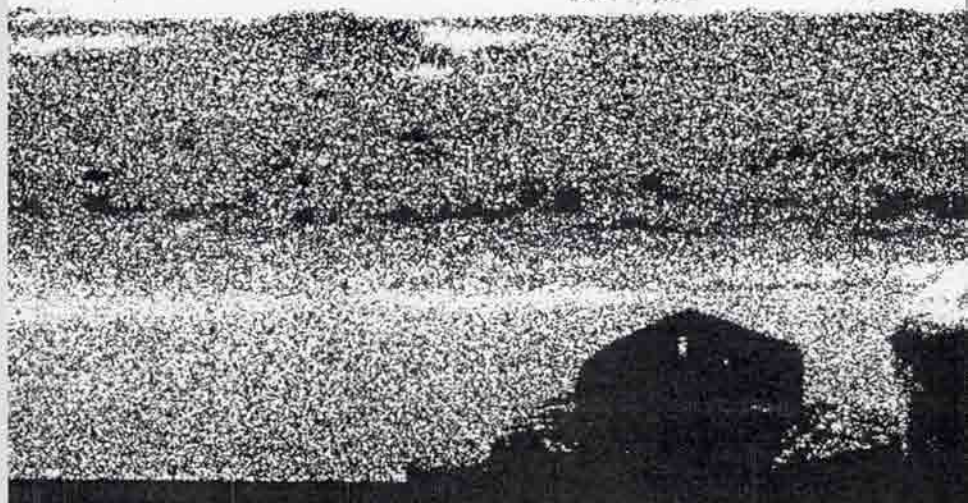

*Течет водица по асфальтам серым,
водицу погоняет ветерок...
И жизнь свелась к игрушечным размерам:
скамейка в парке,
в доме — закуток...*

*Казалось бы — объездил полпланеты,
познал полмира, а в итоге — швах:
бессонница, казенная котлета,
незрячий взгляд во встречающих головах.*

*Течет водица, истекает время,
обужен круг знакомых и — число.
И равнодушно распростер над всеми
Ваятель жизни — мокрое крыло.*

ПРАВДА на крови

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

Кому из нас хоть раз в жизни не довелось испытать восхитительное ощущение того, что жизнь вступает в новую фазу, что все гадости и глупости остались где-то там, в прошлом, а впереди — сплошные розы и овалции? Нормальных людей это чувство посещает уже на выпускном балу, а потом больше никогда и не возвращается. Но некоторым удается пережить сию эйфорию и дванды, и трижды. У каждого для этого свои причины: кто-то ликует, получив новую работу, а кто-то ног под собой не чувствует от счастья, переступая порог загса, чтобы зарегистрировать брак... или расторгнуть его. У каждого свои вехи, каж-

дый сам определяет для себя жизненные ценности. И сам решает, какую дорогу выбрать, на чьей стороне сражаться, из чьих рук получать средства к существованию.

Илья Астраханский второй раз в своей недолгой жизни испытывал этот самый высочайший душевный подъем. Первый раз это было пять лет назад, когда его, детдомовца, заморыша и вечного «козла отпущения» для старших приняли на журналистский факультет Ростовского университета. Без блата, без репетиторов, с одним несомненным талантом — умением писать грамотно и бойко — мальчишке удалось перепрыг-

нуть почти непреодолимое, хотя и незримое препятствие, пропасть, отделяющую «благополучных» детей от «неблагополучных». И Илья был свято уверен в том, что теперь его жизнь и судьба будут складываться только так, как он сам того пожелает. А значит, будет слава, будут деньги, будет нормальная жизнь.

Спасибо тем, кто снабдил его фамилией, которая так эффектно смотрится и звучит. А получил он ее лишь потому, что в возрасте нескольких месяцев был найден проводниками на багажной полке плацкартного вагона поезда «Москва-Астрахань» и сдан в детский дом. А поскольку двадцать два года тому назад ни

о каких «горячих точках» в стране никто и слыхом не слыхивал, о беженцах читали только в газетах под рубрикой «их нравы», а минимальная зарплата на самом деле соответствовала прожиточному минимуму, то следовало предполагать, что мамаша Ильи просто-напросто бросила младенца, не пожелав связывать себе руки. Так или иначе, никто мальчишка не искал, а имя свое он получил в честь любимого человека одной из нашедших его проводниц. Фамилию ему дали, естественно, в честь конечного пункта железнодорожного маршрута.

Неизбалованный и неприхотливый, Илья среди однокурсников все пять лет

смотрелся «белой вороной». На стипендию уже тогда прожить было сложно, посему юноша не брезговал никакой работой, кроме той, которая могла грозить неприятностями с властями. Веселых компаний не чурался, но чаще всего не находил времени, чтобы в них участвовать. Девушкам нравился — особенно тем, которые встречали по уму и по уму же провожали, а одежду считали делом двадцать пятым. Но ни в каких сомнительных историях замешан не был, короче говоря, уверенно шел к «красному диплому» и хорошему месту работы, благо публикаций у него и в студенческие годы хватало. Но остаться в Ростове ему не удалось.

«Ищите женщину», подумает кто-нибудь и не ошибется. На выпускном курсе в Илью отчаянно влюбилась девушка, едва-едва достигшая совершеннолетия. Была она почти хороша собой, почти умна, роман с ней мог принести бывшему детдомовцу сплошные выгоды, потому что родилась девушка в семье крупного областного деятеля, и в таких условиях росла и воспитывалась, нетрудно догадаться. Как нетрудно догадаться и о том, что и в лихолетье перестройки с ее и до сих пор неосуществленными реформами деятель этот продолжал радоваться жизни в качестве то ли директора, то ли президента чего-то неопределенного, но приносящего вполне определенный и весьма солидный доход. Все это влюбленная девушка и выложила своему избраннику, ни минуты не сомневаясь в том, что в ответ получит предложение руни и сердца. Но услышала нечто совершенно неожиданное:

— Прости меня, милая, — мягко сказал ей Илья, — но мне совершенно все равно, кто твой отец, и какими средствами он располагает. Я всю жизнь всего добивался самостоятельно и менять принципы не собираюсь. Если называть вещи своими именами, ты меня хочешь

нудить. Хорошо, не за деньги, это пошло и некрасиво, но за что-то другое. Так вот, я не продаюсь. Еще раз прости меня, но я тебя не люблю. И не буду портить тебе жизнь, притворяться заботливым и внимательным мунем. Короче, в примани не пойду. И давай на этом закончим.

Благими намерениями, как известно, вымощена дорога в ад. Илья искренне считал, что, назвав вещи своими именами, он тем самым расставил все точки над «и», история кончена, девушка посердится, поплачет — и найдет себе другое утешение. Не тут-то было! Не привыкшая получать отказы, влюбленная сделала все, чтобы несговорчивый предмет ее страсти сдался на милость победителя. Она ждала его после лекций, всеми правдами и неправдами прорывалась в общепитие, писала длинные письма, полные клятв и упреков, угрожала покончить с собой...

Кончилось тем, что отец девицы сделал все для того, чтобы Илья из Ростова убрался. Впрочем, особенно стараться не пришлось: пара-тройка звонков «нужным людям» — и вот уже главный редактор газеты, который твердо обещал взять талантливого молодого журналиста в штат сразу после получения диплома, избегает его звонков, при встрече мямлит нечто невразумительное и вообще отводит глаза. В других изданиях, где с удовольствием печатали заметки и очерки «нового дарования», его тоже перестали узнавать, а уж о публикациях и не заикались. Только у одного маститого, битого-перебитого журналиста хватило смелости сказать Илье то, что думали о нем все:

— Старик, правда, конечно, штука хорошая, но на хлеб ее не намажешь и под голову не подложишь. Пошел на принцип, обидел девчонку, а она не виновата, что у нее папа такой деловой. Опять же — любовь. Неужели ты не мог...

— Не мог! — отрезал Илья. — Один раз слушавил, второй раз притворился, третий раз откровенно соврал — и все. А правда — она одна, можно жить с нею, можно — без нее, а вот как галстук носить — нельзя. Утром без галстука, а вечером — при полном параде? Я так не могу. И не буду.

Старый журналист хотел сказать, что будет, куда он денется, не таних жизнь обламывала, но посмотрел в холодные серые глаза Ильи и поенился. А черт его знает, может, и не будет, фанатики во все времена водились, за правду страдали, на кострах горели, а народишко возле тех костров грелся, особенно в суровые зимы. С другой стороны, на костры их отправляли такие же фанатики, так что неизвестно, каким боном жизнь повернется, какой стороной монетка упадет. Время покажет.

В итоге, через два дня после получения диплома Илья собрал свои нехитрые понитки и сел в поезд, направлявшийся на восток. Настроение у молодого журналиста было, вопреки предсказаниям и ожиданиям, не просто приподнятое — великолепное. Он без сожаления оглядывался назад и думал о том, как на новом месте начнет жизнь заново, пробьет себе дорогу, сделает настоящую карьеру благодаря своему таланту, а не родственным или иным связям. Главное — не отступать от своих основных принципов: все своими руками и все честно. И тогда, как поется в песенке из некогда популярного телефильма, «посмотрим, кто у чьих ботфорт в конце концов согнет свои колени».

В мечтах Илья уносился в неопределенные дали, где он, уже признанный, прославленный и — правда так правда — высокооплачиваемый журналист живет и работает в Москве или Санкт-Петербурге, еженедельно публикует острые материалы, о которых потом повсюду говорят, ведет передачу на телевидении... Он берет интервью у са-

мых известных людей, бесстрашно разоблачает преступления и нечистоплотность, заступает за несправедливо обиженных... Его узнают на улице... Его уважают все, даже те, кого он безжалостно критикует... В общем, стандартный набор грез молодого журналиста любого пола.

Город П-ск встретил Илью почти приветливо. Во-первых, удалось чуть ли не на второй день после приезда устроиться в отдел информации самой авторитетной газеты. Пусть с испытательным сроком и очень скромным окладом, но ведь известно, что самый длинный путь начинается с первого шага. Удалось снять комнату недалеко от редакции, причем снять дешево, что тоже имело значение для Ильи. Хозяйка двухкомнатной квартиры, замученная жизнью женщина средних лет, поставила будущему жильцу два условия: не курить и не водить пьяных компаний. Зато можно пользоваться ванной и кухней по своему усмотрению.

— Сын у меня два года назад погиб по пьяному делу, — скорбно вздохнула хозяйка Анна Петровна. — Твоих лет. Пришел из армии, стал искать работу, а нашел собутыльников. Ну и пошло-поехало, они же его и порешили. Посадили их, конечно, только мне от этого не легче...

Дебютировал Илья на новой работе через несколько месяцев большим очерком, в котором не просто бичевал пьянство, как национальный порок и слабость, но и умело пользовался статистикой, приводил яркие примеры, с гневом обрушивался на государство, не умеющее справиться с этим злом или хотя бы как-то ограничить его распространение. Досталось и приснопамятной антиалкогольной кампании, и взвинчиванию цен на горячительные напитки, которые пьяниц отнюдь не сдерживают, зато заставляет их семьи голодать, и

бесконтрольному ввозу всякой заморской отравы... Словом, всем сестрам было роздано по серьгам — и по справедливости. Об очерке в П-ске говорили недели две, имя Ильи сразу оказалось у всех на слуху, и молодой журналист, расправив плечи, начал уверенно закладывать фундамент того будущего, о котором грезил в железнодорожном вагоне.

Закладывал, правда, не вполне самостоятельно, а пользуясь подсказками-указаниями главного редактора газеты. Владилен Сергеевич журналистикой занимался почти полвека, предмет этот знал досконально и во всех тонкостях, и молодым своим кадрам часто повторял:

— Как раньше все просто-то было! Как понятно! За линией фронта — враг, позади — Родина, за которую жизнь отдать не жалко... А потом страну из руин поднимали, благосостояние народа улучшали. Откроешь утром «Правду» — и на весь день зарядку бодрости получаешь, а заодно и ответы на все вопросы. А после пятьдесят шестого года все хуже и хуже, все хуже и хуже... Теперь вообще непонятно, что происходит, а народ-то газетам верит по-прежнему, так воспитан. А виноват кто? Журналист. Так что не гоняйся, Илья, за сенсациями, пиши о том, что простым людям близко и понятно. Вот хоть о ткацкой фабрике...

На ткацкой фабрике, действительно, творилось сплошное безобразие, зарплату уже который месяц либо не выдавали, либо «компенсировали готовой продукцией» в виде отрезков ткани, а где эти самые отрезки продавать, никто не знал. В П-ске на них спроса давно не было. Приходилось ездить в Москву и другие большие города, ночевать там на вокзалах, нарываться на неприятности с местной милицией — и все для того, чтобы заработать несколько сотен тысяч, купить продунтов и месяц-другой продержаться. Назвать такое положение нормальным ни у кого, естественно, язык не поворачивался, но и причин подобно-

го безобразия никто особо не доискивался, благо ткачихи не митинговали, а терпеливо писали письма во все инстанции, надеясь на то, что правда себя понажет.

Илья написал хлестный очерк, о котором в городе говорили недели две, а газету вырывали друг у друга из рук и зачитывали до дыр. По версии журналиста (подкрепленной, кстати, неопровержимыми доказательствами) виноват был директор и оба его зама, которые по-хозяйски распоряжались деньгами, предназначенными для выплаты заработной платы, причем распоряжались исключительно выгодно... для себя. В подробности можно не вдаваться, такая прантика сейчас во всей России — нечто вроде нового национального обряда. Но в П-ске скандал вышел громкий, директора фабрики сняли, заместители его благоразумно поувольнялись сами, а государственное предприятие превратилось в акционерное общество с какой-то там ответственностью. Когда через полгода на посту генерального директора этого общества оказался прежний директор фабрики, общественность этого даже и не заметила, поскольку зарплату ткачихам платили почти вовремя. Благо за время реорганизации их число сократилось более чем на треть.

Эти публикации сделали Илью знаменитым. А многоопытный Владилен Сергеевич тихо и тактично перевел внимание молодого журналиста на социально-бытовые драмы. Сюжетами из криминальной хроники в наше время удивить уже невозможно, но если нормальному человеку в общем-то безразлично, почему застрелили банкира или взорвали автомобиль политика, то зверское убийство соседской девочки чуть ли не средь бела дня задевает за живое. И особенно беспокоит, что преступников либо не ищут, либо не находят, так что самое что ни на есть зло остается фантически безнаказанным. Да и кому охота копать в

«Бытовухе», если на канждого следователя таких дел — десяток и канждый день появляется что-то новое? В этом направлении — главный редактор и подтолкнул своего любимца. И не ошибся.

При внешней холодности и невозмутимости, Илья обладал незаурядным даром: мертвой, так сказать, бульдожьей хваткой. Если он вцеплялся в какое-то дело, то можно было быть уверенным на все сто процентов, что, если он его и не раскроет, то несколько крепких ниточек обязательно нащупает и по возможности разматывает. И если по ним те, кому это положено по должности, не выйдут на подлинных преступников, то с них (не с преступников, конечно) и спрос. Так удалось раскрыть несколько, казалось бы, безнадежных дел, причем в ходе работы Илья приобрел репутацию неподкупного и бескомпромиссного человека. А также продемонстрировал полное бесстрашие и абсолютное отсутствие почти всем присущего инстинкта самосохранения. Сотрудники правоохранительных органов и злились, и восхищались, рядовые читатели на журналиста Астраханского только что не молились, а коллеги... пожимали плечами и в общем даже не завидовали. Повалился кувшин по воду ходить — тут ему и голову сложить. Правоискатели-идеалисты в России конца XX века — это ведь наминадзе. Или саперы-добровольцы без специального снаряжения. Завидовать им может только сумасшедший.

Но сам Илья был почти счастлив. Любимое дело приносило пользу людям, принципами поступаться не приходилось, если не друзья, то близкие приятели уже появились, к кому-то можно было вечером «на огонек» забежать, с кем-то в свободный день на природу поехать. Квартирная хозяйка, Анна Петровна, в своем жильце души не чаяла, а поскольку убедить Илью не платить за комнату ей никак не удавалось, то она стремилась компенсировать это убор-

ной, стирной, готовкой и прочими, почти материнскими заботами. Неизбалованный ими, Илья искренне привязался к пожилой женщине, воспринимая ее если не как мать, то как родную тетку. В общем, жизнь улыбалась нашему герою, а он умел ценить такие улыбки. И не подзревал, что судьба уже приготовила ему свой главный сюрприз, и что он скоро окажется на перекрестке, все дороги которого определены, маршруты выверены чуть ли не до сантиметра, и от его выбора будет зависеть чрезвычайно мало... Если вообще что-нибудь будет зависеть.

Довольно-таки слякотным мартовским вечером, когда с рени дул пронизывающий ветер, с неба сыпался то ли мокрый снег, то ли полузамерзший дождь, а под ногами лед чередовался с лужами, Илья вышел из здания редакции и отправился домой, мечтая поскорее добраться до теплой комнаты, горячего чая и какой-нибудь еды. Всю неделю он носился по области, разматывая очередное бытовое убийство, страшное в своей нелепости, и ему казалось, что он теперь всю жизнь будет помнить остановившиеся глаза молодой женщины, мука которой заезжие подонки убили ночью в гараже, польстившись, как выяснилось, на теплую куртку и меховую шапку. Во всяком случае, так они объяснили следователю, когда с помощью Ильи удалось обнаружить убийц, объявленных в розыск, чуть ли не в соседней деревне, где их никто и не думал искать.

Из раздумий Илью вывел резкий визг тормозов и несильный, но ощутимый удар в бок. Он не удержался на ногах и полетел на тротуар, приземлившись в опасной близости от чугунной тумбы, сохранившейся чуть ли не с революционных времен. В полуметре от себя Илья заметил черный блестящий бок машины и понял, что какой-то «крутой» опять развлекался ездой по тротуару, игнорируя мостовую, и что

сам он очень дешево отделался, во всяком случае, если судить по ощущениям. Ни переломов, ни вывихов, ни ушиба головы.

Из машины какое-то время никто не выходил, потом правая дверца резко распахнулась и появилась женская фигура, которая сделала неуверенный шаг в сторону Ильи.

— Дана, вернись, не глупи! — раздался ей вслед мужской голос. — Ничего с муником не будет, впредь не станет спать на ходу.

— Оставь меня в покое! — отозвалась женщина. — И убирайся отсюда, если не хочешь, чтобы я милицию вызвала.

— Даже так? — хмыкнул невидимый водитель. — Ну, ты меня напугала, я поехал. Навигируешься в сестру милосердия и добрую фею — позвони. Желание женщины для меня — закон.

Дверца хлопнула, мотор мягко заурчал, и машина почти бесшумно растворилась в темноте. Незнакомка подошла вплотную к Илье, который уже сидел, а не лежал на тротуаре, и склонилась над ним:

— С вами все в порядке? Может быть, врача вызвать?

— Сейчас разберемся, — откликнулся Илья, недоумевая, почему женщина предпочла его своему спутнику, почему вечером не побоялась остаться один на один с неизвестным мужчиной и вообще — почему?

Женщина протянула руку, помогла подняться. На Илью пахнуло каким-то неизвестным ароматом, сочетанием запаха цветов и свежести, словно распахнулось окно в весенний сад. Приглядевшись, он обнаружил, что держит за руку очень молодую девушку, почти девочку, и что эта девочка глядит на него с неподдельным участием.

— Все в порядке, — успокоил он ее, — отделался, как говорят, легким испугом. Задумался, и вот...

— Вы тут ни при чем! Все это... Супермена из себя изображает, носится на своей тачке, как сумасшедший. Думает, что если у его папеньки есть деньги, то ему все позволено.

— А разве нет? В наше-то время...

Девушка передернула плечами:

— Не знаю! Мне это противно. Давайте, я вам помогу до дома дойти. Я тоже виновата, что допустила такое свинство. Вы весь испачкались, промокли.

— Ничего, тут близко. Только... За чем вам меня провонать? Как-то неловко дане. И потом мы дане не знакомы...

— Меня зовут Дарья... Даша. А вас?

— А меня — Илья.

— Ну вот и познакомились. И теперь я просто не могу вас бросить. Да и вам неловко будет оставлять свою знакомую одну на улице.

Илья про себя поразился тому, как умело его новая знакомая обыграла ситуацию, как ненавязчиво взяла инициативу в свои руки и направила события по нужному ей пути. Царапнула мыслишка о том, что девушка уж очень бойкая и находчивая, несмотря на юный вид. Но десять минут спустя он уже не думал ни о чем таком, а просто с удовольствием разговаривал на отвлеченные темы с остроумной и явно интеллигентной собеседницей.

Анна Петровна заохала, увидев перепачканного Илью, заставила пойти переодеться, а сама кинулась на кухню — кормить и поить жильца и нечаянную гостью. Даша и с ней держалась уверенно и непринужденно, с чуть заметным оттенком почтительности. Илья про себя еще раз подивился выдержке и танту молодой особы, но уже без недоверчивости, а просто — отметил. А когда, переодетый и умытый, вышел на кухню, то застал там самую идиллическую картину: женщины в четыре руки накрывали на стол и болтали, точно сто лет были знакомы.

Часа через два Даша собралась уходить и, конечно же, Илья отправился ее провожать. Он уже знал, что девушка с первого захода в институт не поступила и теперь снова готовится к вступительным экзаменам, что мама у нее не работает, а отец — «а-а, врунда, бумажки перенлаживает да по телефону разговаривает, если по командировкам не мотается», что Даша — единственный ребенок в семье, причем ребенок поздний, «так что, сами понимаете, Илья, они бы меня по сей день в манеже держали, если бы могли, да слюнявчик подвязывали». Слушать ее было интересно, говорила она обо всем с еле заметной насмешкой, но насмешкой добродушной, а если улыбалась по-настоящему, то эта улыбка удивительно красила простенькое личико без следа косметики, на котором — по странной прихоти природы — сияли огромные серые глаза, точно позаимствованные у какой-то сказочной красавицы.

— Можно мне позвонить вам как-нибудь, Даша? — спросил Илья, прощаясь с ней у подъезда довольно внушительно-го дома, как принято говорить, «улучшенной планировки». — Мне бы хотелось пригласить вас куда-нибудь, по вашему выбору.

— Позвоните, — без жеманства откликнулась Даша. — Я с удовольствием с вами встречусь. А выбор — за вами, у меня фантазия бедная. Телефон запишите или запомните?

Илья никогда не жаловался на память, наоборот, гордился ею, но тут, из чувства непонятого ему самому суеверия, записал номер на отдельной чистой странице блокнота. Ни имени, ни инициалов — только шесть цифр. И потом, не торопясь, шел домой, радостно удивляясь тому, какие невероятные повороты бывают в судьбе. Не было бы счастья...

Неделю спустя Илья уже не понимал, как мог жить без Даши. В кафе

они были один-единственный раз: при том, что Даша ничего не просила и все-му радовалась, вечер обошелся в слишком круглую для Ильи сумму. Так что впоследствии они просто гуляли или сидели в комнате Ильи, разговаривая обо всем — и ни о чем. Уже избалованного известностью журналиста умиляло и забавляло то, что девушка, похоже, понятия не имела о том, кто он на самом деле и приняла на веру слова об «онололитературной деятельности». Удивляясь самому себе, он рассказал Даше о «прелестях» жизни в детском доме, о том, как непрост и полон досадных помех путь к самостоятельности — не столько духовной, сколько материальной. И если бы он панически не боялся «красивых слов», то едва ли не на второй день знакомства признался бы себе, что влюбился. Первый раз в жизни.

И первый их поцелуй стал для Ильи откровением. Впервые он целовал девушку не потому, что так было положено по неписаному сценарию или потому, что «так природа захотела». А потому, что прикоснуться губами к этим розовым губкам, постоянно сложенным в чуть насмешливую гримаску, казалось необходимым. Потому что без этого прикосновения жизнь представлялась пресной, безвкусной и вообще лишенной смысла. «Я не могу жить без тебя», — затасканная фраза приобрела свой первоначальный смысл, причем совершенно необязательно было произносить ее вслух.

— Ты выйдешь за меня замуж? — спросил Илья вдруг притихшую Дашу, оторвавшись — с трудом! — от ее губ. — Я никому никогда этого не предлагал. Выйдешь?

Удивительно, но Даша не улыбалась. Наоборот, прекрасные серые глаза как бы подернулись ледяной пленкой и смотрели не на Илью, а куда-то в пространство. Конечно, предложение, сделанное спустя неделю после знакомства, может любую девушку выбить из колеи. Илья

онидал смущения, возмущения, конетства — чего угодно. Только не этой холдной отрешенности.

— Почему? — наконец спросила она.

— Что — почему? — не понял Илья.

— Почему ты хочешь на мне жениться?

Задать такой вопрос мужчине — значит, поставить перед ним практически неразрешимую задачу. Куда проще ответить на вопрос, почему он жениться как раз не хочет. Потому что не готов, не чувствует себя способным взять ответственность, не может соответствовать материально... Но вот объяснить, зачем нужно менять свободу на узы брака, материальную безответственность на необходимость отчитываться в каждом рубле, спокойные дни и ночи на необходимость постоянно находиться рядом со вчера еще посторонним человеком... На этот вопрос существует только один ответ: потому что. Но такая формулировка характерна скорее для женщин и детей, мужчины же предпочитают соорунать вокруг этого простенького постулата сложные философские конструкции.

— Я хочу жениться на тебе потому, что люблю тебя. И больше всего на свете боюсь потерять. Да, да, штамп в паспорте никого ни к кому никогда не привязывал, но... В общем, я хочу, чтобы мы были вместе. Чтобы у нас были дети. И общая жизнь.

Губы Даши дрогнули, взгляд оттаял. Было похоже, что Илья угадал правильный ответ. Но что она боялась услышать, Илья не мог понять, да и не старался, привыкнув к тому, что девушка вообще была ни на кого не похожей ни в чем, в том числе, и в реакциях на слова и события...

Это была их первая совместная ночь. Утром Илья обнаружил, что Даша исчезла, а на подушке лежит записка: «Если хочешь познакомиться с моими родителями, позвони. Если не позволишь, я пойму. Я люблю тебя».

Илья заметался. В реданции его ждали неотложные дела: в завтрашний номер была поставлена очередная сенсационная статья о банде подростков, полгода державшей в страхе северный район П-ска, которую, как выяснилось, подкармливали местные «авторитеты». А вечером, значит, предстоит знакомство с будущими тестем и тещей. Нужно купить цветы. Нужно одеться поприличнее — нельзя же идти в джинсах и свитере, из которых он практически не вылезал. И нужно позвонить Даше. Даше. Даше...

Ее телефон, как всегда, отозвался после первого же сигнала. Было похоже, что девушка ждала его звонка. Как вообще получилось, что независимая и насмешливая Даша ответила ему взаимностью? Почему предпочла его остальным, судя по всему, небедным поклонникам? На эти вопросы, как и на многие другие, ответа не находилось.

— Что с тобой? — спросил его Владилен Сергеевич, едва Илья переступил порог кабинета главного редактора. — Случилось что?

— Я женюсь! — выпалил Илья и тут же покраснел.

— Рановато, конечно, — рассудительно вздохнул главный, — но дело молодое, понятное. Невеста-то кто?

— Даша...

— Даша, Маша, Саша... Кто она? Работает, учится? Родители есть?

— Готовится поступать в институт. Мать не работает, отец какой-то госслужащий, не знаю. Сегодня пойду знакомиться, пригласила. И не смотрите на меня так, будто оплакивать собрались. Я всю жизнь мечтал встретить такую девушку.

Владилен Сергеевич снова вздохнул и махнул рукой.

— Иди уж, жених, от тебя сейчас все равно толку не будет. Материал твой сам вычитаю, невелик труд, у тебя же все давно сто раз проверено-перепроверено.

рено. Иди-иди, не подавай другим дурных примеров, а то, глядя на тебя, все начнут влюбляться да жениться, а работать кто будет?

В первый раз Илья переступил порог того подъезда, до которого всегда провожал Дашу. И за массивной двусторонней старомодной дверью обнаружил вполне современный холл с живыми растениями в кадках, ковром на безупречно-чистом полу и охранником в стеклянной выгородке. Обнаружил — и опешил, настолько в его представлении не сочеталась Даша с этим великолепием.

— Вы к кому? — равнодушно осведомился охранник.

— К Петровым, — быстро справившись с собой, так же равнодушно ответил Илья. — Меня пригласили.

Охранник кивнул и показал влево:

— Четвертый этаж, на лифте.

На четвертом этаже была только одна квартира. Едва переступил порог, Илья понял, что все его мечты о простом и даже трудном счастье с Дашей — утопия чистой воды, что девушка, живущая в такой обстановке, не сможет приспособиться к обычным условиям, делить с ним угол в крохотной квартирке, хозяйничать в обшарпанной кухне, ездить в автобусе. Он и не подозревал о том, что в четырех кварталах от его жилища есть дом с квартирами, точно сошедшими с рекламного проспекта или с экрана телевизора, где показывают сцены из жизни миллионеров. Ему и всем его знакомым понадобилось бы работать лет пятьдесят без перерыва и при этом не есть и не пить, чтобы приобрести такую обстановку, такие ковры на полу и такие картины на стенах. А когда Даша втянула его в неизвестно какую по счету комнату и радостно, хотя и с некоторой нервозностью сказала: «Познакомься с моим отцом», Илья застыл на месте, не в силах ни пошеве-

литься, ни произнести хотя бы слово. С человеком, шедшим ему навстречу через большой кабинет, он за год работы в Волжске неоднократно встречался и еще чаще видел его фотографии в газете или «живьем» в местной телепрограмме. Отцом Даши был Иван Николаевич Петров, мэр города...

— Да вы не переживайте, молодой человек, — ронял Иван Николаевич, усаживая Илью в необъятное кресло и пододвигая к нему бокал с каким-то напитком. — Это в мэрии я хозяин, а тут так, муж и отец, причем женщины мои мною вертят, как хотят. Не шу-чу! Чувствую, Дарья не предупредила... Ну, перец-девка, ну, артистка! Хотела, значит, чтобы сюрприз. А мне что, я без претензий. Главное, чтобы ты ее любил, а не мое кресло. Правильно? Да ты выпей, выпей, мы тут по-простому, без цирлих-манирлих всяких. Оно и хорошо, что не знал, а то мы с матерью все боимся... Ну да ладно! За знакомство!

Илья залпом выпил, не почувствовав никакого вкуса. Даша сидела рядом, уставившись себе под ноги: то ли боялась его первой реакции на новости, то ли решила предоставить событиям идти своим чередом. Не пошевелилась даже тогда, когда в кабинет вплыла женщина неопределенных лет, увешанная таким количеством ювелирных украшений, которых хватило бы на десяток элегантных дам.

— А вот и мамука, — обрадовался Иван Николаевич. — Знакомься, мамука, это тот самый Илья, который нашу Дарью присушил. Вон какой добрый молодец!

«Мамука» протянула Илье вялую руку и проронила:

— Лидия Захаровна, очень приятно. Много о вас слышала... от общих знакомых.

Какие общие знакомые у них могли быть? Илья лихорадочно искал какие-то приличествующие случаю слова, а Иван

Николаевич снова наполнил бокалы, не забыв на сей раз и про Дашу.

— Ну, по второй, по второй. Первая — то колом, а вторая — соколом. Потом поедим, что бог послал...

После второй порции Илья почувствовал, что снова может дышать и даже вроде бы говорить. Но вот о чем — не представлял. Сказат: «Уважаемые Иван Николаевич, мы с Дашей любим друг друга, хотим пожениться...» Они это, похоже, уже знают. Попросить благословения? Чуть каная-то! Да и что же получается: скромная, неприязательная Даша — дочка первого человека в городе? Да кто же поверит, что он собирается жениться по любви? Он, Илья Астраханский, правдоискатель и борец за справедливость? Кто ему после этого вообще хоть в чем-то поверит?

— Почему ты не сказала? — повернулся он к Даше, по-прежнему изучавшей сложный рисунок на ковре.

Та понала узенькими плечиками.

— О чем? О папе? Так ты, вроде, за мной ухаживал, И потом, знаешь, я в первый раз была уверена... ну, почти уверена в том, что любят именно меня, Дашу, а не Дарью Ивановну, дочку мэра.

Лидия Захаровна властно хлопнула в ладоши.

— За стол! Давно накрыт, все готово, успеете отношения выяснить. Папука, веди гостя к столу. Дашенька, приглашай. Человек в первый раз в доме, а вы его голодом морите.

Стол соответствовал всему остальному в квартире, поэтому в Илье вполне закономерно пробудился вечный голодный детдомовский мальчишка, и он отдал должное всему, что предлагали хлебосольные хозяева. Иван Николаевич откровенно любовался Ильей и даже подмороженная Лидия Захаровна стала улыбаться почти по-человечески:

— Ну, молодец, — приговаривал хозяин, — ну, Илья, значит, Муромец. Лю-

бо-дорого посмотреть, теперь-то все либо вилной в тарелке новыряют, либо вообще отказываются. Страдают, понимаешь, отсутствием аппетита. А по-моему — закрались. Раньше-то работника как нанимали: сажали за стол и смотрели, как ест. Если вроде тебя — годится, и работать так же будет. Одобряю, дочка, не ошиблась. Настоящий мужик.

— Да будет тебе, папука, — цедила Лидия Захаровна. — Работник, мужик, Илья о нас бог знает что подумает. А вы ешьте, ешьте, не стесняйтесь и на супруга моего внимания не обращайтесь, это он Ваньку валлет.

Даша по-прежнему молчала, но, казалось, забавлялась сложившейся ситуацией. Илья, наконец, взял себя в руки и, отодвинув очередную тарелку, сказал:

— Большое спасибо, было очень вкусно, никогда так не ел. Но я ведь не за этим пришел. Даша сказала вам о нашем решении? Думаю, что сказала. Так вот, мне бы хотелось услышать ваше мнение на этот счет. Причем откровенное, поскольку я думаю, для вас не бог весть какой радостью было услышать, что дочка выбрала в женихи человека без кола без двора, да еще живущего на одну зарплату. А менять в своей жизни я, честно скажу, ничего не собираюсь...

— Да бог с тобой, парень, — попростецки сказал Иван Николаевич. — Дарья у нас не принцесса и мы не короли. Полюбили друг друга, хотите жениться — дело ваше, мы с мамуной благословим и свадьбу вам справим. Вам жить, не нам. Квартира Дашке давно куплена, это приданое ее, стало быть, а ты мужик, работай, корми жену. Покупать тебя я не собираюсь. Скажу больше, крутился тут возле Дарьи один, вроде бы серьезно. Отец у него — первый банкир в нашем городе, мы с ним друг друга много лет знаем, как облупленных. Деньги, сам понимаешь, водятся поболее, чем у меня. Только Дарья все сомневалась, время тянула. А сей-

час вот тебя встретила и сама о свадьбе заговорила.

Илья посмотрел на Дашу и та впервые за весь вечер подняла глаза. Знакомый и любимый серый свет окатил Илью, и он забыл все разумные доводы, сомнения, принципы. Видел только любимые глаза и понимал, что без них ему уже не жить...

«А с родителями разберемся, — думал Илья, возвращаясь поздно вечером домой уже официальным женихом. — Ну, будем жить в квартире, которую они Даше купили, подумаешь, большая беда! На жизнь я сам заработаю и всего добьюсь, а когда в Москву переедем, то и жилье я обеспечу. Главное, она меня любит. И не виновата же, в конце концов, в том, что ее отец — мэр. И та, бедная, молчала до последнего, боялась, что я сбегу. Правильно, между прочим, боялась, мог и сбежать. А с родителями разберемся, в примани к ним я не пойду».

Неделю спустя, поздно вечером, когда Илья уже собирался ложиться спать, в квартиру позвонили. Через несколько минут Анна Петровна робко постучала в дверь.

— Илюша, к тебе пришли, говорят, по важному делу. Я пропустила...

Поздний гость оказался мужчиной неопределенного возраста и без определенных примет — встретишь на улице, пройдешь мимо. Он вежливо извинился за то, что беспокоит в такой неурочный час, но беседовать в редакции ему несподручно, а в ином месте — небезопасно. Дело же у него серьезное, срочное и...

— И выгодное, — негромко завершил гость. — За вашу работу мы хорошо заплатим. Очень хорошо. Но именно за работу. И за вашу безупречную репутацию, которая тоже дорого стоит.

— Не понимаю, — нахмурился Илья.

— Постараюсь объяснить. Вот в этом конверте — материалы, рассказывающие всю правду о деятельности некоего авторитетного в нашем городе лица. Ознакомьтесь, проверьте, как вы это всегда делаете — досконально, каждую мелочь, всякую деталь, любую подробность. Понадобятся дополнительные материалы — вы их получите и тоже сможете проверить. А потом напишете очерк. Как всегда, абсолютно правдивый и сугубо документальный. И получите за это десять тысяч долларов. Если обнаружите, что материал — липовый, ничего не пишите или пишите, если угодно, о попытке опорочить честного человека. В общем, выбирать вам. Через неделю я приду за ответом, сами меня искать не трудитесь. За сим — честь имею.

Когда таинственный посетитель удалился, Илья, так до конца и не понявший смысл его предложения, вскрыл толстый конверт и принялся за чтение. Через несколько часов он внезапно осознал, что держит в руках судьбу Ивана Николаевича, своего будущего тестя, отца Даши. Что если все эти материалы, эти документы — правда, то уважаемому мэру остаток жизни придется провести в тюрьме с конфискацией имущества. И — что было самым страшным — Илья чувствовал: это не липа и не оговор. Это — правда, подкрепленная убийственно подлинными документами. Можно даже не проверять. Или проверить — чтобы лишний раз убедиться: да, все это правда.

«Ну, что ж, — отстраненно подумал Илья, глядя перед собой невидящим взглядом, — вот и пришел твой звездный час, журналист Астраханский. Вот он, сенсационный материал, не о мелких жуликах или каких-нибудь «отморозках», а о первом лице в городе. О человеке, в чью семью ты собираешься войти. Как там у Стендаля? «Если человек очень хочет быть министром, он им станет, и

именно это послужит ему наказанием». Блестящий очерк, город — в трансе, резонанс по всей стране. Слава, деньги... Деньги! Очень разумно они определили сумму: тысяча долларов не оправдают риска, Иван Николаевич за себя постоять очень даже может, не посмотрит на личность. Сто тысяч — не поймут, решат, что купили, и пойдут донажи, что не верблюд. А за десять тысяч можно приобрести прекрасную квартиру, даже с обстановкой, и поселиться там с молодой женой... С какой женой? Даша тебе руки не подаст, если... А зачем тебе слава и деньги, если рядом не будет Даши? Не писать? Отказаться? Можно, конечно, только как же тогда быть с твоим искренним убеждением, что «вор должен сидеть»? Да, Иван Николаевич лично не воровал, с кистенем на большую дорогу не выходил, на курок пистолета не нажимал и «случайных» пожаров сам не устраивал. Руки у него чистые. Но для того, чтобы жить так, как он живет, он обрек несколько десятков человек на смерть, несколько сотен — на бесчестье, несколько тысяч — на нищету. Думай, Астраханский, принимай единственно верное решение. Сапер ошибается один раз...»

«Написать? Бросить вызов сильным мира сего? Пойти по пути молодого парня, корреспондента центральной газеты, которого разорвало на куски взрывом дипломата с «компрометом»? Пышные похороны, всенародная скорбь, ежегодно памятная страница в газете и, наконец, обнаруженные убийцы. Три года спустя, когда все и думать о них забыли. Тебе это нужно? Две недели славы — и могила на местном кладбище? А Даша?»

«Не писать? Отказаться, забыть, справить свадьбу, ходить к тестю в гости и чувствовать, как кусок застревает в горле? Добровольно стать родственником преступника, спать с его дочерью, воспитывать его внуков? Идиот! «Его

дочь». Даша, Дашенька... Дети за родителей не отвечают. И вообще, одним жуликом в стране больше, одним меньше... Россия велика, не заметит. А жизнь одна. И второй Даши тебе в ней не встретить. Думай, Астраханский, решай, рассчитывай, кто у чьих ботфорт в конце концов согнет свои колени...»

Дверь открылась чуть ли не через сенунду после того, как Илья принеснулся к кнопке звонка. На пороге стоял Иван Николаевич с таким видом, будто будущий его зять всегда заходил побеседовать в шесть часов утра. Сдержанно кивнул и приложил палец к губам:

— Девочки мои спят еще. Давай в кабинет по-тихому...

Через час Илья с чувством невероятного облегченияпил крепкий черный кофе и слушал добродушный рокот хозяйна:

— Решили, значит, через тебя меня ущучить... Ушли ребята, своей смертью не помрут. И бумажки тебе собрали — пирожное с кремом, одна к одной, прямо душа радуется. Оригиналлов не пожалели, затейники. А ты, правдолюбец, кинул их, получается, на ржавый гвоздь. От славы отказался. Про деньги молчу, тут ты мог рассчитать, что с меня больше возьмешь, так ведь об этом и не подумал. Верно? Верно, потому и не предлагаю. А тебе так сканжу: женитесь с Дарьей и уносите отсюда ноги, все равно покоя не будет. О детях своих, коли пойдут, не беспокойся, внуки мои ни в чем нужды знать не будут. А на себя и Дашну заработаешь.

— Кто же вас так ненавидит, Иван Николаевич? — чуть слышно спросил Илья.

— Ты спроси, кто меня любит, мне легче ответить будет, — зло усмехнулся хозяин. — Знаю, но не сканжу, тебе это ни к чему, ты и так много лишней информации схватил. Одно только вот: я тебе на того, кто эти бумажки собрал, могу такую же папочку предложить, хоть

сию минуту. Тоже бунет, цветик и цветику, опять же если не вышна, то пожизненное с конфискацией. Только мне это без надобности, я больше мэром быть не хочу, а ему, другу моему заклтому, очень в это кресло хочется. Власти желает, и не тайной, а законной. Породиться не вышло, так... Все, молчу, а то ты, умник, остальное вычислишь, да еще и в газете напечатаешь.

— Зачем? — устало спросил Илья. — Не собираюсь я ничего вычислять и печатать. Или мы с Дашей уедем, или я уйду в «Интим-клуб», в эту нашу газетку, которую влору из-под полы продавать. Меня туда давно зовут, хорошие деньги сулят. Буду у заезжих астрадных звезд интервью брать: где одежду покупают, что на завтрак нушают, с кем спят. Подика плохо...

— Бабам ничего не говори, — отозвался как бы невпопад Иван Николаевич. — Не женское это дело. Пусть и свадьбе готовятся: платья там, колечки, то-се. А материалы верни и скажи, что больше в эти игры не играешь. Уходишь, мол, в шоу-бизнес, там, правда, тоже дерьма хватает, но хоть позолоты не жалеют...

Две недели спустя газета, в которой работал Илья, вышла с черной рамкой на первой полосе. Под фотографией журналиста Астраханского были напечатаны традиционно-скорбные строки некролога за подписью «группа товарищей». А на второй полосе — комментарий начальника ГУВД города, в котором излагалась основная и почти бесспорная версия трагедии.

Труп Ильи Астраханского был обнаружен его квартирной хозяйкой, которая забеспокоилась, когда к полудню из комнаты жильца не доносилось ни звука, ни шороха. Она тихонько отворила дверь, никогда не запиравшуюся ни изнутри, ни снаружи, и увидела Илью, сидевшего за столом с неестественно за-

прокинутой назад головой. На полу, возле левой руки, лежал пистолет с глушителем.

«Грубая инсценировка самоубийства. Понойный журналист приобрел немало врагов в преступном мире города, и они, скорее всего, свели с ним счеты вот таким образом. Милиция не сомневается, что преступники будут обнаружены и задержаны в ближайшее время. Дело взято на контроль лично мною и мэром нашего города».

Дарья Ивановна Петрова вышла за муж через два месяца после гибели Ильи за сына самого крупного баннира в П-ске. Молодые тут же уехали за границу, где у них, по слухам, родился семимесячный ребенок, сын. Возвращаться в Россию они не собираются.

Убийцы Ильи Астраханского до сих пор не найдены. ■

ВСТРЕЧИ С БЕЗЫ

Леонид ШАРОВ

Я не искал специально этих встреч. Но и случайными их тоже не назовешь. Сегодня тысячи людей мечутся по стране, силясь найти соломинку, за которую можно было бы ухватиться в последней надежде. И почти каждую неделю мои журналистские хлопоты обрывают

СХОДНОСТЬЮ

си телефонным звонком от этих людей или их появлением. Чаще это матери наркоманов, реже отцы. Совсем редко — сами наркоманы. Они не знают, что делать... Спрашивают, где их сыновей и дочек могут наверняка вылечить. Просят позвонить следователям, которые ведут

уголовные дела их детей, совершивших преступления... Эти преступления так или иначе связаны с наркотиками. Просят прийти в суд, найти хорошего адвоката. А бывает, что приходят просто так: рассказать и хоть как-то отвести душу. Я только этим и могу им помочь — выслушать, посочувствовать, сказать, что надо как-то жить дальше... Хотя такая это жизнь...

Кое-что мне иногда удается записывать. Из этих накопившихся за последний год записей я выбрал три... Фамилии и имена, конечно, пришлось изменить.

Встреча первая. "И побегу к своим любимым коматозникам"

Светлана Болдова... Пришла сама перед тем, как уехать в свою Свердловскую область. Крупная, с грубоватыми чертами лица, само лицо — землистого цвета, одета с претензией на моду, неряшливо, вещи явно на размер больше. Постоянно курит. Глаза пусты...

Я вот чего хочу... Чтобы девчонки это прочли. Может быть, немного задумаются. Это ведь очень просто — первый раз. И второй раз просто.

Живу я в небольшом городке под Екатеринбургом. Можно сказать, что не жила и не живу — так, существую. И все вокруг существуют. Папа с ма-

мой. Бабушка. Старший брат. Учителя в школе. Ребята, девчонки. Ничего нет. Одна дискотека по воскресеньям. Во дворце культуры, сейчас он как-то по-другому называется, я забыла.

Ну вот... Дружила я с одним человеком. Любила. Был он старше меня. Но в общем-то ничего особенного. Говорил, вот подрастешь немного, тогда поженимся, семья будет. Он сначала работал на заводе железобетонных конструкций — этот завод у нас в городе самый главный, есть еще какие-то мелкие, вроде мастерских. Потом завод перестал платить зарплату. Любимый искал работу. Он ее до сих пор ищет...

Мне с ним стало неинтересно. Мне всегда хотелось увидеть много нового и интересного в этой жизни. Мне нравилось смотреть по телевизору тусовки. Люди там какие-то другие — таких в нашем городе нет. Не то чтобы красивые... Хотя и красивые. Но, самое

главное, интересные. Говорят хорошо. Одеты. Я себя представляла там — на этих тусовках. Рядом. Мне это казалось даже счастьем. Меня прямо тянуло в телевизор...

А тут приходит мой любимый. И начинает про то, что вот, дескать, все никак не найдет работы, что надо ему куда-то идти, с кем-то договариваться. А от него перегаром несет. Я с ним рассталась. Да он и сам не возмужал. Уехал куда-то в Екатеринбург, но там, говорят, тоже работы себе не нашел.

А у меня пошли новые знакомства, новые друзья. Я о себе могу сказать, что я... В общем, без предрассудков. И родители меня в особой строгости не держали. Неогдал им. Как пили на пару, так и пьют. Еще не алкоголики, правда, но типа того.

Ребята, которые оказались рядом, не бандиты, но тоже типа того, кто просто под крутого носит, а кто почти крутой. Но ничего такого особенного они со мной не позволяли. Да и к чему им? Я их с детства знаю, они меня. Если не в моей школе учились или учатся, так в соседней. Но только снучно.

Старую дискотеку тут у нас закрыли. Познакомилась я с парнем, который собирался открыть новую. Был он из Екатеринбурга. Я с ним несколько раз переспала — просто так, из любопытства, да и почему нет? Открыл он эту новую дискотеку. Оборудование поставил, свет. Стены материей красивой завесил. И небольшой такой бар — в самом углу. Парень этот, хозяин, пригласил всю нашу компанию — оттянуться. Пришли. И вот тут я и попробовала...

То есть, я ни за что не хотела. И когда мне предлагали проглотить "колеса" или понурить, то я всегда отназывалась. А тут меня подвели к бару. И всего лишь плеснули из банки металлической джин с тонином — ну, знаете, продается как

пиво. Я выпила. И через минуту-другую поплыла... Откуда мне было знать, что банка эта была заряженная. Там почти все такие банни были. Ну, их анкурратно так иголкой прокалывают и через шприц впрыскивают. Экстази называется. Да вы знаете. Это сейчас везде. Считайте, на каждой дискотеке. Бар. В баре человек. Ну еще надо знать жест вроде пароля, а когда всю дорогу ходишь, то уже и пароль не нужен — просто надо подойти.

То есть, я не то чтобы поплыла, но стало мне очень хорошо. Главное, стало мне на все плевать. После этого мне предложили стакан амфитамина. И я согласилась без проблем.

И вот то, во что я попала, запомню на всю жизнь. Это словами не передашь. Если только сказать, что та тусовка, на которую я мечтала попасть, — туфта. То, куда я попала, лучше. Сравнить нельзя. И никакой секс с этим тоже не сравнится. Силы откуда-то берутся. С таким кайфом можно до утра танцевать — без продыху. Это потом мне сказали, что экстази... ну типа того... не совсем что ли наркотик, это вроде как психостимулятор, его даже спортсменам дают, чтобы, значит, не уставали и рекорды, когда надо, ставили. Но все равно привыкаешь. Жизнь меняется, скачет быстро-быстро.

Нет, первый раз отходняка у меня не было. Но все равно хотелось повторить — уж больно здорово. Весело. Все становится друзьями. Ну и втянулась. И другие тоже — через эту дискотеку. Раньше мы занимались друг с дружкой любовью, а тут никакой любви не надо. Нас в городе стали называть коматозниками. То есть, все время торчим.

Но потом начались отходняки. А это такая вещь, что и врагу не пожелаешь. Тусовки-то наши, я уже говорила, бывали по выходным. А в понедельник надо было мне идти в долбанную эту школу.

Еле-еле долетываешься. Сядешь за парту и сидишь. Тупая, как вобла. Ничего не слышишь. Никого видеть не хочешь. В голове такая вата жесткая, колючая. И все отвратительно. Буквально все. Прикоснуться к чему-нибудь противно до рвоты. Нинаких мыслей — одна тупость. И так до четверга. И сто раз на дню говоришь себе: все! Больше в эту дискотеку ни шагу!

Но в пятницу уже все по-другому. Уже ждешь воскресенья. Бегом хочется бежать к своим коматозникам. И веселиться, веселиться. Чтобы только не видеть этого нашего города. Чтобы морды эти пропитые, что вокруг тебя маячат, забыть.

Так и жила — от воскресенья до воскресенья. И все мои коматозники точно так же. А было нас много. Только одна наша тусовка набивалась в восемь машин. Таких тусовок в нашем городе было несколько. Мы всех хорошо знали. Денег такая жизнь требовала, конечно, ломовых. Мы в день тратили по десять-двенадцать лимонов, хоть и старыми, но все равно — в нашей-то дыре, в захолустье-то нашем — это, знаете, сумма. Ребята бомбили на дорогах, в области ездили, водной самопальной торговали за процент, кто-то, помню, контрабанду какую-то достал. А я готова была, порой, под кого угодно лечь, лишь бы на амфитаминчик себе нагрести.

И ведь понимала — тогда еще понимала — гублю себя. Да без толку...

Вот старший брат, видя такое дело, и привез меня в Москву — лечиться. Три месяца вкалывал на каного-то деятеля, дом загородный отделявал. С утра до ночи. Наскреб денег, потому как бесплатно лечиться — это полный бесплезняк. Я согласна лечиться. Может, повезет. Может, вылечат. Только вряд ли. Я же столько за свои восемнадцать лет навкалывала кокаи-на, съела таблеток и выпила амфина!

Брат мне говорит: подумай о своих будущих детях, это же твоя цель...

Да нет у меня никакой цели. И у всех моих сверстников, по крайней мере тех, кто вот в таких маленьких городках живет, никакой цели тоже нет. А вы думаете, от чего мы на дискотеки подались? Потому что когда цели нет — скучно. Не просто скучно, а до смерти. Поживите, как я. Да еще и телевизор посмотрите. В телевизоре — Канары и Париж. И морды эти наши — артисты там всякие, прихвешни их, политики, динкторши, отъехавшие на Канарах и в Париже. А тут глянешь в окно — грязь, дома в трещинах, собаки облезлые.

И я знаю: вот пройду курс лечения, приеду назад, домой — кому я тут в Москве нужна, на вокзал если только идти, в туалете мужиков за три рубля обслуживать по-быстрому... Вот приеду, значит, потерплю немножко. И сорвусь. И побегу к своим любимым коматозникам. Они меня выручат. Дадут чем кольнуть, что проглотить, что выпить... Снажу одно: кто это попробует, тот вряд ли в следующий раз откажется.

Да все равно, девчонки, не надо!!! Не сладко все это, ох, как не сладко! Ведь и вправду не деньгами мы за этот кайф расплачиваемся. Он у нас жизнь берет. Только вот вроде начал жить, а тут все — край. И ведь как получается... Когда под кайфом, то все хорошо. Найф проходит — страшно делается. Лучше бы я с тем, кто мне неинтересным делался, сошлась. Подумаешь, перегаром от него несло...

Встреча вторая. "Хорошая смерть брату досталась"

Борис Солнышкин... Мне разрешил поговорить с ним его отец, кото-

рый просил порекомендовать ему надежную наркологическую клинику. Не-высокий худой парнишка. Выражение лица — будто его только что чем-то напугали. Легкий пушон на прыщавом подбородке. Под глазами темные круги. В жару он носит рубашку с длинными рукавами, завернул рукав — сгиб локтя в розово-синих точках.

У меня умер двоюродный брат. Он хорошо умер. Во сне. Пришел вечером домой. Лег. Уснул. А утром не проснулся. Ушел. Вот и я хочу так же уйти... Отца только жалко. Отец — работяга потрясающий. Раньше он работал в оборонной промышленности, мастером цеха, нажется. А как с оборонной государство завязало, так он пошел дома строить. Он это здорово умеет. Его все в округе знают. Бригада у него — из таких же работяг-умельцев. Отец раньше сильно пил. Но сумел справиться. И вот уж сколько лет — ни капли.

Жалко мне его потому, что он в последнее время от меня не отходит. Таскает с собой на работу... Да только кому из хозяев приятно, что он водит с собой наркомана. Дома богатые, всего в них полно. Вот и думают люди: того и гляди этот наркоман что-то украдет, чтобы на дозу-другую разжиться. Или дружков наведет на грабеж. В общем-то правильно думают, обижаться на них не надо. Но с работой у отца начались перебои. Он все накопленные деньги уже потратил. Само собой на лечение — это, считайте, пять штук банков. И от бандитов отмазывался, выплачивал мои долги. Это еще пять штук. Хорошо еще, что сумел он договориться, чтобы меня на счетчик не ставили.

Год назад я было в институт поступил. Ничем хорошим студенчество мое не кончилось. И первую сессию-то сдать не смог. То есть, я ее и не ду-

мал сдавать. Врал отцу с матерью, что хожу на лекции, на семинары, на экзамены. Они потом догадались позвонить в институт, а меня уже отчислили.

Этой весной наехал на меня военкомат. Пришел на комиссию. Осмотрели меня. А глаз у тамошних врачей давно уже на таких, как я, наметан. Они сразу определили, что я и кто. Спросили: чем колюсь. Деваться некуда. Ответил: героином. После этого им надо было меня официально признавать наркоманом, ставить на учет, класть — так у них теперь полагается — в клинику. О призыве в армию, правда, речь уже не шла. Теперь от армии можно отмазаться просто: только и надо сказать, что наркоманишь. Но ежели бы меня признали законченным наркоманом, то все — никаких перспектив в жизни. Никто тебя с таким диагнозом на работу не возьмет. А милиция будет тягать по каждому удобному поводу. И в конце концов спишет на тебя что-нибудь криминальное. Убийство какое. Грабеж. Кражу. Отец побегал в военкомат. Договорился, что пока не будут они загонять меня в угол.

Да, а лечение-то ничего не дало. То ли методика у врачей не та, то ли я уже черту заступил. Наверно, и то, и другое. Зря, выходит, отец такие деньги истратил. На третий день после стационара я от отца сбежал к приятелю, он мне сразу косячок забил. Не бог весть что, но пошло-поехало.

Собственно, я с косячков этих безобидных и начинал. В школе. Да с них все начинают. Хотя нет. Знаю я и тех, кто сразу за героин принялся. Гашиш — так тот можно курить всю жизнь. Голландия — там в открытую марихуану высокого качества курят. И ничего страшного. Тут плохо другое. Привыкаешь быстро. И хочется чего-то нового. Чтобы

побольше, подольше, поярче. С героином нынче все у нас в порядке. Никаких проблем. Были бы деньги. И связи. Связи только затем, чтобы не нарваться на мошенников, которые могут всучить вместо хорошего героина каную-нибудь дрян.

К героину привыкаешь быстро. За два-три сеанса, ну за пять. Тут надо пояснить. Почему-то все думают, что человек потребляет наркоту для удовольствия. Нет, сначала так оно и есть. Когда первый раз внальиваешь героин, то удовольствия этого неворот. Ничего лучше вроде как и быть на свете не может. Хочется, конечно, повторить. Повторяешь. Опять удовольствие, опять экстаз. Но чуть поменьше, и не так ярко. В третий раз — еще более не то. Что делать? Увеличиваешь дозу. Вроде как получается. Но в следующий раз опять не

то. А увеличивать беспредельно нельзя — погибнешь от передозировки. Но тут подкатывает к человеку ломка. И с каждым разом все круче. И в конце концов человек вынужден колоть что-то или глотать только для того, чтобы встать с постели, чтобы спастись, чтобы не болело все тело. Вот и я довел себя до этой стадии.

Ну, а начал я... Да просто так. Так было у нас принято. Ведь когда-то считалось, что всем надо носить джинсы. Их не было в продаже. За ними гонялись. На них бизнес делали. Ну вот и у нас, в школе. Если сигаретку с травкой не попробуешь, то вроде как ты не совсем нормальный, не со всеми.

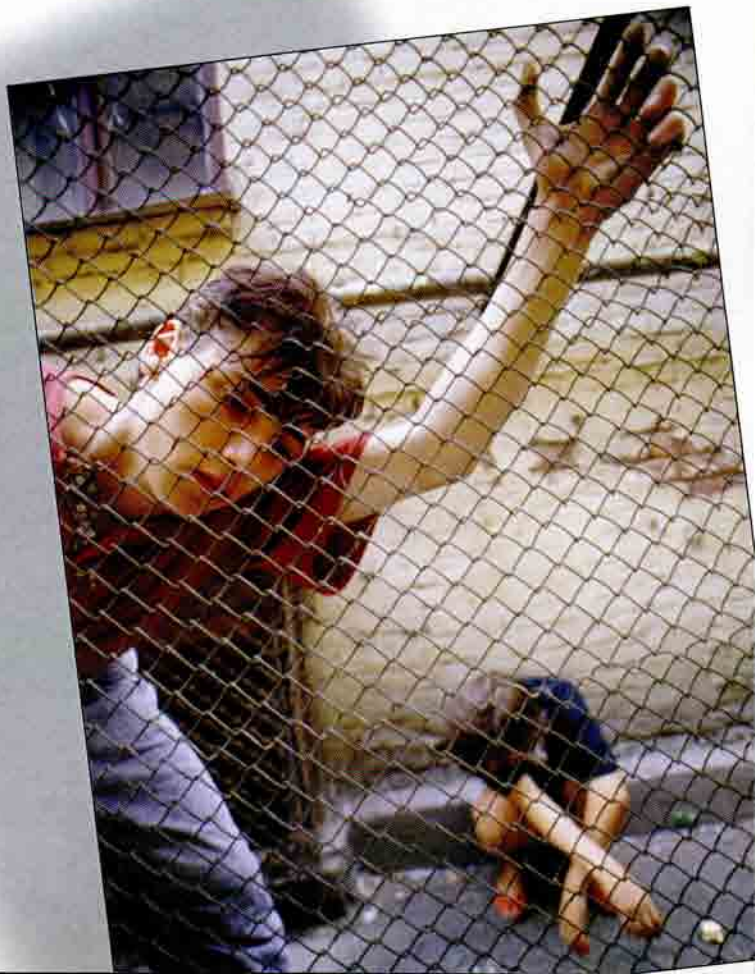
А с бандитами так. Пришел кан-то ко мне один знакомый... Я живу в Подмосковье, у нас тут все проще, все друг друга знают. Пришел, значит, и говорит, что есть возможность заработать. Он, конечно, знал, что я на игле сижу. Ребята из местной группировки могут по-свойски дать мне на реализацию немного дури. Я это воспринял как манну небесную. Согласился сразу. Тем себя окончательно и сгубил. Потому как почти ничего я не продал, все потратил на себя. Ни о чем я тогда не думал. Да и думать-то не хотелось — с таким богатством. Только и грезил: ничего, дескать, как-нибудь, как-нибудь. Эти ребята во мне ошиблись. Полагали, что я еще на что-то способен, что удержу себя от соблазна. По идее они меня за такое дело должны были зарыть. Но все-таки был я им не совсем чужим. К тому же отец кому-то из их бригадиров что-то такое строил. Сказали: черт с тобой, но деньги верни тогда-то. Вот отец и отдал им...

Лучше бы ни в какой институт не поступал. Уж лучше бы в армию пошел — хоть какой-то шанс. К тому же поступил я не туда, куда хотел, а куда получилось. И все эти лекции мне в неделю обрыдли. Зато был предлог

исчезать подолгу из дома. Да и с наркотой в институте все было в порядке. Сигаретку с травной можно было на большой перемене на институтской плешке купить — и не так дорого. Какое-то время, пока мой обман с учебой не обнаружился, шлялся я по московским квартирам, в которых наша публика могла собираться. Кое-что повидал. Кое с кем поговорить удалось. Скажем, с одним химиком — так у нас зовут тех, кто дурь готовит. Ему откуда-то с юга везли сырье. Он из него делал героин. Прямо, говорил, у себя на кухне, в тазу. Еще ему для этого кислота требовалась. Унсус-

ная. Так ее навалом. Этот героин был куда дешевле иностранного. Его только надо было быстро реализовывать и потреблять. Через несколько дней он то ли разлагался, то ли протухал — не знаю. Но какие там дни! Часов хватало! Вообще в России давно уже есть свой героин... Говорят, в производстве он дешев, но берут за него столько же. Огромные в итоге бабки накручиваются.

Деньги мы на дурь добывали по-разному. Кто-то воровал у родителей. Вещи из дома продавали. Книжки. Пьяных обирали. Многие за дозу работали на цыган, на азербайджанцев. Но потом те пе-

решили совсем на малолеток. Берут пацана десятилетнего. Он и торгует непосредственно. И никакого риска. И торгоша он не выдаст. И самого его не возьмут — мал он для того, чтобы в тюрьме сидеть. Я одного такого знаю. Васьюлю зовут. В наших местах крутится. Так он уже себе собственную бригаду организовал. Разворотистый. Сам, между прочим, к наркоте не прикасается. Можно сказать, профессионал.

С братом двоюродным так... Он младше меня на год. Но покуривать начал на год раньше. Парень он был хороший, добрый. Музыке учился. И это у него хорошо получалось. Но как втянулся, так и начал себя сжигать. Вроде как нарочно. Его до того, как он уснул, два раза отхаживали в реанимации. Успевали. А в этот раз дома только один дедушка был. Он сейчас с инсультом в больнице.

Да все равно — хорошая смерть брату досталась. В постели. Без боли. Просто остановилось сердце. Да и какой ему смысл было дальше жить? Я могу этот вопрос задать — я такой же, как он. Что там в этой жизни дальше? Ишачить, как отец? Чтобы в срок лет лечиться от алкоголизма? Чтобы с матерью развестись? Чтобы вот такого сына-наркомана иметь и на горбу тащить?

Смерть, я не спорю, в двадцать лет бессмысленна. Ну, а такая жизнь? Хоть в двадцать, хоть в тридцать, а уж тем более в пятьдесят или в семьдесят?

Встреча третья.

**"Назло тому,
кто хочет,
чтобы тебя
не было"**

Вадим Смысловский... Вот его я нашел сам, озадачив себя поисками

человена, сумевшего выбраться из ада. Ему двадцать пять лет. Высок. Уже лысоват. Вообще выглядит на тридцать. У него очень подвижное лицо. Но иногда оно застывает в какой-то гримасе, будто ему надо преодолеть внезапно появившуюся боль...

Я держусь вот уже больше трех лет. Да, лечился, но дело не в этом. Это всего лишь психология, чтобы в сознании оставалась на всякий случай мысль — лечился, значит, все в порядке. Но сознание — штука лукавая. В последнее время я начал видеть один и тот же сон. Будто сижу я один в квартире. Передо мной на столе шприц. Он полон вонделенной отравы. Я уже перетянул левую руку резиновым жгутом. Взбухла вена. Она достаточно велика, ее хорошо видно сквозь кожу. В нее будет легко попасть иглой. Правой, свободной, рукой я тянусь к шприцу. Беру его. Выдавливваю несколько капелек, чтобы в вену не попал воздух. Подношу к руке. Вот сейчас. И наступит блаженство. Но просыпаюсь. И мне плохо. Сидит это во мне.

Наркоманом я стал сознательно. Было мне почти девятнадцать лет. И все я прекрасно понимал. К тому же родители дали мне хорошее по нынешним временам образование. Я хотел уйти от действительности. Мне было противно жить в этой стране, среди этих людей, которые, как мне казалось, создали какой-то вымороченный мир. И продолжали создавать. Для меня этот мир не был реальностью. Я себя в нем не находил. Надо полагать, что-то подобное чувствовали в конце восьмидесятых многие мальчишки из интеллигентных семей. Нет, если разобраться... Что нас окружает? Отвечу коротко: ложь. Так чем мир, даруемый морфием, героином, ЛСД, хуже? Он не менее иллюзорен.

Конечно, это был всего лишь юношеский протест. Тогда он мне казался чуть ли не философской системой. И я пустился во все тяжкие.

Жизнь наркомана — примитивна. Рассказывать нечего. Потому что нет времени, в котором она течет. Есть только забвение. Есть выход из забвения. Есть боль. И унижение, потому что ты зависишь от этой боли, ради того, чтобы она тебя не мучила, ты готов вылизывать полы в вокзальных сортирах.

Самое страшное все-таки не это. Отупение — вот чего я как-то испугался больше всего. Объяснение этому страху я нашел позже. В наркоманию я попал не пустым. Что-то было у меня за душой. Сказались воспитание и образование. Книжки были. Музыка. Фильмы. Картины. Я успел побывать за границей, повезло — по обмену наш класс возили во Францию, в Париж. И чувствовать, что из тебя постепенно уходит все это... Был момент, когда я не мог вспомнить сначала лица Моны Лизы, а потом вообще кто это такая. То есть, я как бы переживал собственную медленную смерть — тебя ненавязчиво так стирают.

Тогда я готов был и вправду убить себя, чтобы не доводить до полного распада. Заперся в ванной. Ну и полоснул себя несколько раз по венам... Но, видно, это я только симулировал. Потому что, когда мать с отцом стали ломиться в ванную, я открыл им дверь. Они меня кое-как перевязали, остановили кровь — скорую помощь вызывать не рискнули. Дали успокоительного. Я отключился. Проснулся ночью. Лежу и думаю: как же это так получилось — ведь я хотел уйти из жизни, для этого и стал колоть себе эту дрянь, а когда дело дошло до конкретного суицида, то позволил себе спасти. И не надо, думал я, врать

себе: испугался смерти. И впервые это чувство показалось мне нормальным. Но если я, как и все нормальные люди, боюсь смерти, то зачем я себя убиваю? До конца додумать я тогда не успел. Или не захотел.

Но через несколько месяцев собрались мы компанией в мастерской одного художника. Правда, это только одно название — мастерская. Две не слишком большие комнаты под чердаком. Серьезной наркоты у нас в тот вечер не было. Но художник угощал всех добытыми им за границей сигаретами с качественной марихуаной. Шли у нас высокоинтеллектуальные разговоры... Потом вечер стал дробиться на отдельные эпизоды. Я сидел рядом со своей знакомой. Кто она, что она — неважно, давно ее уже нет в живых. Она на полуфразе оборвала наш разговор и сказала: "Я скоро умру". Я в ответ только пожал плечами; дескать, наркомана век не долгов, какой смысл об этом говорить, все это знают, все на это идут. Но знакомая продолжила: "Я уверена, что кому-то очень надо, чтобы я умерла. Кому-то очень надо, чтобы все мы умерли. Они нас изгоняют из этой жизни, чтобы она принадлежала только им".

Это было похоже на бред. Но он меня зацепил. И соединился с тем, что я думал той ночью — после дешевого своего суицида. Нет тут никакой мистики. Сроду не был я религиозен — атеист, как говорится, в седьмом колене. Но в том, что наркотоговля превратилась в глобальную беду, можно найти не одни только материальные причины, не одно только стремление загрести огромные деньги и с их помощью править государствами, а то и всем миром. Я думаю: это ненависть к молодежи. Элементарная стариковская ненависть. Нас ненавидят за то, что у нас все еще

вперед. Да просто за то, что мы переживем, что им уже не пережить, что они уже пережили. Вот и подсовывают нам возможность уйти в иллюзию. А я — дурак — на эту удочку попался сам. По своей воле. В молодости не разглядеть, что реальный мир — не плох и не хорош. Он такой, как есть. Богом данный или природой — не важно. И человек в нем для того, чтобы быть его неотъемлемой частью.

Два года я мучился безмерно. Я хотел вырваться — столь же осознанно, насколько осознанно я втягивался в наркоманию. Бессчетное число раз срывался. И опять заставлял себя рваться. Иногда в буквальном смысле. Спасибо родителям — они понимали, что со мной происходит. И не позволяли себе истерики, когда я терпел очередную неудачу.

Не знаю, может быть, ничего бы у меня не получилось. Но я влюбился. Не исключено, что я интуитивно заставил себя влюбиться, понимая, что в этом может быть спасение. Да, это очень важно — раствориться в другом человеке, жить ради него. А тебе только и надо — чувствовать, что этот человек ждет твоего телефонного звонка, встречи, приношения. При

этом надо отдавать отчет: свет клином на тебе не сошелся, предмет твоей любви может исчезнуть, но даже боль этого исчезновения — благо. Впрочем, мне повезло. Я не только сумел влюбиться. Я оказался счастлив в своей любви.

Я ухитрился поступить в университет, на биофак. Вы уже поняли, меня тянет на обсуждение вопросов жизни и смерти. Это может показаться вам наивным. Но мне кажется, ничего интереснее и важнее этих вопросов нет. И не с сугубо философской точки зрения — тут можно рассуждать до второго пришествия. С самой элементарной, с прикладной. Грешным делом я думаю, что наркомания — болезнь генетическая.

Женился. И настала для меня пора совсем других мучений. Жена хочет иметь детей. Я тоже. Пока я учусь в университете (остался последний курс), пока решится вопрос с трудоустройством (ное-вание предложения я, несмотря на всеобщий упадок в науке, уже имею), можно самого себя уговорить — рано заводить ребенка. Вот все определится — тогда. Но ведь я — наркоман. Не уверен, что бывший, не уверен, что не сорвусь. Дело даже не в этом. Нание у меня родятся дети? Уж кто-

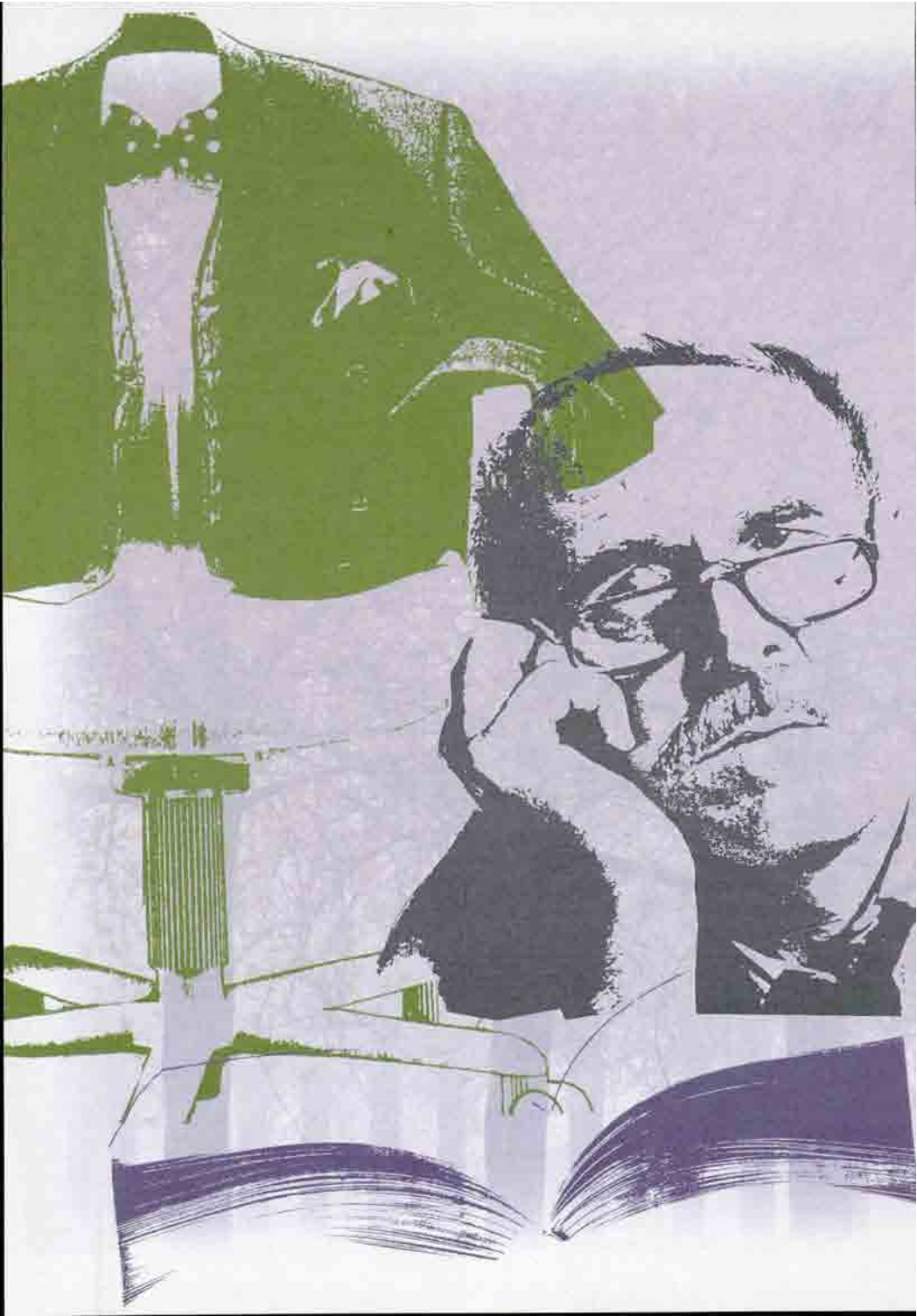
кто, а я знаю, что может произвести на свет человек, употреблявший наркотики, к тому же такие сильные, как героин. Эх, был бы я не биологом, не знал бы... Но хорошо, что биолог. Пока это только наша с женой трагедия. Делать ее участниками других я себе не позволю. Возможно, что пойду я на отчаянный шаг. Жена родит от другого человека. На этот счет существуют технологии, которые, как вы понимаете, никакого отношения к разного рода скабрёзным анекдотам не имеют.

Нет, вылечиться от наркомании нельзя. Тут надо быть отравленным перед самим собой. И все те кудесники, что твердят о своих успехах в борьбе с наркоманией, в лучшем случае выдают желаемое за действительное. Но можно спасти от наркомании свою душу. Более точно, более при-

земленно: свою личность. Вряд ли есть на этот счет какие-то универсальные рецепты. Ведь в чем тут дело: человек говорит себе — я не буду наркоманом. Хорошо, а что дальше? Вот в этом "дальше" и заключена суть. Если этого дальше нет, то вроде как и отказываться от наркотиков не к чему. У многих с этим "дальше" — беда. Реабилитационные программы, государственные программы борьбы с наркоманией — это все внешне, искусственно. Свое "дальше" каждый человек должен найти для себя. Сам. Это и в нормальном-то обществе безмерно трудно, что уж говорить про наше насквозь больное общество.

Пожалуй, остается только одно: сделать это назло тем, кто хочет, чтобы не было молодежи... Даже не так. Назло тому, кто хочет, чтобы не было тебя. ■

История успеха

Джеймс Т. ФАРРЕЛЛ

Дэн Хэллоуэл являл собою типичного спортсмена из колледжа. Примерно шести футов роста, красавец в общепринятом понимании, всегда опрятный, хорошо воспитанный, он и в общении отличался непринужденностью. Четыре года в колледже на Среднем Западе для него промелькнули как один день. Он был умен, но поверхностен, и с пренебрежением относился как к окружающим, так и к себе. Ни свою учебу, ни самого себя он не принимал всерьез. Частенько жаркие споры своих однокашников охлаждал спокойной репликой:

— Ах, мир буквально кишит недоделанными придурками!

Когда же его одаривали похвалой за шарм, он отшучивался:

— Да я всего лишь еще один придурок!

Своей улыбкой он покорило немало сердец, одерживая победу за победой, и при этом умудрялся избежать сцен ревности и скандалов. На самом же деле девушки его особо не волновали. Занятие любовью для него означало не больше, чем любое другое дело. И все же репутация плейбоя тешила самолюбие. Ему нравилось говорить о девушках, но делал он это в самом уничижительном тоне. Обычно настаивал, что любовь — всего лишь игра, а всякая болтовня и романтические бредни — попросту часть этой игры. За его словами улавливалось чувство горечи, которое он прятал за улыбкой и неизменно презрительно-равнодушным видом.

Дэн обладал легким слогом и заслужил одобрение преподавателей английского языка. Он публиковал изысканные рассказы в студенческом журнале и всегда умудрялся насытить их остроумными диалогами. Обычно в его шуточках высмеивались чувства, и особенно — любовь. Кроме того, он работал над романом, который никому не показывал. Его друзья и некоторые члены кафедры английского языка советовали передать рассказы в солидные журналы, но он всегда отказывался от таких предложений, ссылаясь на то, что журналы и так переполнены придурочными рассказами, и ему не хочется с ними конкурировать.

Дэн регулярно выпивал, но, будучи большим докой по этой части, всегда держал себя в руках. После нескольких рюмок становился еще более

молчаливым и открывал рот лишь для того, чтобы благодушно поинтересоваться у кого-либо из присутствующих:

— Ну, как себя чувствуешь? — А получив ответ, вещал: — Алкоголь — это самое лучшее и самое худшее достижение человечества.

У Дэна было много знакомых, но ни одного настоящего друга. Он легко сближался с самыми разными людьми и редко оставался один. Мог часами общаться с компанией зануд и не считал, что у умных и интересных людей есть какие-либо преимущества перед ними. Все люди слишком походили друг на друга, поэтому Дэн любил повторять:

— Каждый может поскользнуться на одной и той же банановой кожуре.

Контраст между Дэном Хэллоуэлом, каким он представлялся окружающим, и его истинным внутренним миром отличался остротой и драматизмом. Самому себе он казался одиноким и ранимым. Жизнь рассматривал, как нечто бесполезное, и страшился, что любое сделанное им усилие послужит дальнейшему ее разрушению. Свысока глядя на людей, он видел в них жалкие существа, которым суждено состариться, заболеть, умереть и обратиться в прах. Он был одержим ощущением смерти, склонен думать о ней как о доминанте всех человеческих эмоций, и, таким образом, спокойно резюмировал, что, поскольку смерть ожидает всех людей, то нет смысла или цели жить, и лучше всего встретить свою судьбу беспечной улыбкой.

Часто Дэн думал о людях, как о несчастных созданиях, которые отказывались принять очевидные факты, определяющие их судьбу. Сам он хотел бы верить в Идеал, но считал себя слишком умным, чтобы принять какую-либо веру, которой можно потом изменить. И в конце концов приходил к выводу, что главное предательство человеческого бытия заключается в самом факте появления на свет. Когда же он смотрел на девушек, то, оглядев их с головы до ног, обычно останавливал свой взгляд где-то в области живота и думал, что это и есть средоточие человеческой подлости. Такие мысли наполняли его отвращением.

Иногда, под влиянием такого настроения, Дэн вспоминал свое детство, особенно период с восьми до десяти лет. В дождливые дни он оставался дома и играл в железную дорогу, иногда один, иногда с приятелями. Он представлял себя инженером и мечтал до бесконечности, убаюканный шумом поезда, колесящего круг за кругом по рельсам. Отец был на работе, а присутствие матери давало ему ощущение уюта и безопасности. Потом были животные радости беготни, игры в мяч и лазанья по старому дубу во дворе. Он пытался воскресить эти ощущения, но никогда не получал полного удовлетворения. Знал, что это глупо и нерационально, но снова и снова ловил себя на том, что ему хочется стать девятилетним мальчишкой. Какими длинными были дни! Какими солнечными! С каким всепоглощающим чувством радости, предвкушения игр, забав и озорства он просыпался каждое утро! Какой теплой, доброй и безопасной казалась жизнь! Он даже в страшном сне не мог себе представить, что когда-нибудь она станет совсем иной!

Однако даже эти воспоминания отдавали горьким привкусом. Он жил в солнечном нереальном сне, отгородившись от действительности и предчувствия смерти. И однажды обнаружил, что радость не может длиться вечно. А ему так этого хотелось! Он все понимал, и ему все было до лампочки, он едва ли не с гордостью уверял себя в том, что ничто никогда не взволнует

его. Не имело значения, что ты делаешь, что чувствуешь, что хочешь, все имело одно значение — ничто. Не существовало никаких ценностей, ценности были просто фальшивкой, обманом, они являлись лишь ловушками и приманками для наивных человеческих существ.

Дэну нравилось воображать себя философом, хотя он терпеть не мог официальной философии, это воображение вызывало у него чувство гордости и убежденность в собственной утонченности и исключительности. Первые американцы верили, что стоит им вложить все свои силы и способности в созидание нового континента, и они добьются успеха в жизни. Что-то от этой американской веры сохранялось в его отце, и Дэн очень жалел старика. Тот родился на ферме, все годы, пока учился в университете, работал; начал с нуля и стал преуспевающим юристом, всегда по уши в сделках, переговорах, контрактах, гражданских делах. В течение многих лет Дэн наблюдал, как его отец потел над документами, работая с ними по ночам, беспокоясь за них так же, как за бумажники и репутацию своих клиентов. У старика были деньги. Семья имела все необходимое. Мать жила в скуке, комфорте и нервном раздражении. У нее не было причин для волнения, это ее беспокоило большую часть времени.

Поскольку для самого Дэна не имело никакого значения, кем он станет в жизни, он принимал идею отца, что после колледжа поступит в Гарвард и получит степень в области права. Старик хотел, чтобы сын стал культурным человеком. Он любил говорить, что век человека, который сам себя создал, миновал, и в будущем успеха добьются только люди культурные и широкообразованные.

Целиком поглощенный своей работой, отец обретал в этом спасение. В зале судебных разбирательств он чувствовал себя в безопасности, сидя за своим столом, беседуя с клиентами, обсуждая с коллегами различные аспекты права, зарываясь в документы, отчеты, сводки. Вся его личность ограничивалась руслом его карьеры, его работы, и живые человеческие чувства пробивались на поверхность лишь как подземные ручейки, отдаленно напоминающие о существовании полноводного источника. Он позволил своим чувствам затеряться среди юридических формулировок, потому что попросту боялся этих чувств. Его молодость прошла в тяжелой борьбе за существование, он сконцентрировал все чувства и надежды на своей работе с такой силой, что уже не мог расслабиться. Пределом его амбиций была мечта стать судьей.

Дважды его имя обсуждалось при назначении судьи, и каждый раз предпочтение отдавали другому. Раньше или позже он бы получил это место, и порою ему казалось, что когда это произойдет, он сбросит с себя тот груз, какой на себя взвалил, и прочность положения, которое он займет, позволит ему почувствовать себя в безопасности в этом мире. И хотя он лишь случайно вспоминал о смерти, она его очень страшила. Каждый раз, при составлении завещания для клиента, его вдруг охватывало пессимистическое настроение. Он испытывал трудности, когда приходилось разговаривать о чем-либо другом, кроме деталей его работы, которые он постоянно держал в мозгу, и робко задавался вопросом: неужели другие так же ощущают себя, думая о смерти?

В ту пору, когда Дэн учился в колледже, отец являл собой худощавого мужчину средней комплекции, с седеющими волосами, одетого все-

гда аккуратно и скромно. Он обеспечивал семью материально, а что еще требовалось?

Мать Дэна была дочерью хозяина бакалейной лавки. Она познакомилась с отцом Дэна в колледже. Их роман протекал по всем правилам, и они поженились через год после объявления помолвки. Ее привязанность к мистеру Халлоуэлу проистекала из ее кротости и чувства общественного долга. Она не принадлежала к тому сорту девушек, которые могли бы допустить разговоры о своем "вызывающем поведении". Ее робость и молодость сразу же очаровали его, а когда он узнал ее лучше, то понял, что на эту девушку можно положиться, она не заставит его волноваться, если он не сможет из-за работы уделять ей много времени и внимания, чего, несомненно, потребовали бы другие девушки. Он женился на ней, потому что, кажется, она соответствовала тому идеалу жены, который он искал.

Она была на два года моложе отца Дэна, но в то время, когда Дэн учился в колледже, уже выглядела поблекшей маленькой женщиной с несколькими седыми прядями в волосах и морщинками вокруг глаз. Говорила она тихим невыразительным голосом и испытывала разнообразные боли, принимала кучу таблеток и постоянно искала новых докторов, так как не могла найти того, кто бы объяснил причину ее недугов или помог ей преодолеть вечный недостаток энергии. Она увлекалась бриджем, занималась делами баптистской церкви и состояла в женском литературном обществе, где обсуждались последние книжные новинки.

Мать гордилась Дэном и боялась его, не зная, о чем говорить с сыном. Ее спокойный темперамент, или, скажем, отсутствие такового, заставляли Дэна полагать, что она его не любит, и что брак родителей тоже лишен любви.

Жизнь Дэну казалась тупой и скучной, а люди представлялись просто оболочкой, наполненной лицемерием.

Считая жизнь пустой, Дэн был убежден, что смотрит на мир глазами стороннего наблюдателя. Он довольно верно оценивал себя и представлял, что в нем находят как бы два человека, один из которых смотрит на другого, смеется, зевает и ехидничает. Он даже устраивал воображаемые диалоги между двумя персонами, составляющими его сущность, и та из них, которая играла роль наблюдателя, высказывала комплименты, согласие или насмешки над другой. Порой, когда выпивал слишком много, он испытывал иллюзию полного слияния с наблюдателем.

Дэн не хотел поступать в Гарвард, обнаружив, что у него нет никакого интереса к праву. Но началась война и его призвали в армию. Он выполнял бумажную работу в течение всей войны и демобилизовался в звании старшего лейтенанта.

К моменту его возвращения домой исполнилось заветное желание отца — он стал судьей. Теперь отец мог позволить себе передохнуть, но, расслабившись, быстро постарел. Голова совсем поседела, лицо покрылось морщинами, характер сделался более раздражительным. Он хотел, чтобы Дэн продолжил его дело и поступил в школу права. Дэн отказался, заявив, что не собирается тратить свою жизнь на достижение успеха. Они наговорили друг другу колкостей.

Как-то после ссоры с отцом Дэн наткнулся на рукопись романа, начатого еще в колледже. От нечего делать он начал перелистывать рукопись. Она

так захватила его, что он решил доработать книгу и постараться ее опубликовать. Теперь Дэн знал, как добиться успеха и славы. Он будет писать и, возможно, станет богатым и знаменитым писателем. Почему бы и нет? Не так уж много современных писателей, которые вызывали у него уважение, он считал себя равным по таланту и уму большинству из них.

Дэн завершил доработку романа за полгода. Он смотрел на него, как на историю своего поколения в колледже и на войне. Диалоги и характеры были построены по образцам Хемингуэя, но все яркие эффекты, все моменты страстных и чувственных отношений казались изысканным ерничеством. Жизнь представляла одновременно и слишком будничной, и чересчур романтизированной. Военный опыт заставлял всех героев остепениться, и в результате роман вызывал мысли прямо противоположные тому, что чувствовал и во что верил сам Дэн. Завершив рукопись, Дэн вновь ощутил гордость за свой интеллект. Он собирался отвезти ее в Нью-Йорк и получить какую-никакую работу на время, пока будет пристраивать книгу. Случайно он наткнулся на объявление о литературном конкурсе с премией в десять тысяч долларов и передал туда свой роман.

Дэн выиграл премию. Кроме того, книгу приняли в литературном клубе. Критики славил его как гения и писали о нем, как об образце здоровой тенденции в американской литературе. Кинокомпания заплатила шести значную сумму за право экранизации.

Дэн Хэллоуэл стал богатым, удачливым и знаменитым.

В первые месяцы успеха деньги и слава тяготили и раздражали Дэна. С ним обращались, как с персоной почти сверхъестественной значимости. Написав одну книгу и проснувшись знаменитым, он стал человеком, чьи самые проходные и ничего не значащие заурадные замечания и остроты вызывали смех и цитировались в светских новостях. У него оказалось столько денег, что они потеряли всякую ценность.

После девяти месяцев жизни в роли знаменитости его стала одолевать скука. Никаких глубоких чувств к женщинам Дэн не испытывал, соблазнял их, даже не скрывая, что играет и абсолютно ничего при этом не чувствует. К своей книге он относился так же, как и к женщинам, с которыми спал, и оставался холодным и рассудочным.

Успех и слава не изменили его отношения к жизни и человечеству. Время шло, а над новой книгой он особо не трудился, что постепенно стало скучать на нем, пробудив тщеславие. Хотя иногда он думал, что успех был не столь громким, каким его пытались представить почитатели и льстецы, но начинал беспокоиться из-за возможного провала, потому что, случись сейчас неудача, он превратится в ничтожество, объект для насмешек, а затем его просто перестанут замечать. Недоверие и презрение к людям только усиливали его волнения, ибо он страшился, что в случае неудачи люди начнут относиться к нему так же, как он относился к ним. Неудача грозила разоблачением.

Но Дэн понимал и то, что писать ему не о чем. Он сделал несколько попыток начать новый роман, сам же охарактеризовал сделанное "придурочными слюнями" и стал еще активнее налегать на выпивку, а погоня за жен-

щинами приобрела почти патологический характер. Особенно его стали интересоваться замужние женщины, казавшиеся более ценными трофеями.

Еще недавно Дэн не придавал деньгам никакого значения, теперь же был одержим ими. Он не хотел тратить деньги. Продолжал появляться на людях, ходить на вечеринки и встречи, гоняться за замужними женщинами, но делал это без всякого удовольствия.

Дэн отверг уже третье предложение о работе на киностудии и в разговорах с друзьями и знакомыми сообщал об этом в таком тоне, что его действия трактовались как смелая демонстрация честности и преданности искусству. Он постоянно говорил о стремлении к совершенству и заявлял, что не собирается больше писать "придурочных романов". Друзья отвечали, что он слишком скромно, пытались убедить его, что он уже написал совершенный роман, восхваляли за высокие литературные идеалы. Он незаметно направлялся на новые и новые похвалы, направлял беседы в русло обсуждения своей работы, планов, идей и в то же время с подозрением относился к друзьям, когда они это делали. Чертовы тупицы!

Ощущение пустоты жизни становилось всепроникающим. Оно наполняло его утренние часы. Каждое утро Дэн сидел за столом, пытаясь начать новый роман. Иногда ему удавалось записать несколько страниц и даже остаться довольным написанным. Вскоре это ощущение уходило, Дэн рвал страницы, начинал заново, но в конце концов понял, что интеллектуально и эмоционально он парализован.

Прошло полгода постоянных неудач. Деньги быстро таяли, его место заняли другие прилизанные мальчики от литературы, а его имя упоминалось в прессе все реже и реже. Очарование поблекло, и Дэн это понимал. В результате он стал пить еще больше, просыпался по утрам подавленный, трясущийся и глотал таблетки бензедрина.

Однажды утром Дэн сказал себе с отвращением, что писать не может, и напилсь до потери сознания. Это произошло за день до того, как он покончил с собой.

Когда тело Дэна обнаружили в наполненной газом квартире, на его столе лежала стопка аккуратно сложенной машинописной бумаги. На первой странице можно было прочесть:

Дэн Хэллоуэл

История успеха.

На следующей:

Посвящается моим родителям.

Остальные страницы оказались чистыми. ■

Перевод с английского **Андрея РАСТОРГУЕВА**

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Наверное, не будет большим преувеличением, если мы, делающие журнал, вместе с вами, нашими читателями, назовем 1 сентября праздничным днем. Ведь в этот день, уже по традиции, начинается подписка на I-е полугодие юбилейного для "Смены" — ей будет 75 лет! — 1999 года.

Конечно, очень надеемся, что наши постоянные читатели, — а мы самоуверенно думаем, что это вообще все наши подписчики, — снова подпишутся на "Смену", которая, как вы заметили, стала и краше, и прочнее, и интереснее. Это наш творческий принцип — читатель должен прочитывать журнал от корки до корки. И мы от этого принципа не собираемся отказываться.

А теперь судите сами: вот лишь часть произведений, находящихся в портфеле редакции, которые мы намерены опубликовать в I полугодии.

Зарубежные детективы: Дональд Уэстлейк "Кто похитил Сэси Манун?", Ласло Лёринц "Корабль-призрак", Михаэль Барак "Авантюрист", Грегори Макдональд "Скайлар".

Среди отечественных авторов — Николай Леонов "Убийство на телецентре", Варвара Клюева "Уникум", Андрей Ильин "Золото партии", Андрей Молчанов "Ядерные материалы".

Для нас заканчивают работу над новыми произведениями Юрий Поляков и Сергей Устинов.

Конечно, будут и сюрпризы — найдем неожиданно нового автора с захватывающе интересным детективом — в номер его вне всякой очереди.

Разумеется, на том же высоком уровне будет и публицистика — вы, дорогие друзья, и сами уже заметили, что лучшие публицистические перья сегодня пишут для "Смены" — и в этом разделе вас ожидает масса сюрпризов. Обо всех не скажем, вот только два: из архивов МВД России нам удалось достать "Дело гардеробщиков Большого театра" и "Дело полотеров Кремля". Интересно? Не то слово.

Так что, друзья, идите на почту и смело подписывайтесь на журнал "Смена".

ИНДЕКС 70820 ПОДПИСНАЯ ЦЕНА ОДНОГО НОМЕРА — 15 руб. 50 коп.

ИНДЕКС 72516 ДЛЯ ВСЕХ БИБЛИОТЕК
И ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ И ТРУДА — 14 руб. 50 коп.

ИНДЕКС 88998 ПОЛУГОДОВАЯ АДРЕСНАЯ ПОДПИСКА С ДОСТАВКОЙ НА ДОМ
(ЗЕЛЕНЫЙ КАТАЛОГ) — 120 руб. 00 коп.

СЛУГА, НО НЕ ЛАКЕЙ

Любовь РУСЕВА

В два часа ночи из здания Петербургского окружного суда вышел в потрепанном старомодном пальто прокурор. На углу одного из переулков к нему подошел прилично одетый господин и предложил купить трость с золотым набалдашником. Опытный юрист сразу же заподозрил неладное: вещь, очевидно, ворованная. Делая вид, что он оценивает товар, и продолжая на ходу беседовать с «продавцом», прокурор решил дойти до ближайшего городского, чтобы задержать мошенника. Но только он собрался окликнуть показавшегося блюстителя порядка, как «приличный господин», разгадав намерение покупателя, опередил его:

рисунок **Геннадия Новожилова**

— Господин городской, этот тип собирался всучить мне ворованную вещь, — заявил мошенник, сунув городскому визитную карточку, и ментально исчез.

— Это недоразумение... — пытался возразить ошарашенный прокурор.

— Идем в участок, там разберутся, — прервал городской «типа» в поношенном пальто.

Ночного «продавца краденного» заперли вместе с задержанными проститутками, карманниками и пьяницами. Обстановка полицейского участка была типичной: облезлые стены, часы с кирпичом вместо гири, железная решетка, спертый воздух и сонные физиономии надзирателей. Околоточный надзиратель и пристав опрашивали задержанных, проверяли документы, писали протоколы.

— Господин пристав, прошу вас выслушать меня и разобраться с недоразумением, — пытался обратиться на себя внимание вновь задержанный.

— Знай свое место и помалкивай, харя, ежели не угомонишься, то препроводим тебя в холодную... — грубо одернуло его начальство.

Юрист, покоровшись судьбе, решил использовать это приключение для изучения методов работы ночной полиции. Наконец под утро сонный околоточный позвал «торговца краденым» и, пуская из ноздрей дым, начал допрос:

— Фамилия?

— Кони.

— Чухна?

— Нет, русский.

— Врешь. Ну да ладно. Там разберут. Звание? Чем занимаешься?

— Прокурор Санкт-Петербургского окружного суда.

Последовала немая сцена... Пристава чуть не хватил «кондрашка».

— Простите-с, ваше превосходительство, не губите жену и детишек, виноваты-с...

— Успокойтесь, господин пристав, я был рад на деле познакомиться с обстановкой и ведением дела в учреждениях, подведомственных министерству внутренних дел. Прощайте, господа, — сказал прокурор и насмешливо добавил, — хотелось бы только побольше свежего воздуха и... вежливости...

Так выдающемуся юристу и популярнейшему судебному оратору Анатолию Федоровичу Кони на себе пришлось испытать работу полиции.

Как-то на приеме во дворце к Кони подошел сенатор Хвостов.

— Анатолий Федорович! Как я рад, что вижу вас, — сказал Хвостов, — хочу спросить вашего совета, ведь дело-то очень плохо!

— Какое дело? — спросил Кони.

— Да процесс 50-ти... Я сижу в составе присутствия, и мы просто не знаем, что делать: ведь против многих нет никаких улик. Как тут быть? А? Что вы скажете?

— Коли нет улики, так оправдать, вот что я скажу...

— Нет, не шутите, я вас серьезно спрашиваю: что нам делать?

— А я серьезно отвечаю: оправдать!

— Ах, боже мой, я у вас прошу совета, а вы мне твердите одно и то же: оправдать да оправдать; а коли оправдать-то неудобно?!

— Ваше превосходительство, — ответил взбешенный Кони, — вы — сенатор, судья, как можете вы спрашивать, что вам делать, если нет улик против обвиняемого, то есть, если он невиновен? Разве вы не знаете, что единственный ответ на этот вопрос может состоять лишь в одном слове — оправдать! И какое неудобство может это представлять для вас? Ведь вы — не административный чиновник, вы — судья, вы — сенатор!

— Да, — ответил Хвостов, нисколько не конфузясь, — хорошо вам так, вчуже-то говорить, а что скажет он?.. — спросил сенатор, мотнув головой в сторону окна, у которого император беседовал с графом Паленом.

— Кто? Государь? — удивился Анатолий Федорович.

— Да нет, какой Государь! — воскликнул Хвостов. — Что скажет граф Пален?!

Сенатор, член Государственного Совета, академик, писатель, прокурор и судья Анатолий Федорович Кони родился в Петербурге 9 февраля 1844 года в литературно-артистической семье. Отец его, Федор Алексеевич, был всесторонне образованным человеком, свободно владел пятью языками, блестяще знал литературу и историю. Любовь к театру заставила Федора Алексеевича переехать в Петербург, где и началась его писательская деятельность. В театральной среде он встретил и свою любовь — Ирину Семеновну Юрьеву, выступавшую под псевдонимом Сандунова, которая и стала его женой. Кони становится популярным драматургом-водевилистом и редактором журналов. Его эпиграммы повторялись всеми в столице. Неистощимый юмор драматурга передался и его сыну. В доме Федора Алексеевича постоянно бывали известные актеры и писатели, общение с которыми тоже оказало большое влияние на сына.

Ирина Семеновна являлась не только актрисой, но и великолепной рассказчицей. Редкий этот дар рассказчика будущий знаменитый юрист перенял в полной мере у матери. Всю жизнь Анатолий Федорович испытывал к этой женщине огромную любовь и сыновью верность. Он унаследовал от Ирины Семеновны не только литературный талант и тягу к театру, дар проsvетительства, но и альтруизм, стремление помогать людям. После смерти Ирины Семеновны выяснилось, что она завещала сыну продать все ее имущество, а деньги раздать беднякам.

С детства в Анатолии Федоровиче проявился сильный характер. Как-то с матерью они пошли в церковь, где встретили свадьбу. Торжественный обряд венчания произвел на мальчика большое впечатление.

— Я тоже хочу жениться, — серьезно произнес он и огляделся, выскивая себе подходящую невесту.

У церковной ограды играла маленькая очаровательная девочка. Мальчик подошел к ней, взял ее под руку и тоном, не терпящим возражения, сказал:

— Теперь и мы пойдем жениться.

Девочка испуганно вырвалась.

— Не пойдешь? — удивился незадачливый жених.

Девочка отрицательно замотала головой.

— Не пойдешь со мной жениться?! — в сердцах воскликнул мальчик и отвесил несостоявшейся невесте пощечину.

Друзья Федора Алексеевича и Ирины Семеновны, актеры и писатели, которые жили с ними в одном доме, любили возиться с маленьким Толей. Они поражались его памятью, рассудительностью и восприимчивостью к языкам. До 12 лет мальчик воспитывался дома, потом в немецком училище св. Анны, откуда перешел в гимназию. В 1861 году Анатолий Федорович поступил на математическое отделение Санкт-Петербургского университета, но после закрытия его в 1862 году перешел на юридический факультет Московского университета. Его кандидатская диссертация «О праве необходимой обороны» получила высокую оценку ученых.

В Московском университете Анатолий Федорович слушал лекции знаменитых профессоров-юристов Крылова, Чичерина, Бабста, Дмитриева, Беляева, Соловьева, которые заложили в нем прочные основы философского и юридического образования, а личные отношения со многими представителями науки и искусства и практической деятельности поддерживали в нем интерес к разнообразным явлениям умственной, общественной и государственной жизни. Как верно заметил профессор Б.И. Сыромятников, А.Ф. Кони был юрист по образованию и призванию, но вместе с семейными традициями он воспринял глубокие влияния изысканного литературного и артистического мира и сам стал первоклассным художником слова. С его именем неотделимо связаны имена великих современников — Щепкина, Тургенева, Гончарова, Некрасова, Достоевского, Толстого, Короленко, Чехова и многих других.

Знаменитый автор «Ледяного дома» Лажечников был крестным отцом Анатолия Федоровича, азбуке его обучал А.Ф. Писемский, И.А. Гончаров первый заметил в Кони литературный талант и настоял на том, чтобы его молодой друг начал писать воспоминания.

— Я не перестану скорбеть до тех пор, — сказал Иван Александрович, — пока вы не напишете начатых воспоминаний из вашей судебной практики. Это была бы дорогая книга, так как в ней каждое слово должно быть правдиво: выдумывать тут ничего не нужно и не следует. Однако правда, изложенная в силуэтах, портретах, сценах и освещенная вашим юридически-философским взглядом, будет выше и дороже всякого романа. Фантазия артиста, который в вас кроется, поможет только искусно расположить и дать нужный колорит лицам и событиям. Наброски, которые вы читали мне, прекрасны: если вы поработаете еще, у вас явится и перо или, пожалуй, и кисть артиста, потому что ни воображения, ни остроумия, ни юмора вам не занимать.

Так Гончаров не только благословил Кони на литературное творчество, но и определил его суть и форму.

Общение Анатолия Федоровича с великими писателями было взаимообогащающим. Анатолий Федорович многим давал сюжеты для произведений (достаточно напомнить «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова, «Живой труп» и «Воскресение» Толстого), они обсуждали с ним философские, юридические, литературные и искусствоведческие проблемы.

Особенно плодотворна была дружба Анатолия Федоровича с Львом Николаевичем Толстым. Долго популярный юрист, автор единственной в России книги «О праве необходимой обороны», не решался сблизиться с идеологом непротivления злу насилieм. Наконец Кони отправился в Ясную Поляну, где радушно был встречен хозяином.

«Несколько раз, — писал Кони в очерке «Лев Николаевич Толстой», — во время наших прогулок нам приходилось говорить «о непротивлении злу», которое его в то время сильно занимало. Со свойственной ему красивой простотой он развивал свою великодушную и нравственно заманчивую теорию и приводил известный евангельский текст. Я <...> говорил, что мое ремесло быть судьей лишает меня возможности согласиться на непротивление тому, чему я противился и противлюсь двадцать пять лет моей жизни. <...> Толстой мягко возражал, что в связи с призывом «не противиться» подразумевается слово «насилием». Я приводил резкие примеры из жизни, где насилие неизбежно и необходимо и где отсутствие его угрожает последователю непротивления возможностью сделаться попустителем и даже пособником злого дела. <...> На мои доводы из жизни он сказал мне, что в одном из вопиющих случаев, мною приводимых, быть может, и он прибег бы к насилию, по инстинктивному порыву на защиту своих ближних, но что это было бы слабостью, которую с нравственной точки зрения нельзя оправдать. Каждый из нас остался при своем, но во все время спора он не проявил никакого стремления насилловать мои взгляды и навязывать мне свое убеждение».

Анатолий Федорович стоял у истоков судебной реформы и принимал в ней деятельное участие. В 1871 году его назначают прокурором Санкт-Петербургского окружного суда, через четыре года — вице-директором департамента Министерства юстиции, в 1877 году — председателем С.-Петербургского окружного суда, в 1881 — председателем гражданского департамента судебной палаты, в 1885 — обер-прокурором кассационного департамента Сената, а в октябре следующего года на него вновь возложены обязанности обер-прокурора того же департамента Сената с оставлением в звании сенатора.

Проникшись духом Судебных уставов, Анатолий Федорович доказал своим примером, что можно служить государственной охране правых интересов, не забывая о личности подсудимого и не превращая его в простой объект исследования. Популярность Кони как судебного оратора была настолько высока, что залы судебных заседаний не могли вместить всех желающих, когда он там выступал. Богатейшая эрудиция при удивительной памяти давали ему, как об этом свидетельствуют его речи в суде, обильный материал, которым он умел пользоваться как художник слова.

О выдающемся ораторском таланте Анатолия Федоровича свидетельствуют его судебные речи, всегда отличавшиеся высоким психологизмом. Они изобиловали образами, сравнениями, обобщениями и меткими замечаниями, которые придавали им жизнь и красоту. По справедливому замечанию К. Арсеньева, Кони сочетал в себе дар психологического анализа с темпераментом художника. Отношение его к подсудимым и вообще к участвовавшим в процессе лицам было истинно гуманное. Злоба и ожесточение, легко овладевающие сердцем человека, долго оперирующего патологические явления душевной жизни, ему чужды. Анатолий Федорович никогда не терял чувства меры в словах и приемах.

О речах Кони говорили, что им нельзя подражать, но по ним можно учиться. Современники, вся Россия знали — Анатолий Федорович в силу

своих нравственных убеждений никогда не допустит ни малейшей несправедливости. Перед ним бессильны власть предрержащие, пресса. Когда на карту ставился престиж правосудия, для него не существовали ни собственные благополучие и карьера, ни благосклонность императоров.

6 декабря 1876 года в Петербурге у Казанского собора произошла демонстрация группы молодежи, которая стала началом новой политической жизни страны. Студенты были избиты не только полицией, но и обывателями. Один из свидетелей погрома передал впоследствии рассказ купца:

— Вышли мы с женою и дитею погулять на Невский; видим, у Казанского собора драка... я поставил жену и дите к Милютиным лавкам, засучил рукава, влез в толпу и — жаль только двоим успел порядком дать по шее... торопиться надо было к жене и дитю — одни ведь остались!

— Да кого же и за что вы ударили?

— Да кто их знает кого, а только как же, помилуйте, вдруг вижу, бьют: не стоять же сложа руки?! Ну, дал раза два кому ни есть, потешил себя — и к супруге...

Все участники демонстрации были арестованы.

Министр юстиции Пален созвал совещание, на котором присутствовали Кони, петербургский градоначальник Трепов, прокурор палаты Фукс, товарищ прокурора Проскочин и товарищ министра Фриш.

— Как вы думаете, господа, что следует предпринять? — обратился министр к Кони и Фришу.

Вопрос был действительно серьезный.

— Революционная пропаганда впервые вышла на улицу, громко о себе заявила и сохранить по отношению к ней хладнокровие и спокойную законность значило бы проявить не слабость, а силу и дать камертон всем делам подобного рода на будущее время, — ответил Анатолий Федорович.

— Что делать? — спросил Фриш и сделал очень выразительный жест руками вокруг своей шеи.

— Как? — невольно воскликнул Кони. — Повесить? Да вы шутите?!

— Это — единственное средство! — сказал решительно товарищ министра, обращаясь к Палену.

Рост революционных идей среди молодежи вызвал в обществе полемику о введении телесного наказания. Почин принадлежал статс-секретарю князю Д.А.Оболенскому.

— Анатолий Федорович, — обратился как-то Оболенский к Кони, — я написал записку, в которой предлагаю подвергать политических преступников вместо уголовного взыскания телесному наказанию без различия пола... Эта мера должна отрезвить молодежь и показать ей, что на нее смотрят как на сборище школьников, но не серьезных деятелей, а стыд, сопряженный с сечением, должен удержать многих от участия в пропаганде... Что вы скажете?

— Кому назначается эта записка? — спросил Анатолий Федорович.

— Государю! Пусть он услышит голос своего верного слуги. Но я хочу знать ваше мнение, я вас так уважаю.

— Вы или шутите, или совершенно не понимаете нашей молодежи, попавшей на революционную дорогу, если думаете испугать и остановить ее розгами...

— Не понимаю вас...

— Опозорив правительство, возмутив против него массу порядочных людей, вы все-таки не достигнете цели. Политические преступники будут свивать себе мученические венцы из розог, будут указывать на свои истязания как на лучшее оправдание своей ненависти к правительству... Вы вызовете яростное ожесточение в молодежи и глубокое негодование в людях, чуждых революционным тенденциям. Какой отец простит вам сечение своей дочери? Какой «сеченый» сочтет возможным стать впоследствии другом порядка, каким он легко и без позорного забвения своего унижения может стать даже после годов каторги? Наказывайте подданного, когда он нарушает положительный закон, но не убивайте чувства собственного достоинства в человеке! И можно ли советовать такую меру государю, отменившему телесное наказание?! Нет, князь, вы выбрали плохое средство снять с себя неудовольствие государя...

Несмотря на то, что князь Оболенский «очень дорожил» мнением Кони, он не отказался от своей идеи, и вскоре она стала распространяться в салонах, найдя сочувствующих. Даже дамы поговаривали о возможности сечь молодежь.

— Скажите, — спросила графиня Н. Кони, — скажите, почему же нельзя сечь девушек, если они занимаются пропагандой? Я этого не понимаю!

— Если вы, образованная женщина и мать семейства, мать подрастающих дочерей, не понимаете, почему нельзя сечь взрослых девушек, и спрашиваете это у меня, у мужчины, то я не могу вам этого объяснить... Представьте себе лишь, что вашу бы дочь, лет восемнадцати, выскли...

— О! Мои дочери в пропаганду не пойдут! — презрительно гордо ответила графиня.

Очень скоро жизнь подтвердила правоту Анатолия Федоровича, который защищал чувство собственного достоинства человека и выступил против телесных наказаний.

— Шапку долой! — крикнул разъяренный петербургский градоначальник Трепов, подскочив к арестанту Боголюбову и сбив шапку с его головы. Последний ошпилил: всего полчаса назад, гуляя во дворе дома предварительного заключения вместе с другим арестантом Кадьяном, они видели Трепова, поклонились ему и перемолвились несколькими словами. Недовольный чем-то Трепов вторично обошел двор, и тот же Боголюбов, поравнявшись с ним, не снял на этот раз шапки.

Поступок градоначальника с арестованным студентом вызвал бурю негодования среди политических заключенных, которые, стоя у окон, стали кричать. Тогда расшвиравшийся Трепов, уезжая, приказал высечь Боголюбова. Но экзекуция была совершена не тотчас. Градоначальник, сомневаясь в законности своих действий, отправился за советом к министру юстиции.

— Ваше, Федор Федорович, решение высечь Боголюбова — это проявление энергической власти. — Восторженно сказал Пален Трепову. — Я не только не считаю это неправильным, но как министр юстиции разрешаю вам это.

Трепов, не ожидавший такого ответа, заехал к Кони посоветоваться, и, не застав его дома, оставил записку: «Жду Вас, ежели возможно, сегодня в пять часов откушать ко мне».

Градоначальник подтвердил свое решение высечь Боголюбова. Расправа вызвала волнения среди заключенных.

Узнав о случившемся, возмущенный Анатолий Федорович отправился к министру юстиции.

— Какая тяжелая новость, граф! — сказал Кони Палену.

— Да! И кто мог этого ожидать так скоро. Как жаль, что все это случилось! Я очень, очень огорчен.

— Я не только огорчен, я просто возмущен, граф, и уверяю вас, что эта отвратительная расправа будет иметь самые тягостные последствия.

— Какая расправа? О чем вы говорите, Анатолий Федорович? — удивленно спросил Пален.

— О происшествии в доме предварительного заключения.

— Ах, помилуйте, я совсем о другом! Наш достойнейший Владимир Степанович Адамов умер! Вот телеграмма от его жены. Какое несчастье!

— Ну, это несчастье еще не большое, но то, что произошло в доме предварительного заключения, действительно несчастье! Разве вы не знаете, граф, что там наделал Трепов?

— Знаю, — запальчиво вспыхнув, ответил министр юстиции, — и нахожу, что он поступил очень хорошо. Он был у меня, советовался, и я ему разрешил высечь Боголюбова...

— Но знаете ли, граф, что там теперь происходит?

— Ах, — продолжал горячиться Пален, размахивая сигарой. — Ну что из этого? Надо послать пожарную трубу и обливать этих б... холодной водою, а если беспорядки будут продолжаться, то по всей этой дряни надо стрелять! Надо положить конец всему этому... Я не могу этого более терпеть, они мне надоели, эти мошенники!

— Это не конец, а начало, — теряя самообладание, ответил Кони, — вы не знаете этих людей, вы их вовсе не понимаете, и вы разрешили вещь совершенно противозаконную, которая будет иметь ужасные последствия; этот день не забудется арестантами... Это больше, чем преступление, это — ошибка, это не только ничем не оправдываемое насилие, это — политическая ошибка...

Предвидение Кони сбылось. «Не с процесса Веры Засулич, — писал он, — как думали близорукие и тупоумные политики, а с сечения Боголюбова надо считать начало возникновения террористической доктрины среди нашей «нелегальной» молодежи. С этого момента идея «борьбы» затемняется идеею «мщения», и, оскорбляемая уже не одним произволом, но доведенная до отчаяния прямым и грубым насилием, эта молодежь пишет на своем знамени «око за око...»

Сечение студента Боголюбова развязало руки полиции и тюремному начальству — политических заключенных стали жестоко избивать, сажать в специально устроенный темный карцер рядом с паровой топкой, вследствие чего температура из-за отсутствия вентиляции становилась нестерпимой. Воду не давали. Посетивший эти карцеры товарищ прокурора дважды падал в обморок из-за удушающего воздуха и смрада.

28 января 1878 года Анатолий Федорович Кони вступил в должность председателя окружного суда. Именно в этот день раздался роковой выстрел Веры Засулич, которая решила отомстить Трепову за поруганную

честь незнакомого ей Боголюбова. Квалифицируя поступок молодой де-
вушки как личную месть, то есть как уголовное преступление, а не полити-
ческое, граф Пален тут же решил, что дело будет рассматриваться судом
присяжных.

— Да! — воскликнул министр юстиции, обращаясь к Лопухину, увидев
подходящего к ним Кони. — Анатолий Федорович проведет нам это дело
прекрасно.

— Разве оно уже настолько выяснилось? — удивился председатель ок-
ружного суда.

— О, да, — ответил за Палена Лопухин, — вполне; это дело личной ме-
сти, и присяжные ее обвинят, как пить дать.

Через два дня Кони поинтересовался у Лопухина следствием по делу За-
сулич:

— Что следствие? Нет признаков политического преступления?

— Нет, это дело простое и пойдет с присяжными, которым предстоит
случай отличиться...

И они отличились. Еще до начала судебного процесса на председателя
окружного суда оказывали сильное давление. Очень уж хотелось графу Па-
лену и другим сановникам устроить показательный процесс и сурово нака-
зать преступницу.

— Можете ли вы, Анатолий Федорович, ручаться за обвинительный
приговор над Засулич? — спросил министр юстиции.

— Нет, не могу!

— Как так? — точно ужаленный, завопил Пален. — Вы не можете ру-
чаться?! Вы не уверены?

— Если бы я был сам судьей по существу, то и тогда, не выслушав след-
ствия, не зная всех обстоятельств дела, я не решился бы вперед высказать
свое мнение, которое притом в коллегии не одно решает вопрос. Здесь же
судят присяжные, приговор которых основывается на многих неуволимых
заранее соображениях. Как же я могу ручаться за их приговор?... Я предпо-
лагаю, однако, что здравый смысл присяжных подскажет им решение
справедливое и чуждое увлечений. Факт очевиден, и едва ли присяжные
решатся отрицать его. Но ручаться за признание виновности я не могу!..

— Не можете? Не можете? — волновался министр. — Ну так я доложу
государю, что председатель не может ручаться за обвинительный приговор,
я должен это доложить государю!

— Я даже просил бы вас об этом, граф, так как мне самому крайне неже-
лательно, чтобы государь возлагал на меня надежды и обязательства, к осу-
ществлению которых у меня как у судьи нет никаких средств. Я считаю
возможным обвинительный приговор, но надо быть готовым и к оправдан-
нию...

— Да-с, — горячился Пален, — и я предложу государю передать дело в
Особое присутствие, предложу изъять его от присяжных. Вот ваши любез-
ные присяжные! Вам это, конечно, будет очень неприятно... Но вы сами ви-
новаты! Вы — судья, вы — беспристрастие, вы — не можете ручаться... Ну!
Что делать! Нечего делать!..

— Граф, я люблю суд присяжных и дорожу им; но если от них требует-
ся непременно обвинительный приговор, и одна возможность оправдания

заставляет вас — министра юстиции — уже выходить из себя, то я предпочел бы, чтобы дело было у них взято; оно, очевидно, представляет для этого суда больше опасности, чем чести. Да и вообще, раз по этому делу не будет допущен свободный выбор судейской совести, то к чему и суд!

— Да! Правосудие, беспристрастие! — иронично произнес Пален. — Беспристрастие... но ведь по этому проклятому делу правительство вправе ждать от суда и от вас особых услуг...

Суд был назначен на 31 марта. Лучшие прокуроры Петербурга отказались выступить с обвинением против Засулич. Лопухин тогда обратился к выдающемуся прокурору С.А. Андреевскому.

— Могу ли я в своей речи признать действия Трепова неправильными? — спросил Андреевский.

— Нет.

— В таком случае я вынужден отказаться от обвинения Засулич, так как не могу громить ее и умалчивать о действиях Трепова. Слово осуждения, сказанное противозаконному действию Трепова с прокурорской трибуны, облегчит задачу обвинения Засулич и придаст ему то свойство беспристрастия, которое составляет его настоящую силу...

Лопухин стал его уговаривать.

— Зачем вы меня уговариваете, — не выдержал наконец Андреевский, — когда вы можете мне предписать? Дайте мне письменный ордер, и я уже тогда увижу, что мне делать: подчиняться или...

— Оставить службу? — перебил его Лопухин. — Да я этого не хочу, что вы?!

Обвинителем был назначен посредственный прокурор Кессель. Защищать себя Засулич пригласила знаменитого П.А. Александрова. Силы были явно не равны. Накануне заседания Пален вновь пытался оказать давление на Кони.

— Ну, Анатолий Федорович, теперь все зависит от вас, от вашего умения и красноречия.

— Граф, умение председателя состоит в беспристрастном соблюдении закона, а красноречивым он быть не должен, ибо существенные признаки резюме — беспристрастие и спокойствие... Мои обязанности и задачи так ясно определены в уставах, что теперь уже можно сказать, что я буду делать в заседании...

— Да, я знаю — беспристрастие! Беспристрастие!.. Но есть дела, где нужно смотреть так, знаете, политически; это проклятое дело надо спустить скорее... И я говорю, что если Анатолий Федорович захочет, то он так скажет присяжным, что они сделают все, что он пожелает! Ведь так, а?!

— Граф, влиять на присяжных должны стороны, это их законная роль; председатель же, который будет гнуть весь процесс к исключительному обвинению, сразу потеряет всякий авторитет у присяжных, и я могу вас уверить по бывшим примерам, что окажет медвежью услугу обвинению.

— Да, но повторяю, от вас, именно от вас правительство ждет в этом деле услуги и содействия обвинению. Я прошу вас оставить меня в уверенности, что мы можем на вас опереться... Что такое стороны? Стороны — вздор! Тут все зависит от вас!..

— Нет, граф! Я вас прошу не становиться на эту точку зрения и не ждать от меня ничего, кроме точного исполнения моих обязанностей...

— И вы думаете, что может быть оправдательный приговор?

— Да, может быть, и при неравенстве сторон более чем возможен... Вы знаете Александра больше, чем я, и не станете отрицать за ним ни таланта, ни ловкости. Несомненно, что он напряжет все свои силы в этом деле. Против такого защитника и по такому вообще очень благодарному для защиты делу необходим по меньшей мере равносильный обвинитель — холодный, спокойный, уверенный в себе и привыкший представлять суду более широкие горизонты, чем простое изложение улик... Вы знаете, граф, что я несколько пристрастен к Кесселю и, может быть, даже несколько преувеличиваю его достоинства, но могу вас уверить, что трудно сделать более неудачный выбор обвинителя... Он — совершенно ничтожный противник для Александра...

— Да, но кого же назначить, когда эти подлецы отказались?! Такой обвинитель, о котором вы говорите, был лишь один, — это Анатолий Федорович Кони, но его, к несчастью, уже нет...

— По вашему и вопреки его желанию, — прервал Палена Кони.

— Знаете что? — министр хитро подмигнул председателю суда, — дайте мне кассационный повод на случай оправдания, а?

— Я председательствую всего третий раз в жизни. Ошибки возможны и, вероятно, будут, но делать их сознательно я не стану, считая это совершенно несогласным с достоинством судьи, и принимаю такое предложение ваше просто за шутку...

— Нет, какая шутка?! — серьезно сказал Пален. — Я вас очень прошу, вы это так умно сумеете сделать...

Анатолий Федорович молча встал и вышел из кабинета министра юстиции.

Ночь перед судебным процессом председатель окружного суда провел беспокойно.

— Оказать «услугу» правительству — и навсегда вычеркнуть себя из списка честных людей? — думал, расхаживая по кабинету Кони. — Правительства меняются, а имя человеку дается одно. На всю жизнь. Иногда — навечно. Есть, конечно, люди, которые успевают оказывать услуги каждому правительству. Лакеи. Но кто скажет про лакея: «се — человек?»

— Нет, — продолжал сам с собой рассуждать Анатолий Федорович, — никакая сила не заставит меня покривить душой. Завтра будет возможность показать, что новый суд — суд справедливый. Что мы, русские, не закоснели в беззаконии, в служении тем, на чьей стороне сила, а не истина. Мой ответ вам, господа Палены и Лопухины, — беспристрастие!

Наступило 31 марта... Интерес к судебному процессу Веры Засулич был настолько высок в обществе, что в зал заседания пропускали исключительно по билетам. Вокруг же здания суда собралась многочисленная толпа. В 11 часов началось слушание дела. Два человека привлекали всеобщее внимание присутствующих — обвиняемая и председатель.

— Признаете ли вы себя виновной? — задал вопрос Кони Вере Засулич.

— Я признаю, что стреляла в генерала Трепова, причем могла ли последовать от этого рана или смерть — для меня было безразлично.

— Расскажите, что побудило вас совершить покушение на генерала Трепова.

— Я просила бы позволить мне объяснить мотивы после допроса свидетелей.

Присутствующие жадно прислушивались к показаниям свидетелей. Всеобщее сочувствие вызвала обвиняемая. В мертвой тишине раздавался ее прерывающийся от волнения голос, рассказывающий об охвативших чувствах, когда девушка узнала о том, что произошло в доме предварительного заключения.

— ... Мне казалось, что такое дело не может, не должно пройти бесследно. Я ждала, не отзовется ли оно хоть чем-нибудь, но все молчало, и в печати не появлялось больше ни слова, и ничто не мешало Трепову или кому другому, столь же сильному, опять и опять производить такие же расправы — ведь так легко забыть при вторичной встрече шапку снять, так легко найти другой, подобный же ничтожный предлог. Тогда, не видя никаких других средств к этому делу, я решила, хоть ценою собственной гибели, доказать, что нельзя быть уверенным в безнаказанности, так ругаясь над человеческой личностью... Я не нашла, не могла найти другого способа обратить внимание на это происшествие... Страшно поднять руку на человека, но я находила, что должна это сделать...

На фоне вялой и бесцветной речи прокурора ярко сверкнуло выступление защитника. По мнению современников защита Засулич сделала Александра всемирно известным. «Одною этою речью П.А. Александров обещил себе бессмертие».

В своей речи Анатолий Федорович Кони поставил перед присяжными три вопроса, на которые они должны были ответить, и разъяснил им их задачи.

— Если вы признаете подсудимую виновною по первому или по всем трем вопросам, — закончил свою речь Кони, — то вы можете признать ее заслуживающею снисхождения по обстоятельствам дела... Эти обстоятельства всегда имеют значение, так как вы судите не отвлеченный предмет, а живого человека, настоящее которого всегда прямо или косвенно слагается под влиянием его прошлого. Обсуждая основания для снисхождения, вы припомните раскрытую перед вами жизнь Засулич. Быть может, ее скорбная, скитальческая молодость объяснит вам ту накопившуюся в ней горечь, которая сделала ее менее спокойною, более впечатлительною и более болезненною к окружающей жизни, и вы найдете основания для снисхождения.

Присяжные завершили совещание довольно быстро. Все затаили дыхание, и в зале наступила мертвая тишина. Старшина присяжных заседателей дрожащей рукой подал председателю опросный лист. А.Ф. Кони, просмотрев и подписав его, вернул старшине для оглашения, который успел только произнести:

— Нет! Не вин... — и продолжать уже не смог.

«Тому, кто не был свидетелем, — вспоминал Кони, — нельзя себе представить ни взрыва звуков, покрывших голос старшины, ни того движения, которое, как электрический толчок, пронеслось по всей зале. Крики несдержанной радости, истерические рыдания, отчаянные апло-

дисменты, топот ног, возгласы: «Браво! Ура! Молодцы! Вера! Верочка! Верочка!»

Судебный процесс над Верой Засулич продолжался всего 8 часов (с 11 утра до 7 вечера). Он стал непревзойденным профессиональным образцом для многих поколений судей. Кони проявил блестящее умение вести заседание деловито, собранно, строго и объективно. Резонанс этих восьми часов надолго отозвался в политической, общественной, правовой жизни России и имел глубокие последствия.

Оправдательный приговор разразился настоящим громом. Правительство было напугано, и граф Пален потребовал от Кони подать в отставку. После длительного разговора между председателем суда и министром, последний предложил:

— Вот что! Уполномочьте меня доложить государю, что вы считаете себя виновным в оправдании Засулич и, сознавая свою вину, просите об увольнении от должности председателя, а?

Кони молчал.

— Могу вас уверить, что государь, по своей доброте, не станет долго гневаться на вас. Он оценит ваше сознание: он так благороден! Я ему напомню о ваших прежних трудах и заслугах, и он вас скоро... он скоро оставит это... это дело.

Кони молчал.

— Уполномочьте меня, я вам могу обещать, что вы даже скоро получите новое назначение... например, в прокуратуре... А там все пойдет своим чередом... вы еще молоды, у вас много впереди; это будет лишь временная отставка.. А? Так?

— Я не могу вас уполномочить, — наконец ответил Анатолий Федорович, — я не могу дать вам право говорить государю то, чего я не признаю. Удивляюсь, как после всего, что я сейчас говорил вам, после всего, что говорил я до процесса, вы можете мне предлагать признать себя виновным...

— Я вам еще раз объясняю, что вам грозит увольнение без прошения, если вы не хотите принять моего предложения...

— Вы можете с помощью высочайшего повеления убить меня в служебном смысле, но вы совершенно напрасно предлагаете мне совершить в этом отношении самоубийство. Я не согласен ни на какие компромиссы! Пусть меня увольняют!.. Но сам я моего места именно теперь не оставлю...

— Но позвольте, что вас так удерживает на этом месте? Вы думаете, что вам легко будет его занимать?

— Я не жду ничего отрадного на моем месте. В адвокатуре...

— В помойной яме!

— В адвокатуре, двери которой для меня открыты, я всегда, без особого труда, получу вдесятеро более, чем получаю теперь, и буду лет через десять иметь возможность сказать навсегда «прости» стране, где можно вести с судьей такие разговоры, какие вы, граф, ведете со мною... Я не честолюбив и спокойно смотрю на награды, чины и звезды, которых лишит меня отныне министерство юстиции. Мало привлекает меня и мое положение. Я знаю, как тягостно положение главы коллегии, находящегося в опале... Меня удерживает, помимо соображения, что я могу быть полезен на моем месте, еще одно... На мне должен разрешиться, судя по всему, практически во-

прос о несменяемости. Несменяемость — лучшая гарантия, лучшее украшение судейского звания. Благодаря ей легко переносится и скудное вознаграждение, и тяжкая работа судей. Она поддерживает, она ободряет многих деятелей внутри России; она дает им доверие к своим силам в столкновениях со всякою неправдою... И вы хотите, чтобы эти далекие деятели, живущие только службою, узнали, что председателя первого суда в России, человека, имеющего судебное имя, занимающего кафедру, которого ждет несомненный и быстрый успех в адвокатуре и для которого служба — далеко не исключительное и неизбежное средство существования, достаточно было поугадать несправедливым неудовольствием высших сфер, чтобы он тотчас, добровольно, с готовностью и угодливою поспешностью отказался от лучшего своего права, приобретенного годами труда и забот, — отказался от несменяемости...

Это был звездный час Анатолия Федоровича Кони. Его судейские и человеческие достоинства с честью выдержали большие испытания. Для русских людей он стал символом чести и неподкупности, для правительства и реакционной печати — «красным». Начался долгий период его опалы и травли.

Гнев императора был настолько велик, что «за небрежное ведение дела В.Засулич» вскоре с поста министра юстиции был уволен граф Пален.

17 октября 1888 года император Александр III с семьей и многочисленной свитой возвращался из Крыма в Петербург. В 1.14 на высокой скорости первый паровоз сошел с рельс с десятиметровой насыпи и полностью зарылся в землю. Вагоны посыпались как спичечные коробки, от вагона министра путей сообщения осталась только гряда щепы. Императорская фамилия в это время обедала в вагоне-столовой. Удар был настолько сильным, что вагон соскочил с тележек, которые от удара отскочили назад, образовав целую пирамиду. Были убиты наповал два камер-лакея, стоявших в дверях, и лакей, подававший в этот момент Александру III кофе. Серебряный портсигар в кармане императора сплюснулся в лепешку. Случайность спасла коронованных особ от верной гибели — одна сторона рухнувшей крыши уперлась в пирамиду тележек, и она не дошла до земли на два с половиной аршина.

Первая мысль, которая возникла в обществе в связи с крушением, — диверсия. Началось следствие.

— Анатолий Федорович, вам придется срочно отправляться в Харьков. Сегодня же, — заявил Кони министр юстиции Д.Н. Набоков. — Государь дал соизволение на то, чтобы вы приняли под свое руководство все следствие...

Зная беспристрастность Кони и назначая его, император поставил перед ним сложнейшую задачу, от которой в большой степени зависела политическая атмосфера в России на ближайшие годы. Обер-прокурор должен был ответить на вопрос: что это было — диверсия, следствие безответственности или стечение обстоятельств? Это прекрасно понимал и сам Анатолий Федорович.

Приехав на место катастрофы, он начал опрос свидетелей с правительственного инспектора железных дорог Кронеберга, который был подавлен, временами его лицо искажала судорога, а в красивых глазах стояли слезы. Видя состояние инспектора, Кони решил увести его из вагона следователя.

— Может быть, пройдемся, Николай Андреевич? — предложил обер-прокурор.

Кронеберг безразлично пожал плечами.

— Все последнее время я ходил к ним на заседания с револьвером, — неожиданно сказал Кронеберг Анатолию Федоровичу на улице.

— К кому? — опешил Кони.

— В правление дороги. К Гану и Полякову. Мне открыто грозили расправой.

— Не понимаю?! — с недоумением спросил обер-прокурор. — Кто вам грозил? Ган и Поляков? И за что?

— Запросите мои донесения о злоупотреблениях правления департамента дорог, и вам сразу станет понятно, кто и за что грозил, — с горечью ответил Кронеберг. — Вам известно, что через два месяца правительство выкупает дорогу?

— Да.

— Так вот, за последние восемь лет доход правления вырос в шестнадцать раз. Почему, изволите поинтересоваться? Да ведь правительство будет выплачивать господину Полякову каждый год сумму, равную среднему годовичному доходу. И позвольте обратить ваше внимание — годовичному доходу из самых доходных пяти лет последнего семилетия. В течение шестидесяти лет!

— И как же этот доход поднимали?

— Уменьшая расходы на эксплуатацию. Вместо песка сыпали шлак, шпалы, давно вышедшие из строя, не меняли, укладывали гнилые и маломерные, покупая их по дешевке. За шесть лет понизили издержки на ремонт паровозов и вагонов на миллион рублей. Машинисты проводят в пути по восемнадцать часов и валяются с ног от усталости...

— Министр об этом знает?

Кронеберг долго молчал.

— Я понимаю, какие чувства вами владеют, — тихо произнес Кони. — Но есть еще одно чувство... Оно превыше всего...

— Да, ваше превосходительство. Чувство долга... Министр знает обо всем по моим докладам. Возможность такого исхода, — чиновник кивнул на разбитый состав, — была заложена уже в том, что дорогу строили очень поспешно. Движение открыли на девять месяцев раньше против положенного по уставу срока. Комиссия барона Шернвалья обнаружила массу вредных последствий преждевременного ее открытия. Обо всем доложили министру, а он выдал дороге похвальный аттестат и сделал заявление о ее хорошем техническом состоянии.

— Может быть, мы продолжим разговор в присутствии следователя? — мягко спросил Анатолий Федорович Кронеберга. — Вы готовы, Николай Андреевич?

— Готов...

Факты, собранные обер-прокурором, были вопиющими, они ярко рисовали картину хищнической эксплуатации и рабочих, и природных богатств, и стремление получить максимум прибыли при минимальных затратах. Но как только следствие вплотную занялось злоупотреблениями, царящими в правлении железной дороги, руководство кинулось искать защиты в правительст-

венных сферах. Министру внутренних дел Толстому был послан донос на Кони, в котором обер-прокурора обвинили в том, что, пользуясь своим положением, он старается возбудить ненависть служащих на железной дороге против их начальства и хозяев. Если бы Толстой дал ход этому доносу, дело обернулось бы против Анатолия Федоровича плохо, так как в глазах общественности он был «красным».

Александр III пожелал лично выслушать Кони и пригласил его в Гатчину. Император внимательно выслушал доклад, и, когда узнал, что при строительстве железных дорог в Харьковском уезде уничтожили почти все прекрасные леса, с такой силой ударил по столу своим золотым портсигаром, что посыпались на пол все лежавшие на столе предметы.

— Какой же общий вывод, к которому вы пришли по поводу дела? — спросил император Анатолия Федоровича.

— Ваше величество, перед Трафальгарской битвой адмирал Нельсон вывел на своем адмиральском корабле сигнал: «Англия ждет, что каждый исполнит свой долг». У нас же во всех чрезвычайных случаях следовало бы вывесить сигнал: «Россия может быть уверена, что никто своего долга не выполнит».

Император на эти слова только грустно улыбнулся.

Анатолию Федоровичу неоднократно предлагали пост министра. В 1906 году Столыпин формировал свое правительство и желал видеть Кони министром юстиции. Склонить старого юриста приехала целая делегация.

— Нет, господа! Я стар, у меня больное сердце. Каждый спор, каждая публичная лекция лишаю меня сна. Сердечные припадки измучили меня, а вы хотите, чтобы я занял самый боевой пост в борьбе с революцией и реакцией. Для этого нужен человек, прямолинейно смотрящий вперед, не считающийся с голосом сердца. Нужны стальные нервы и воля...

После Октябрьского переворота 1917 года Кони всецело посвятил себя преподавательской деятельности. За последние десять лет своей жизни он прочел, несмотря на болезненное состояние, более 1000 лекций, причем не только по юриспруденции, но и по истории русской литературы и театру. Вся эта огромная работа была фактически бескорыстной. Анатолий Федорович, если и получал плату за свои курсы, то смехотворно малую. Сохранилось удостоверение, выданное ему Институтом Живого Слова: «Дано сие гр. Кони Анатолию Федоровичу, в том, что он состоит преподавателем в Институте Живого Слова и получает заработной платы два рубля в месяц». Прославленный юрист добродушно шутил:

— Надо бы еще после слов «Анатолию Федоровичу Кони» — вписать: почетному академику, почетному члену Академии Наук, почетному члену Военно-Медицинской Академии, профессору, доктору уголовного права...

Залы во время его выступлений были всегда переполнены, кому не хватало места, садились прямо на пол. А он любил своих слушателей не меньше, чем они его. Но в 1919 году был вынужден отказаться от чтения лекций из-за невозможности передвигаться на сломанных ногах. «Отсутствие извозчиков, — вспоминал Кони, — и полная невозможность по моему физическому состоянию втискиваться и вышхиваться при пользовании трамваем заставили меня с грустью прийти к мысли покинуть мою аудиторию на далеком от меня Васильевском Острове, о чем я объявил в 1919 году моим слушателям».

Студенты обратились в Комиссариат просвещения с просьбой предоставить любимому профессору средство передвижения. Комиссариат пошел навстречу, и Анатолию Федоровичу стали присылать лошадь.

А.Ф. Кони ненавидел чиновничество, он никогда не надевал ни парадной формы, ни орденов, появлялся в обществе в неизменном черном сюртуке и на протяжении многих лет носил старое трепанное пальтишко. Именно в этом наряде позвонил он однажды в дверь особняка, где жил его коллега по Государственному совету. Открывший дверь нарядный, в медалях, старый швейцар, презрительно оглядев сенатора, сурово пробурчал:

— Проходи, старичок, проходи, здесь не подадут...

Юмор не покидал Анатолия Федоровича до конца жизни. Он делил свою сознательную жизнь на четыре периода: «До двадцати лет я был дурнем, с двадцати до сорока — молодость, от сорока до шестидесяти — творческий расцвет, ну а после этого — старость...». В 1921 году Кони написал автобиографию, которую закончил следующими словами: «В заключение, подражая английскому юмористу, к сожалению, вынужден прибавить, что известия некоторых зарубежных и русских газет о моей смерти лишены достоверности, а сопровождающие их, как мне говорили, некрологи несколько преждевременны».

Не раз он обыгрывал и свою фамилию. Когда врачи посадили Анатолия Федоровича на диету, он, отказываясь от запретных угощений, острил:

— Не в коня — вернее: не в коней — корм.

Когда конюшенное ведомство перевели в Москву, Анатолий Федорович, за которым перестали присылать лошадь, вынужден был прекратить свои лекции.

— Подумайте, — подшучивал он, — лошади в Москве, а Кони — в Петрограде!

Весной 1927 года Анатолий Федорович читал лекцию в холодном, давно не топленном зале Дома ученых. Старый юрист промерз до такой степени, что с трудом закончил свое выступление. В результате он заболел воспалением легких, от которого уже не оправился. 17 сентября Анатолий Федорович Кони скончался в Ленинграде. В соответствии с завещанием он был похоронен на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры, но в 30-е годы его прах был перезахоронен на Волковом кладбище. За два года до смерти (15 октября 1925 года) в письме к М.Н. Ермоловой он подвел итог своей жизни: «Вы подвизаетесь на мировой арене драматического искусства и участвуете в драмах, трагикомедиях и водевилях, но и я 50 лет работал на большой сцене уголовного суда и правосудия, и мне приходилось участвовать в драмах, трагедиях и комедиях жизни. Скажу больше, я исполнял все старинные амплуа — я был злодеем как прокурор в глазах обвиняемого; был благородным отцом, руководя присяжными и оберегая их от ошибок; был резонером. Ибо как обер-прокурор должен был разъяснять закон старикам-сенаторам и — наконец — был и состою первым любовником богини Фемиды, присутствуя при ее появлении на Руси взамен прежнего бессудия и бесправия, любил ее всей душой и приносил ей жертвы. Она теперь постарела, зубы выпали, волосы поседели, повязка упала с глаз, но я ее все-таки люблю и готов служить ей... Я прожил свою жизнь так, что мне не за что краснеть...» ■

КАБ

Ольга ЧАЙКОВСКАЯ

Часть первая

Он сошел с электрички и пошел в лес, все прямо и прямо до самой "сцены". Места эти он знал хорошо, исходил вдоль и поперек — и с туристскими группами, которые иногда сам же и водил, и с друзьями, и в одиночестве.

Красота тут необыкновенная, особенно осенью и летом, недаром на "сцене", так называют большую лесную поляну, собираются туристы, по большей части молодежь, многие с гитарами — каждый может, поднявшись на дощатую эстраду (отсюда и название поляны), исполнить, что ему вздумается, как правило, свое собственное. По мере того, как надвигается ночь, пламя костров все ярче, поляна наполняется черными силуэтами и тех, кто сидит у костров, и тех, кто бродит меж ними. Говор, смех, песни, дружеские встречи, легкие влюбленности — веселая жизнь шумела здесь тогда.

АМЫ

ВСЕМ ТРЫМ-ТРАВУ

Теперь все бело и глухо, вокруг угрюмо стоит лес. Эстрада, засыпанная снегом, выглядит, как огромный стол под скатертью — и без гостей. Тишина, хоть бы дятел какой стукнул.

Он повернул под прямым углом влево, сгибаясь, шел под елями (искал, где меньше снегу), огибал коряги и колдобины. Он помнил приметы: овальная поляна, в ее северном углу огромная ель, поперек вытянулся не то холм, не то вал, и тут же внизу ручей, который сейчас, разумеется, подо льдом и под снегом. Поляна сколько угодно, есть и продолговатые, но на них ни вала нет, ни отдельно стоящей ели. "Бред какой-то, — думал он, — даже если и найдешь эту поляну, что там можно сейчас отыскать?" Дойдя до своих собственных следов, ведущих к "сцене", он взял левее и опять двинулся к полю. Так зигзагами прочесывал он проклятый квадрат до самой темноты.

Он ничего не нашел — слава Богу! Нужно быть полным идиотом, чтобы весь день таскаться по зимнему лесу.

Вернулся он в город, порядком вымотанный. А когда подходил к дому, неподалеку двинулась и проехала мимо белая "Волга". Ему припомнилось, что

утром, когда он выходил из дому, на противоположной стороне улицы тоже вроде бы двинулась белая "Волга". И почему-то показалось, что она имеет отношение именно к нему.

То было в феврале, а в весенний паводок в заливе реки Нерской всплыла мертвая девочка лет четырех, была она без шубки, без шапки и сапожек, только платице и колготки. Сбежались люди, смотрели в ужасе; явилась милиция, потом подъехала санитарная машина, которая и отвезла девочку в морг.

А на следующий день, на том же самом месте всплыла девочка постарше. Также сбежались люди, тоже прибыли милицейская и санитарная машины. С ужасом обходили люди это место на реке.

— Не нужно было мне брать этого дела, — думала Таисия Лемперг, адвокат, направляясь в тюрьму, чтобы встретиться с подзащитным.

Когда ей предлагали взять его дело, со всех сторон говорили, будто он славный, добрый человек, и арест его — чистое недоразумение, явная ошибка. Но, увы, теперь она уже перелистала обвинительное заключение, для нее, защитника, убийственное: Кораблев*, признавая вину, сочинял одну за другой все новые версии, говорил, что это жена утопила детей, а он потом, в гнев, в отчаянии бросил ее за это в прорубь, и ее унесло. А потом рассказал, будто бы она все-таки выползла тогда на лед, и он убил ее позднее в лесу; а потом и вовсе заявил, что убил ее в их собственной квартире и вынес в рюкзаке. Все эти версии следователь методически разбивал одну за другой, пока не воссоздалась картина, подтвержденная экспертизами, следственными экспериментами и показаниями свидетелей. Чудовищное преступление: осенью (4 ноября) Кораблев увез жену в лес, убил ее топором и тут же закопал (тут ее и нашли). На следующий день (5 ноября) он увез к реке двух девочек и утопил (там же они и всплыли).

Страшное дело, от него бьет, как током.

Таисия Григорьевна шла длинной улицей Матросской Тишины и ей, как кадр из фильма ужасов, виделось все одно и то же: молодой человек с рюкзаком за плечами идет, ведет за руки двух девочек, старшая, восьмилетняя, за ним попевает, но и младшая, ей четыре, тоже ковыляет, старается. Он сейчас сядет в электричку, а потом пойдет с ними к реке. От этого кадра можно было сойти с ума.

Самый тот факт, что ее подзащитный признавал свою вину, ее не смущал насколько, цена нынешним "добровольным признаниям" и "чистосердечным раскаяниям" хорошо известна, и методы, которыми их добывают, тоже известны хорошо.

Что-то странное происходит у нас с правоохранительными органами, особенно со следственным аппаратом и уголовным розыском. Конечно, и в прежние времена у них было немало недостатков (сколько о них писали), но ведь были же и блестяще расследованные дела.

А нынче наглые убийства совершаются сотнями и средь бела дня — ни одно не раскрыто. Такое впечатление, будто в России вообще не стало розыска, нет агентурной сети, которая внедряется в преступный мир и может не только

*Единственная измененная по соображениям этики фамилия. Все остальные имена и фамилии в тексте — подлинные.

помочь раскрыть преступление, но и предупредить его; нет прежних сыщиков и прежних криминалистов. Нет премудрых следователей. По телевидению нам беспрестанно показывают омовцев, которые карабкаются в окна верхних этажей, рубят кирпич ладонью (и только что не головой), кого-то хватают (мы не знаем — кого), кого-то суют, простите, мордой в асфальт (мы не знаем — за что). Ведь ребенку ясно: прыгая, лазая и разбивая физиономии, не только убийства — мелкой кражи, и той не раскроешь.

Впрочем, давно уже было видно: по мере того, как разваливалась одна структура, другая отвердевала — знакомство с множеством дел меня убеждает, что сегодня можно говорить уже о некоей сложившейся "структуре правоохраны" — антипрофессиональной и основанной на чистом беззаконии.

Ходит по милиции такая хохма: когда совершено убийство, всегда есть две версии — его либо свои совершили, либо чужие; чужих все равно не поймать, надо браться за своих. На самом деле это не хохма, а руководство к действию: любой из родных и близких убитого автоматически оказывается под подозрением и нередко бесслен против него.

К мужу погибшей подойдут на улице сотрудники милиции и скажут, ты, мол, матерился в общественном месте, вот и свидетели. Оправдываясь, споря, доказывая, он не знает, что судьба его уже сломана. Все происходит очень быстро: административный арест на трое суток (а можно и до пятнадцати) и допросы — однако не о том, почему матерился на улице, а о том, почему убил Катю. Уголовный процесс формально не начинался, а по существу уже идет полным ходом. По закону при адмааресте должен быть адвокат, но кто же берет адвоката на три дня? Человек оказывается в полной власти оперативников, которым вполне хватает и трех дней: обычно на третий (а бывает раньше) и появляется тот документ, который называется "явка с повинной" или "чистосердечное раскаяние".

Явка с повинной — юридический термин, он означает добровольный приход преступника к властям с признанием вины. О каком, однако, приходе к властям, тем более добровольном, может идти речь, если человек и так сидит у них за решеткой? И что заставляет его признаться в преступлении, иногда чудовищном, если доказательств его вины не существует? Спросите у милиции, и вам ответят: у него так тяжело стало на душе от сознания своей преступности, что он не вынес и "явился". Таким образом в прокуратуру из милиции тучей идут лексически неотличимые, но зато всегда чистосердечные признания, как результат массовых нравственных страданий.

Но почему же признаются невинные? Сейчас много пишут об избиениях в милиции, о прямом палачестве, о "слонике" — противогазе, у которого перекрыт доступ воздуха и человек корчится в удушье (впрочем, его, говорят, вполне заменяет ныне полиэтиленовый пакет на голове), или о наручниках, на которых подвешивают. В тех делах, с которыми мне пришлось знакомиться, не было ни "слоников", ни наручников. Было другое: за многие годы (с использованием опыта десятилетий) в милиции научились главному искусству — брать в клещи и пытать самую человеческую душу.

Допрос. Его ведут разом несколько сотрудников, разговор идет на чистом мате, обвинения предъявляются дикие (и неизменное: тебя видели, у нас есть свидетели). Бьют? Нет, бывает, раза два дадут ребром ладони по шее — на самом деле этот страшный удар, не оставляя следов, мутит сознание, ломает во-

лю. Он — знак бесправия, неоспоримое доказательство того, что в этих стенах с тобой могут сделать все, что угодно, что прежняя жизнь кончилась и началась другая, похожая на ночной бред. Условия в камере — грязь, насекомые, отсутствие белья, а, может быть, и матраса (тогда — голые железные прутья), все это можно было бы перетерпеть, но рядом кто-то подсадной, кто не дает спать, повторяет угрозы, сказанные на допросе, они ввинчиваются в мозг, страшно за себя, страшно за близких.

Если несчастный героически продержится эти три дня, придет следователь, скажет: "Признаешься? Нет? Тогда пойди подумай" — и отправит в тюрьму. А что такое российские следственные тюрьмы, теперь уже известно всему свету — представитель ООН Н.Родли, посетивший их, писал в своем докладе: только Данте и Босх смогли бы рассказать о том, что он такое, этот ад. Здесь в камере, рассчитанной на тридцать человек, их вбито более сотни, они стоят (не сидят, а стоят, сесть тут некуда) в тесноте, в духоте (в туберкулезе, в гепатите). И вновь пришедший узнает: есть тут старожилы, сидящие годами, они и сплунут тут, и гложут, и сходят с ума. Вот когда его охватывает ужас, уже запредельный, он готов на все, чтобы только вырваться отсюда. Тут и появляется добродушный следователь, чего, говорит, зря мучаешься, подпиши бумажку и иди домой, а мы тем временем тут во всем этом разберемся.

Он знает, знает, что это ловушка, но уже неясно соображает, думает: а вдруг и в самом деле разберутся, я же ни в чем не виноват! Боже мой, уйти домой... И что страшного, если он сейчас подпишет "признание", все равно потом, на суде, он расскажет, как его терзали.

Он подписывает — и ловушка захлопывается. Не услышат его судьи — и никто его не услышит. Почему? Ведь согласно закону признание подследственным или подсудимым вины может быть положено в основу обвинения только в том случае, если подтверждено материалами дела, конкретными доказательствами, неопровержимыми уликами, без этого оно юридической силы не имеет. Так какой же тогда смысл оперативникам, дознавателям, а за ними и следователям с такой энергией добывать это голое, ничем не подтвержденное признание?

Да, юридической силы такое "признание" не имеет, зато обладает магической властью над умами россиян. Если "сам признался", то тут уже (как и в средние века) доказательств не требуется. Перед нами поразительный феномен раздвоенного сознания. С одной стороны, российские люди знают, что следственный аппарат развален, что дела фабрикуют, что идет разгул насилия (и случаи расстрела невиновных известны). А с другой, в их сознании крепко вбитое со сталинских времен: "наши органы не ошибаются". Как оно совмещено в одной голове, это "единство противоположностей", являет собой тайну социальной психологии. Всего отчетливей этот феномен обнаруживается в том, как решают люди жгучий вопрос смертной казни; казалось бы, если правовая система донельзя распатана, как можно доверять ей человеческие жизни? Нет, не усиливает этого довода российская голова.

Вот почему худшие в уголовном розыске и в прокуратуре с такой бешеной энергией добывают "признания", пусть хоть на неделю, на день, пусть на час! Пусть без единого доказательства — все равно оно станет главным блюдом.

Но потом это добытое "признание" все-таки начнут, как гарниром, украшать разного рода "доказательствами". Подследственного выводят на место преступления, которого он не совершал, чтобы здесь повторил он свое "призна-

ние" уже при понятых, при фото- и видеосъемке. Все это чистое беззаконие, УПК не знает такого следственного эксперимента. Да никакого эксперимента тут нет, — ничто тут не проверяется и не уточняется, это чистый спектакль, поставленный для понятых, для прессы, для "толпы", доказательством он, разумеется, служить не может, но его то и дело выдвигают в качестве доказательства; понятых допрашивают в суде как свидетелей, они говорят, что подсудимый все рассказывал и показывал добровольно и без подсказки, — и окружающим кажется, что перед ними едва ли не очевидец преступления. Далее в качестве доказательств идут показания свидетелей, полученные порою примерно теми же методами, что и "чистосердечное раскаяние". А чего только не происходит с помощью экспертов, которые считают необходимым "содействовать" расследованию. Тут оказывается, что старушка с катарактами на обоих глазах могла видеть подсудимого — да еще ночью; тут пуля вылетает из ствола винтовки, принадлежащей подсудимому, — а потом обнаруживается, что она вылетела совсем из другого ствола. Ткань оказывается какой нужно, металл оказывается какой нужен, и кровь — какая нужна.

Собственное признание подследственного (подсудимого) на самом деле в расследовании играет огромную, подчас определяющую роль, — когда соответствует действительности. Именно подлинное признание, а не самооговор, который только усложняет расследование, — сколько раз приходилось видеть, как правоохранители, соблазнившись, казалось бы, таким легким путем, как фальсификация, сами запутывались в собственных сетях и никак не могли выпутаться, вынужденные нагромождать ложь на ложь. Следствию нужны правдивые показания, и тут признание преступника, сделано оно добровольно или под натиском неопровержимых улик, оказывает следователю большую помощь. Признаваясь, преступник называет имена и адреса, бывает, что приводит следователей на место, где спрятал одежду, — и там ее находят; зарыл труп — и там его отрывают. Тогда признание сопряжено с реальными доказательствами и может быть включено в обвинительное заключение. Но если оно доказательствами не подкреплено, оно так и останется временным, вспомогательным средством, и в обвинительном заключении ему места нет.

Впрочем, все эти общие рассуждения, необходимые для понимания как правовых проблем, так и любого конкретного дела, к истории Кораблева вряд ли имеют отношение.

Потому что Вадим Кораблев все-таки нашел овальную поляну с одинокой елью в северном ее углу и ручьем внизу; и были на этой поляне остатки костра, и в нем кусок обгоревшей одежды. И была на той поляне яма, а в ней убитая Анна.

И не один пришел сюда Кораблев, а со следователем, понятыми, конвойными и фотографом, всех привел он сюда с собой.

Они разговорились, пока стояли в очереди за билетами в Минводах, ему очень понравилась веселая, в высшей степени контактная девушка (темно-русыя с серыми глазами), и позже, когда поезд тронулся, он пошел по составу разыскивать ее (его вагон был в конце состава, ее — в начале).

Оказалось, она не одна, с ней девочка лет четырех, белокурая, удивительно тихая, с внимательными глазами. Она ни словом не вмешивалась в разговор

взрослых, а когда мать сказала ей "пора спать", беспрекословно послушалась, улеглась и заснула. Чрезвычайно была мила.

Поезд летел уже в вечернюю зарю, а молодые люди все разговаривали. У девочки нет отца, рассказывала Анна, он умер от какой-то болезни (какой, Вадим не запомнил), живут они в маленьком южном городке. А он рассказывал ей о своих туристских походах, да мало ли о чем они говорили; а потом спохватился, — у его собеседницы уже слипались глаза, пора и честь знать, и пошел к себе в хвост состава.

Он шел и общими вагонами, и купейными, с грохотом открывал и закрывал двери тамбуров, — и вдруг очутился перед запертой дверью; выглянул с подножки и обмер: вместе с рельсами и дорожными огнями вдаль уносилась одна только темнота, одна только ночь — у состава не было хвоста. Он смотрел со своей подножки, как мчат назад рельсы, как стремительно убегают огни — и на душе было как-то необыкновенно легко. Вагоны отцеплены в Армавире, объяснил проводник, и ему стало смешно — прямо как в каком-то кинофильме!

В Москве он написал ей письмо — она не ответила, написал второе — и опять безответно. Вскоре пришлось ему быть в тех южных краях на спортивных соревнованиях, он подумал — дай-ка заеду.

Представьте, она его не узнала! А потом узнала и ужасно обрадовалась. Писем его она не получила — выяснилось, что их рвал и выбрасывал ее двоюродный брат. И тут же начался их дивный роман: они бродили по степи, по горам, и в Нальчик ездили, и на фуникулере поднимались, и наговориться не могли. Всего три дня, но каких!

Таких три дня, что он позвонил в Москву, чтобы сообщить родителям: едет с невестой (и у стариков по этому поводу был только что не обморок).

Тут же они с Анной выехали в столицу, а потом она съездила за Юлей. Вадим хотел удочерить девочку, но молодая жена оказалась человеком практичным и воспротивилась этому, чтобы не терять положенного ребенку пособия.

Настороженность родителей к Анне вскоре прошла — так весела, так мила была она; а потом родилась Катенька, Юля оказалась прекрасной сестрой, очень заботливой; когда Катенька пошла, их можно было видеть во дворе — они ходили, взявшись за руки. И бабушка, мать Вадима, все больше влюблялась в семью, а любовь такой бабушки значила немало, она работала в мощной фирме на руководящей должности. И Анна, и девочки (бабушка любила обеих) с ног до головы были одеты в импорт; в детской полно было игрушек и книг, тут стоял гардероб, набитый куртками, платьями, свитерами и сапожками. Гардероб Анны тоже ломился от вещей добротных, дорогих и красивых. Приезд бабушки был всегда праздником и для детей, и для их матери.

А самому Вадиму немного было нужно — и в еде, и в одежде он был равно неприхотлив. Были у него две страсти — и обе удовлетворены. Первая страсть — радиотехника, тут ему везло, он работал инженером в заводском конструкторском бюро, и работа шла интересно, к тому же еще поступил на вечернее отделение факультета радиотехники; а дома его стол был завален радиодеталями, приборами и опутан проводами. А второй его страстью, может быть, даже главной, была природа. Лес, луга, речки — здесь он был дома, ловкий, прикладистый, опытный. Здесь, в кругу друзей, таких же страстных любителей леса и речек, он был счастлив. Конечно, и Анну он брал с собой в походы. И вот именно в этих походах стали обнаруживаться в ней черты, которых он раньше не заме-

чал (да нет, их просто не было). Она оказалась ревнива, и это бы не беда, но свои ревнивые подозрения обнаруживала она с грубостью неожиданной и невозможной. Несколько раз, подвыпив, устраивала громкие скандалы, производившие на всех тягостное впечатление; однажды даже стала швыряться в него мисками, но ни разу не попала, потому что он увертывался. На нее теперь вообще вдруг налетали внезапные приступы бешеного гнева, тогда обычно она убежала, долго где-то бродила одна, — и возвращалась, успокоенная.

Вадим теперь уходил в походы один, а поскольку уходил, как правило, по выходным, не пропуская ни одного, она все больше и больше раздражалась: никогда его нет дома. И стали отношения молодых людей как-то сами собой остывать — и притом почти безболезненно. Может быть, потому, что оба они больше всего на свете любили своих детей, они не разъехались, но остались жить в одной квартире — “как соседи”. Свою зарплату он почти всю отдавал ей.

О жизни друг друга они знали мало; когда Анна не приходила домой ночевать (говорила, ночные дежурства, она училась на медсестру), он не задавал вопросов; когда ее подвозила домой машина, он не спрашивал, кто за рулем.

Если Анна просила в чем-то ей помочь, он всегда помогал. Но однажды отказал в помощи, потому что просьба показалась ему бессмысленной: она должна была встретить на вокзале какую-то посылку и просила Вадима ее сопровождать. “Она тяжелая? — спросил. — Если тяжелая, то пожалуйста.” Но посылка предполагалась легкой, привезти должны какие-то лекарства. Зачем же ему ехать на вокзал ради легкой посылки?

Были у Анны какие-то свои планы, однажды в раздражении она сказала, что у нее теперь все будет, все — и квартира, и машина. Дошел до него слух, что друзьям она сообщает, будто выходит замуж. Все это казалось ему несерьезным.

Хочу предупредить читателя: я пишу вещь документальную, это значит, что любое существенное утверждение в ней может быть подтверждено документом или ссылкой на листы судебного дела. Некоторая беллетризация отдельных эпизодов не противоречит указанному признаку, эпизоды эти тоже не вымысел, они основаны на живых свидетельствах, но в документальных подтверждениях не нуждаются, — как не нуждается в них внутреннее состояние Вадима Кораблева, когда он увидел, что у поезда, который мчит его неизвестно куда, нет последних вагонов.

Таисия Лемперт в тюрьме “Матросская тишина” ждала, когда к ней приведут ее подзащитного.

Он оказался худощав и невысок; про него говорили, что он хорош собой, но лицо его, белое и застывшее, Таисии Григорьевне не понравилось. Неприятна была и его манера отвечать не сразу, тянуть, медленно подыскивая слова, — невиновные, как правило, так себя не ведут, напротив, они разом кидаются рассказать, как все это было в действительности, растолковать, дополнить. А этот, отрицая вину, ничего толком объяснить не мог.

Из тюрьмы она ушла с еще более тяжелым чувством. Конечно, ее профессиональный долг защищать любого: когда на человека всей мощью своей репрессивной машины обрушивается государство (пусть даже и правовое, благопристойное), рядом с ним обязательно должен быть юрист, который помогал бы советами и защитил его законные права. Плохого или

хорошего — защитил бы, тем более что до суда еще неизвестно, плох он или хорош, виноват или не виноват.

И все-таки насколько легче защищать человека, когда он тебе симпатичен и уж тем более, если веришь в его невиновность. А тут такое чудовищное, такое омерзительное преступление. Но что поделать, она обещала и поздно уже отступать.

Когда в заливе реки нашли мертвых девочек, местные правоохранители были весьма оперативны и энергичны — на станциях развесили объявления, сотрудники розыска ходили по домам, по квартирам, по вагонам электрички, показывали фотографии Анны и ее детей. Круг свидетелей разрастался — соседи, сослуживцы, врачи, педагоги, — в прокуратуре непрерывно шли допросы. Был собран большой жизненный материал.

Мы только начали наш рассказ, а образ главного действующего лица уже двоятся, и даже троится. Первый — безусловно, светлый, целый хор голосов подтверждает его: не только непритязателен — совершенно бескорыстен; не только доброжелателен — отзывчив, всегда готов прийти на помощь (любопытно, что его отзывчивость отмечает даже та воинская часть, в которой он служил, когда был призван в армию). Энергичный, целеустремленный. Открытый, общительный, живой и правдивый.

Тот человек, который в тюрьме встретился со своим адвокатом, был совершенно другим — застывшее белое лицо, тягучая речь и эта уклончивость, наконец. И вот третий Кораблев, потайной, изворотливый. Убийца, не ведающий жалости. Всегда ли он был так раздвоен, расстроен — и как удавалось ему скрыть от окружающих эту свою внутреннюю разорванность? А может быть, тут глубокое психическое заболевание, дремавшее до поры, — врачи-психиатры хорошо знают такие скрытые болезни, которые обнаруживаются только судебными медиками уже в ходе процесса. Как во всем этом разобраться?

Если трудно понять его, подсудственного, может быть, легче понять, что за человек была его погившая жена?

Только в ходе следствия стало известно, какой жизнью в последние годы жила Анна Кораблева — веселой, даже бурной, у нее сменялись мужчины. Шестерых из них сотрудники розыска нашли, и те не отрицали своей с нею связи. Не исключено, что один ее роман находил на другой, кто-то из ее приятелей жаловался, что, назначив ему свидание, она уходила куда-то “в другую компанию”. Впрочем, романов своих она не скрывала, мужчин своих приводила в гости к родным и подругам. За одного из них она собралась замуж — “военного Мишу”. Он в отъезде, учится в академии, — рассказывала она, — а когда вернется, они поженятся; правда, у него жена и двое детей, но это значения не имеет. Миша, однако, не приехал. Что-то странное чувствуется во всем этом, что-то неестественное и лихорадочное.

Кроме шестерых, найденных розыском, было известно еще о двоих — один, лет пятидесяти, “с нерусским лицом”, и другой, кажется, тоже военный. Их найти не удалось.

Но было в этом деле еще одно странное обстоятельство: поведение Анны перед тем, как она исчезла. Она подала на развод и очень с ним торопилась (выдвинула причиной вечное отсутствие мужа, увлеченного туризмом, когда же суд

подобных оснований для развода не принял, выдвинула другой довод, уже сексуального характера). Кроме того, вдруг бросила медицинское училище, хотя вот-вот должна была его окончить. А еще перевела на свою сберкнижку Юлино пособие, затем сняла с этой книжки все свои сбережения. Так ведет себя человек, когда собирается в отъезд и притом надолго, может быть, навсегда.

И невольно вспоминаешь рассказ Кораблева. На ноябрьские праздники он, как всегда, был в походе; когда, вернувшись, вошел в квартиру, его поразила какая-то гнетущая пустота. Кинулся в детскую – дверцы гардероба распахнуты, он пуст, исчезли все куртки, свитера и сапожки; нигде не было игрушек – только одна детсадовская кукла валялась на полу. Кинулся в комнату Анны – и тут огромный гардероб был пуст, исчез великолепный импорт, только на нижней полке стояли два узла с каким-то сношенным тряпьем.

Нигде ни клочка бумаги, на котором было бы объяснено, куда делась семья, – ни клочка! На столе лежало его обручальное кольцо. Он был в бешенстве. Уехать, не оставив адреса, да еще с полубольной Катей!

Он ни о чем не знал – ни об уходе из медучилища, ни о сберкнижке, но теперь вспомнил: не раз замечал он, что нет на месте его самого большого рюкзака – это значит, вещи, принадлежащие Анне и детям, вывозились загодя и постепенно день за днем?

В гневе схватил Вадим связанные в узлы обноски и, отойдя от дома, бросил их в какой-то костер.

Этот рассказ Кораблева тоже ведь нельзя сбрасывать со счетов, не так ли?

Существует, однако, формальный документ, в котором сконцентрирован труд многих (тут и следователи, и оперативные работники, и дознаватели, и судебные эксперты); подведен итог их работы, доказано преступление. Обвинительное заключение – это очень строгий документ, ввиду его важности он подробно регламентирован в Уголовно-процессуальном кодексе. В начале его излагается суть дела, “место и время совершения преступления, его способы, мотивы, последствия и другие существенные обстоятельства; сведения о потерпевшем; доказательства, которые подтверждают наличие преступления и виновность обвиняемого; обстоятельства, смягчающие и отягчающие ответственность обвиняемого; доводы, приводимые обвиняемым в его защиту и результаты проверки этих доводов. Обвинительное заключение должно содержать ссылки на листы дела”. Вот исчерпывающая и ясная схема обвинительного заключения; памятуя ее, приступим к изучению этого важнейшего документа по делу Кораблева.

Первая страница. Здесь говорится о том, что родители Кораблева развелись и, как видно, вообще были люди неважные, поскольку во внутренний мир сына “не вникали и сформировать из него гармонически развитую, духовно богатую личность не могли”. Ну и что? Можно подумать, что все население России воспитывает одни гармонические личности и только эти недотепы воспитали негармоническую. Кораблев вырос “замкнутым, скрытным, — продолжает обвинение, — не отличался эрудицией и широтой интересов”. Откуда, кстати, взяты все эти отрицательные характеристики, чем они доказаны – тут не приведено ни единой ссылки на листы дела. Значит, если личность негармоничная, а эрудиция неважная, юрист имеет право хаять человека, не приводя никаких доказательств? И куда делись характеристики более чем

положительные, просто превосходные, как раз и подкрепленные ссылками на листы дела?

И главное: почему сломана предписанная законом схема, неужели следователь, ведший дело Кораблева, всерьез считает, будто надо сперва сказать об эрудиции преступника и ничего не сказать о его преступлении? Представьте себе, перед нами прием незаконный, но не такой уж и редкий.

Однажды мне пришлось писать о следователе высокой квалификации, я читала несколько написанных им обвинительных заключений — они были точны, кратки и соответствовали порядку, предписанному законом. Но среди них попалось одно (тоже, кстати, об убийстве жены) — в нем было более двухсот страниц, небольшой роман, девочки в канцелярии суда зачитывались им и давали читать другим; мне запомнилась фраза: "Для знакомых женщин у него (обвиняемого) были театры, кино и светлые залы художественных выставок, а для жены — темная ночь и черная вода". Любопытно, что в подобного рода "романах" то и дело присутствует это — осенняя ночь и черная вода. Подобная декламация — неоспоримый знак нехватки конкретного материала (который в том деле явно имел место). Подобный прием — начинать не с существа дела, а с некой художественной части, — мне встречался не раз, и каждый раз имел, конечно, определенный расчет: рассказ о злодее и злодействе от лица власти производит колоссальное впечатление и на зал суда, и на представителей печати, радио, телевидения, а главное, на народных заседателей; мне ни разу не приходилось видеть, чтобы председательствующий в процессе выразил недовольство таким построением обвинительного заключения, зато приходилось видеть не раз, как присутствующие на процессе еще до суда были распалены бешеным гневом против подсудимого.

Словом, если обвинительное заключение начинается с художественной части (без ссылок на листы дела) — будь настороже. Тут юрист, забываясь, входит в роль романиста, которому ведомы и мысли подследственного, и его намерения. Увы, тот же путь избран и в документе, который мы рассматриваем. Относительно Анны сказано, что она "остро переживала свое одиночество" (каково?), а про Кораблева, что у него "в октябре созрело намерение устранить семью" (именно созрело, и притом именно в октябре — поди проверь). Если мы только что называли обвинительное заключение итогом огромной работы целой группы юристов, то теперь невольно задаемся вопросом: много ли нужно труда, чтобы сочинить фразы об "одиночестве" и "созревших намерениях".

Нет, обвинительное заключение, казавшееся на первый взгляд таким основательным, при более внимательном чтении решительно разочаровывает.

Но все-таки что побудило следователя пуститься на подобные хитрости, почему бы ему не начать, как положено, с самого преступления, с его места, времени и мотива? А потому — невольно возникает такое подозрение, — что следователь и сам не очень ясно себе все это представлял.

Когда, где и как погибли несчастные дети Кораблевых? Почему они, пропавшие в ноябре, оказались в воде без теплой одежды? Может быть, их привезли к реке в машине и сбросили с близстоящего моста — они были найдены недалеко от него вниз по течению? И сколько времени пробыли они в воде? Ничего этого не известно. Как, в самом деле, при подобных обстоятельствах указать место, время и обстоятельства преступления (если, конечно, не взять их с потолка)?

И с мотивом преступления дело обстояло не лучше. Кораблев уничтожил свою семью, чтобы освободить место для новой жены, — утверждает прокуратура, — но все дело в том, что у него в тот период не только жены не было, но даже не было и невесты; девушка, которой он был увлечен, замуж за него в ту пору не собиралась, он сделал ей предложение только в декабре, через месяц после исчезновения Анны, но даже и тогда она сказала, что выйдет за него только после окончания института (а если бы они и поженились, у них было, где жить). Как же в подобных обстоятельствах обосновать мотив преступления?

Слишком много туману, подумалось мне, как над болотом, когда, согласно поверью, болотная ведьма пиво варит.

И тут же я резко осудила себя за поспешность: ведь передо мной всего лишь первые страницы — возможно, они говорят о слабой квалификации следователя, о его неумении правильно оформить документ? Можем ли мы забывать: Кораблев признался — что нужно сделать с человеком, чтобы он признался в столь чудовищном преступлении? И мы ведь помним: его признание подтверждено самым страшным доказательством, которое только бывает на свете — могилой, о которой никто, кроме него, знать не мог.

И все же, как обстоит дело с его признанием?

Ведь с самого начала Кораблев категорически отрицал свою вину. Перед нами протокол допроса, где он говорит, что не виноват. И вдруг в том же самом тексте, на той же странице — собственноручно! — такие странные слова: "В этом протоколе записано так, как я бы хотел, чтобы было. В смерти своих детей я не виноват, но в поход с ними ходил и свою бывшую жену стучал головой об лед и купал с головой". Что за детский лепет у взрослого, такая безграмотность у интеллигентного инженера? — "жену стучал головой об лед, купал с головой". И почему вдруг вздумалось ему рассказывать следователю не о том, что было, а о том, "как он хотел бы, чтобы было".

И если в одной строке он категорически отрицает свою вину, а в следующей ее признает, что же тогда произошло между этими двумя строками? Какими доказательствами его сразили, какими уликами приперли к стене? И почему в протоколе нет ни слова о том, какая шла работа в это время в следовательском кабинете, какие вопросы были заданы, какие ответы получены? Ничего понять нельзя.

А вот другой, более поздний протокол, где Кораблев говорит, что убил жену топором в их квартире, а потом вынес ее в рюкзаке. А вот протокол, где он говорит, что убил ее в лесу. И то подписывал, и это подписывал.

Они в своем конструкторском бюро как раз отлаживали весьма важную для них систему, когда явились двое из милиции, сказали, что им нужен Кораблев, ненадолго, тут неподалеку, пустая формальность.

Была весна, апрель. Машина шла по шоссе быстро. Спутники его молчали. Он спросил было, куда они едут, не получил ответа и больше не спрашивал; на душе было тревожно. Что-то не похоже было на то, что неподалеку и ненадолго.

Выехали из города. Ехали часа два и въехали наконец в ворота здания, надписи на котором он разобрать не успел; машина свернула вбок и остановилась возле невысокого корпуса.

Он долго ждал в пустой комнате, а чувство тревоги росло.

И тут вдруг из двери выдвинулась каталка, на ней лежало что-то, накрытое простыней.

Он и тогда не понял, что это такое, но душа его была уже полна ужаса. Когда простыню резко откинули, он увидел и узнал Юлю, — а рядом с ней лежало нечто маленькое и непередаваемо ужасное, — и потерял сознание. Впрочем, не сразу, сперва он почувствовал, что сползает по стенке, услышал: "Нашатырь!", и очнулся от его сильного запаха. Он не упал, потому что уперся в стенку, да его, как видно, и держали.

После этого с ним можно было делать все, что угодно.

Так вот откуда эта неподвижность белого лица, эта замедленность мысли и слова. Потрясение самых душевных основ, предельная усталость, запредельное отчаяние. Он был тяжело болен и уж, конечно, не было у него сил сопротивляться натиску извне, вот и подписывал все, что давали ему написать.

И еще мы знаем, что такое милицейский изолятор временного содержания, где нет постельного белья, но зато есть насекомые, да и дело опять же не в том, — а в том, что рядом с тобой какой-то странный тип, который непрерывно суется в твои дела, что-то советует и чего-то требует (по простодушию своему Вадим не догадался, кто таков его сокамерник, только позднее ему объяснили).

Это значит — дни, полные диких допросов, и ночи без сна.

И что такое российская следственная тюрьма — мы тоже уже знаем и можем себе представить: в зловонной камере, где не продохнуть, где впритирку с другими несчастными больными людьми стоит Вадим Кораблев и видит все одно и то же: ввозят каталку, срывают простыню, там его Юля и еще что-то, маленькое и непередаваемо ужасное. Неужели это его Катя?

— Версию, будто детей утопила Анна, — рассказывал позже Кораблев, — подсказал мне следователь, он уверял, что такая версия мне очень даже выгодна: главная вина ложится на жену, судьи, конечно, перейдут на статью об аффекте, а это уже небольшой срок. Если же я упрусь, он обвинит меня во всех трех смертях, у него уже припасены два свидетеля, которые "видели", как я вел детей к реке. А это верная "вышка".

Получив "признание" Кораблева, следователь (как обычно и происходит в подобных случаях) начал подгонять его под реальные обстоятельства дела — да никак не получалось. Эта версия предполагала, что и труп Анны должен быть в том же заливе, где обнаружили детей, все дело, однако, в том, что водолазы-то его не нашли. Построили было новую версию — убийство в квартире, но эта уже вообще ни в какие ворота не лезла.

Так что же получается? Опровергая ложные версии Кораблева в своем обвинительном заключении, следователь на самом деле лихо разоблачал свои собственные выдумки?!

Известно, что вину человека должно доказывать обвинение, а сам он своей невиновности доказывать не обязан — азбучная правовая истина. В деле Кораблева этот закон был как отменен. Мотив преступления? Следствие только назвало его: "в неприязненные отношения", "корыстные побуждения", но "не привело тому ни единого доказательства" — писала в своих жалобах Таисия Григорьевна.

Так и начался этот странный диалог между адвокатом и следствием. "Как же это Анна оказалась ночью в лесу с нелюбимым бывшим мужем"? — спрашивает адвокат.

"Пошла с ним в поход", — невозмутимо отвечало следствие.

"Но почему? Она и в погожие летние дни давным-давно в походы не ходила, зачем же теперь, в ноябре, отправилась ночью в промозглый продрогший лес"?

"А вот взяла и пошла, — отвечало следствие, — Докажите, что не ходила".

"И оставила детей на ночь одних? Она же никогда в жизни этого не делала".

"А вот сейчас взяла и оставила".

"И это при условии, что младшая дочка все еще была нездорова"? — это адвокат.

"Ну и что? — отвечает следствие. — Она собиралась вернуться еще до того, как проснутся дети".

"Значит, вернуться рано утром. А когда же она выехала?"

Молчит следствие.

"Ну, вы же знаете, — настаивает адвокат, — 4-го ей звонил двоюродный брат, за полчаса до отхода ночного ленинградского поезда, она с ним разговаривала, никуда не спешила, стало быть, в лес собралась уже поздней ночью, до леса дорога не близкая, там она должна была быть под утро — и тут же мчаться обратно? Хорошенький "поход"!

Молчит следствие, ничего не отвечает.

Такова была сущность этого нескончаемого диалога.

Время — явление непонятное. Оно существует, ни одним из наших чувств не осязаемое, и даже определяет нашу жизнь. Текучее, оно неотвратимо, как топор палача. Однако в прошлом (выраженном в цифрах, в датах) оно затвердевает, обретает прочность — что было, то было, и крепко вкочлено во временные рамки. Но в уголовных делах, где время еще бывает нужно установить, оно как бы приобретает новое качество, становится удобным или неудобным и в зависимости от этого странным образом как бы сжимается или растягивается. В одном деле, где двое подростков обвинялись в убийстве, возникла ситуация алиби: они проводили время в кругу сверстниц и отсутствовали всего пятнадцать минут (пошли тайком покурить), в течение которых приписываемого им преступления совершить никак не могли. И вот следователи, ведшие дело, принялись за работу, — чего только ни делали они, чтобы превратить эти пятнадцать минут хотя бы в сорок пять (в течение которых мальчики, правда, бегом и в страшной спешке все-таки могли убить); девочек допрашивали снова и снова, доказывали им, что так, как они говорят, быть не может, это противоречит всем материалам дела. У бедных свидетельниц голова шла кругом, они уже и сами не могли понять, что было, чего не было; а тут еще им стали угрожать, мол, не лгут ли они, выгораживая преступников. Великими трудами — тут прибавляли пять минут, там натягивали десять — искомые сорок пять были все-таки добыты и долго работали на следствие, пока не было доказано, что мальчики вообще никого не убивали.

А как обходились со временем в деле Кораблева?

По версии следствия он увез детей к реке в середине дня — между двумя и тремя. Путь от его дома к реке неблизкий — автобусом до "Выхино", электрич-

кой до "Куровской" и оттуда пешком до реки. Поставили следственный эксперимент — молодые люди проскочили этот путь за два часа пятнадцать минут, — вот уж где время было предельно сжато! — в кассу за билетами явно не стояли, поезда не ждали, и не было с ними детей, в частности, и больного ребенка.

Честно говоря, уже самый эксперимент был совершенно лишен смысла: откуда взята временная точка отсчета (когда будто бы Кораблев с детьми вышел из дому)? Но поскольку в деле этом все навыворот, нам остается одно: рассмотреть этот день, 5 ноября, весь, с утра до позднего вечера.

В уголовных делах, как известно, огромную роль играют подробности, порой самые мелкие, — день 5 ноября набит ими до отказа.

В тот день маленькая Юля, человек прилежный и ответственный, была в непрерывных заботах. Каникулы уже начались, но у них в школе субботник по уборке территории, кроме того, ей нужно было отнести в детсад, куда водили Катю, рыбный заказ, пять прозрачных пакетиков (их по просьбе Анны достала для сотрудников все та же бабушка, Вадимова мать). Заведетсадом была удивлена тем, что Анна доверила этот дорогой заказ девочке и спросила ее, где мама, а та ответила: мама не смогла придти, она торопилась в училище.

Однако сотрудники сада не успели собрать на заказ деньги, и Юле пришлось еще раз придти сюда во второй половине того же дня. И опять заведующая спросила ее, где мама, на этот раз девочка отвечала: мама дома с Катей.

Показания завдетсадом точно совпадают с тем, что рассказала следствию воспитательница этого сада, она тоже спросила Юлю, где ее мама и получила ответ: мама дома с Катей. Эпизод с рыбным заказом самым естественным образом закончился в тот же день вечером, когда все та же бабушка пришла к Анне за деньгами, — сама Анна их ей и отдала.

Отработав на субботнике, Юля пришла домой не одна, а вместе со своей подругой по классу и соседкой по лестничной площадке Таней Синицей — и вот что рассказала следователям (дважды) эта девочка: "Сначала Юля позвонила к себе в квартиру. Дверь открыла ее мама — тетя Аня. Тетя Аня была одета в халат красного цвета в белый цветочек, и Юля пошла к себе... Через пятнадцать минут Юля мне позвонила и пригласила погулять. Я оделась, вышла на лестничную клетку, а затем позвонила в квартиру к Юле. Юля открыла, и я зашла к ним в коридор. Тетя Аня была дома. Дома также была Катя. Катя была в комнате, я ее не видала, но слышала, как она звала маму".

Иначе говоря: в тот самый день, когда по версии следствия Анна Кораблева была убита и закопана, на самом деле, сходяв по каким-то своим делам (в мединституте она уже ходила), она пришла домой и сидела со своей младшей, все еще не выздоровевшей дочкой. Мы можем взглянуть на нее — темноволосяя, сероглазая, красивая, на ней красный домашний халат в белый цветочек.

Кстати, прямая ложь обвинительного заключения, будто она "остро переживала свое одиночество", скверна еще и тем, что вынуждает нас в интересах дела ее опровергать, сообщая подробности личной жизни, о которой вообще не следовало бы говорить, тем более, когда речь идет о женщине, погибшей столь страшной смертью.

Она была хороша собой, очень весела, — по-видимому, легко возбудима, беспечна и неосторожна. Очень любила своих девочек. Мы видим ее последний раз, она с детьми, старшая только что пришла из школы, младшая еще нездо-

рова; давайте такой ее и запомним. Мы можем представить ее себе, но мы не знаем, что она задумала, как собирается жить. Что у нее на сердце?

Одно мы знаем: 5 ноября Анна Кораблева была жива-здорова! И дети ее были живы!

Вернемся, однако, к проблемам следствия – у нас есть редкая возможность видеть, что происходит, когда оно само загоняет себя в ловушку. В деле Кораблева следователи вообще старались не называть точного времени и не сообщать реальных подробностей, однако, обвиняя человека в убийствах, да еще столь чудовищных, нельзя было все-таки не сказать, когда же они произошли. И вот неосторожно было названо время (ухода из дома Кораблева с детьми) – между двумя и тремя часами дня. Откуда все же они взялись, эти часы?

Областная газета поместила сообщение, где говорилось о преступлениях, и была просьба сообщить, не видел ли кто тогда-то на такой-то платформе молодого человека с рюкзаком и двумя девочками, а может быть, еще и с женщиной; была приложена фотография, весьма нечеткая, Анны и ее детей. И тут же появился пенсионер, все видевший: молодого человека, который был мрачен, и двух девочек, которые бегали и играли, старшая – темноволосая, младшая – светлая (на самом деле, все наоборот). У молодого человека был белесый рюкзак (я видела на суде этот вещдок: рюкзак, обшитый пылающе красным кантом, – таким цветом красят хищные морды электричек!). На следствии пенсионер Кораблева не опознал, зато на суде вдруг опознал Лену, которая на платформе никак быть не могла; Т.Лемперг в ходе суда доказала, что супруги (пенсионер был с женой) просто все перепутали: они были на платформе не в тот день. Однако следствие упорно делало вид, будто пенсионер действительно видел Кораблева; по показаниям этого славного свидетеля и устанавливали время преступления: между двумя и тремя Кораблев с детьми вышел из дома, в шесть их утопил (этот час был и вовсе с потолка), а около девяти вернулся домой.

Но реальный день 5 ноября не вмещал в себя подобного временного монолита, – этим семи часам негде было в нем поместиться. Назвав время, следствие не догадалось согласовать его с реальным Юлиным днем. Между тем мы знаем, что девочка два раза приходила в детсад, и второй раз после трех. А что делала потом? Исчезла, как это было бы положено по следственной версии? Отнюдь нет. С двумя подругами, Жанной и Таней Синицей, она играла на подоконнике лестничной клетки между вторым и третьим этажами своего дома.

Весь вопрос теперь в том, когда девочки кончили играть и разошлись.

И это установить можно. Родители Жанны вернулись с работы после пяти, дочь была дома и сказала им, что в пять часов девочки, все трое, еще были возле подоконника. А Таня Синица свидетельствовала: "Хорошо помню, что мама была уже дома, когда мы расстались с Юлей". Танина мать пришла домой после пяти вечера.

Таким образом, во временном интервале, который указало следствие, резко сдвигается в сторону вечера первая грань – Кораблев не мог бы выйти с детьми раньше половины шестого. Даже если взять те скоропалительные 2 часа 15 минут следственного эксперимента с быстрыми молодыми людьми, Кораблев должен был бы приехать к реке около восьми часов, а если взять реальные

три часа, то около девяти. Как бы ни спешил он со своим злодейским делом, на него тоже нужно было бы время; прибавьте к этому примерно три часа на обратную дорогу – он должен бы вернуться домой около полуночи.

Около полуночи! А в 9 вечера, как мы знаем, пришла Вадимова мать и получила у Анны деньги, причитающиеся за рыбные заказы. Немного позднее, между девятью и десятью Вадиму позвонил его приятель Комаров, они договорились о походе на следующий день. Но был еще свидетель Голашко, один из поклонников Анны, вечером 5 ноября он звонил к ней на квартиру сразу после окончания работы (они кончали в 7.30, значит, звонил он примерно в 7.40). "К телефону подошел ее муж, — свидетельствовал Голашко, — и я положил трубку". Без чего-то восемь, то есть в то самое время, когда, по утверждению обвинения, Вадим не то уже возвращался, не то топил своих детей, он был дома и поднял трубку.

Как ни крутись, как ни сдвигай туда-сюда часы и минуты, как ни укорачивай время пути, все равно преступление никак не вмещается в те жесткие временные рамки, что поставила сама жизнь.

А что рассказывает об этих днях сам Кораблев? У нас сложилась "добрая традиция": не выслушивать обвиняемого, полагая, что он обязательно солжет в свою пользу; так же с порога отменяют и показания его близких как "лиц заинтересованных". Но куда же тогда деться всем им со своей правдой?

Пятого Вадим был в однодневном походе, утром 6-го проснулся рано, задолго до того, как ему нужно было вставать на работу. В передней горел свет и вскоре щелкнул дверной замок. "Куда это она в такую рань", — подумал он.

На работу ему позвонила Анна (первой трубку взяла сотрудница, которая узнала хорошо знакомый ей голос), сказала: если придешь раньше, покорми детей. Он пришел домой, покормил детей, стал опять собираться в поход, тут Анна позвонила снова, велела детям одеваться и ждать ее. Дети тепло оделись и вышли в переднюю, стояли, послушно ждали, Анна все не шла. Потом позвонила, сказала поспешно: "Иду, иду!" Девочки стояли красные, им было жарко, и Вадим сказал им, чтобы вышли и ждали мать у подъезда.

Когда он с рюкзаком выбежал на улицу (опаздывал на поезд), девочек уже не было. Больше он их живыми не видел.

Что делает следователь-профессионал, если какие-то данные не совпадают с его версией, не вмещаются в нее или противоречат ей? Проверяет эти данные, пытается опровергнуть, а если они не поддаются, меняет свою версию, понимая, что она неверна.

В данном случае был избран иной путь.

Вы заметили, конечно, что я не называю фамилии сотрудников милиции и прокуратуры, которые вели дело Кораблева, — я делаю это сознательно, потому что не хочу, чтобы текст пестрел именами и должностями, это мешало бы ясности изложения (да еще в деле, которое само по себе так запутано, что порой и не знаешь, как его понятно изложить). Но еще и потому не называю имен, что не знаю, на ком, в самом деле, лежит ответственность, кто повернул расследование на одну единственную версию и приказал обрубить все другие (ведь первоначально пристальное внимание сотрудников следствия и розыска привлекли те мужчины, с которыми была в связи Анна, возбудили несколько дел — все они безмотивно были прекращены). Так бывает именно тогда, когда

вмешивается большое начальство (напомню, в который уже раз, дело Чикатило, когда местная милиция ухватила это чудовище уже на самом первом его преступлении, а местное начальство отпустило, предпочитая "работать" с Кравченко, который "сознался", и с его женой, которая отказалась от показаний, доказывавших алиби ее несчастного мужа; он и был расстрелян вместо Чикатило, совершившего затем более пятидесяти убийств).

Вот почему я не решаюсь говорить о персональной ответственности. Но все же некоторые имена я назвать должна.

С такими вопиющими противоречиями, о которых я написала выше, передать дело в суд следствие все-таки не решалось. Поскольку, однако, всякое углубление в реальную жизнь вело к новым противоречиям и новой путанице, по-видимому, решено было сводить концы с концами в самом следственном материале, производя в нем некоторые преобразования. Ну, например, чтобы высвободить временное пространство, необходимое для похода Кораблева с детьми к реке, надо было сделать так, чтобы сам он вышел пораньше, а люди, звонившие в его квартиру, делали это попозже. И вот старший следователь московской областной прокуратуры Н. Корнеева (это именно она подписала обвинительное заключение) начала работать в этом направлении.

Свидетель Голашко – тот самый, что звонил на квартиру Кораблевых после работы, т.е. примерно в 19.40, а когда Вадим взял трубку, не стал с ним говорить – был вызван на новый допрос, в результате которого оказалось, что он звонил Анне вовсе не в 19.40, а в 23 часа, – почему произошел столь большой сдвиг? Он сам объяснил это тем, что плохо помнил время "и соглашался с доводом следователей о том, что в этот день, вечером, Кораблев не мог быть дома раньше 21 часа". Можно предположить еще и другое: поскольку в связи с исчезновением Анны против него было возбуждено дело, это могло сказаться на его сговорчивости. (Впрочем, потом, на суде, он отказался от этих 23-х часов, подтвердив, что звонил сразу после работы.) В обвинительном заключении были, разумеется, указаны именно эти одиннадцать часов. Так вечер 5-го был освобожден для того, чтобы преступление Кораблева могло в нем разместиться.

Но надо было что-то делать с теми свидетелями, которые слышали от Юли, что мама ее "дома с Катей". А что было делать с Таней Синицей, в тот день два раза видевшей Анну?

С ней поступили так: Н. Корнеева вызвала девочку на допрос, но сперва переговорила с ее матерью, которая заявила, будто дочь ее "большая фантазерка" – замечательно, что на первых допросах Тани ее мать тоже присутствовала и тогда ни слова не сказала о том, что ее дочери верить нельзя, – а теперь сочла нужным сказать.

И вот в кабинете Н. Корнеевой Таня изменила показания, появились совсем новые: оказывается, когда они вернулись вдвоем из школы, Юлия открыла дверь квартиры своим ключом, вошла – и все. Не было и речи о том, что им открыла Анна (в красном халате), что Таня зашла к ним во второй раз – ничего.

Бедная Таня Синица! Каково было ей на допросе! А ведь ее защищал закон, согласно которому именно для того, чтобы сознанием ребенка – внушаемого, зависимого, еще неустойчивого и слабого – не манипулировали взрослые, требуется, чтобы на допросе несовершеннолетнего обязательно присутствовал педагог. Но педагога, как отмечено в документе, на этот допрос не позвали –

неужели следователь Корнеева действительно пошла на столь грубое нарушение закона! Неужели присутствия педагога она боялась больше, чем ответственности за беззаконие?

Вот один из обычных способов воздействия на свидетеля, который дает неудобные показания – убеждать, что свидетельства его противоречат всем остальным, равно как и всем обстоятельствам дела, – человек теряется, начинает думать, может быть, он не прав, не так понял, не то увидел. Один из свидетелей рассказал в суде такой эпизод: когда он сообщил следователю, что Анна приходила к ним 5-го отдать долг, следователь сказал, что такого быть не может, и предложил: давайте поставим не пятого, а пятого-шестого. И вот уже свидетельство лишено доказательной силы.

Сотрудников детсада Н.Корнеева, конечно, тоже вызвала на допрос. Заведующая детсадом твердо стояла на своих первоначальных показаниях: Юлия дважды приходила в детсад, первый раз на вопрос, почему не пришла мама, ответила: мама торопилась в училище. Далее процитируем: "Во второй половине дня Юлия опять пришла в сад. Это было где-то между 15-17 часами. Юлия зашла ко мне и сказала, что мать послала ее за деньгами. Я спросила: а мама дома? Юлия сказала, что дома" — так показывала завдетсадом и в начале следствия, и на передопросе, и в суде. С воспитательницей детсада получилось иначе. Вот ее показания на первом допросе: "В период с 14 до 15 часов Юлия пришла в сад за деньгами. Я спросила, почему мама не пришла? Она ответила: мама с Катей дома". Ее же показания на передопросе: Юлия ответила "мама с Катей дома", — и тут же прибавлено, что это она (воспитательница) так предполагает (прием известный: когда хотят лишить показание доказательной силы, его из утвердительного делают предположительным, а на предположениях суд основываться не может). В обвинительном заключении фигурировал второй вариант.

Не кажется ли вам, читатель, что не следствие тут идет, а какое-то анти-следствие, когда не только сдвигают время и меняют смысл слов, но прилагают мощные усилия, чтобы не выяснять иных обстоятельств и не узнавать истинного положения дел?

Как погибли Юлия и Катя, что было причиной их смерти? Судмедэкспертиза не дала определенного ответа на этот вопрос; всего естественней было предположить смерть от утопления, но если бы их бросили в воду живыми, то, захлебываясь, они обязательно вдохнули и глотнули бы воды. А они обе не глотнули. Всего вернее предположить, что их бросили мертвыми или одурманенными – представляет себе, как было необходимо назначить экспертизу, нет ли в теле детей яда или снотворного вещества.

В подобных случаях такую экспертизу назначают всегда, в данном случае ее не только не назначали, но отказали адвокату Лемперт, когда та поставила вопрос о ее необходимости.

Как можно объяснить подобное поведение следствия?

Тот факт, что дети были брошены в воду без теплой одежды, без шапок и сапог, не был ни исследован, ни объяснен – может быть, их действительно привезли на машине и бросили с моста?

Джинсы на Юле сильно разорваны – необходимо было провести экспертизу, которая установила бы причины повреждений, – может быть, девочка боролась за жизнь? И в этом адвокату было отказано.

Наконец, сама ткань детской одежды могла бы ответить на важнейший вопрос: сколько времени дети пробыли в воде? Таисия Лемперт ходатайствовала и об этом, без конца ходатайствовала, — и ей без конца отказывали.

Вот загадка! Любой следователь, пусть самой низкой квалификации, пусть даже запойный, все равно рано или поздно, протрезвев, назначил бы экспертизу детской одежды, чтобы узнать, от чего она порвана и сколько пробыла в воде. Любой назначил бы экспертизу на яд и на снотворное.

Любой, но не те, кто вел дело Кораблева. Трудно отказаться от впечатления, будто они боялись узнавать правду, боялись, как бы заключение экспертов не разрушило их версию, которая, они должны были это понимать, и так еле держится.

А теперь представьте себе душевное состояние адвоката, когда он видит, что следствие не хочет расследовать, и знает, что у него, защитника, нет возможностей и средств, чтобы заставить следствие выполнять свой профессиональный долг.

Особенно болезненно переживала Таисия Григорьевна историю с некой белокурой прядью. Когда раскопали могилу Анны (о чем речь впереди), в отвале чернозема была обнаружена прядь чьих-то светлых волос, — как много могла бы она рассказать! Может быть, она принадлежала убийце? А может, Юле, из троих убитых только она была белокурой (помните первую встречу белокурой девочкой с Вадимом в поезде?).

Ни одного следователя на свете не нужно было бы просить (умолять!), чтобы он послал прядь на экспертизу. Таисия Лемперт и просила, и даже начальству по этому поводу жаловалась, — все было бесполезно.

Словом, что делать адвокату, если он видит, что следствие не только не предпринимает должных мер, но (по безграмотности или по злему умыслу) затаптывает следы?

В распоряжении адвоката всего лишь тот материал, который собрало следствие, сам он не имеет права разыскивать и допрашивать нужных свидетелей, назначать экспертизу или проводить следственные эксперименты. Он зависим. Если он видит необходимость того или иного следственного действия, он вынужден ходатайствовать об этом перед следователем, а тот имеет право ему отказать (и, как правило, отказывает), зато у адвоката есть право писать по этому поводу жалобы. В белый свет, как в копеечку.

Адвокат вынужден только опровергать доводы обвинения, пользуясь при этом всего лишь материалами того же обвинения в рамках тех ничтожных возможностей, которые предоставляет ему закон.

Не могу понять, почему у российских адвокатов нет (как у их коллег в нормальных, благополучных в правовом отношении государствах) права вести свое собственное расследование? Чем хуже они английских или американских адвокатов? Мы же видели только что: сколько свидетелей упустило следствие, сколько необходимых экспертиз не провело. И почему разом, как по команде, оно прекратило все дела, касающиеся тех мужчин, что вертелись вокруг Анны?

В самом деле, что это были за мужчины, в частности, тот, "с нерусским лицом", кому было за пятьдесят, — его видели ее подруги, знали, что он до самого ее исчезновения "оказывал ей материальную помощь"; известен один стран-

ный эпизод: человек этот пришел в квартиру Кораблевых и стал описывать вещи, будто бы для предстоящего бракоразводного процесса. Однако если учесть, что ни Анна, ни Вадим делить имущество не собирались, возникает вопрос: кому нужно было знать, какими ценностями, по тем временам немалыми, владела Анна Кораблева? Для меня нет сомнений: если бы закон разрешил адвокату вести свое расследование, Таисия Лемперт – при ее-то энергии и хватке! – нашла бы этого человека и вскрыла бы его, как консервную банку.

Мне кажется, наше общество и до сих пор не понимает, что такое защитник и какова его роль в правовой системе страны. Кажется, России издавна присуще было пренебрежение к адвокату, в сталинские времена положение его стало прямо унижительным, да и за все время существования советской власти институт адвокатуры был в глубоком упадке. С тех пор многое изменилось в правовой структуре Российского государства, в общественном сознании, однако, и до сих пор существует такое понимание (ощущение) ситуации: прокурор в уголовном процессе представляет государство (само государство!), а защитник – одного человека (всего только одного человека!), ясно же, что интересы государства и одного человека несоизмеримы, следовательно, никакого равенства сторон тут в принципе быть не может.

На самом деле у прокурора, который обвиняет, и адвоката, который защищает, одна общая задача, в выполнении которой кровно заинтересованы и общество, и государство (и любой из нас) – выяснение истины, помощь правосудию.

Да, в процессе они противники, но и тут есть некое очень важное обстоятельство, очень важное: прокурор в процессе не только приводит данные, которые говорят против подсудимого, но и те, что свидетельствуют за него. Обвинительная позиция прокурора содержит в себе, если то соответствует истине, также элементы оправдательные или смягчающие. Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела – вот в чем, согласно закону, состоит обязанность прокурора (как, разумеется, и следователя).

У адвоката другая задача в процессе, тут он по определению односторонен, согласно закону, его обязанность – защищать и только защищать; беспристрастию обвинения, будь то следователь или прокурор, закон противопоставляет "пристрастность" адвоката (которая должна быть, разумеется, заключена в строго законные рамки).

Законодатель прав: в противостоянии мощной государственной машины и одного человека слишком уж неравны силы. Его нельзя оставлять беззащитным, потому-то и введена тут как бы двойная защита – беспристрастие прокурора и "пристрастность" защитника.

Адвокат необходим, чтобы защищать конституционные права подсудимого. Это общее положение, но жизнь, мы это только что видели, ставит перед защитником великое множество конкретных задач.

Но главная часть адвокатской работы состоит в том, чтобы внимательно изучить материалы следственного дела и тщательно их проверить. Как правило, это колоссальная работа, требующая огромной затраты времени и сил. Сопоставить показания свидетелей (нет ли в них противоречий), оценить данные следственных экспериментов (точны ли они), проверить выводы экспертов – да, даже так. Распространенное представление, будто мнение экспертов есть истина в последней инстанции и сомнениям не

подлежит (наука, мол!), основано на чистом правовом невежестве, которым отличаются не только обыватели, но и юристы: сплошь и рядом акты экспертизы играют в суде роль оракула. А на самом деле акт экспертизы – всего лишь одно из доказательств, которое, подобно другим доказательствам, подлежит в суде проверке (и огромную роль тут играет, конечно, именно адвокат, на нем тут особая ответственность). Конечно, это трудная задача – входить в область, тебе неизвестную, вникать, предположим, в вычисления, которые ты не очень-то понимаешь; но во многих случаях такая проверка возможна – при наличии внимания, сообразительности, чтения специальной литературы и консультации ученых. И вот, проделав всю эту работу, заметив ошибки, неточности или признаки прямой фальсификации, адвокат, как мы видели, почти ничего не может сделать для того, чтобы ошибка была исправлена, а фальсификация искоренена, он, как мы видели, может только написать просьбу тому же самому следователю, который ошибся или фальсифицировал.

Между тем судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, — так гласит российская Конституция. Равенство сторон утверждено и в российском Уголовно-процессуальном кодексе: "Обвинитель, подсудимый, защитник, а также потерпевший... пользуются **равными правами по представлению доказательств**, участию в исследовании доказательств и заявлению ходатайств".

Все участники судебного процесса, как видим, равны в ходе процесса, но, оказывается, что прокурор все-таки "равнее": если адвокат "высказывает свое мнение по возникающим во время судебного разбирательства вопросам", то прокурор по тем же вопросам "дает заключение" — есть разница. Защитник "излагает суду соображения защиты по существу обвинения", прокурор "представляет суду свои соображения по поводу применения уголовного закона" — тоже есть разница: прокурор как бы осуществляет некий надзор за соблюдением законности в ходе суда. И наконец у прокурора есть право принести протест на приговор в вышестоящую судебную инстанцию, который может быть отменен в результате этого протеста.

Иные юристы, пытаясь вышутаться из этого противоречия, утверждают, будто статья Конституции о равноправии сторон имеет в виду только судебное разбирательство, но отнюдь не предварительное следствие, однако Конституция говорит не о судебном разбирательстве, а о судопроизводстве, т.е. обо всем уголовном процессе (тут перед нами, я думаю, одна из тех уловок, которыми богато наше законодательство).

Кто расскажет о живой жизни, той, что не попала в материалы следствия, кто, если не защитник?

"Равные права по представлению доказательств"!

С чем приходит в суд обвинение? — с томами, иногда десятками томов, где собрано великое множество самых разных доказательств, тут и допросы свидетелей, и следственные эксперименты и вещдоки, и множество всякого рода документов, свидетельствующих о множестве фактов и обстоятельств.

С чем приходит в суд адвокат? С папочкой, где лежат его жалобные ходатайства, да еще какие-то консультации, которые процессуального значения в суде первой инстанции не имеют.

У "равноправных" сторон, оказывается, совсем разные права.

Образ правосудия в мировой культуре всегда связан с весами — это атрибут Фемиды, богини правосудия. Две чаши, они в равновесии, на одну потом положат все "за", на другую — все "против".

А вот та же метафора в исполнении нынешнего российского правосудия представляется мне иначе: огромные весы, на одной чаше их — изначально! — нечто, по весу равное, скажем, пуговице, а на другой — изначально! — хороший утюг. Примерно так.

Часть вторая

Кабаны! Да, дикие свиньи, живущие в чащобе, именно они, обозначенные в названии, должны появиться на нашей странной сцене. Но не сразу, нам еще предстоит предварительно кое-что узнать.

"Почему ты им не рассказал этого с самого начала?" — спросила Вадима Таисия Григорьевна.

Да в том-то и дело, что говорил он об этом с самого начала, только они не желали слушать. "Рассказывай свои байки кому-нибудь другому, брось заливать", — вот и весь их разговор. Им нужно было одно: признание. Разве были у него силы с ними спорить? Когда он подписал "признательный" протокол по дикой первой версии, — как его жена утопила детей, а он за это утопил ее, — был поставлен тот самый знаменитый "следственный эксперимент", который называют еще "выводкой" и который на самом деле являет собой спектакль, записанный на фото- и видеопленку для последующей демонстрации в суде в качестве доказательства вины подсудимого. По идее Кораблев должен был как бы вести за собой сотрудников милиции и прокуратуры, показывая, какой дорогой он шел к заливу с женой и детьми, в каком месте на берегу остановился, на каком расстоянии от берега утонули дети и была им утоплена жена. Но все торопились, до берега просто доехали в машине, тут он стал на первом попавшемся месте и махнул рукой куда-то в сторону залива, все это засняли (и фотоаппаратом, и видеокамерой), сели и уехали.

От него требовали, чтобы подписал, — он подписывал. От него требовали, чтобы шел и показывал, — он шел и показывал. Когда первая версия была отброшена, "выводка" с ее фото- и видеопленками не понадобилась (где теперь это "доказательство" — пылится где-нибудь в углу или уничтожено за ненадобностью?). Когда эта первая версия не подошла также и по времени, следователь сказал ему задумчиво: "Вот если бы ты убил жену поближе, к примеру, в собственной квартире..." — и тогда стали показания и обстоятельства приспособлять к этой новой версии, даже послали в квартиру людей поднимать пыль; словом, и тут работали.

Когда его немного отпустило (перестали мертвые дети являться во сне и наяву), когда появились силы, он отказался от всех своих "признаний" и больше уже никаких самооговоров не подписывал.

А как обстояло дело с другим обвинением — в убийстве жены? Что происходило с могилой Анны, как ее искали и что нашли, этот вопрос — самый трудный, самый детективный, и, может быть, самый страшный, — уже больше откладывать нельзя.

Вадим жил один в своей квартире, теперь такой пустой и тихой. Очень тревожился за детей. Всем, в том числе и родственникам Анны, было ясно, что она уехала к какому-то из своих мужчин, — как живет детям с этим чужим для них человеком? И где они живут? Ходит ли Юля в школу? Он не сомневался, что Анна вернется и притом довольно скоро — с ее раздражительным характером, с ее вспышками беспричинной ярости она вряд ли может с кем-нибудь долго ужиться. Правда, она была отходчива, — но ведь это ее свойство надо знать, нужно иметь терпение.

Сам он был занят по горло на заводе в конструкторском бюро и в вечернем институте — дома стол его по-прежнему был заставлен приборами и завален радиодеталями. Туристские походы по-прежнему были частью его жизни.

А теперь — внимание.

Однажды он сидел дома за письменным столом, — чтобы понять происшедшее, надо ясно себе представить, что делалось на этом столе и возле него. На столе два генератора и другие приборы, на отдельной тумбочке рядом со столом, на котором сидит Вадим, осциллограф. Провода от приборов, стоящих на столе, тянутся мимо Вадима на удлинителе к розетке, которая включена за телевизором, а сам телевизор — на тумбе у него за спиной.

Иначе говоря, он сидит, окруженный приборами и опутанный проводами. Для того, чтобы встать и выйти из-за стола, ему нужно сперва выключить один за другим все приборы, потом выдернуть вилку из розетки, потом отставить в сторону осциллограф — и потом уже выпутываться из проводов.

Вот однажды — днем в декабре — сидел он над своими сложными схемами, когда раздался звонок.

Очень не хотелось ему вставать, да к тому же он помнил, что у всех его родных есть ключи, а никаких гостей он сегодня не ждет.

Но звонок настойчиво повторился, ничего не поделаешь, он вздохнул и начал выключать приборы и выпутываться из проводов.

И вдруг услышал, что входная дверь открывается. Кто же это может так: сперва позвонить, а потом открыть дверь своим ключом.

И тут его пронзило: Анна! Вернулась наконец, явилась — не запыхалась.

Представляя себе, как он выскажет ей все, что накипело у него на сердце, он выскочил в прихожую.

Там стоял незнакомый мужчина.

Это был человек лет тридцати пяти, в пальто и ондатровой шапке, невысокий и плотный. На его скуластом лице расплылось большое родимое пятно цвета загара.

Как вошел он в квартиру? Некоторое время они стояли молча, глядя друг на друга, и наконец Вадим спросил:

— Вы кто?

— Я знакомый Анны, — ответил тот. — Она для меня должна была оставить коробку с медикаментами.

Вадим тотчас вспомнил, как Анна просила его пойти с ней на вокзал, куда должна была прибыть посылка с какими-то лекарствами. Вспомнил он еще, как однажды, заглянув в дальний угол шкафа, где валялась старая палатка и ненужное снаряжение, увидел коробку из-под обуви, в ней была вроде бы какая-то трава, темно-зеленая, похожая на табак, от нее пахло жженой хвоей, должно быть, это и было привезенное лекарство; он еще подумал тогда мель-

ком, зачем было эту коробку прятать так далеко, за старым барахлом, но поскольку коробка вскоре исчезла, забыл о ней думать. По-видимому, незнакомец говорил о чем-то подобном.

— Не знаю, — сказал Вадим, — вроде бы и нет ничего.

— Должно быть, — настаивал тот.

— Ищите, — сказал Вадим. — Между прочим, могла бы и сама придти.

На это человек ничего не ответил и заглянул в комнату. Вадим открыл стенку, обшарил кухонные шкафы — ничего. Мужчина и сам вроде бы посмотрел туда-сюда. А потом, не раздеваясь, прошел в комнату и сел в кресло возле журнального столика.

— Я вам сейчас одну историю расскажу, — начал он, взял со столика какой-то чертеж и на оборотной его стороне стал что-то рисовать, приговаривая:

— Вы, конечно, знаете станцию Холщевики, вы там на слетах бывали...

"Откуда он знает?" — подумал Вадим.

— ...И, конечно, помните "сцену"...

— Конечно, — сказал Вадим, по-прежнему ничего не понимая.

— Вот если от "сцены" идти так, — говорил этот странный человек, продолжая чертить и показывая путь стрелками, — выйдешь на такую длинную вроде овальную поляну, в северном углу ее стоит огромная ель, поперек поляны идет вот такой земляной вал, внизу течет ручей, а в нем лежит топор...

Он говорил ровным голосом, лишенным всякого выражения, словно протокол читал.

— А тут, — так же монотонно продолжал он и поставил крестик, — есть яма и в ней...

Он так же хладнокровно стал рисовать фигурку человечка, чуть согнутую.

Вадим по-прежнему ничего не мог понять, и незнакомец разъяснил ему тем же ровным, деловым голосом:

— Это женщина, она лежит головой к ели, на ней синие джинсы и синяя куртка...

— Да вы что?! — закричал Вадим. Незнакомец описывал одежду, в которой обычно ходила Анна.

— Ладно, ладно, — сказал мужчина, поднимаясь. — Это шутка.

И разом к двери.

— Шутка, шутка! — крикнул он с лестницы, и вслед за этим хлопнула входная дверь.

Вадим стоял, его как варом обдало, он с места сдвинуться не мог.

Если с Анной действительно случилось несчастье, то где же их дети — была первая мысль.

Потом он сел, заставил себя успокоиться. Кто это к нему приходил? Человек этот явно знаком с Анной, у него ключ от квартиры, он знает подробности их с Анной жизни. Зачем он приходил — ради посылки или для того, чтобы рассказать Вадиму эту "историю"? Посылка могла быть реальной, Анна, как видно, все время доставала и передавала кому-то лекарства. Но с какой целью он рассказал о поляне, о могиле, какой тут может быть смысл? Никакого. У парня паршивая повадка, в его равнодушном тоне было что-то глумливое и вместе театрально-самодовольное, такие парни любят развлекаться за счет других... И как поспешно он бежал, лишь только Вадим на него прикрикнул.

И все же покоя уже не было, тогда-то и поехал он в лес, стал зигзагами прощесывать указанный на схеме квадрат, но ведь каждому ясно, что можно найти в лесу зимой – ведь не топор же в ручье! Сомнений нет, это подлая шутка каких-то Аннинных парней. Или кому-то из них нужно, чтобы Анну считали мертвой. Но что с детьми?

А белая "Волга", которую он тогда, вернувшись из леса, заметил возле дома, оказалась на том же месте и на следующий день утром, когда он отправился на работу. Он сел в автобус, посмотрел в заднее стекло – машина шла следом. Когда он, кончив работу, вышел с завода, белая "Волга" стояла у проходной. Так продолжалось целую неделю, ему не пришло в голову связать ее с появлением в его квартире незнакомца, а потом она исчезла.

Кабаны! Дикие свиньи, что живут в лесной чащобе, – нас неудержимо несут к этой теме и все же опять нам придется подождать, – необходимо выяснить еще кое-какие подробности.

Уже были и опознание, и арест, и долгие дни полубезумия, и чистое безумие бредовых "версий". В камере с Вадимом, как мы знаем, пребывал некий тип, назначение и намерения которого он тогда совершенно не понимал.

Вообще, по мере того, как перед нами разворачивается печальная история Кораблева, мы все больше и больше убеждаемся, что этот молодой инженер жил, погруженный в свою собственную жизнь (радиотехника, природа и т. д.) и, не очень вникая в то, что происходит рядом. И еще – он был доверчив, свойство, вытекающее из его собственной правдивости. А уж его правдивость была очевидна, я убедилась в этом на втором судебном процессе. Он отвечал на вопросы со всей старательностью, порой даже закрывал глаза, как бы внутренне проверяя то, что собирался сказать, и обдумывал, как бы сформулировать точнее, и отвечал, совершенно не заботясь о том, выгодно или не выгодно для него то, что он говорит. Я помню, судья спросил его: "Говорят, вас избивали?" "Нет, — ответил Вадим чистосердечно, — только два раза ударили по шее" (эпизод, к которому нам вскоре предстоит вернуться). И постепенно как-то так само собой получилось, что судья, когда нужно было распутать какую-нибудь сложную ситуацию, обращался за разъяснением к Кораблеву, тот старательно разъяснял, и всегда это было правдой.

Со своим сокамерником он тоже был правдив, когда рассказывал ему всю эту историю с незнакомцем. Тот сам попросил рассказать — "может быть, я помогу".

Было это ночью, тюрьма спала. Сокамерник слушал его рассказ с огромным вниманием, вникал во все подробности (потом Вадиму все это показалось странным, показалось, что собеседник его уже кое-что знает, даже два проговорился, упомянув об озере, о котором Вадим еще не сказал, об отрезках пути, которых он еще не называл). Спросил: где схема, нарисованная незнакомцем, Вадим ответил, что в гневе выбросил ее во время второго своего похода в лес, но прибавил, что помнит ее наизусть. "Нарисуй мне, нарисуй!" – потребовал сокамерник. Вадим нарисовал, и тот с криком "ты должен обо всем этом немедленно рассказать!" стал барабанить в дверь, требуя, чтобы тотчас вызвали следователя. "Ночь на дворе, — сказал, подойдя, надзиратель, — подожди до утра". Но тот не желал ждать. Он уже

бил в железную дверь и кулаками и ногами, грохот в спящей тюрьме стоял невероятный.

Только позже медлительный Вадим подумал, что и сама реакция этого парня была неадекватной: казалось, он волнуется куда больше, чем сам Вадим.

Приехали оперативники, за ними следователь, что тоже было странно, ночные допросы не положены. Когда Вадим вернулся с допроса, его сокамерника уже не было, и он его больше никогда не видел.

Но ведь все это и в самом деле выглядит странно. Сперва рассказ Кораблева о незнакомце следователи игнорировали или высмеивали, и уж, конечно, не записывали – и вдруг вопрос о нем приводит в волнение сокамерника, он вызывает следователя и тот мчится в тюрьму.

Потом два дня выезжали они в те лесные места, каждый раз ходили часов по пять, по шесть и ничего не нашли. Прошло около месяца.

— Однажды, — рассказывал Кораблев (я пользуюсь своей записью, сделанной в суде), вызывают меня из камеры в коридор трое – следователь Камынин и два опера, ведут, но не в комнату для допросов, а в кабинет замначальника тюрьмы, без конвоя. "Пиши, — говорят, — заявление на выход, в те же места." "Зачем? — спрашиваю. — Мы же два дня ходили и ничего не нашли". Они: "А в этот раз найдем! На сто процентов". Я им: "Я писать не буду". Тогда один из оперов отодвинул стул: "Садись", а следователь вышел из кабинета. Один из оперов был у меня за спиной, другой передо мною, "Я писать не буду, — сказал я. — Ехать бесполезно", — и вдруг удар сзади по шее кинул меня на стол. Снова он: едешь? Снова я: нет. И вот второй удар, меня опять бросило на стол. Я подумал, измордуют ведь, ладно, говорю. Опер подошел к двери и сказал следователю: входи, он напишет. И тот продиктовал мне мое заявление.

Позднее от конвойного Вадим узнал, что машина в лес была давно уже заказана.

Итак, поехали в третий раз, сперва заехали за кем-то в райотдел, потом — за лесником. Когда подъехали к лесу, он заметил, что за ними идет легковая машина. Тут же, на опушке, присоединился к ним еще один человек — такой обыкновенной наружности, что Вадим его не запомнил; откуда тот появился и не приехал ли той легковой машиной, он не заметил.

Они шли цепью, человек от человека метрах в пяти, Вадим был пристегнут наручником к конвоиру. В этот раз их было больше — человек семь-восемь.

После тюремной камеры он ошалел от солнца, от леса и шел, как пьяный. День был славный, даже слышнок жаркий для мая. Мужчины скинули кителя и куртки, овчарка вывалила язык.

Он не верил, что Анна мертва. Да, как ни странно, даже после того, как увидел мертвыми своих девочек, все равно не верил.

У него была своя версия. Он знал характер Анны, как никто другой, видел, что последнее время с ней неладное; припадки крайнего раздражения становились все чаще. А по ночам с ней творилось уже совсем нечто неладное. Однажды он проснулся от какого-то странного звука, какого-то гудения (у-у-у!), заглянул к ней — она в одной рубашке стояла, упершись лбом в дверной косяк, и не то выла, не то стонала; он отвел ее в постель. Утром совсем ничего не помнила.

— Так погляди на свой лоб, он весь в красных пятнах, — убеждал он. От его слов она пришла в ярость. Позднее, когда припадок повторился, и он стал уговаривать ее пойти к врачу, ее ярость удвоилась.

И вот теперь он думал, что она, не вполне нормальная в родном доме, вовсе сошла с ума, находясь где-то у чужих людей, а дети, предоставленные самим себе, незащищенные, могли стать жертвой любого уголовника. А может быть, они оказались помехой для того негодяя, с которым она собиралась жить?

Они шли, руководствуясь той схемой, которую зимой нарисовал незнакомец, и которую Вадим воспроизвел по памяти. И снова он думал: как странно, то со смехом его рассказ отменяли, а теперь вдруг заторопились. И сколько ни ходят, опять ничего не нашли.

А он не мог не радоваться своему лесу. Все в свежей светлой зелени, трава уже поднялась высоко и цветы цветут, и листва на деревьях загустела. Птицы сходят с ума как всегда весной, дятлы стучат вовсю, и даже слышны стали голоса соловьев!

Вдруг лесник остановился.

— Вы не там ищите, — сказал он, — здесь такой поляны нет, вот за ручьем километра в пяти отсюда есть похожая.

Пошли за лесником и опять шли долго.

— Постой, — вдруг остановил его следователь, — вроде бы мы такую прошли...

Они вернулись, и действительно — поляна, ель в ее северном углу.

— Ель росла на склоне, под ней темнело пятно — остатки маленького костра. В центре его ярко блестела пуговица, наискосок лежал кусочек синего вельвета. Я поворачиваюсь к Камынину: может быть, здесь. "Если это здесь, — ответил он, — надо спуститься к ручью". Нас было четверо — конвоир, следователь и, кажется, понятой. Спустились вниз к ручью, кусты, заболочено, направо пройти нельзя, сделали несколько шагов налево, увидели: возле коряги вертикально стоит топор, как на выставке. Камынин сказал, ничего не трогать. Мы поднялись вверх, дожидаясь остальных, и снова стали спускаться. "Сейчас Кораблев будет показывать, — комментировал по дороге Камынин, — куда он бросил топор. Он сам показал, куда надо свернуть, и вот теперь покажет рукой, — покажи! — где лежит топор". Я протянул руку, показывая, он: поддержки так, тебя надо сфотографировать. Я подождал, и фотограф меня сфотографировал. "Кораблев, — продолжал комментировать Камынин, — достаёт орудие убийства. Давай, доставай!" Я стал доставать топор. "Вы все видите, — продолжал Камынин, — что Кораблев сам сразу, без труда указал место, где лежит орудие преступления, и сам нашел его. Замри!" — это опять меня фотографировали.

— Кто из нас первым увидел топор, сказать нельзя: когда мы спускались сюда первый раз, мы все четверо его увидели, потому что не увидеть его было нельзя. Но я заметил, что Камынину видеть его не хотелось. "Вот он", — сказал кто-то. "Где, где?" — спросил Камынин. "Да вот же он перед тобой", — сказал понятой. Я был уверен, что он, как и мы, тотчас его увидел. А тут, когда мы спустились во второй раз, он сообщил остальным, что это я сразу пошел к тому месту и сразу нашел. После этого мы поднялись на поляну. "А сейчас арестованный, — продолжал следователь, — покажет

место захоронения трупа". А я не знаю, что сказать. "Смотри, — говорит он, — вот место, где нет травы". "Я не знаю", — говорю. Терпение его лопнуло, он берет палку и тычет ею.

Вадим стоял в нескольких метрах от следователя в лесочке, над головой его щелкали, свистели, перебивали друг друга соловьи (он машинально сосчитал: не меньше троих). Он видел, как Камынин тычет палкой.

— Вроде бы тут что-то есть, — сказал он.

— Он велел, чтобы меня подвели и чтобы я указал рукой на голую землю, а потом сказал: "Он больше тут не нужен", — и меня тут же увели к дальней опушке, где стояла машина — километра за полтора. Уже стемнело. Конвоиры сказали мне: "Да, нашли".

Труп он не опознавал, ему его, слава Богу, не показали. Подписал протокол, не читая: в могиле нашли труп Анны, все остальное уже не имело значения.

Но все же в этой самой могиле была большая странность.

На дворе стоял жаркий май, трава на поляне рванула высоко и была уже по пояс, а в том месте, где нашли Анну, не росло ни травинки. Лысой была тут земля.

Как подобное могло быть?

Ответ содержится в протоколе этого выхода на место: грунт, сказано там, "имеет следы свежей взрыхленности".

Яму копали недавно? Как же так?

По версии следствия Анна была убита и закопана поздней осенью, в ноябре, но ведь и незнакомец, пришедший к Кораблеву в январе-начале февраля, уже знал о ее гибели.

И что же тогда из всего этого получается?

По версии следствия Кораблев, закопав жену, сжег на костре ее куртку, — но площадь найденного кострища была так мала, что в нем толстая куртка никак не могла бы сгореть.

И топор! Как мог он простоять в своем точно-вертикальном положении полгода, — это значит, и в осеннюю непогоду стоял, и под снегом, подо льдом стоял, и когда ломался лед и уносила его вода, тоже стоял, и под весенним бурным потоком? Возможна ли такая упорная устойчивость?

Можно себе представить, какая работа вновь предстояла тут Таисии Лемперт!

Начала она, конечно, со свежее-взрытого грунта, запросила почвенный институт, — может ли грунт оставаться взрыхленным, если с момента захоронения прошло 6 месяцев и 20 дней, и получила ответ — не может. Но ведь то была всего лишь консультация, которая для прокуратуры значения не имела. Таисия Григорьевна ходатайствовала перед ней о почвоведческой экспертизе и опять, конечно, о светлой пряди, о детской одежде; о леснике, о неисследованных версиях. Ей ответила следственная часть мособлпрокуратуры: светлая прядь? — раз она найдена в могиле Кораблевой, значит, ей и принадлежит (хотя Анна, как мы помним, была темноволосая); лесник? — никакого лесника при третьем выезде Кораблева в лес не было; версии? — все до одной тщательно проверены.

И главный вопрос о свежее-взрыхленном грунте был решен просто: это кабань! Конечно, это они взрыхлили почву, а потому "специальную почвоведческую экспертизу в данном случае проводить излишне".

И все же такую экспертизу назначили, проводила ее местный эксперт Тюрина.

Перед ней был поставлен тот же вопрос: мог ли грунт, взрыхленный осенью, оставаться таким же в течение полугода, когда на него действовали и осенний дождь, и тяжесть сугробов, и ток весенних вод. На этот вопрос эксперт не ответила, — зато ответила на другой: грунт мог быть взрыхлен кабанами, хотя ни о каких кабанах ее не спрашивали, откуда в ее воображении возникли именно эти животные, нетрудно понять.

Факт свежевырытой могилы, в которой похоронена давно убитая женщина, не мог не тревожить тех, кто вел дело Кораблева, потому и появился в протоколе кабаньих след, правда, как-то нелепо появился (будто бы внутри ямы) и упомянут самым невинным образом, его никак не зафиксировали, даже не сфотографировали.

О кабанах в тех людных местах вроде бы никогда не слышали, местный лесник свидетельствовал, что они у них не водятся, эксперт, конечно, узнала о них от работников следствия, так сказать, вне протокола, и, как видно, очень, очень хотела ему помочь. Заключение эксперта действительно сильно укрепило следственную версию.

Вот когда они появились, наконец, эти кабаны, и придали нашему повествованию отчасти уже фантастический вид.

Она и так страшна, эта история — как бы ни старалась я избегать ранящих деталей и ужасных подробностей, она очень страшна. Только кабанов нам в ней и не хватало.

Дикие свиньи — животные простые и грубые, возможности их невелики, клыки да копыта, а что ими сделаешь? Нет, здесь, в лесу, работали непростые кабаны. Подобно никулинским зайцам, что косили трын-траву, и эти, как видно, собирались в полночь и непонятно как тоже свою траву косили, иначе, куда ей было деться? Только те (зайцы) были простодушны, не было у них никаких особых умыслов и расчетов, а эти (кабаны) были призваны скрыть важнейшее обстоятельство уголовного дела. К тому же они не только косили траву, но еще и пололи ее, чтобы ни один стебелек не взошел по весне. И не на лужку работали они, а на могиле.

Так что же происходило вокруг этой могилы? Почему ее не смогли найти без помощи лесника, которого не было в протоколе и о котором так никто бы и не узнал, если бы о нем не сказал конвойный? Не был внесен в протокол и еще один человек, о нем говорит Вадим, — был ли он, по какому праву присутствовал на этом следственном действии и какое участие в нем принимал?

Сколько странностей: костерок, в котором ничего существенное не могло бы сгореть. Топор, что полгода стоял вертикально в воде и не падал. Кабаны, выкосившие, выполовшие, а затем усердно взрыхлившие могильную землю. Наконец погибшая, которую не показали подсудимому.

Снова перед нами оно, профессиональное антиследствие: неназначенные экспертизы, ненайденные свидетели, незамеченные обстоятельства, нелепые следственные эксперименты, нерасследованные версии. Но ведь и самый арест

в этом деле был обоснован только тем, что молодой отец потерял сознание, увидев мертвыми своих девочек.

И вот дело Кораблева – это дикое нагромождение несообразностей — двинулось в суд.

И, представьте, с легкостью через него прошло.

Иные участники процесса утверждают, что председательствующий ввиду почтенного возраста был совершенно глух и просто не слышал, что ему говорят, я не знаю, так ли это было (он давно уже ушел на пенсию), однако могу утверждать, что приговор в основном рабски повторил обвинительное заключение (даже фраза о намерении, возникшем в октябре, и та была переписана) и был составлен так, ровно никакого судебного разбирательства вообще не было. Как начали процесс с обвинительного заключения, так им и кончили. Прокурор требовал расстрела, приговором было 15 лет усиленного режима.

Вадим Кораблев уже три года сидел в следственной тюрьме. Тем временем, кстати, квартиру его занял участковый, незаконно получивший на нее ордер от местных властей, – и пришлось Таисии Григорьевне начинать новое дело, гражданское, для нее тоже нелегкое, особенно потому, что ответчик в суд не являлся, – ждал, когда Кораблева осудят.

От этого дела чувство такой беспросветности и безысходности, что начинаешь казаться: в этот угрюмый мир бесправия и беззакония солнце вообще не проглядывает, сплошная темень и нечем дышать.

Но сейчас мы окажемся в совершенно иной правовой атмосфере.

Т.Лемперт написала блестящую кассационную жалобу (вот уж поистине плод великого труда), эту ее работу внимательно прочли в Верховном Суде РФ – и вот перед нами его определение.

Удивительное чувство охватывает вас при его чтении, словно вы из душного, затхлого подземелья выбрались на солнечный свет; хотя на самом деле мы из мира правовой безграмотности и наглого беззакония перешли в мир нормального правосудия и нормального профессионализма; кажется неправдоподобным, что в одно и то же время в одной и той же стране могут совмещаться два столь несовместимых пласта правосознания и правоприменения. Докладчиком по делу была член Верховного Суда Н.С.Орлова, председателем коллегии – Л.А.Каламаев.

В определении Верховного Суда подробно (и, в сущности, если речь идет о государственных документах, впервые) приведены объяснения самого подсудимого; дан подробный анализ и обвинительного заключения, и приговора суда.

Конечно, предметом рассматривания прежде всего стал эпизод с могилкой. Судьи обращали внимание: Кораблев три раза выходил искать ее и все-таки не нашел – поляну указал лесник, не внесенный в протокол, о нем так бы никто и не узнал, если бы о нем не сказал конвойный; а саму могилку фактически нашел следователь. Кораблева увели от могилы, когда ее еще не разрыли, не дали ему опознать труп, – опознание провели только через пять дней, опознавала сестра погибшей (подробности опустим), причем ее свидетельства не всегда совпадали с актом судебно-экспертизы.

Коллегия указала, что обстоятельства смерти детей непонятны и "остались неустановленными", что показания свидетелей противоречивы (особенно в о-

просе о времени); что в обвинительном заключении и в приговоре "не приведены мотивы, по которым приняты одни показания и отвергнуты другие".

Не установлен сам мотив преступления, — говорится в определении, — не исследованы другие возможные версии. В нарушение требований ст. 208 УПК постановления о прекращении уголовного дела Голашко и других лиц "абсолютно не мотивированы, решения следственных органов в отношении каждого из них не обоснованы конкретными доказательствами". Эти версии надлежит самым тщательным образом исследовать с учетом доводов, изложенных в кассационной жалобе.

Приговор был отменен, и дело направлено на новое расследование.

В сущности, прокуратуре было предложено проделать работу, которую она обязана была проделать, но не сделала — и без которой приговор невозможен.

Можете представить себе, как счастливы были все, для кого важна судьба Кораблева, — кстати, и честь российского правосудия тоже. Не скрою: мы ликовали и, разумеется, поздравляли Таисию Григорьевну: то была ее победа.

А Вадим Кораблев все сидел в тюрьме, в квартире его все жил участковый.

Ликование наше длилось, однако, недолго: дело попало в ту же прокуратуру и к тому же следователю, — представьте себе, наш закон это позволяет: возвращая дело на доследование, отдавать его в руки того же самого следователя, что его вел (это значит, того же, кто недоработал, ошибался и даже нарушал закон, — во всяком случае, так следует из опыта данного дела и многих других). Конечно, законодатель понимает, что прежняя работа и прежнее решение юриста по делу могут помешать (и мешают!) ему быть объективным, — во всяком случае, он это понимал, поскольку речь шла о суде: когда дело возвращается в суд на новое рассмотрение, его не может рассматривать тот же судья, что его ранее судил. Между тем судья работает в открытом заседании, прилюдно, перед ним развертывают аргументацию и прокурор, и адвокат, тут возможность ошибки или злоупотребления куда меньше, чем у следователя, которого трудно проконтролировать, когда он работает за дверью своего кабинета и нет у него оппонентов. Не первый раз уже у нас возникает ощущение, будто уголовно-процессуальный кодекс писался следователями и в интересах следователей.

Получив обратно дело, следователь обычно начинает энергично отстаивать свою прежнюю версию, — так произошло и в деле Кораблева, которое, таким образом, все сильней и сильней запутывалось. Перед новым судом оно представало уже запутанным безмерно, — этот новый судебный процесс длился целый год! И знаете, я не могу осуждать судью Мособлсуда Ю.Тутубалина, он не ленился и не тянул, а, напротив, упорно и скрупулезно распутывал все то, что, казалось, было уже безнадежно запутано.

На этом суде я бывала не раз, можно было в любой непростой день зайти сюда и найти всех на местах, словно они никогда не расходятся. Молодой беспристрастный судья (очень внимательный и сообразительный), две немалодушные женщины, народные заседатели, женщина прокурор, вяло, но все же неуклонно отстаивавшая не истину, но позицию своего ведомства; адвокат, который был неуспешно на сраже интересов своего подзащитного и яростно нападал на позиции противника. А Вадим Кораблев, похожий на мертвеца, стоял в своей клетке. Так день за днем — целый год!

Кончилось все это неожиданно: доказав, сколь неубедительно, беспочвенно и слабо обвинение, судья снова послал дело на следствие. Опять! У него не хватило мужества оправдать Кораблева, даже выпустить его из тюрьмы он не отважился, подобную робость третьей власти трудно оправдать, но нетрудно понять. С некоторых пор в обществе возникла невероятная ситуация: когда судья оправдывает подсудимого, вина которого не доказана, сотрудники правоохранительных органов поднимают крик: мы, мол, поймали опасного преступника, а судьи "по непонятным причинам" его отпустили (формулировка, в которой недвусмысленно слышен грязный намек). И хотя причины как раз совершенно понятны (дело расследовано скверно, вина не доказана), находятся журналисты, которые этот крик с удовольствием подхватывают, полагая, по-видимому, что тем самым помогают "органам" бороться с преступностью.

И все же мы должны быть благодарны судьбе Ю.Тутубалину: в результате судебного процесса, который он вел, возник гигантский протокол судебного заседания, где были тщательно отобраны материалы по этому делу, выявлены его противоречия и поставлены важнейшие вопросы. Все это необходимо для будущей проверки, которой, полагаю, не может не быть.

А я снова воспользуюсь своими собственными записями на этом процессе.

16 сентября 1993 года. Входят судьи, все участники процесса на своих местах. Судья объявляет: свидетель не явился (и это после частного определения о его принудительном приводе!). А свидетель не кто-нибудь, а следователь В.Камынин, при ком была найдена могила. Напрасно ждем час, другой, он не пришел, заседание переносится.

На следующем заседании нам сообщают: был звонок из милиции, сказали, Камынин будет на 101 процент! Звонили домой к Камынину, жена сказала, что он поехал в суд, она сама его нагладила. Но напрасно она это делала, — следователь Камынин на 101 процент в суд не пришел. Уже есть два определения о приводе, милиция клянется привести.

Наконец он является. Речь идет о третьем выезде Кораблева в лес. Судью интересует, как возникло заявление Кораблева о том, что он хочет выехать в третий раз; в самом ли деле было оно добровольным? — сам Кораблев это отрицает.

— Не применялись ли недозволенные методы следствия? — спрашивает Тутубалин.

— С моей стороны — нет, — отвечает следователь, — а так — мне неизвестно.

— Не оставались ли оперуполномоченные наедине с Кораблевым?

— Точно не помню.

— А зачем вообще нужны были тут оперативники?

— Не знаю.

Он ничего не знает и решительно ничего не помнит, ни точно, ни неточно. В моих записях о нем: большой, рыхлый, когда он поворачивается, я вижу его лицо — холеное, вздернутый нос и усики.

А Таисия Григорьевна, когда приходит ее черед, она, моя голубушка, именно в этот эпизод и вонзает свои ястребиные когти.

— Я так и не поняла, — говорит она, — почему вы втроем приехали тогда в тюрьму? Кораблев вас просил? Его заявления нет.

— Не помню, кто просил приехать. Передали устно следователю Шмидту из Егорьевской тюрьмы.

— Но заявления, где бы он просил, чтобы вы его вызвали, в деле нет, вот я и спрашиваю... Шмидта допрашивали дважды, он говорит, что не просил вас туда ехать. Почему же вы поехали?

Камынин долго молчит. Потом утрово:

— Спросите оперативных сотрудников.

— Но я спрашиваю вас. Вы ведь поехали втроем, вот я и спрашиваю: почему?

— Из Егорьевской тюрьмы устно передали...

— Кто передал?

— Не помню.

— Но как это случилось, что вы без заявления Кораблева, от кого-то услышав, поехали в тюрьму да еще с работниками розыска.

— Не помню. Все случилось произвольно.

— Что значит "произвольно"?

Молчит.

— А почему вы, взяв Кораблева, пошли с ним в кабинет замначальника тюрьмы? О чем вы там с Кораблевым разговаривали?

— О деле, конечно, о чем же еще.

— Почему Кораблев заявил, что не хочет ехать в лес по третьему разу?

— Не помню.

— Вы его об этом спрашивали?

— Может, и спрашивал, не помню.

Адвокат переходит к вопросу о леснике.

— Сколько раз он присутствовал на выезде?

— Не помню.

— А я вам скажу: все три раза. Вы знаете, все присутствующие при выезде должны быть занесены в протокол. Почему в нем ни разу не отмечен лесник?

Молчание.

— Хорошо. — Адвокат переходит к другому вопросу. — Был такой момент, когда лесник сказал: такая поляна есть, но много дальше.

— Я такого обстоятельства не помню.

Но когда дело доходит до топора, Камынин вдруг помнит: топор был весь под водой, первым его увидел Кораблев.

И наконец о захоронении. Судья спрашивает, где был Кораблев, когда выкапывали труп, — сам он утверждает, что был недалеко, у машины.

— Не помню, — говорит Камынин. — Но думаю, он был рядом...

— Он опознал погибшую?

— Он видел... по-моему...

— "По-моему" или видел?

После долгого молчания:

— Был он рядом...

— И опознал погибшую?

— Не помню.

— Вы его спросили: это Анна?

— Не помню.

— Вы просили его показать, как он наносил ей удары?

— Нет. Не помню.

Вы думаете, он выговаривает это свое "не помню" в смущении и растерянности? — ничуть не бывало, напротив, весьма веско и уверенно, словно в том, что он не помнит, некая его заслуга; начинает казаться, что так и есть: заслуга перед начальством, это оно (иначе посмел бы он так себя вести?) сказало ему: что ни спросят, говори, что позабыл. Начальство, как видно, привыкло к тому, что суд все стерпит, но к такому судье, как Юрий Тутубалин, оно, как видно, не привыкло.

Между тем уже слышится — все ближе и ближе — стук кабаньих копыт.

— Место захоронения чем-нибудь отличалось? — спрашивает судья.

— Не помню.

— Ну, поверхность ямы чем-нибудь отличалась?

— Не помню абсолютно, — интонация более живая, мол, я и вообще-то ничего не помню, а уж этого не помню даже больше, чем всего остального.

— Были ли следы животных? — уже напрямую спрашивает судья.

— Вроде кто-то сказал: следы диких кабанов.

— Кто сказал?

— Не помню.

— Участвовал в этом специалист охотзверосовхоза?

— Был кто-то, не помню, кто.

Молчание. Переступил с ноги на ногу. Судья заходит с другой стороны.

— Вы, как следователь, знаете, конечно, при каких условиях и как должна быть сделана запись о следах животного?

Тут Камынин несколько теряет уверенность.

— Наличие специалиста...

— Правильно! — говорит судья. — Так как же?

— Не берусь утверждать... Если в протоколе есть...

В протоколе есть запись о следе кабана, а записи о наличии специалиста нет.

Вот и вся кабанья реальность — "кто-то что-то вроде сказал". Только в сознании одичавшего чиновника возник и огромно заросся этот фантастический кабан. (Но ведь человеческое сознание, оно тоже реальность, а сознание чиновника, когда оно мертво, но обладает властью, — опасность реальная. Как вам этого не понимать? — разве зря писал Гоголь свои "Мертвые души", разве не реален Кафка с его призрачным миром, уродующим жизнь и убивающим людей? Помните конец его "Процесса"? Как собаку! — была последняя мысль героя, которого по приговору неизвестно каких судей неизвестно за что зарезали на каменоломне. Как собаку! Но это в сторону).

Немало было пороков у правоохранительных органов застойного периода — и наследственных, и благоприобретенных, — сколько мы на них нападали! Но шла тогда и упорная, каждодневная профессиональная работа, были, повторяю, и блестяще расследованные дела. Как славно было тогда об этом писать — и как горько видеть сейчас (а как противно описывать) эту картину профессиональной беспомощности и нравственного разложения.

Еще не так давно начальники из МВД любили рассказывать о пороках собственного ведомства, а пороки эти неизменно сводились к одной и той же истории: собрались, мол, наши ребята брать опасного преступника, приехали, — а

его и след простыл, кто-то из своих предал. Предательство в рядах правоохранительных органов дело очень опасное (мы уж не говорим о том, насколько оно отвратительно), но все же далеко не столь опасное, как устойчивая, годами отработанная система, которая создалась в деятельности правоохранителей и которую сейчас принято не замечать. Предателя можно разоблачить (методика разработана), а вот искоренить то, что угнездилось в сознании сотрудников прокуратуры или милиции, стало их ежедневной практикой, а бывает, и второй натурой — эта задача уже трудности безмерной.

Вместе с делом Кораблева мы с вами вехали в одну из самых тяжелых проблем российского правосудия. Следственный аппарат и уголовный розыск доведены до крайнего упадка. Следственный аппарат оказался совершенно бесконтролен. Естественным его контролером, самым сильным и надежным, должен быть адвокат (и квалифицированные следователи ценят его работу); ни одна инстанция — ни прокурорская, ни судебная — не в состоянии знать данное дело так, как знает его защитник. И он должен, конечно, занять подобающее место в уголовном процессе. Сейчас он почти беспомощен (я знаю возражения: бывают недобросовестные адвокаты, которые сознательно запутывают дело и т.д., но, уверяю вас, плохой, недобросовестный следователь общественно куда опасней плохого, недобросовестного адвоката, — у следователя огромная власть, он решает судьбу, порой и жизнь человека, а защитник безвластен и самое большее, что он может сделать, задать следователю лишней работы).

Повторяю, и профессионально следственный аппарат в глубоком упадке.

Кабинет следователя, за столом друг против друга двое, он и она. Он — опытный, известный юрист — объясняет своей собеседнице азы юриспруденции и правовой практики, она не понимает. Как ее винить, если ей немногим за двадцать и по профессии она парикмахер. Замечательно, однако, что она и не собирается вникать в то, что ей говорят.

Дело в том, что она хозяйка положения, это ее кабинет.

Из следственного аппарата России ушли профессионалы (и не только, как принято думать, ушли из-за денег — многие объясняли это совсем по-другому: начальство, нередко малопрофессиональное, вмешивается, давит, нечем стало дышать), обычно все это сваливают на нынешний "переходный период", возникла страшная кадровая нехватка, и берут уже кого попало, в том числе студентов первого курса юрфака. Наша юная парикмахерша сдала экзамен на заочное отделение и с первого же курса была взята в милицию следователем, автоматически получив, таким образом, частицу той огромной власти, какой обладают правоохранительные органы.

Это не водевиль и не эстрада, это сцена из жизни. И станет наша парикмахерша накапливать опыт практической работы — я могу представить себе это по аналогии с тем, что видела в других судебных делах. Вот, к примеру: на скамье подсудимых дед (колоритнейший — он похож на боевого летуха), его обвиняют в убийстве другого деда, соседнего, и он признался оперу (за что себя очень корит), а в кабинете следователя рассказал, что оговорил себя, потому что оперативник бил его книгой по голове (в его возрасте может быть и смертельно). Выслушав деда, следовательша (только что кончившая юрфак) молча сняла трубку. "Михал Михалыч, — сказала капризно, — он не признается". И

тут же в кабинет вошел огромный Михал Михалыч, а следовательша тотчас из кабинета вышла (уже знает, как это делается). Я видела эту девушку в суде – по виду десятиклассница (и длинная коса по всей спине распущена), а глаза – как лед.

Немало сейчас в милиции более или менее "крутых" парней, которые пришли сюда не для того, чтобы бороться с преступностью, а чтобы иметь красную книжечку и пистолет подмышкой.

Да и нравственно следственный аппарат в глубоком упадке. У иных правоохранителей вместо честного слова – тактика, которая все дозволяет. Взять же следственные ловушки, – как подробно разработана их проблема в юридической литературе (в свое время, выступая на эту тему и в печати, и на встречах с читателями, я не раз приводила в пример разговор, который ведет Порфирий Петрович, расспрашивая Раскольникову о его приходе к старухе-процентщице; следователь расставляет хитроумные ловушки, и не одну, но ни в одной из них нет лжи, все они рассчитаны на преступника и опасны только для него – в том, в частности, и состоит искусство следователя). А у нас до сих пор в ходу сто раз уже высмеянные приемчики: "на месте преступления следы твоих пальцев", "свидетели видели, как ты входил" и т.д. Или говорят измученному человеку: "Подпиши и ступай домой", отлично зная: ему в лицо рассмеются, когда он, подписав, робко напомнит про обещание.

Дьявол, он – отец лжи, и постоянное употребление его методов даром не проходит; хорошо известна проблема нравственной деформации личности в связи с той или иной профессией, такая профессиональная деформация может перейти в профессиональную болезнь, а потом и в полную профессиональную непригодность. Как могут охранять общественное право люди, если они слова правды уже сказать не умеют?

Собственно, и в нашем деле весь процесс антиследствия построен на лжи, начиная от уговоров свидетеля, что дата 5 ноября противоречит материалам дела и лучше написать "5-е – 6-е", и кончая прямой фальсификацией.

Итак, длилось третье по счету следствие, следователи, как могли, укрепляли свои более чем шаткие позиции, адвокат вел свой бой (дело требовало неусыпного внимания!), Кораблев мог убедиться, как с каждым годом все страшнее становится российская следственная тюрьма (а участковый все жил в его квартире и на суд не приходил).

И вдруг...

Это действительно было неожиданным: появилось постановление облпрокуратуры, которое произвело неизгладимое впечатление на всех, кто знал это дело. Подписал его следователь по особо важным делам В.Рева.

Кажется, весь процесс Кораблева стремился к этой своей вершине – к своей кульминации, своему апофеозу!

Положение В.Ревы было не из лучших: требования Верховного Суда, потом и областного (под председательством Ю.Тутубалина) были многочисленны, отчепливы и суровы, — уже невозможно было делать вид, будто их не замечаешь. Но как их выполнить, если облпрокуратура следования практически не вела, а, значит, никакими новыми материалами, и тем более уликами не располагает?

И В.Рева стал на другой путь (не сообразив, насколько он погибелен).

Лишенный возможности прибавить количество обвинительных доводов, он стал их убавлять, изымая из обвинительного заключения, как бы выпивая из него одно утверждение за другим, разумеется, самые бездоказательные и несуразные. Вот какую операцию, например, произвел он с вопросом о мотиве преступления. Мы помним: Вадима Кораблева обвиняли в том, что он убил свою жену из "корыстных побуждений" и "неприятных отношений" и что оба тезиса вызвали у защиты и судей серьезные возражения. Однако остаться вовсе без мотива преступления В.Рева, естественно, не мог и решил пожертвовать чем-то одним, а именно "корыстными побуждениями", — и остался с чем? С одними "неприятными отношениями". Вот и получилось у него: жили супруги хорошо и даже очень, но лишь только их отношения испортились, муж зарубил жену топором, а заодно уж утопил и детей (тоже из неприятных отношений). А поскольку следствие не установило ни места, ни времени, ни способа убийства, В.Рева решился на нетривиальный шаг: он вообще исключил из обвинительного заключения убийство детей, однако сделал это весьма замысловато.

"Считая бесспорным, — пишет он, — причастность Кораблева к смерти детей, следствие лишено возможности конкретно, с учетом требований суда, предъявить ему конкретные обвинения". Вот неконкретные можно было предъявлять ему год за годом (без учета требований суда), а конкретные, — откуда же их взять? А кто в этом виноват? Да сам Кораблев и виноват, поскольку он "выбрал методом своей защиты отрицание, отказывается назвать подлинные обстоятельства смерти детей". Видели негодя? — знает, а не говорит, создавая тем самым для следственных органов непреодолимые препятствия.

Дети? — да кто их здесь помнил, этих мертвых детей и несчастную их мать. И про цели следствия — найти убийц — тут давно позабыли. Потому и стала возможна аргументация, в нелепости своей доведенная до комизма — вот уже снова к общему впечатлению от этого ужасного дела начинает примешиваться ощущение чего-то болезненного, вывихнутого, — не то в самом деле психиатрией потянуло, не то какими-то бесовскими играми. Но стойте, ведь те страшные кабаны, что пололи на могиле полночную трын-траву, они тоже где-то тут неподалеку.

Диву даешься, каким диким бурьяном заросло российское правовое поле!

Ну а теперь, чтобы подвести итоги, рассмотрим эту историю еще раз кадр за кадром, — начиная с поляны, с могилы.

Итак, о приходе незнакомца Вадим в милицию не заявил: было стыдно, что поддался розыгрышу. К тому же, за всем этим ничего больше и не последовало. Он пытался рассказать о ночном посетителе, когда началось следствие, — и безрезультатно.

Между тем рассказ Вадима убедителен именно своими подробностями. Кто-то, у кого был ключ, предварительно позвонил в квартиру, чтобы проверить, что в ней никого нет. Вадиму, и это тоже естественно, открывать не хотелось, а хотелось продолжать работу; к тому же он никого не ждал и надеялся, что звонок случаен (к ним в дверь не раз просто так звонили ребяташки).

А тот, кто стоял за дверью, решив, что никого нет, позвонил еще раз на всякий случай и стал открывать дверь ключом. Пока Вадим выпутывался из проходов, незнакомец вошел, и вот двое оказались в прихожей друг против друга.

Незнакомец, несомненно, был связан с Анной, у него был ее ключ. Он пришел оттуда, из мира преступности, и родимое пятно, огромное, во всю щеку, вряд ли было подлинным: зачем при столь двусмысленном и небезопасном поручении посылать человека, на лице которого такой огромный опознавательный знак; зато само это пятно, запоминающееся, отвлекающее внимание, а потом смывое, могло быть очень полезно в подобной операции.

Он, надо думать, действительно пришел за какой-то посылкой. Была ли у него другая задача? Думаю, в том вряд ли можно сомневаться. Заданий было два, одно нам вполне понятно, другое – нет.

Зачем было рассказывать мужу убитой, да еще так подробно, где похоронена его жена? И почему выбрано такое время – конец января, начало февраля, когда лес завален снегом и ничего тут не найти – ни топора, ни костра, ни самого места захоронения (в протоколах его называют воронкой, ямой, стало быть, то был не холмик, а углубление, которое заведомо завалено сугробом).

Что же тогда было на поляне, когда Вадим в первый раз ее искал?

Думаю, не ошибусь, если скажу: ничего там не было. Ни костра, ни топора – и Анна была закопана в другом месте. Потому и схема, нарисованная незнакомцем, была неточна, – кому-то нужно было, чтобы Кораблев искал и не находил.

Анна, всего вернее, была привезена сюда ранней весной, надо думать, в машине, об этом говорит едва ли не переломленная поза мертвой. И девочки в заливе всплыли по весне...

В который раз готовы мы проклясть того следователя, который отказался послать на экспертизу одежду детей, а ведь важно было знать, сколько времени провели они в воде (кстати, на втором суде обнаружилось, что одежда Юли и Кати вообще потеряна, – интересно, намеренно или случайно?).

Так что же это было? Мучительно вглядываясь в темноту, мы ничего не можем разглядеть. Одно нам ясно: перед нами спектакль – кем и для кого он поставлен? Убийцами, разумеется.

Явление это, в общем-то, само по себе не новое, мне приходилось с ним встречаться, но, разумеется, совсем в иных масштабах. К примеру, позвонит в милицию аноним (или письмо напишет), что одежда убитого Климова закопана у Сергеева в огороде, и на огороде Сергеева ее находят – расчет на слабое правовое развитие сотрудников правоохранительных органов, который к несчастью нередко оправдывается. А тут?

Топор в ручье, пуговица и кусочек вельвета в костре, и наконец мертвая в могиле – неопровержимые, убийственные улики! Но не слишком ли их много, этих улик, и не слишком ли небрежно он расставлен, этот реквизит. Любой человек, даже и не работник розыска или следствия, мог бы заметить, что костер слишком мал для того, чтобы в нем сжечь большую куртку; что пуговица слишком блестит, если учесть, что полгода валялась в лесу, топор слишком вертикален, чтобы можно было поверить, что он столько времени стоял в проточной воде. И могильная земля вскопана недавно. Что означает такая небрежность, на что рассчитывали постановщики спектакля? На глупость правоохрани-

нителей? Не бывает таких глупых. Нет, расчет был на то, что и так сойдет, и никто проверять, вникать не станет: всем очень хотелось покончить с Кораблевым. Да к тому же обе стороны должны были очень спешить: спектакль, поставленный на лесной поляне, не мог быть монументален, напротив, он по необходимости был одноактным и краткосрочным – любой дождь мог смыть костер, любой прохожий – унести топор, любая мышь уволочь в нору доскут, любая сорока прельститься пуговицей. Не говоря уже о том, что сюда могли заглянуть ребятишки.

Кому первому пришло в голову вернуться к истории с незнакомцем? Вернее всего импульс исходил от преступников, однако, поначалу от них шли лишь слабые сигналы, неясные, вроде того, полного темных намеков рассказа, с которым пришел к Вадиму незнакомец. Прощупывали почву, искали связей – и не давали точных ориентиров (первые два выхода).

И вот – третий выход. Т. Лемперт полагает, что тут было анонимное письмо, которое дало ориентиры, это вернее всего.

Самое важное – подготовка этого третьего выхода.

Мы видели, что Кораблев его не хотел, считал бессмысленным, — а оперы и следователь, напротив, хотели его настолько, что пошли на грубое физическое насилие, к чему до сих пор не прибегали ни разу. Этот третий выход, по свидетельству Кораблева, отличался поспешностью, многочисленностью группы, а также бодрым, приподнятым ее настроением (ну, на этот-то раз обязательно!).

Что знал следователь Камынин о смысле операции? Трудно сказать, может быть, он не хотел так подозрительно быстро находить поляну, а может, не мог ее найти без посторонней помощи (лес в этом отношении сложен, особенно для горожанина). Но ведь в конечном счете поляну нашел именно он, Камынин: вся группа ее прошла, он заставил к ней вернуться. И его стремление сделать вид, будто не видит топора, который всем был виден, и его повторный спуск к ручью с комментариями в присутствии уже понятых и других сотрудников. И наконец самое главное, почему, как только яма была найдена, но еще никто не знал, что в ней, он отправил Кораблева на дальнюю опушку и не дал ему опознать труп? Может быть, и сам не был уверен, что в этой яме действительно закопана Анна Кораблева? Почему вообще медлил с опознанием, держал тело в местном морге, где нет холодильника, и представил на опознание только через 5 дней сестре Анны, когда опознать уже было невозможно? Известно, что в свое время Вадим описал одежду, в которой Анна ушла из дома, — на мертвой и куртка была не та, и сапоги не те. Так есть ли у нас уверенность, что в яме на той лесной поляне лежала действительно Анна Кораблева?

Ночью или днем ходили по лесной поляне люди, жгли костер, раскладывали по местам топор и прочие предметы? А что с могилкой? Когда ее копали? Кстати, она неглубока, всего 50 сантиметров, может быть, это и в самом деле было ранней весной, когда земля еще не оттаяла?

Но убийцы, им то зачем было устраивать всю эту дикую инсценировку? Почему бы им не дать следствию идти своим ходом?

Я думаю, они понимали: осудить Кораблева, не сфабриковав против него "крепких" улики, вряд ли удастся, для начала им нужно было запутать Кораблева, втянуть его в это дело – пусть ходит по лесу, пусть ищет

могилу, пусть заявит в милицию и тем вызовет подозрение; думаю, беляя "Волга", следовавшая за ним сразу после прихода незнакомца, следовала за ним, чтобы удостовериться, поехал ли в лес (поехал), обращался ли в милицию (не обращался). Однако нужны были "улики", более существенные.

Отдать это дело на самотек, предоставить его следователям преступники не хотели, – кто мог поручиться, что оно не попадет в руки профессионалов и тогда начнется настоящее расследование? Этого-то, я думаю, они и боялись, потому и были так активны в организации своего спектакля.

Можно гадать: неуравновешенная, вскидчивая, может быть, уже полубольная, Анна решила начать новую счастливую жизнь: ведь взяла же она с собой детей, чьей судьбой никогда бы рисковать не стала. Ехала она в расчете на новую счастливую жизнь, – а попала в ловушку. Почему ей эту ловушку расставили? Может быть, потому, что несчастная женщина вывезла с собой вещи, драгоценности (недаром же их кто-то пересчитывал), сберкнижку, и все вместе это должно было составить немалую ценность? Или она попала к уголовникам?

Затоптаны следы. Даже если сейчас начать новое расследование, пока оно идет, кончится срок давности, назначенный данному преступлению.

Одно несомненно: по делу Кораблева можно изучать едва ли не все приемы и методы нынешнего российского беззакония. И для нас именно это самое важное: борьба с беззаконием внутри правоохранительных органов.

Сколько, однако, людей было занято в этом лжерасследовании (десятки!), сколько времени потрачено (годы!), сколько энергии израсходовано (не счастье!). А сколько пролито слез?

Но вот Таисия Григорьевна пришла в Генеральную прокуратуру, более часа рассказывала она там дело Кораблева. Благодаря вмешательству руководства Генпрокуратуры дело это наконец-то было прекращено.

Победа? Конечно. Кораблев на свободе, с него сняты все обвинения. Но какая же тоска сжимает сердце, несмотря на эту победу! Без малого семь лет провел Вадим в следственной тюрьме; вместе с другими заключенными стоял в тесноте, в духоте, ожидая возможности немного поспать; вместе с другими болел, терял зрение, терял силы (на последнем суде, я видела, он еле стоял, но старался не упасть, только однажды прислонился виском к пруту своей железной клетки). Здесь пережил он самые страшные минуты своей жизни (опознание мертвых детей), здесь ощутил всю меру своего бесправия. Кто возместит ему эти пропавшие годы?

Но ведь если бы не Таисия Лемперт с ее энергией и могучим профессионализмом, Вадима Кораблева, вернее всего, не было бы в живых, – облпрокуратура, вернее всего, добилась бы своего, наше общественное мнение, охочее до смертной казни, было бы очередной раз удовлетворено, – и всего довольнее были бы, разумеется, те, неведомые, свирепые, уже привыкшие с легкостью уходить от возмездия.

А участковому все-таки пришлось выехать из квартиры: еще в ту пору, когда Вадим был в тюрьме, Т.Лемперт выиграла также и гражданский процесс.

Пора, давно пора нашей правоохране очнуться и вырваться из того невыносимого и недостойного положения, в которое она попала. Есть же в ней здоровые силы, есть люди, высокопрофессиональные и порядочные, которым не меньше, чем всем нам (и, наверно, стократ более) ненавистны, невыносимы и отвратительны те беззакония, которые в иных делах встречаются едва ли не на каждом шагу.

Чтобы исправить положение, нужны, конечно, не только финансовые вливания и структурные изменения, надо менять отношение к тому, что делается в органах правоохраны – в корне! Нельзя больше делать вид, будто с ними все в порядке. Пора забыть о “чести мундира” и обязательной взаимовыручке. Да, необходима беспощадная борьба с беззаконием, служебные проверки и уголовное преследование (только реальные проверки и реальное уголовное преследование). Но и это все будет малопродуктивно до тех пор, пока сами сотрудники правоохранительных органов не поймут, как это унижительно, когда авторитет потерян, доверие утрачено, а об уважении уже и речи нет. И насколько мешает это выполнять основную их обязанность – противостоять преступному миру и всеми силами, какие есть, его обезвреживать.

И последний эпизод. Вадим и его адвокат в который уж раз знакомятся с делом, вновь и вновь вглядываются в фотографии, особенно в две из них, одна (снимок сверху) – проплевшина могилы в окружении высокой травы, другая (снимок сбоку и в большом приближении) – топор в ручье, стоит вертикально, ручка над водой. Прекрасные четкие снимки. Таисия Григорьевна просит разрешения их переснять, ей отказывают.

Пришли они на следующий день – фотографий нет. Исчезли! На их месте какие-то неясные пейзажики. В прокуратуре очень удивлялись: “Фото? Какие фото? Кроме этих, тут никаких других не было”. Факт этой подмены исследовался и был подтвержден в суде.

Вот мне и хотелось бы в заключение спросить руководство правоохранительных органов — Генерального Прокурора России Юрия Скуратова и Министра внутренних дел Сергея Степашина, — не думают ли они, что это, пожалуй, уж слишком?

НАСМЕШНИК

в суете

“Поверьте, нет ничего глупее, нежели заключать слишком глубокие узы: ведь тот, кто проживет дольше, неизбежно останется несчастным.”

(Д. Свифт)

Иван ЗЮЗЮКИН

Автор знаменитых “Путешествий Гулливера” Джонатан Свифт (1667—1745) пользовался большим успехом у женщин. Но отвечал ли он им взаимностью? Этот странный, но не беспочвенный вопрос возникает у каждого, кто изучает его жизнь и творчество. При этом одни биографы дают вполне утвердительный ответ, другие — уклончивый, третьи — вовсе отрицательный. А как было на самом деле? Наверняка об этом знали лишь сам Свифт да господь Бог. Впрочем, наш герой был столь сложной личностью, так скрытничал во всем, что касалось его чувств, так умел запутывать следы, что мог, говоря в шутку, заморочить голову и Богу и даже, не исключено, самому себе...

Лучше всего это видно на примере его отношений со Стеллой, которую на самом деле звали не Стеллой (вот уже и начинаются Свифтовы игры в жмурки), а иначе. Тем не менее 65 адресованных ей и затем изданных (не им самим) отдельной книгой его писем названы “Дневником для Стеллы”. Почему? Да потому хотя бы, что в них она много раз именуется Стеллой, иногда — МД (что можно расшифровать как “моя дорогая”), иногда МС (“милая Стелла”), но ни разу не называется ее подлинное, данное ей при крещении имя.

Чтобы уразуметь, чего ради Свифт шел на такую конспирацию, придется нам вникнуть в некоторые подробности его биографии... Итак, двадцатидвухлетний англичанин Джонатан Свифт, родившийся и получивший образование в Ирландии, приезжает в Англию и поселяется в Мур-Парке, имении отставного британского дипломата. Здесь он

Джонатан Свифт.
Портрет работы Ч. Джервеса.
1707—1709 (?)
Национальная портретная галерея, Лондон.

знакомится с Эстер Джонсон, приемной дочерью управляющего Мур-Парка, становится ее домашним учителем и наставником, а со временем — ее весьма почитаемым, если не сказать больше, старшим другом... Надо отметить, что жизнь у Свифта всегда складывалась не то, чтобы неудачно, но — не так, как ему хотелось бы. Вот и в те годы будущий писатель, попытав счастья то на одном поприще, то на другом в конце концов становится англиканским священником (со званиями магистра искусств и доктора богословия) и получает приход в Ирландии. Казалось бы, на этом можно ставить точку в его отношениях с юной Эстер Джонсон. Но мы плохо знаем Свифта! Чувствуя себя одиноко и неприкаянно у себя на родине, он уговаривает девушку покинуть Мур-Парк и переехать на постоянное местожительство в Ирландию, предварительно расписав, как ей здесь будет хорошо. Правда, он тут же ставит условие: жить она будет неподалеку от него, но — не рядом. И, представьте, несмотря на столь суровое и обидное условие, Эстер с радостью принимает его предложение и переезжает в Ирландию, взяв с собой также компаньонку — шуструю, остроглазую миссис Дингли. Все свободное время Джонатан и Эстер проводят вместе, в компании с друзьями. Они оба — хорошо смотрятся. Правда, тридцатитрехлетний пастор на вид немного угрюмоват (взгляд его синих глаз иногда становится тяжелым и непроницаемым), но он здесь, как никто, умен и остроумен, охотно беседует на любые темы. Эстер, наоборот, сдержанна, молчалива, но это придает ее красоте и молодости особый шарм. Здесь никто не сомневается, что она и Джонатан любят друг друга. Но странно: они никогда не остаются вдвоем! Уж если нет рядом никого из друзей, роль “третьего лишнего” всегда исправно и, кажется, не без удовольствия играет миссис Дингли... Причем, Джонатан может жениться на Эстер — ни разница в четырнадцать лет, ни его священнический сан тому не помеха. Однако Свифт не делает ей предложения (как, например, сделал однажды девушке, которую встретил до Эстер, но получил от нее отказ). И мисс Джонсон не настаивает на браке: по всему видно, что добрые отношения со Свифтом ей всего дороже...

Так проходит семь лет. (Неимоверно тягостных для такой энергичной, честолюбивой и одаренной натуры, как Свифт!) Но вот однажды старший друг Джонатан объявляет Эстер, что уезжает по делам в Лондон. (Скажет, что ненадолго, а получится — на несколько лет... Оказавшись в столице, Свифт, что называется, с размаху бросается в водоворот политической борьбы, становится чуть ли не правой рукой главы правительства, графа Оксфорда, вся страна покатывается со смеху, читая его язвительно-остроумные памфлеты против тупости, самодовольства, продажности и других пороков высшего общества тогдашней Англии...) Но, чувствуя себя в Лондоне как рыба в воде, Свифт испытывает угрызения совести из-за того, что сначала заманил в Ирландию, а теперь вот покинул Эстер — при всех своих явных и тайных слабостях он был человеком исключительной порядочности. И чтобы как-то искупить вину перед женщиной, он посылает ей время от времени деньги, подарки, а также чуть ли не каждую неделю пишет ей (для отвода глаз — и компаньонке миссис Дингли)

Джонатан и Эстер были тайно обвенчаны, но, чтобы их брак никак не осложнял жизнь Свифта-политика, она согласилась играть роль его доброй приятельницы. Другая версия всю загадочность их отношений объясняет тем, что Свифт был способен лишь на платоническую любовь, третья же, наоборот, выставляет его многогрешным сладострастником, не желавшим связывать себя брачными узами...

Как бы там ни было, но одно очевидно: Эстер для Свифта была дорогим человеком. В "Дневнике для Стеллы" немало строк, светящихся нежностью и лаской. Например, получив от Эстер письмо и умилившись ее "дорогим, мелким, славным, восхитительным почерком", он может пообещать ей: "Потерпи до ночи и тогда листочек, два десятка строчек, испишу, дружочек"... Но проказливый конспиратор пишет так, что иногда МД можно расшифровать как "миссис Дингли", а МС "мои славные". Кажется, он не прочь открыться Стелле в своих чувствах, но хочет также иметь возможность в любую минуту обратиться написанное в шутку. Правда, из-под его пера (но не в "Дневнике для Стеллы") вышли также строчки, в которых он уже безо всяких уловок признает, что они посвящены Эстер Джонсон. И послушайте, с какой любовью и даже пиететом Свифт, отдав должное ее красоте, говорит о том, что Эстер значила в его жизни: "Я не припомню случая, когда бы мне довелось услышать от нее неверное суждение о людях, книгах или делах. Ее совет всегда был самым лучшим, и величайшая независимость суждений в ней сочеталась с величайшим тактом".

А Эстер? По свидетельству тех, кто близко ее знал, она была не просто влюблена — обожала Свифта, сияла от гордости и счастья в его присутствии. Тридцать пять лет она проживет подле него (но — не рядом) или терпеливо ждет, когда он наконец вернется из очередной поездки в Англию, и не было случая, чтобы она выразила недовольство тем, как сложилась ее женская судьба. Между тем их запутанные, осложняемые тяжелым, скрытым характером Свифта отношения не раз ставят Эстер Джонсон в такое положение, при котором другая женщина на ее месте давно бы, грубо говоря, послала его куда-нибудь подальше. Вот наглядный пример. Один молодой священник, влюбившись в Эстер, решает сделать ей предложение. Но сначала он советуется с коллегой Свифтом. И тот, ничем не выдав своих чувств, горячо одобряет его выбор! Больше того, он говорит, что тоже бы посватался к мисс Джонсон, "имея средства и склонности", и с угрюмой усмешкой, затаенной в холодноватосиних глазах, советует им поспешить с заключением брака, потому что "время лишает девственность привлекательности". Нет, Эстер отвечает молодому претенденту на ее сердце отказом, а Свифту прощает издевательские шутки в ее адрес. И это неудивительно: она лучше, чем кто-либо на свете, знает, что Джонатан Свифт — гений, что при всей изломанности своей природы он добрый великодушный человек. А раз это так, то для нее не зазорно, а, наоборот, почетно посвятить ему всю свою жизнь, всем ради него поступиться, все стерпеть...

Но их любовь (если, конечно, это была любовь в привычном смысле слова) не назовешь безоблачной... Еще когда Свифт находится в Лондоне и

пишет оттуда письма Стелле, она замечает, что с некоторых пор он все чаще упоминает имя некоей миссис Ваномри. Действительно, Свифт (хотя, как говорят, за язык его никто не тянет) то и дело сообщает ей, что бывает в доме этой миссис, иногда обедает у нее, скрупулезно перечисляя, что подавали на первое, на второе и на десерт, что, случается, он оставляет у нее сутану, встречается с друзьями и иногда проводит вечера. Словом, все честно и открыто, но в главном он все же не признается Стелле: в этот дом он приходит не ради миссис Ваномри, а ради мисс Ваномри, ее дочери, которую, кстати говоря, как и Стеллу, зовут — Эстер!

Эта юная особа (она на двадцать с лишним лет моложе Свифта) во многих отношениях является прямой противоположностью уравновешенной, положительной и в чем-то несколько пресноватой Стеллы. Импульсивная, раскованная, самолюбивая, но от природы неглупая и наблюдательная, Эстер Ваномри, подобно Стелле, открывает в авторе едких памфлетов замечательную личность, открыто восхищается его тонким умом и бесподобным чувством юмора. (Что примечательно — скрытный и в своем творчестве, Свифт ей первой дает почитать рукопись “Путешествий Гулливера”.) Словом, она по уши влюбляется в сорокапятилетнего пастора и ждет от него ответных шагов. Но — не на того напала! Свифт очарован ее молодостью и темпераментом, в ее присутствии самого себя превосходит в умении острить и каламбурить, но... при каждом удобном случае его преподобие намекает пылкой девушке, что у их отношений нет будущего. А чтобы у нее не было никаких сомнений на этот счет, он сочиняет и адресует ей шуточную поэму “Каденус и Ванесса”. (В ней Свифт по своей неизбывной привычке придумывает для Эстер Ваномри псевдоним “Ванесса”, себя же, чтоб уж все было шито-крыто, именует Каденусом.) Но, несмотря на шутливый тон поэмы, она может рассматриваться как попытка Свифта сказать о себе такое, в чем он прежде никому не признавался:

*Любовь, пускаясь в дальний путь,
К нему не проникала в грудь;
Ждала у входа год за годом
И пренебречь решила входом.
Мы говорим “любовь”, но в ней
Соединенье всех страстей.
В ней горечь, сладость, жар и холод.
Вкушать вольно тому, кто молод.
Восторги, скорбь, надежду, страх.
Каденус между тем в летах.
И у него заслуг немало,
Ему влюбляться не пристало.
Но дружбу, этот высший дар,
Разумный, постоянный жар,
Который греет, не сжигая,
Когда пройдет любовь слепая
И не грозит позорный плен,
Он может предложить взамен...*

Но нет, на меньшее, чем на любовь, Эстер-Ванесса не согласна! Еще ничего не зная об Эстер-Стелле, девушка никак не может понять, что мешают чудному, неповторимому Каденусу разделить ее чувства. Она вся в горе и недоумении, когда Свифт вдруг из блестящего Лондона уезжает в свое ирландское захолустье. Ванесса бомбардирует его письмами, нетерпеливо спрашивая, когда же и где они встретятся вновь. А бедный и несчастный (без всякой иронии) Свифт простить себе не может, что по своей неосторожности разбудил в Ванессе вулкан страсти, которой он, чувствуется по его письмам к ней, боится как огня... Далее происходит то, что повергает его в настоящий ужас: Ванесса приезжает в Ирландию и поселяется неподалеку от Свифта (а, значит, и от Стеллы!). Джонатан делает все и даже больше, чтобы пути этих двух дорогих ему женщин нигде не пересеклись. Ведь если Эстер-Стелла поймет, ради кого Эстер-Ванесса приехала в Ирландию, она догадается, почему Свифт так часто навещал дом ее матери и расценит его поведение как предательство по отношению к ней, пожертвовавшей ради него всем...

Сожалея о случившемся, Свифт почитает за благо не отвечать на письма Эстер Ваномри и уклоняется от встреч с нею. Но теперь уже он — не на ту попал! День ото дня Ванесса становится все настойчивее в своих письмах, и он вынужден пусть с большим опозданием, но отвечать на них. Их переписка — еще один замечательный литературный памятник той эпохи. И хотя главным героем нашего повествования является Джонатан Свифт, а не Эстер Ваномри, для наглядности приведем выдержки лишь из ее писем — по ним мы сможем со всей полнотой представить, какой пожар в сердце девушки разжег напавший магистр искусств и доктор богословия и какие душевные муки он испытывал, когда она требовала прямо и недвусмысленно ответить ей: любит он ее или нет? Вот Ванесса — и кто скажет, что она не была талантливой ученицей Свифта-Каденуса?! — так и не дождавшись от него письма, горько иронизирует по этому поводу: “Если бы мой корреспондент находился в Китае, то и тогда бы я, наверное, уже получила ответ. Я и предположить не могла... что двадцать миль в вашем счислении равны нескольким тысячам”. Остальные выдержки из писем Эстер-Ванессы, думается, говорят сами за себя.

“И вот теперь, когда мои беды усугубляются тем, что я живу среди чуждых мне и непомерно любопытных людей, чье общество не только не способно развлечь, но, напротив, служит ужасным наказанием... вы бежите от меня... Помилуйте, навещать несчастную молодую женщину и помогать ей советами, что же предосудительного? Ума не приложу. Вы же знаете, стоит вам нахмуриться, и моя жизнь становится невыносимой для меня. Сначала вы научили меня чувству собственного достоинства, а теперь бросаете на произвол судьбы...”

“...у меня сейчас невыносимая тоска, и я ничего не могу поделать с собой.”

“Возможно ли, что вы на самом деле приедете повидаться со мной? Я молю Бога, чтобы это случилось, и готова отдать все, чтобы увидеть вас здесь...”

“Я родилась с неистовыми страстями, и все они соединились в одной, той невыразимой страсти, которую я питаю к вам...”

И лишь один пример того, как Свифт пытается погасить вспыхнувший пожар в сердце девушки. Однажды (будто бы по поручению некоего Кэда!) он пишет Ванессе: “Кэд уверяет меня, что по-прежнему чтит, любит и ценит вас больше всего на свете и сохранит эти чувства до конца дней своих, но вместе с тем он умоляет вас не делать ни себя, ни его несчастным из-за ваших фантазий...”

Случится как раз то, чего он больше всего опасался. Разузнав, кто такая Стелла и где она проживает, Эстер-Ванесса отправит ей письмо с единственным вопросом: правда ли, что Свифт и она — обвенчаны? И как же на это реагирует Свифт? Рассказывают, он примчится на коне к дому, где живет Ванесса, молча, весь черный от горя и ярости, положит перед ней пакет с ее письмом Стелле и умчит во весь опор. Что ж, может, лишь тогда несчастная Ванесса поймет, что Свифт не только гениальный и непостижимый человек, но и покорный раб своих представлений о морали и порядочности... Через два месяца после этой их встречи Эстер Ваномри умрет — по заключению врачей, от туберкулеза. Незадолго до кончины она почти все свое достойное завещает Свифту. Но в самый канун смерти вычеркнет его фамилию из текста завещания. Вряд ли она сделает это из чувства мести. Скорее всего, Ванесса не захотела подставлять своего странного, но даже в своей странности удивительного Каденуса...

А через некоторое время после смерти Эстер Ваномри в свет выйдет (без ведома Свифта) его шуточная поэма “Каденус и Ванесса”. Она, прежде ходившая лишь в списках “самиздата” той эпохи, имеет большой успех у читающей публики Англии. Но Свифту — не до смеха! Прочитав поэму, Эстер Джонсон наконец осознает, что ее старший друг (или тайный муж?) в течение нескольких лет питал нешуточные чувства к другой женщине. Правда, она делает вид, что поэтические шалости Свифта ее не волнуют. Рассказывают, когда в ее присутствии кто-то станет на все лады расхваливать достоинство Ванессы, воспетой Каденусом, истая англичанка Эстер Джонсон с милой улыбкой и огромным самообладанием заметит: мистер Свифт настолько талантлив, что мог бы воспеть и палку от метлы...

Однако умение прятать свои чувства и душевные переживания не пройдут для нее бесследно. Эстер едва за сорок. Но она уже начинает угасать. А Свифт? Он старается пореже попадаться ей на глаза, использует любой повод, чтобы уехать в Лондон. Но там ему уже нечего делать. Все его надежды, что те графы, лорды, церковные деятели, которым он столько лет служил верой и правдой, дадут ему епископат в Англии, окажутся напрасными...

В Ирландию он вернется незадолго до того времени, как Эстер-Стелла (заболевшая, как и Эстер-Ванесса, туберкулезом) умрет. Это произойдет 28 января 1728 года. В тот день настоятель дублинского собора св. Патрика преподобный Джонатан Свифт принимает у себя дома друзей, беседует с ними о том и о сем, еще не зная, что жившей от него неподалеку Эстер уже нет на свете... А теперь предоставим слово самому Свифту: “...около восьми вечера слуга принес мне записку с вестью о кончине

самого верного, достойного и бесценного друга, коим я, а, возможно, и вообще кто-либо из смертных был когда-нибудь благословлен. Она преставилась около шести вечера сего дня, и как только я остался один, то есть, примерно в одиннадцать часов вечера, я решил... сказать несколько слов о ее жизни и характере..." И вот тут Свифта словно прорвет! Он начнет писать что-то среднее между некрологом и панегириком, назвав это — "На смерть миссис Джонсон" (обратите внимание: не мисс, а миссис!), и скажет об Эстер как о человеке, лучше которого он не встречал в жизни и уже никогда не встретит. Причем вкладывает в некролог-панегирик столько сил и чувств, что будет вынужден прервать работу. "У меня болит голова, и я больше не в состоянии писать..." — признается он на полях рукописи...

Но Свифт не был бы Свифтом, если бы он и в эти дни чем-то не озадачил людей. Первейший друг покойной, он не принимая участия ни в отпевании, ни в похоронах Эстер. Послушайте, что он сам говорит по этому поводу: "30 января. Вторник. Нынче вечером состоится погребение, на котором я по нездоровью не смогу присутствовать. Сейчас девять вечера и меня поместили в другой комнате, дабы мне не были видны зажженные свечи в церкви, ведь окна моей спальни приходится как раз напротив"... Но как понимать ссылку на нездоровье? Ведь покойная находится лишь в нескольких шагах от его дома. Прийти и проститься с Эстер он, наверное, смог бы. Но, вероятно, он боится, что при виде Эстер, лежащей в гробу,.. у него сдадут нервы, что он разрыдается, как малое дитя, и тем самым выдаст истинные чувства к ней... Еще сильнее озадачит Свифт своих биографов, когда будет найден составленный им список своих друзей. В нем он разделит их на категории "благодарных", "неблагодарных" и "ни то, ни се". И кого только нет в этом списке, даже королева Анна окажется с пометкой "неблагодарная"! Но в нем нет ни Эстер Джонсон, ни Эстер Ваномри. Их-то почему он вывел за скобки? Не потому ли, что они обе были для него больше, чем друзья? Скорее всего, он сделал свою память мавзолеем скорби и, захоронив в нем обеих Эстер, наглухо закрыл в него доступ для всех и, возможно, даже для самого себя...

"Путешествия Гулливера" сделают его самым знаменитым писателем Англии того времени да и, пожалуй, мира. После "Гаргантюа и Пантагрюэля" Рабле люди не читали ничего подобного. От "Путешествий" будут в восторге и взрослые, и дети, а это — несомненный признак великого произведения. Но Свифту, кажется, уже ничто не в радость. (В это трудно поверить, но свою гениальную сатирическую фантазмагорию он выпустит анонимно и даже когда его будут в упор спрашивать, не он ли написал "Гулливера", Свифт станет отрицать или уклончиво пожимать плечами.) После смерти Эстер-Стеллы он уже не покидает Дублина. Год за годом ухудшается его здоровье. Он постепенно слонет, слепнет и, что самое страшное для него, не может ни на чем сосредоточиться. "...годы и болезни разбили меня окончательно, — пожалуется он одному из своих друзей, — я не могу ни читать, ни писать, я потерял память и утратил способность вести беседу." Мрачное настроение и повышенная раздражительность, от которых он не был

СОДЕРЖАНИЕ В ЗАКОНЕ

В № 4 «Смены» за нынешний год было опубликовано письмо Натальи Легошиной «Платить ли маме зарплату?», которое, как мы и думали, живо заинтересовало многих наших читателей. Напомним, что речь шла о довольно-таки оригинальном порядке в одной из российских семей: каждый из ее работающих членов вносил определенную сумму денег на... зарплату маме-домохозяйке, а также оплачивал ее отпуск. Справедливости ради следует отметить, что подержавших такой «великий почин» оказалось значительно меньше, чем тех, у кого он вызвал неприятие.

«Здравствуйте!

Не верю я в идеальность и бесконфликтность такого жизненного уклада, о котором узнала из вашего журнала. Напрашивается сравнение с идеей коммунизма, которая была прекрасной, да вот воплощение... Как мы все знаем, теория не выдержала испытания практикой.

Сколько лет длится у них такой семейный уклад? Не думаю, что долго. А если маме покажется, что ее труд недостаточно вознаграждается? А если кому-то из домочадцев покажется, что мама не всегда качественно выполняет свою работу? А если она заболела и не смогла пойти в магазин, постирать, помыть и т.д.? Тогда что, вычитают деньги из ее зарплаты?

Дочь считает, что музыкальный центр слушает она одна. Но вред ли она это делает в наушни-

ках. Поневоле вынуждена его слушать и мать, хотя ей этого, может быть, совершенно не хочется. Тогда что — возмещать ей моральный ущерб? И таких вопросов можно задать еще много.

А действительно, как быть с супружеским долгом? Кто кому платит?

Уверена, такое решение семья приняла не от хорошей жизни, а в результате конфликтов, возможно, поставивших ее на грань развода.

Может быть, я чего-то не понимаю, но есть в этом что-то неестественное. Ведь все зависит от человеческих качеств сторон, от их взаимной покладаистости. Иначе все очень быстро закончится знакомым всем разводом. Это с мужем. А с дочерью как быть? Тем более с единственной?

На первый взгляд все кажется разумным и справедливым. Но я уверена в одном: по-настоящему близкие друг другу люди к такому решению не придут.

Я сама всегда доказываю мужчинам, что женщина и мужчина равны, поэтому обязанности должны делиться поровну между работающими супругами. Если же это мужчиной не принимается — тогда он не мой мужчина. Но форма взаимоотношений, описанная в письме, для меня неприемлема и даже чудовищна. Потому что невозмож-

но все сосчитать, то есть перевести в денежный эквивалент.

Может быть, эта семья считает себя очень продвинутой и прогрессивной, но отдают ли они себе отчет, что это — до первой искры? Не нужно быть психологом, чтобы это понимать.

Брачный контракт — это все-таки другое дело. Свои денежные отношения оформляют пока еще чужие люди, пусть даже они прожили вместе несколько лет. Но когда деньги встают между родными людьми, обычно это заканчивается очень печально. Вот такое мое мнение.

Что я предлагаю? Ничего не предлагаю. Нет у меня решения этого вопроса. Уверена только, что такой вариант — это всего лишь видимость решения.

Наталья Петровская, Самара»

«Прочитала в № 4 письмо и комментарий к нему, но, кроме усмешки, они у меня ничего не вызвали. Я пятнадцать лет назад овдовела, сейчас живу с взрослым сыном и забочусь о нем так, как привыкла, то есть, по выражению своих приятельниц, «облизываю» его и «вожу на помочах». Ничего подобного! Я все делаю по дому, хотя это с каждым годом мне труднее и труднее, но мне в голову не приходит, что сын должен мне за это платить. И если он когда-нибудь женится (хотя я уже потеряла на это надежду), то его жена должна будет заботиться о нем не хуже меня. Он же, наверное, будет приносить ей зарплату и делать подарки, но платить!... Этого я не понимаю.

Если женщина не работает и находится на иждивении мужа, то достаточно уже того, что он

ее кормит и одевает. А если ей нужно что-то еще, то пусть идет работать и сама зарабатывает на свои прихоти. А когда женщине платят за ведение домашнего хозяйства, то это не жена и не мать, а, извините, домработница.

Л.И.Захарова, Петровское»

«Полностью «за»! Если жена не работает, а только занимается домашним хозяйством, то самое разумное — назначить ей за это плату. Тогда и спросить можно будет построже, и не будет никаких скандалов: «Я тебе не прислуга!». И отдыхать ей нужно, с этим я тоже согласен. Только такой вариант годится для тех мужчин, которые могут нормально семью обеспечить. А если ему самому зарплату по полгода не выдают?..»

В.Н., Москва»

«Новое дело — платить женщине за то, что она и так обязана делать! А если я с жены начну брать по полтиннику за каждое вынесенное ведро и выбитый ковер? А заставлять детей платить матери — вообще безнравственно, они вырастут и тоже будут за каждый свой чих плату требовать.

Александр Марков, Ногинск»

«Я работала всю жизнь, сейчас на пенсии. Никогда мне муж не платил за то, что я вела домашнее хозяйство, заботилась о нем и о детях. Зато мы смогли купить квартиры обоим нашим детям (еще кооперативные), дачу, машину. Теперь взрослые дети помогают нам, если не хватает пенсии, а если все в порядке, то мы с мужем стара-

емя чем-нибудь побаловать внуков. И считаем это нормальным, потому что никогда не делали из денег культа и не считали их самоцелью.

Главное — заботиться друг о друге, тогда все будет хорошо.

О.Н.Чиркова, мать двоих детей,
бабушка трех внуков, Саранск

Вот такие разные отклики пришли к нам в редакцию.

Теперь можно подвести кое-какие предварительные итоги, не претендуя, конечно, на то, чтобы навязать всем участвовавшим в дискуссии одно какое-то определенное мнение.

Во-первых, мы еще явно не готовы к тому, чтобы рыночные отношения проникли в отношения семейные.

Во-вторых, мы к этому, скорее всего, никогда и не будем готовы, поскольку загадочной славянской душе одинаково чужды и немецкая расчетливость, и французская сентиментальность. Если в первом случае «работает» принцип — «Каждому свое», то во втором правит бал поговорка — «Чего хочет женщина, того хочет Бог». В русском же варианте скорее всего будет задействован бессмертный лозунг — «Бабыя дорога — от печи до порога», только вместо порога дома имеется в виду порог офиса, фабрики, скотного двора (ненужное зачеркнуть).

Мысль о том, что родному человеку можно (я уже не говорю — нужно) платить деньги, вызвала у большинства читателей "Смены" негодование. Я не удивлена: именно такой реакции и ждала. Но почему же не возмущает мысль о том, что тот же родной человек может вкалывать, как проклятый, без выходных и праздников, причем орунующие воспринимают это как нечто само собой разумеющееся? В этой связи мне жаль будущую жену сына нашей читательницы из Петрозаводска, той самой, которая «облизывает» свое чадо и, судя по всему, считает это нормой. Увы, житейская практика пока-

зывает, что редная жена способна готовить вкуснее, стирать чище и убирать тщательнее, нежели родная мама. А уж ценить труд жены по достоинству бывший маменькин сынок тем более не будет. Никогда не поймет, что не бывает самоочищающейся обуви и самоочищающихся носок.

Чуть ли не единственный читатель, поддержавший идею оплаты труда домохозяйки, спрятавшийся за инициалами москвич В.Н., на мой взгляд, лучше бы этого и не делал вовсе. Уж он-то явно спросит с несчастной женщины по всей строгости за каждую «уплоченную» копейку. Получается эдакая «содержанка в законе», которой дают деньги не столько за любовь, сколько за бытовые заморочки и, кстати, несоизмеримо меньше. Содержанкам — как мы знаем из художественной литературы — покупают драгоценности, меха и средства передвижения (раньше — лошадей, теперь — автомобили). А женам?

Хотя было бы несправедливо винить во всем мужчин. Иногда и женщины в стремлении к равноправию перегибают палку и создают проблему там, где ее не должно быть в принципе. Одна моя знакомая, женщина безусловно цивилизованная и прогрессивная, упорно называла себя «содержанной» только потому, что ее любимый муж — правда, гражданский! — протестовал против того, чтобы она работала, предпочитая оплачивать все из собственного кармана. «Он решил, что купил меня», — до сих пор возмущается эта женщина, вспоминая недавнее прошлое. Теперь она свободна сама платить за все, поскольку с некоторых пор одинока. Проблема в том, что работу она найти пока не может. Но честь, как известно, дороже...

Так из-за чего же, собственно, копейка-то ломать? Конечно, такая прямолинейная форма признания пользы домашнего труда (работа — деньги — работа) может вызвать оторопь, особенно у человека неподготовленного. Но если, например, обратиться к статистике (в дан-

ном случае — немецкой, отечественная, сами понимаете, отсутствует), то выяснится, что средняя домохозяйка «зарабатывает» около трех тысяч марок в месяц, то есть что-то около десяти тысяч рублей (новых!). И ничего странного в этом нет, поскольку подсчитано, на сей раз итальянцами, что та же средняя домохозяйка за день тратит столько физической энергии, сколько знаменитый бразилец Рональдо на одной тренировке. Конечно, пользу от футбола не сравнить со стиркой-уборкой-глажкой-готовкой, да и сама попытка такого сравнения может вызвать у любого нормального мужчины чувство раздражения, переходящее в ярость. Но если задуматься...

Если задуматься, то самая правильная на сегодняшний день позиция, на мой взгляд, занята семьей нашей читательницы О. Чирновой из Саранска. Никто никому никаких денег не платит, но все друг другу помогают. И когда глава семьи зарабатывал деньги, все знали, что на эти средства улучшится жизнь именно семьи, как — простите за банальность — ячейки общества. Теперь дети выросли, посильно помогают родителям, а те, в свою очередь, немножко балуют внуков, у которых перед глазами почти идеальная картина того, что специалисты называют «мужлическими отношениями».

Действительно, идея платить жене и матери зарплату достаточно рискованная, если воплощать ее, так сказать, в чистом виде. А если — косвенно? Если по достоинству ценить домашний труд, который у нас почему-то почти эквивалентен тунеядству? Хотя, что значит «почему-то»? Потому, что несколько поколений выросло в сознании, что почетен любой труд, кроме домашнего, что человек должен быть волевых, во-вторых и в-третьих хорошим производственным, а потом уже, может быть, если в этом сохранится необходимость... Потому что грезилась фабрикухи и прачечные комбинаты, а также ар-

мия работников фирмы «Заря», и, как следствие — полное и окончательное освобождение женщин от «тупого и рабского домашнего труда». Рабского! А разве рабам,— платят? Безусловно, нет. Более того, стараниями той же господствовавшей идеологии неработавшую женщину называли «индивидуной», вкалывая в массы сознание того, что домохозяйку вообще кормят из милости. А от «индивидуны» оставалось совсем немного и до «тунеядни». Слава Богу, не дошли.

Тем же семьям, которые категорически не могут себе представить, как можно оценивать домашний труд в денежном эквиваленте, хочу посоветовать очень простой выход из положения: просто представить себе, что этот труд выполняет домработница, которой сейчас платят как минимум 10 рублей за час. И образовавшуюся таким образом сумму откладывать на семейный отдых, приобретение необходимых вещей и т.д. и т.п. То же самое можно проделать и в отношении хозяина дома: починил испортившийся звонок на двери — двадцать пять рублей сэкономил. Заменял прокладку в кране — еще столько же. А уж если собственными силами отремонтировал квартиру, то меньше, чем о трех тысячах, и говорить смешно. Прodelайте некоторые простые арифметические действия — и на собственном опыте убедитесь, как много можно заработать «ничего не делая», то есть исправно занимаясь только домашним хозяйством.

С другой стороны, дорогие читатели, согласитесь, что не в деньгах ведь счастье. Наверное, там, где и жене и матери относятся с должным уважением, ценят ее труд и дают возможность отдохнуть, о каком-то ином вознаграждении ни у кого и мысли не возникает. Так что зарплату маме платят явно не от хорошей жизни...

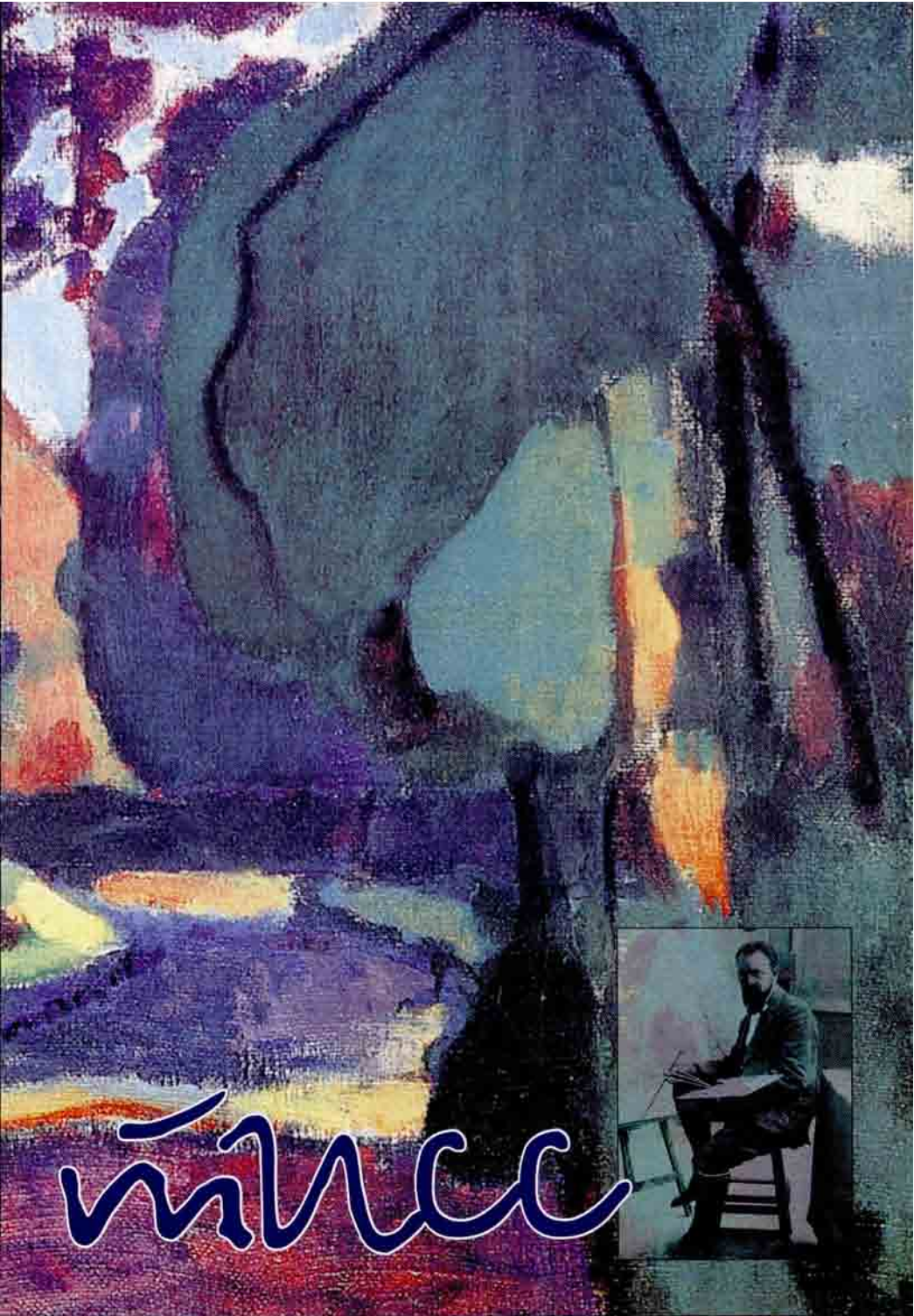
Но точку в нашей дискуссии пока явно рано ставить.

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

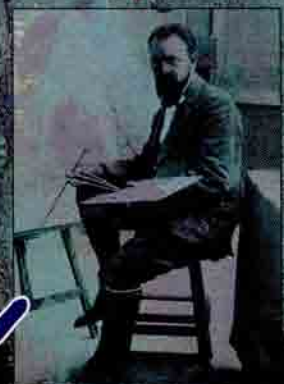
Лондонбургские сад, 1901-1902 г.г.

The painting is a colorful, abstract landscape. In the upper left, there are large, bold strokes of red and orange, suggesting foliage. A large, dark purple tree dominates the center-right. A bright yellow path or clearing winds through the lower part of the scene. The background is a mix of light blue and white, with various other colors like green and purple scattered throughout, creating a rich, textured composition.

Ma

พินิต

Анри Матисс родился в 1869 году в крошечном провинциальном городке Катона на северо-востоке Франции, недалеко от границы с Бельгией. Его отец торговал зерном и имел собственную лавку, а мать происходила из старинного рода потомственных ремесленников — кожевников и перчаточников и в молодости работала модисткой. Интересы семьи были самые обыкновенные, и, пожалуй, единственное, что хоть как-то связывало ее с искусством, — бесхитрое увлечение матери, любившей в свободное время расписывать тарелки. Эти почтенные и богобоязненные люди, жизнь которых катилась по раз и навсегда заведенному порядку, рассчитывали, что и дети их со временем войдут в ту же самую привычную жизненную колею и будут идти по ней, не зная ни разочарований, ни сомнений. В двенадцать лет Матисса посылают в ближайший крупный город Сен-Кантен учиться в лицее Анри-Мартена, где он проявляет себя не последним учеником и обнаруживает некоторые склонности к рисованию. После окончания лицея два года учится юриспруденции в Париже, затем возвращается снова в Сен-Кантен и устраивается клерком к местному адвокату. Кажется, что отныне его будущее предопределено и не сулит никаких неожиданностей...

Однако дальше события жизни Матисса разворачиваются стремительно и парадоксально — совсем как в новеллах О'Генри... Однажды молодой клерк заболел и два месяца провалялся в постели. Выздоровливая, он живет у своего дядюшки в Бозне и от нечего делать листает толстое руководство по живописи для начинающих. Неожиданно это скучнейшее учебное пособие увлекает его больше любого бестселлера. Художественная жилка, так долго дремавшая в нем и никак не проявлявшаяся до сих пор, вдруг просыпается и громко заявляет о себе. Отныне Анри хочется только писать. Зануднейшие тяжбы и ссоры чужих людей, делами которых он вынужден заниматься по службе, вызывают приступы отвращения, все его существо тянется исключительно к одному — выразить себя красками на холсте и бумаге. Мать дарит сыну первый этюдник, но отец противится такому непредвиденному повороту судьбы, вырывающему первенца из привычного круга жизни. Сопротивление отца ломает неожиданная мысль, подсказанная местным художником: Анри может стать учеником знаменитейшего и прославленного Бугро и сделать себе карьеру на поприще академической живописи не хуже адвокатской. Эта идея подкупает старика, и он с легким сердцем отпускает сына в Париж — учиться зарабатывать деньги на живописи. Ах, если бы он мог предугадать, как скандально далеко разойдутся дороги его сына и официальной живописи!

В октябре 1891 года с рекомендательным письмом и отцовскими деньгами в кармане Матисс появляется в Париже, в Академии Жюльена, у самого маэстро Бугро. Увы, желаемого результата встреча не принесла. Хотя Бугро и подавил его своей респектабельностью и академической сноровкой, но у Матисса — этого молоденького провинциального клерка, едва только научившегося разбираться в живописи, — хватило чутья и интуиции, чтобы понять, что школа мэтра не для него. Ему хотелось жизни

Красные рыбы. 1911 г.

и правды, а здесь царил скука. Он принялся искать что-то другое и вскоре оказался в Школе изящных искусств, в мастерской Гюстава Моро, который и стал его первым и настоящим учителем. Моро был умен, талантлив и восприимчив к новому, недаром из его мастерской вышло так много яркой и одаренной молодежи — Матисс, Марке, Руо, Камуэн... Моро обладал редким и драгоценным качеством — умением уважать дарование другого, в каких бы странных и непривычных формах оно ни выражалось, и желанием постоянно двигаться вперед и развиваться. Эти качества в сочетании с образованностью и даром увлекать создали в его мастерской атмосферу творчества и эксперимента. Ученики Моро, будущие бунтари и революционеры, усердно посещали Лувр, где старательно копировали картины стариков. Это была необходимая и полезнейшая работа, та школа, которая так пригодилась Матиссу в дальнейшем.

Среди Матисс пишет уже несколько серьезных и вполне зрелых вещей, и среди них два великолепных натюрморта: “Бутылка схидама”, купленный нашим Морозовым, и “Натюрморт с двумя бутылками”. Строгость построения, выверенность каждой детали, благородная сдержанность и темный колорит, свойственный старым мастерам, выдают в них классическую, музейную живопись, в которой еще ничто не предвещает будущего смеющегося и легкомысленного Матисса. За эти работы, выставленные в Салоне живописи Национального общества изящных искусств, его избрали членом этого общества. Такое внимание к молодому художнику было не только почетно и престижно, но открывало широкие перспективы и, вероятно, рождало иллюзию достижения некоторых результатов.

Вместе с одним своим знакомым Матисс отправляется в Бретань, где еще бродили тени Ван Гога и Гогена, и — о чудо! — этот суровый край с дикими скалами и рычащим морем словно преобразовывает его живопись. “Я стал работать на природе, — рассказывал Матисс десятилетия спустя, — и скоро был обольщен блеском чистого цвета. Мы вернулись из поездки, я — с пристрастием к цветам чистой радуги, а он (его товарищ) — с любовью к битуму! Я написал стол “с десертом” и уже не пытался передавать реальность колоритом Лувра”.

С этого времени передача света, его радостного присутствия в мире, способности преобразовать даже банальные и скучные предметы в россыпи красок становится главной задачей Матисса. Кажется, что суровые бретонские пейзажи, залитые ослепительным сиянием белого солнца, заставили впервые обратить внимание на свет, заметить его и полюбить. Он уже не мог писать, как прежде. Матисс обращается к опыту импрессионистов, работы которых видел на выставке в Люксембургском музее. Гюстав Моро поддерживает его. В 1897 году Матисс пишет в импрессионистском духе натюрморт “Голубой горшок и лимон”, главным здесь становятся не сами предметы, их форма и материальность, а почти физическое ощущение солнца и света, веселая и красочная игра разноцветных бликов и радужных рефлексов. Это была уже совершенно новая концепция. Новый взгляд на мир. Мир не как совокупность предметов (“Зачем писать внешний вид яблока, — писал позже Матисс, — как бы похоже не получалось? Что пользы в копиях предмета, который

природа поставляет и без того в несметных количествах и который всегда можно вообразить себе еще более красивым?), а мир — как сочетание красок, ярких красочных пятен. Не лимон и не синий кувшин важны (сами по себе они скучны и банальны), а сочетание желтого и синего и их энергичное и сильное воздействие на зрителей.

В жажде цвета, в желании освободиться от всего случайного и лишнего, сбросить предрассудки описательной и подробной живописи, требующей изображения предмета во всей его полноте, — слышался голос современности, наступающего XX века с его динамизмом и стремительными ритмами. Слово средневековый алхимик, Матисс колдует, экспериментирует, упрощает форму ради одного — цвета. Отныне цвет — единственный бог и конечная цель, цветом он намерен выразить всю гамму человеческих чувств и переживаний и прежде всего — радость сознания себя в сияющем и красочном мире. Он стремится свести изображение предмета к двум-трем простейшим линиям, яростно борется с импрессионистскими полутонами, и все только для того, чтобы расчистить дорогу цвету, дать зазвучать ему в полную, кричащую силу. “Я очень люблю яркие, ясные, чистые краски, — скажет он позже, — и всегда удивляюсь, когда красивые цвета зачем-то грязнят и затемняют”. Он бесцеремонно пользуется открытиями других, их находками и прозрениями, чтобы укоротить дорогу к цвету и к новой, революционной живописи. Сезанн, Гоген, Синьяк, англичанин Тёрнер, предвосхитивший импрессионистское увлечение солнцем, — вот его быстро сменяющиеся увлечения тех лет.

Как жилось ему в эти годы? Неважно. Нередко вся семья — Матисс, его молоденькая жена, высокая и красивая южанка, трое детей: старшая дочь Маргерит и двое сыновей Пьер и Жан — сидели без гроша. Сумасшедшие картины Матисса, вызывающе смелые и новаторские, раздражали зрителя и не располагали к покупке. Требовалась огромная твердость и выдержка, чтобы пройти это трудное испытание безденеьем и абсолютным непониманием публики, и все-таки сохранить себя и не сдаться. Матисс держался, как мог. Гораздо позже, словно подытоживая суровые испытания молодости, он говорил: “Нужно всегда держаться, чего бы это ни стоило... При недостатке воли — открою вам секрет — на помощь призывают упорство. И в важном, и в мелочах этого почти всегда достаточно”. Когда становилось совсем туго, художник подумывал даже о том, чтобы расстаться с живописью. В 1900 году он вместе с другом — замечательным французским художником Альбером Марке — подражался зарабатывать на строительстве Большого дворца Гран Пале. Вместе с другими такими же бедолагами они расписывали километры лавровых листьев для фриз в выставочных залах Гран Пале. “Что за ремесло! — вспоминал он. — Я впервые столкнулся с работой, доводящей до полного иступления. Самые расторопные из наших товарищей, получив премию к жалованию, увольнялись через две недели. Среди них были официанты из кафе, разносчики товаров, целая бригада “халтурщиков”, с которых патрон не сводил глаз. К сожалению, моя физиономия патрону явно не нравилась. Однажды, когда я решил немного отдышаться, он меня окликнул: “Послушайте, доктор! Вы что, веселиться сюда явились?” Мне

так все осточертело, что я тут же возразил: “Ну, здесь не очень-то повеселишься!” Реакция на мой ответ не заставила себя ждать. Хоп! Расчет, и за дверь! Снова нужно искать работу”.

В другой раз, когда отец, отчаявшись понять безумную живопись сына, отказался помогать ему, Матисс устроился сторожем в театре. Судьба была упряма в своем стремлении отвести его от живописи, но он оказался еще упрямее. В семье Матисса хранится одно почти легендарное предание, рассказывающее о необыкновенной твердости художника и о его преданности искусству. Как-то в дни своей бедности он купил бюст Родена и один из шедевров Сезанна — картину “Купальщицы”. Деньги, уплаченные за картину, были по тем временам немалые — полторы тысячи франков, совсем уж не лишние в семье. Чтобы собрать их, Матиссу пришлось заложить дорогое ему кольцо. “Безумие, — возмущались приятели, — отдать целое состояние за такую мазню”. Но Матисс полюбил сезанновских голубых “Купальщиц” и никогда не расставался с ними, хотя история его отношений с этой картиной и напоминает историю искушений Св. Антония. “Мы часто были почти на грани нищеты... — вспоминала его дочь Маргерит... — Не было ни денег, ни надежды на них, не было возможности вырваться из Парижа... Я помню, как отец, несколько лет не выезжавший из города ни на один день, вдруг вскричал: “Я больше не могу! Я задыхаюсь! Мне не хватает воздуха! Мне нужны деревья, море, небо. Нам надо обязательно выбраться отсюда...” Конечно, продав картину Сезанна, мы смогли бы уехать отдохнуть за город, жить не так стесненно. Но о таком выходе мой отец не хотел даже думать и в самых трудных обстоятельствах”. Картина осталась в доме, и ее голубые краски вдохновляли Матисса на создание собственных голубых шедевров. В 1934 году американский коллекционер доктор Барнс предложил за нее Матиссу более миллиона долларов, но и тогда Матисс оставил ее при себе. История “Купальщиц” заканчивается в 1936 году, когда Матисс подарил ее парижским властям для Музея современного искусства.

Весной 1905 года Матисс вместе с женой отправляется на Средиземное море, в местечко Коллиур. И здесь, так же, как и в Бретани, природа действует на него магически. Чистые краски Коллиура, просторы, ярко-синее небо, оранжевые крыши домов и ослепительное африканское солнце окончательно раскрепощают его палитру. Кажется, что именно здесь, в Коллиуре, произошло наконец то, чего он так жадно искал все эти годы: он получил свободу, сбросил с себя все лишнее, ненужное и сковывающее. Его “Вид Коллиура” напоминает полет освобожденного человека. Плотина рухнула, и лавина самых ярких, неистовых и самых чистых красок обрушилась на мир. Ярко-красный, розовый, оранжевый, желтый, зеленый — невысказанные, сумасшедшие, запрещенные всеми художественными Академиями мира — цвета смешались в обжигающем “Виде Коллиура”, чтобы вызвать режущее глаз видение света и ощущение дикого счастья. Это было откровение, долгожданная свобода, новое Евангелие живописи!

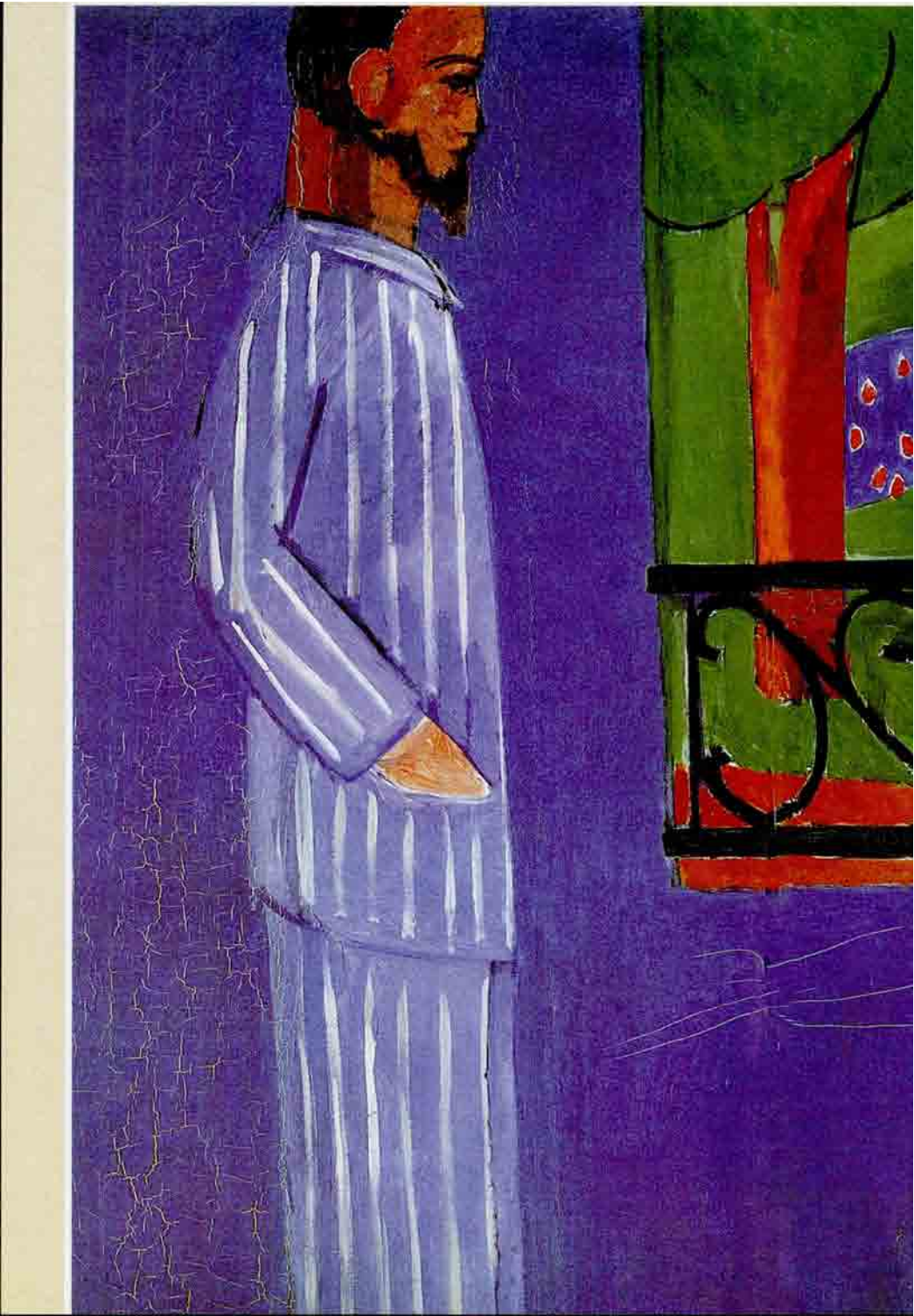
Нужно ли удивляться, что именно такого рода живопись французский критик Луи Воксель назовет “дикой”, а ее авторов — “дикими” или фовистами. Действительно дикая живопись — без правил и без всяких

реверансов в сторону музеев. На знаменитой выставке осенью 1905 года в Гран Пале (кроме Матисса выставлялись Дерен, Вламинк, Руо и другие), показавшая начало нового, яркого и очень кратковременного периода фовизма, Матисс показал свое "Открытое окно" — окно с видом на порт Коллиура, и скандальную, восхитительную "Женщину в шляпе". Глядя на это удивительнейшее создание, кажется, что невозможно сотворить ничего, похожего на эту какую-то женщину-винегрет — с красными волосами, зеленым лбом, с чудовищным натюрмортом на голове и с угольно-черной обводкой тела. Недаром наш Серов, увидев впервые едкие краски Матисса, заметил, что после его картин все остальные кажутся пресными. Как бы то ни было, но именно у сумасшедшей и экстравагантной "Женщины в шляпе" сразу нашлась покупательница. Ею оказалась знаменитая в те годы американка Гертруда Стайн, писательница, коллекционерша и рьяная пропагандистка современной живописи.

Удивительно, но этот живописный хулиган, авангардист и ниспровергатель, художник, воплотивший в картинах самые передовые идеи века, ни внешностью, ни привычками ничуть не напоминал того "страшного" Матисса, каким многим представлялся в своей живописи. В нем абсолютно не было ничего эпатажного, того, что потом с таким избытком будет у русских футуристов и авангардистов. Так, тихичный буржуа. Слишком степенный, уважаемый, напоминал скорее немецкого учителя или доктора, а не художника. Матисс с молодости любил элегантно одеваться и обожал красивые, стильные вещи. Но если призадуматься, то можно отметить такой чисто внешний парадокс: Матисс в живописи и Матисс в жизни — на самом деле не так уж парадоксален. Ибо Матисс никогда не ставил перед собой цель — поразить и озадачить, как делали последующие поколения авангардистов. Все его странные находки и открытия оказывались результатом честного и искреннего поиска, настоящего мучительного труда, и в этом смысле он оставался таким же строгим и серьезным художником, как и его предшественники-классики.

Приблизительно с 1907 года начинается "роман" Матисса с известнейшим русским собирателем живописи Сергеем Ивановичем Щукиным, длившийся вплоть до Первой мировой войны. Матисс обрел в лице русского коллекционера идеального мецената, умного, тонкого, понимающего и щедрого (а что еще нужно художнику?), человека, обеспечившего ему на несколько лет стабильные заказы и закупки, а следовательно, спокойную жизнь и нормальную — без огорчений и срывов — работу.

Впервые Щукин увидел картины Матисса в салоне Гертруды Стайн, обладавшей к тому времени самой большой коллекцией. Увидел и... поразился. А вскоре он купил непосредственно в мастерской художника большой холст "Игра в шары" и оставил за собой два незавершенных натюрморта, один из них больше известен как "Красная комната". В этих вещах виден уже полностью сложившийся "классический" стиль Матисса: предельная упрощенность формы, композиционная ясность и уравновешенность, отсутствие светотеневой моделировки, большие

Беседа. 1909 г.

Распахивающееся окно. 1912-1913 г.г.

Портрет Лидии Деленторской. 1947 г.

плоские пятна чистого цвета и та мажорность, за которую Щукин любил Матисса.

В 1909 году Щукин, возможно, под впечатлением от деятельности своего главного конкурента в собирательском деле — известного московского коллекционера Ивана Морозова, заказавшего несколько декоративных панно для своего особняка на Пречистенке французскому Морису Дени, — тоже решил заказать Матиссу два панно для своего роскошного дома в Знаменском переулке. Это знаменитейшие картины: “Танец” и “Музыка”, ставшие своего рода фирменными знаками художника. Когда Матисс выставил их в Осеннем салоне, весь Париж ахнул и опешел от изумления и возмущения. Корреспонденты писали в газетах: “На этот раз упрощение достигло крайнего предела”, “Перед панно бесконечные взрывы негодования, ярости, насмешек”. И этот взрыв произошел в Париже, к тому времени успевшем переварить и импрессионистов, и Ван Гога, и Гогена. Что уж говорить об азиатски неподвижной Москве, где еще всю творили Репин, Суриков, Серов, и где за Щукиным давно утвердилась репутация “сумасшедшего собирателя дилетантского хлама”. Щукин поначалу испугался: если так реагируют в передовом Париже, то что его ожидает в Москве? Он принимает решение отказаться от панно и уезжает в Москву. Но по мере приближения к России его настроение резко меняется, и уже через два дня он шлет телеграмму с просьбой выслать панно “большой скоростью”. Так матиссовская суперпрогрессивная живопись утвердилась в нарядном купеческом особняке. “Теперь все это стало как-то обычно, — вспоминал художник Сергей Виноградов, — и даже иногда скучновато, ну а тогда, в богатой, морозной, красивой Москве с чудесными пятничными щукинскими обедами, с ливрейным швейцаром, Матисс действовал, как сильный перец”. В самом деле, трудно представить себе что-нибудь более контрастное, чем роскошный и тяжеловесный щукинский особняк с богатой и витиеватой лепниной, тяжелыми люстрами, старинной и солидной мебелью — и легкая, невесомая, изящная живопись Матисса, слетевшая сюда словно из XXI века. Контраст возмущал, но постепенно приучал и хозяина, и его гостей, а через них и всю неповоротливую Москву, к какому-то иному взгляду на мир и на современную живопись.

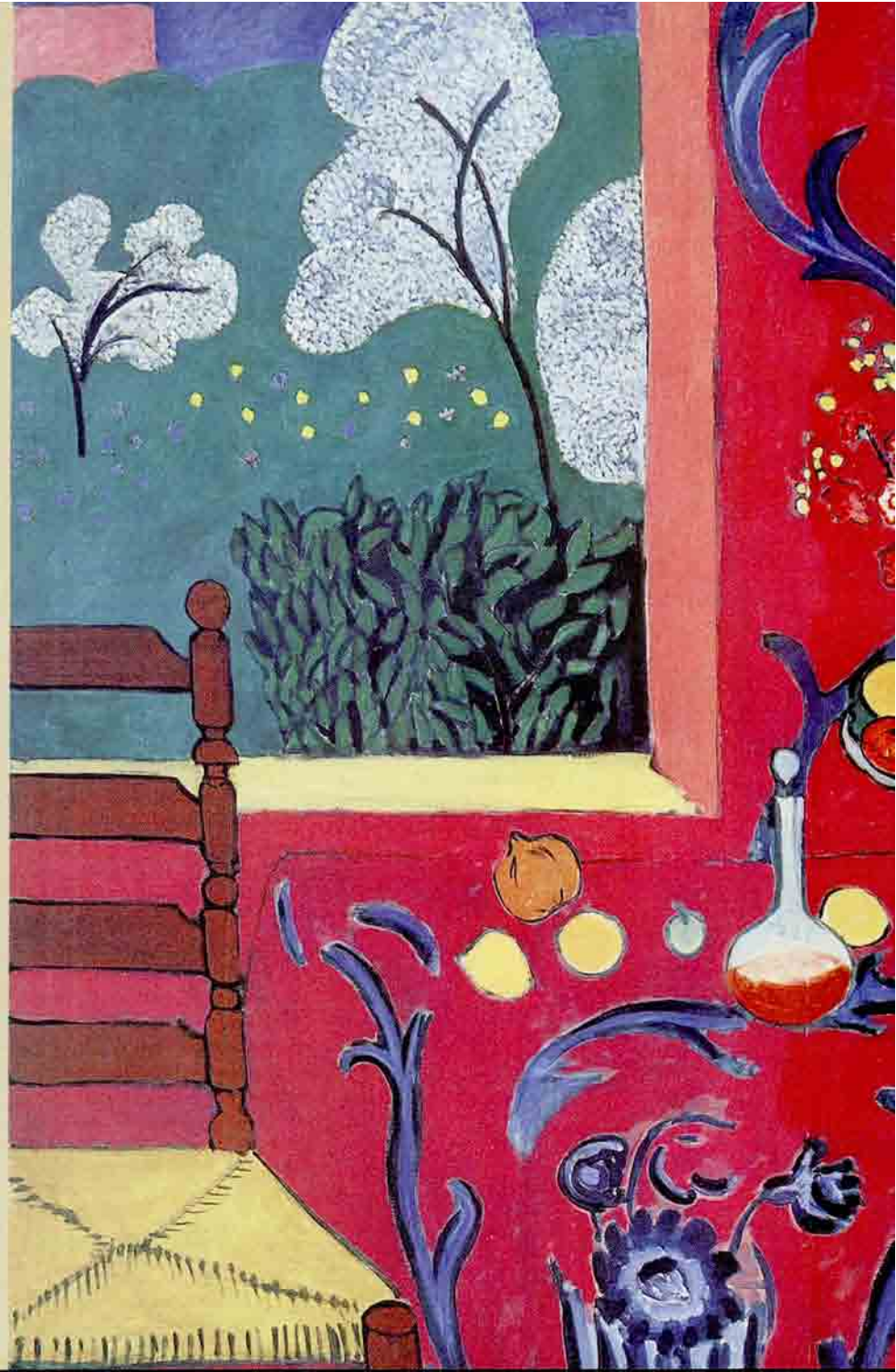
В октябре 1911 года Матисс, проездом через Петербург, сам пожаловал в гости к Щукину. Его приезд расколол Москву на два непримиримых лагеря — поклонников и врагов. Поклонники находили у Матисса оригинальный талант, враги считали его просто шарлатаном, морочащим голову глупым московским купцам. Сам же Матисс чувствовал себя в Москве превосходно: им занимались, развлекали, баловали как ребенка, возили по театрам, концертам и выставкам, угощали всем самым изысканным и тонким, что только находилось в столице. У него даже сложилось мнение, что жизнь в старой Москве — бесконечный праздник, который никогда не кончается. “Как шикарно жить в Москве, — делился он впечатлениями в письме домой, — здесь кутят с вечера до утра, это — настоящая жизнь”. Единственное, что его огорчало, — отсутствие снега и плохая развеска его картин в щукинском особняке. Но зато бесконечно радовали старые русские иконы. “Я десять лет потратил на искание того,

что ваши художники открыли еще в XV веке. Не вам надо ездить учиться к нам, а нам надо учиться у вас”, — вот знаменитая фраза, которую он произнес после посещения Третьяковки.

Шукин еще не раз приобретал картины Матисса, и именно ему прежде всего мы обязаны тем, что в русских музеях находится одна из самых лучших коллекций живописи художника, в частности, великолепные полотна сине-голубого марокканского периода, которые Матисс написал в 1912 году во время второго пребывания в Марокко. Здесь уже совсем другой Матисс, другое состояние и другое настроение. Беспокойство, чувственность, возбуждение и страстность, живописная и яркая красочность его первых фовистских работ сменилась умиротворенностью и покоем, созерцательностью и негой. Восток словно околдовал и заморозил художника — ленивой грацией беспечных и никуда не торопящихся арабов, где царствовали совсем иные ритмы. Матисс вспоминал, как его поразила способность арабов часами сидеть на одном и том же месте и наблюдать за движением рыбок в аквариуме. Его любимый красный цвет — цвет страсти, чувственности и напряжения — уступает место прохладному и одухотворенному голубому. Недаром Матисс писал еще в 1908 году: “Я мечтаю об уравновешенном искусстве, полном чистоты и спокойствия, искусстве без суетных и беспокойных сюжетов, искусстве, которое могло бы дать отдых уму интеллектуального работника, делового человека, литератора, подобно тому, как удобное кресло дает отдых физически усталому человеку”. Спустя четыре года он этой цели достиг вполне...

В 1921 году Матисс поселяется в Ницце. Как импрессионистов, Ван Гога и Гогена, его влечет к себе юг — жаркое солнце, море, безмятежное небо и чистые краски. Всю жизнь он оставался по сути певцом одной-единственной песни — песни “Радости жизни”, как называлась его большая программная композиция 1905 года. Жизненные тревоги, неудачи, сомнения, неизбежные печали и разочарования, сопровождающие человека, — не его удел. Матисс на все лады повторял и твердил одну и ту же вечную, но легко забываемую истину — как хорошо, как прекрасно просто жить.

К этому времени репутация Матисса как первоклассного живописца и признанного лидера европейского авангарда ни у кого не вызывает сомнений. Никому уже в голову не приходит смеяться над его дикими красками и упрощенными до контура фигурами. Он знаменит, и его новый взгляд на мир признан классическим. Он уже не бегаёт, как в худшие годы, к галеристке Берте Вейль, чтобы та находила желающих покупать его работы всего за 20 франков. Покупатели и коллекционеры сами ищут с ним встречи. Теперь у него имеется достаточно средств, чтобы удовлетворить самые изысканные прихоти и потребность в красоте и роскоши. Гости и посетители называли его апартаменты в Ницце “раем на дому”. Все было нарядно, празднично и фантастично, совсем так, как на его картинах: персидские ковры соседствовали с веселенькими ситцами, Аполлон Дельфийский строго гляделся на фоне индийских кашемиров, а по стенам мастерской бежали рисунки пером, бесконечно варьирующие изображения цветов и женщин.

Красная комната (Десерт). 1909 г.

Однако было бы неверным полагать, что знаменитый и признанный теперь всеми художник, баловень судьбы, сумевший добиться всего, чего хотел, только и делал, что тешил свой взгляд красивыми опереньями птиц и предавался бесконечному созерцанию чистого неба Ниццы. И в старости, и в славе Матисс оставался таким же скромным и требовательным к себе тружеником, как и в дни бесприютной молодости. Однажды его кто-то спросил: “Забывал ли он когда-нибудь, что он Анри Матисс”, и художник ответил: “Нет, это невозможно забыть. Я раб этого стола. Я иногда говорил себе: какой прекрасный день, как было бы приятно сходить и навестить поблизости Руо или Боннара. Но я вспоминаю, что краска на полотне засохнет, я чувствую себя прикованным к работе, и если отойду от нее, меня будет мучить совесть. Вечером не могу заснуть, если не подготовил работу на завтра”. Его легкие, быстрые и изящные работы производили обманчивое впечатление импровизации, эскизов и набросков. За всем этим стояли мучительнейшие поиски и очень долгая, упорная работа. Каждая линия и каждый штрих на рисунке или картине являлись результатом подчас нелегких раздумий и поиска абсолютного совершенства. Знаменитый серо-голубой портрет жены 1913 года, который поначалу производит впечатление почти неряшливости исполнения и какой-то детской неумелой мазни, давался тяжело и трудно, он писал его более ста сеансов. То же происходило и с другими работами. “Простенький” натюрморт “Раковина на черном мраморе”, подаренный его секретарем Лидией Дилекторской Пушкинскому музею, Матисс писал более тридцати сеансов.

В 1930 году шестидесятилетний Матисс пускается в дальнее путешествие. Из уютной и обжитой Ниццы он отправляется в далекую Океанию, на остров Таити, где когда-то творил свой фантастический мир несчастный Гоген. Роскошное великолепие Океании очаровало его. “Меня всегда волновали свет и его поэзия, мне хотелось увидеть, каков он в экваториальных широтах. Он совсем золотой, а у нас серебряный...” На обратном пути Матисс заезжает в Соединенные Штаты, куда его пригласили для выбора лауреата на Международной выставке Карнеги. Американский коллекционер Барнс предложил Матиссу декорировать своды большого зала в своем музее. Эта большая монументальная работа, явившаяся как бы продолжением щукинского “Танца” (здесь те же обрисованные одной подвижной линией фигуры, движущиеся и скачущие в неведомом диком танце), потребовала почти двух лет напряженного труда.

Вернувшись на родину, Матисс переносит тяжелую операцию — его оперируют по поводу рака двенадцатиперстной кишки. В Клиник дю Парк Матисс по-человечески сближается с сестрой-монашенкой Мари-Анж из доминиканского монастыря в Грамоне, которая с большим терпением и нежностью ухаживала за ним. “Когда после столь мужественно перенесенных страданий он наконец оказался вне опасности, — вспоминала Мари-Анж, — у него вошло в привычку подолгу беседовать со мной при малейшем удобном случае. Он много рассказывал о своих путешествиях по Испании, Англии, России, Африке, Океании, Америке и о том, как он обосновался в Ницце, о своих птицах с островов и

экзотических растениях. Однажды он мне сказал: “Я думаю об одной вещи. Мне хотелось бы воздвигнуть часовню в знак благодарности за все то, что сделали для меня вы, сестра Мари-Анж, и остальные сестры”. С этого времени идея часовни овладевает им.

Во время Второй мировой войны Матисс пережил еще одно несчастье. В 1944 году гестапо арестовало его жену и дочь Маргерит Дютюи, участвовавших в Сопротивлении. Мадам Матисс приговорили к шести месяцам тюрьмы в Тройесе за то, что она печатала на машинке подпольные газеты, а Маргерит, которую послали в Бретань для подготовки к предстоящей высадке союзников, в гестапо подверглась чудовищным пыткам, не сказав ни слова, и была отправлена в Германию, в лагерь Равенсбрюк. Тревога за близких, пожалуй, самое тяжелое испытание в жизни художника. Но ни болезнь, ни старость, ни душевные страдания не могли отвлечь Матисса от любимой работы. Слава Богу, история Матисса и его семьи закончилась благополучно: долгожданная победа освободила и жену и дочь. А Матисс, между тем, продолжал работать, несмотря на то, что доктора обнаружили у него брюшную грыжу, и он почти все время проводил в постели. Но любовь к искусству и выработанная десятилетиями привычка к труду не позволяли предаваться старческой слабости. На его огромной постели сделали специальное приспособление с большим столом над всей кроватью. На фотографиях тех лет он выглядит аккуратным, чистеньким, подтянутым — никаких уступок старости или болезни.

В 1948 году Матисс приступил к давно вынашиваемой идее — к работе над Капеллой четок в Вансе, обещанной им монахиням-доминиканкам. Он был одновременно и автором проекта, и автором росписей и витражей. Работал Матисс над Капеллой добросовестно, вдумчиво и серьезно, делал сотни подготовительных рисунков и набросков, но вряд ли ее можно считать творческой удачей. Скорее наоборот. То предельное упрощение и лаконизм, к которому он стремился всегда, сыграли на этот раз с ним злую шутку. Его черные беспорядочные рисунки в Капелле четок на белой стене, напоминающие бессмысленные детские каляки в школьной тетрадке и изображающие ни больше ни меньше как Крестный путь Христа, можно считать кощунством над чувствами верующих. Ибо никакого отношения они к изображаемой трагедии не имеют. Это был косноязычный лепет сумасшедшего, понятный только ему одному. Даже апологеты позднего творчества Матисса признавались, что “подобное упрощение мало способствует возникновению чувства”. Однако сам Матисс этого не видел и не понимал: его влекла за собой захватившая стихия бесконечного упрощения...

В 1952 году Капелла четок была открыта для посетителей, а через два года Матисса не стало. Ушел из жизни он легко и безболезненно, хлопоча над своими последними работами. “Когда 3 ноября 1954 года у него случился сердечный приступ, — вспоминала Маргерит, — отец был настолько бодр, что, заметив, как долго врачи, собравшиеся на консультацию, совещаются между собой, заявил: “Скажите этим господам, что они слишком долго обсуждают состояние больного, который вовсе не болен”. Через три часа он умер”.

"Знебрачный" вчук

Надежда АВТОМОНОВА

"Мам, я беременна.
Жениться он не хочет.
Но я уже все решила — буду рожать!"

Ситуация банальная и совсем не редкая — даже в наше время тотальной рекламы контрацептивов и воинствующего сексуального всеобуча, начинающегося, кажется, еще с детсадовской поры...

"Заставить подлеца жениться"?

И всегда-то для любящих родителей незамужних молоденьких дочерей такое признание — что гром среди ясного неба. И это говорит их ребенок?! Их девочка?! И мыслей не держали, что с ней ТАКОЕ может случиться. И вот — случилось...

Далее события развиваются по одному из нескольких житейских сценариев:

...Объединенные родственные силы "обесчещенной" девушки морально давят на "подлеца" и всю его семью до седьмого колена, заставляя жениться и дать ребенку законное имя. ("Потом можете разводиться...")

...Родители силком и при максимальной конспирации тащат девицу на аборт. ("Ишь ты, она "уже все решила"! Ты пока целиком от нас зависишь — нам и решать!")

...Согрешившую — "пока еще ничего не заметно" — отправляют под надуманным для окружающих предлогом "в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!..", где родившийся через несколько месяцев младенец и остается в ближайшем доме ребенка.

Случается и так:

...Обманувшую их надежды и чаяния дочь родители выставляют за порог. ("Сумела сделать ребенка — сумей и прожить сама, а на нас не рассчитывай!") Жестоко? По мне — не более, чем во всех предыдущих вариантах.

В истории, которую хочу рассказать, такой жестокости нет. А есть родительская любовь, которая не что иное, как большая нравственная сила, позволившая встать выше "обманутых" лучших

родительских чувств, выше людских пересудов, выше малоразумного желания "заставить подлеца жениться". И по всему, история эта — вроде бы, со счастливым концом. Но... Не все так просто даже здесь.

Любовь — обманная страна

...Скорее, по привычке слушаться Диму, чем осознанно, Тамара пошла к врачу. Он таких, как она, повидал на своем веку. Аборт — так аборт. Иди, сдавай анализы. Но когда результаты были готовы, врач посуровел: "У тебя отрицательный резус. Ты знаешь, что это такое?" Тома не знала. Он разъяснил: "Сделаешь аборт — сильно рискуешь остаться бесплодной. Иди, думай..."

Все свои 17 лет Тамара прожила в поселке под названием "Большевик", что в Новгородской области. Природа в их местах левитановская, задушев-

ная. Две живописные речки протекают неподалеку. Чуть дальше — озеро, куда и летом, и зимой ездит рыбачить Томин отец. "Веселый папка", — звала его Тома с детства. Павел Иванович зовет дочку на мальчишеский манер — Тамар. Уж очень хотел он сына, а жена дочку родила.

А вот поселок их — невзрачный. Однообразные улицы, застроенные низкими домами на две квартиры. За ними закрепилось слово "бараки": ни простора, ни удобства. Отопление — печное. Окно баранов — крошечные палисадники. На задворках — огород в три сотки.

Поселок строили для рабочих фарфоровой фабрики. Во времена дефицита их посуда в магазинах не залеживалась. Больших денег в семьях рабочих и тогда не водилось, но фабрика кормила: жили, как все, не богато, не бедно. А теперь фабрика перестала быть кормилицей. Томин отец из квалифицированного рабочего превратился в фабричного ох-

раннина. После того, как вычтут у него из зарплаты за квартиру, получать ему почти и нечего. Мать, Надежда Николаевна, месяцами работает "за так", ходит в цех исправно только по привычке. И ни одного предприятия вокруг, где можно устроиться на работу. Проблемы, проблемы...

А тут еще Тома-Тамар преподнесла семье такой большой сюрприз...

С Димой они встречались целых полтора года. Это нечасто теперь случается. Нынче — месяц два, и парень уже с другой девушкой. Девочки тоже "не терпятся". Но у них с Димой, думала Тамара, закончится свадьбой.

Он на пять лет старше ее. В армии отслужил. Не пьет по-черному, как другие парни. Стремится зарабатывать, мечтает как можно скорее купить машину.

Тамара Димой гордилась. Не хвасталась перед подругами — это не в ее характере. Именно гордилась. Какое ж это сладкое чувство, когда любимым своим можно гордиться: ничего тогда, нахнется, не страшно, все преодолеем. Не каждой женщине выпадает испытать такое, хотя каждая хотела бы.

Когда из живописного цеха фабрики ее уволили по сокращению, Дима построил Тамару и фирмачу, который поставил в поселке ларек со стандартным набором импортных "деликатесов": "сникерсы", да консервы, да разные напитки. Когда коммерсант назначил ей испытательный срок, Тамаре это даже понравилось: раз работников серьезно подбирают, значит, и фирма серьезная.

У неленивой Тамары дело пошло бойко. Она ждала прибавления к зарплате, радовалась: семье поможет, младшей сестренке подарок сделает... "Загад не бывает богат", — предостерегала ее бабушка. И оназалась, как всегда, права. Приехал однажды фирмач, загрузил в машину оставшиеся товары и — прощайте, работнички! Невыгодно

мне здесь, у вас в "Большевине", лавочку держать.

С этого-то дня, нахнется сегодня Тамаре, в ее небогатой — ни деньгами, ни событиями, — на ясной и понятной жизни и начались проблемы...

Дима твердо и без суеты сказал: "Так. Ребенка мне иметь рано и тебе не советую. Иди к врачу, не затягивай. Больше это обсуждать не будем". И правда, весь тот вечер они "это" не обсундали.

Решение принимать предстояло ей одной...

Около 7 процентов супругов в России живут в незарегистрированном браке. Еще его называют фактическим или гражданским. Психологи имеют свой термин — "промежуточная семья", то есть, та, что в любой момент может принять ту или иную окончательную форму. Или развалится, или будет закреплена документально. В такой семье трудно строить долгосрочные планы. Мужчина и женщина, годами проживая под одной крышей, остаются при этом "он" и "она". У супружеского "мы" — совсем иное качество ощущения самих себя и жизни вообще.

Гражданский брак — не изобретение современной молодежи, он давно существует во всем мире, в том числе и в нашей стране. Что в основе такого партнерства двух "независимостей"? Нет, не соображения типа "мы еще молоды для брака, надо материально встать на ноги, а тогда уж..." По данным многих социологических исследований, в фактическом браке чаще живут как раз те пары, кто уже достиг или, по крайней мере, уверенно подходит к приличному достатку. Скорее всего, желание оградить себя от ответственности рождает решение "просто пожить вместе" — подстраховаться удобной подножкой, с которой можно при случае соскочить. Как это и сделал Тамарин Дима...

Так важно быть желанным

...Тамара решила рожать. Почему? Может быть, потому, что все свои 17 лет жила в благополучной, доброй семье, где был отец, который любил ее, вечно подшучивал, дразнил мальчишеским именем. А однажды, в праздничном застолье, сказал: "Роди мне, Тамар, внебрачного сына, чтоб я ему свою фамилию передал. Помнишь, как дед-то уж помирал, а все охал: нарожали девон, род прервали! Фамилия-то наша красивая — Луговые!" Мама тогда на него прикрикнула: "Что городишь, лустомеля!"

До сих пор старшие Луговые опомниться не могут: как дочери удалось скрывать беременность почти до самого последнего месяца? Сколько ж всего пережила она наедине с собой, сколько передумала?

При первом обращении забеременевшей женщины в женскую консультацию врач обязательно задает среди прочих и такой вопрос: "Желанный ли ребенок?" Ответ будущей матери даже записывают в специальную графу ее медицинской карты. Так вот, сын Тамары — Витюша, — желанный ребенок в семье по фамилии Луговые.

Я познакомилась с ними, когда Витюше было 11 месяцев. Игры мальчишка любил громкие, предпочтительно с железками. Успел разобрать настольные часы. Дед — в восторге: "Может, Тамар, вклатить ему в дом мотоцикл? Пока весь разберет, тут и вырастет".

Как-то приходит Павел Иванович с работы и, подбрасывая вверх хохочущего мальчшку, подмигивает Тамаре: "Ну, внук, — поздравляю тебя с подарком! Будем теперь вместе на рыбалку ездить!" — "Чего еще придумал?" — спрашивает Тамара. "А я ему велосипед купил!" — "Господи! — ахнула Тома. — Это на какие же деньги?" — "Задремал на дежурстве — и сразу сон. Будто идем

мы с Луговым-младшим в магазин и выбираем ему велосипед..."

Рассказали о дедовом сне-мечте взглянувшей в дом соседне. Шутки ради рассказали. А та не оценила: какой тут смех, когда безмужняя дочь в такое трудное время ребенка принесла? Слова-то другие сказала, а смысл — этот. Тамара — глаза в пол. Мать — в сторону. Один Павел Иванович не растерялся:

— А я послушную дочь вырастил. Заназывал ей внука? Заназывал. Так прими и распишись!

"Зубоснальство" Павла Ивановича, как называет это Надежда Николаевна, сколько раз спасало Тамару от тяжелых настроений. Значит, меньше доставалось плохого и Витюшке.

...А мечта Димы, кстати, сбылась: он купил машину. Тома узнала об этом случайно. Увидела его (уже после рождения сына) за рулем подержанной иномарки, когда он ехал по поселку "Большевик".

Дима Тамару не заметил...

"Учиться семье"

С рождением Лугового-младшего добавилось не только проблем. Счастья — тоже. Правда, счастье тревог не исключает. А веселое "зубоснальство" — вовсе не непременно свидетельство легкомыслия или легковесного отношения к людям и жизни. Сегодня самое большое счастье Павла Ивановича и самая большая тревога, что часто лишает его не только радостных снов "про Витюшкин велосипед", но и сна вообще, — сам этот маленький человек, внук, его судьба, что лишь начала складываться. Да и то, как дальше сложится женская доля дочки — тоже:

— Чуть любая девчужка подросла, начинает угадывать свою судьбу — ждать суженого. Нандяя решает эту задачу с одним неизвестным, что ей при рода задала. И каждая ответственна — перед собой, перед родителями да и пе-

ред другими людьми — за то, чтоб ответ у нее в той "задачке" сошелся с единственно правильным. У дочки теперь ответственности вдвойне, потому что и задача сложней изначальной — с двумя неизвестными: не только суженого своего угадать на этот раз без ошибки, но и — отца для Витюшки. Того, кого внук так назовет.

— А разве вы, Павел Иванович, не стали для внука таким человеком? Вот заговорит малыш и — назовет вас папой!

Павел Иванович, помолчав, коротко вздохнул: "Нельзя: не по природе это".

Отцовская любовь — это капитал дочери на всю жизнь. Те, кто вырос рядом с любящим отцом, как бы ни сложились в дальнейшем их отношения с мужчинами, не становятся мужненавиственницами — что само по себе глубокое несчастье для женской души. Образ любящего отца не позволяет им быть, в этом смысле, несчастными.

Они, как правило, хорошие жены, способные поддержать ровное горение домашнего очага. Они — любящие матери. Но если вдруг не повезет с замужеством (никто не застрахован), и здесь они держат себя с достоинством. Где другая, ослепнувшая от горя женщина, крушит все, не щадя порой и собственных детей, — та, что любима с детства своим отцом, найдет достойный выход. Присмотритесь к своим дочкам, к дочкам соседей и друзей — и вы поймете, что это так.

О роли же отца в жизни мальчиков сказано достаточно много, чтобы сейчас не повторяться: она и вовсе огромна, эта роль.

Луговой-старший трудов по социологии и педагогике не читал, но проблемы дочери и внука чувствует. Рассказывает:

— Переступаю порог после работы. Встречает меня Тамар с Витюшкой на

руках: "Смотри, кто пришел! Папка!" — говорит ему. Нехорошо это, неправильно: папка-то папка, да не совсем...

Павел Иванович вспоминает своего старшего друга, с которым уже много лет ездит рыбачить. Того внука до десяти лет звал папой. А после — как отрезало. Никто мальчика на это не настраивал, отца он своего не знал, но сумел точно разделить: дед — не отец.

И что мы только, мушкетеры, со своими ребятишками делаем?! — вздыхает Павел Иванович. — Как будто и им, и нам тоже кто-то вторую жизнь подарит...

Второй жизни точно не подарят. Будут варианты этой же — единственной и неповторимой. У Томи — без первой ее любви, отца ее ребенка, У Витюшки — без отца. У Димы — без сына-первенца. Потери эти отзовутся в судьбах всех троих. В каждой по-своему. Все это по-житейски мудрый Павел Иванович понимает. Оттого и тревога его за будущее дочери и внука.

...Совсем простая, как видите, история. И пока — без конца. Как все сложится в судьбе Тамары и Витюшки?... И все же шанс на счастье у мальчишки неизмеримо больше, чем мог бы быть, сложись ситуация по одному из тех жизненных сценариев, о которых мы говорили в самом начале. Просто родители сохранили и дочери, и внуку этот самый "шанс на счастье".

И такой "сценарий", думаю, нам всем по душе. ■

Маргарита МЫСИНА

Последний лист

*Последний лист на дереве дрожал,
Напоминая старческую руку,
В которой снег напавший лежал,
Предвосхищая трепетную муку,
На тоненьком иссохшем черенке,
На волосок от гибели и мрака,
К родному дереву, к его родной щеке,
Ища спасения, тянулся бедолага.
А дерево не знало и спало,
Поскрипывая тоненько и нежно...
Ему сквозь дрему чудилось тепло
И новых листьев океан безбрежный.
Когда среди них созреет новый плод,
Возрадуя приветливые лица,
И счастьем в руки ждущих упадет,
Чтоб с новым годом снова повториться.*

Ночное исцеление

*Когда луна, не ведая волненья,
Придет к земным озябшим берегам
И принесет ночное исцеленье,
Перечеркнув мигнувшего бедлам,
Замрут огней бессмысленные лики
И городских окон ленивый взгляд,
В страну из бездарей и гениев великих
Ворвутся сны и все преобразят.
И обыватели спокойные в квартирах
Знать не хотят, что ночью за окном
Злодейство, общеприятное в мире,
Всех усыпило нездоровым сном...*

*Я не могу ни плакать, ни молиться,
Слова, забытые тобою, вороша,
И слушать ночью в странном крике птицы,
Как ломится к тебе моя душа.
И слушать ночью в завыванье ветра,
Как бьет в стекло и нервничает дождь:
Нет у разлуки нашей километров
И полустанка, где меня ты ждешь.*

фото **Андрея Северного**

Олег Газманов:

Из будущей жизни
я не буду певцом //

■ Несмотря на регулярные смены модных течений и чуть ли не ежедневное появление новых звезд, Олег Газманов продолжает оставаться кумиром не только молодежи и военных, но и людей довольно солидного возраста. Он считается, и по праву, самым обаятельным и привлекательным среди наших эстрадных певцов. Его живая манера исполнения, лирическая поэзия и сценическая энергия притягивают и поноряют многочисленных слушателей.

— Олег, как относитесь к своей популярности?

— Когда как. Конечно, приятно, что твой труд, твоё творчество ценят. Но если честно... Ко мне известность пришла достаточно поздно, и особой радости не принесла. Я не могу свободно пройтись по улице, заглянуть в магазин — все тут же начинают глядеть на меня. И хотя по своей натуре я очень общительный человек, начинаю чувствовать себя скованно, неловко.

— Поговаривают, уже можно сделать музей подарков Газманова, ведь ваши фанаты никогда не ограничиваются цветами и игрушками...

— Это точно! Например, после исполнения песни "Эскадрон" мне подарили шинель и военное обмундирова-

ние, "Морячки" — тельняшку, после "Есаула" грозилась подарить коня, но я скромно отказался, так как подарок негде держать. Кое-что мне перепало и от песни "Путана", но что именно, не скажу. Теперь, видимо, очередь за самолетом, ведь в моем репертуаре есть песня "Аэрофлот".

— Как бывший офицер, вы, наверно, обожаете порядок?

— А вот и нет! С детства ненавижу три вещи: заправлять постель, гладить рубашки и готовить бутерброды. Зато люблю жарить шашлыки и готовить яйца. Проблема лишь в том, что яйца бывают разные — деревенские или городские, инкубаторские или настоящие, крупные или мелкие. Уважаю хорошо приготовленную пищу, даже если это будет блюдо "племени Мумбо-Юмбо". То, что я могу съесть, зависит от степени голода. Если я голодный и злой, а обед не готов, то с поваром может случиться худшее, и кое-кому уже не повезло. А вообще, я очень давно не ем соль — заменяю ее соевым соусом или морской солью, не ем сахар, из мяса предпочитаю баранину. Естественно, не пью и не курю. Вот такой я в этом плане идеальный. Но поклонники почему-то на концертах дарят мне ящики шампанского или коньяка, а иногда

ящины приносят прямо домой и час-
тенько с самого раннего утра.

— **Сейчас почти все наши эс-
традные звезды имеют своих виза-
жистов, имиджмейкеров...**

— Это не про меня. Мода меня во-
обще не интересует. Стараюсь одевать-
ся в максимально удобные и свобод-
ные вещи. Предпочитаю спортивный
стиль. Однако, когда выхожу в свет,
обязательно надеваю костюм, хотя и
не чувствую в нем себя так же удобно,
как в джинсах. Но что делать — красо-
та требует жертв. А вообще я уже пе-
режил тот возраст, когда обращаешь
внимание на "упаковку". Но в дни уче-
бы в "мореходке" я сам увеличивал
платформы и в мокрые штаны на ночь
вбивал клинья, чтобы получились кле-
щи. Наверное это утомительное заня-
тие и отбило у меня охоту следить за
модой.

— **В некоторых газетах сообщалось, что с вами случилась какая-то неприятная история, из которой вас спас ваш пес Корби...**

— Был шквальный ветер, а я как
раз гулял с Корби у себя в Серебря-
ном Бору. Вдруг Корби бросился на ме-
ня и повалил на землю, с силой оттол-
кнув в сторону. А через мгновение на то
место, где я только что стоял, рухнул
огромный сук. Если бы он угодил мне в
голову, не знаю, что было бы... Вооб-
ще, мы настоящие друзья, Корби чув-
ствует меня потрясающе. Когда я ле-
жал в больнице, он ужасно переживал
— ходил с поджатым хвостом, не нахо-
дил себе места и прямо сох на глазах.
Я с юных лет мечтал о собаке. Хотел
завести пса, но все как-то не удава-
лось, то одна проблема, то другая. По-
этому, когда Родион попросил меня о
четвероногом друге, я решил, что пора
осуществить давнюю мечту. Так в на-
шей семье появился Корби. Пес — по-
родистая немецкая овчарка, поэтому я
считаю ее соратником по профессии,

ведь у нас обоих "военная специаль-
ность". Пес принес в дом много радос-
ти, особенно когда подрост. Мы начали
гордиться им, когда он получил на кон-
курсе в Останкино свою первую медаль
"За смелость и обаяние". Однако,
когда на собачьих соревнованиях ска-
зали, что Корби немного полноват, его
пришлось посадить на диету. Сейчас
он такой же стройный, как и я...

— **Олег, а почему вы, получив во
время съемок на "ТВ-6" такую тяже-
лую травму, отказались от госпита-
лизации? Вам же врачи запретили
гастроли...**

— Я — артист и не имею права по-
казывать свою боль. Я из тех, кто на
сцене готов умереть, лишь бы не рас-
страивать своих слушателей. Поэтому
и отправился в гастрольный тур, но в
Санкт-Петербурге мне стало совсем
плохо. Вообще у меня организм очень
хорошо релаксируется и сам себя ле-
чит, единственное, что мне в такие мо-
менты нужно — это покой. Я благода-
рен всем, кто звонил мне с
соболезнованиями. А поклонники тог-
да расписали стихами всю лавочку у
нашего дома и каждый день ждали мо-
его возвращения. Ради этого стоит по-
терпеть любую боль.

— **Вы верите в приметы, в судьбу?**

— Нет, я прагматик. И именно пото-
му, что реально смотрю на многие ве-
щи, это помогло мне довольно быстро
"аклиматизироваться" в Москве. К
слову скажу, что всегда рассчитывал
только на свои силы. Мне никто никог-
да не помогал, не тащил. Всем, чего
достиг, обязан только самому себе. И в
творчестве, и в житейском плане.

— **Вы счастливы?**

— Вообще счастье складывается
из здоровья, работы, семьи и многого
другого. Мне нравится моя работа, и
денег, которые я за нее получаю, хват-
ает на жизнь. Моя работа такая же,
как у других, — порой трудная, порой

Олег Газманов с женой Мариной.

снучная, порой тяжелая. И за исключением сцены, где все в свете юпитеров, расплавленных и мерцающих огней, в мистических денорациях и прозрачной дымке, в ней нет никакой романтики.

— **Ваше самое невероятное приключение...**

— Однажды в Черном море меня спас дельфин. Это произошло во время катания на катере. Я решил поугагать друзей и прыгнул с борта. Однако товарищи не заметили моей экстравагантной выходки и, включив мотор, быстро скрылись из виду. До берега было неблизко. И тут я увидел чей-то плавник. Стал судорожно вспоминать, во-

дятся ли в Черном море акулы. Но проплывающее мимо млекопитающее оказалось дельфином. Животное обратило на меня внимание и подставило свое "плечо". Уцепившись за бок дельфина, я благополучно добрался до берега. Вообще уверен, что это была дельфиниха. Еще не раз после того случая встречался со своей спасительницей в Черноморской бухте, где мы вместе плавали и ныряли. Может, "морская дама" влюбилась? А почему бы и нет?

Еще один нурьезный случай несколько омрачил мое настроение. Неожиданно меня стали принимать на ули-

ца за одного из героев телевизионного сериала "Санта-Барбара" — полицейского Круза Настильо. Просили дать интервью и автограф, но не как у певца Олега Газманова, а как у актера, игрока его Круза.

А во время съемок видеоклипа "А я девочек люблю" тоже произошло забавное приключение. По ходу клипа я должен изображать культуриста. Причем я действительно стал им к концу съемок: Дублеров не было, поэтому все приходилось делать самому. Наибольшую опасность представляли дубли при спуске с водяной горки, когда сзади на меня неслась 45-килограммовая герметичная кинокамера и два здоровенных мужика на спасательном круге. После спуска я падал в воду и резко нырял в сторону, чтобы они на меня не обрушились. Но в этот момент в бассейн прыгали одесские девушки из массовки с тани-ими формами, что я сразу терял ориентацию в пространстве, и все боялись, что придется вызывать реанимацию. Думаю, наша группа "Эскадрон" — одна из последних представителей сексуального большинства на нашей эстраде. Именно поэтому я написал песню "А я девочек люблю", стало обидно за наших дам.

— Как поживает Родион, ведь он уже совсем взрослый...

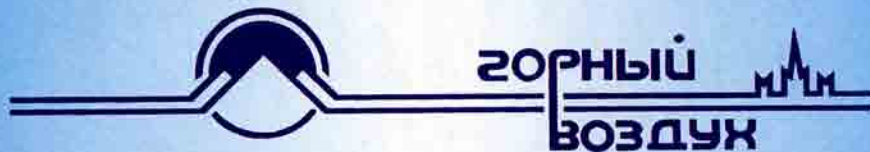
— Когда я лежал в больнице с сотрясением мозга, Родион собирался все бросить и приехать в Москву. Но я не разрешил, не хотел дергать его — ведь он в этом году заканчивает в Англии лицей. А для поступления в вуз необходимо быть очень подготовленным. Он хороший сын — добрый, внимательный, преданный. В свое время был почти так же популярен, как и я. Уже в 13 лет он не только пел на эстраде, но и вел телепередачи, снимался в кино. Потом мы вместе решили, что самое главное все-таки учеба — компьютер, английский, и Родя

уехал в Англию. Если не получится стать артистом, Родион намерен заняться бизнесом. Хотя моя работа до сих пор не дает ему покоя. Кстати, внусы за эти годы у сына не очень-то изменились. Мечтает петь дуэтом только со мной.

— Говорят, что вы иногда жалеете о выбранной профессии. И хотя объехали с гастролями все крупные города России, легко сходите с людьми, но все же боитесь выходить на сцену и работаете всегда как в последний раз.

— Как только перестану гореть на сцене и меня перестанут зрители принимать, я, может быть, буду писать музыку и стихи для других. Но пока об этом рано говорить. Недавно в концертном зале "Россия" прошла моя сольная программа "Господа офицеры". Традиционное шоу. Со мной выступали оркестр Московского военно-музыкального училища, Ансамбль песни и пляски Московского военного округа, хореографические коллективы, ансамбль барабанщиков, конечно же, моя группа "Эскадрон". Автором сценария, режиссером и продюсером такого крупнейшего действия был я. Надеюсь, подобное крупномасштабное постановочное представление — не последнее в моей жизни. ■

Беседовала **Светлана ОКУНЕВА**

Сегодня мы знаем, почему в горах живут долго!

Целебный воздух гор создаст для вас лечебно-профилактический аппаратный комплекс

"ГОРНЫЙ ВОЗДУХ"

Накоплен опыт широкого практического использования разработанного в России безмедикаментного метода профилактики, лечения и реабилитации за счет дыхания воздухом с пониженным содержанием кислорода при:

- ишемической болезни сердца и постинфарктном кардиосклерозе;
- гипертонической болезни, гипотонии и анемиях;
- хронических воспалительных и аллергических заболеваниях;
- бронхиальной астме, сахарном диабете и ожирении;
- астенических состояниях и неврозах.

"Горный воздух" повышает работоспособность, омолаживает организм, тормозит развитие опухолей. Метод используется для защиты от ионизирующей радиации и снижения побочных эффектов при лучевой терапии злокачественных новообразований, а также для повышения устойчивости к стрессам, простудным и инфекционным заболеваниям. Применение метода во время беременности предотвращает развитие позднего токсикоза беременных, оказывает благоприятное влияние на новорожденных. Накоплен положительный опыт при использовании метода более чем у 200 тысяч пациентов в России и за рубежом. Метод утвержден Минздравом России, одобрен Академией медицинских наук РФ.

Системы гипоксикаторов "Эльбрус-10-А", "Эльбрус-3" и аппаратно-программный комплекс "Доктор-А" позволяют подбирать индивидуальные режимы лечения. Гипоксикаторы могут поставляться в 2-х модификациях: "Эльбрус-10-А" с использованием газобразного азота и "Эльбрус-3" (новая разработка), работающий по принципу короткоциклового адсорбции кислорода из атмосферного воздуха. Необходимым атрибутом кабинета "Горный воздух" является система безозоновой стерилизации воздуха и создание в нем повышенной концентрации легких отрицательных аэрионов с помощью люстры Чижевского (АФА-М), которая также входит в состав комплекса.

Центр предлагает комплект оборудования для оснащения кабинетов "Горный воздух" под "ключ", специализацию персонала по методам гипоксической стимуляции неспецифической резистентности организма, ритмографии сердца, компьютерной оценке кинетики кислородного метаболизма в тканях и параметров центральной гемодинамики.

Мир для героев

Андрей ИЛЬИН

Часть I

Глава первая

Армейская жизнь тем и интересна, что чревата поворотами. Самыми неожиданными. Где-то там, в заоблачной выси министерской канцелярии, какой-нибудь занюханный писарь впишет твою фамилию в какой-нибудь, которых перед ним сто на дню проходит, список и отправит тебя, подающего надежды старлея из теплого Севастопольского гарнизона на продуваемые всеми ветрами заполярные острова Северного Ледовитого океана. С повышением должностного оклада на пятнадцать процентов от прежнего. Или, того хуже, из Западной Группы Войск, из ГДР — в пустыню Каракумы.

И очень редко, когда наоборот.

— Старший лейтенант Кузнецов по вашему приказанию прибыл!

Журнальный вариант.

рисунки **Алексея Остроменцкого**

— Здорово, Кузнецов. Чего орешь, как на плацу в непогоду?

В кабинете сидели Начштаба и Замполит.

— Тут, лейтенант, такое дело получается. Затребовало с нас начальство пять добровольцев для службы в войсках специального назначения. Ну мы покумекали с командирами подразделений, поглядели ваши личные дела, показатели, так сказать, боевой и политической подготовки и выбрали Вас. И еще четырех ваших сослуживцев. Так что служба ваша продолжится теперь в другом месте.

— Но почему именно меня?

— Ну как вам сказать? Мы отбирали лучших из лучших. Вы, конечно, из тех лучших не самый лучший. Но тем не менее...

— Ладно майор, кончай ему дырки в мозгах вертеть. Короче так, старлей. Человек ты у нас новый, еще не притершийся. Не все и не в полной мере понимающий. И пока понимать начнешь... Тут ведь как — кто не успел, тот опоздал. И не вписался. Согласен? Те, кто раньше тебя к нам пришли, давно на должностях сидят, а ты, как не пришей к кобыле хвост. И к тому же холостой.

— Вот именно. Холостой. Что ж нам, командиров с семьями с места срывать? Когда они здесь только-только обжились? А у тебя, насколько я знаю, ни жен, ни детей, ни любовниц. Тебе — только подпоясаться. В общем, собирайся, лейтенант...

— Когда?

— Как только дела сдашь.

— Товарищ майор, разрешите вопрос? Что это за часть, куда я перевожусь?

— Спроси что полегче. Откуда я могу знать? Мне Министр обороны пока еще не докладывает.

— Но это наш профиль?

Начштаба глянул на Замполита.

— Может, наш, а может, и нет... Слышь, комиссар, ты как мыслишь?

— Нашего профиля в Союзе — по пальцам перечесть. Одной руки. Мы, прибалтийские морпехи, да еще, пожалуй, псковичи. Там, насколько я знаю, своих девать некуда. Полный комплект. Значит, что-то новое.

— Слышал?

— Так точно!

— Ну тогда ступай, лейтенант.

В коридоре перед дверью Начштаба сидели, выжидая своей очереди, еще четверо лейтенантов.

— Ну что? — спросили они.

— Ничего. Ничего определенного, — ответил Кузнецов. — Возможно что-то новое.

— Ну, блин, чувствовал же, что не надо было на полосе препятствий выкладываться! Что боком такая резвость выйдет. И точно, — ругнулся один из лейтенантов.

— А при чем здесь полоса препятствий?

— А при том, что выбирали зачетников. А тех, кто похуже, не трогали. Распоряжение такое было! Теперь загонят до конца службы куда-нибудь на Камчатку...

Но загнали не на Камчатку. Много ближе — в Московский военный округ.

— Значит так, хлопцы, я — генерал Блинов. Михаил Михайлович. Можете меня любить и жаловать. Можете не жаловать, но служить все равно придется. Как положено, — представился личному составу командир соединения. — Это ваши старшие офицеры... Это наш городок...

Генерал был в летах. С сединой и плашкой боевых орденов от плеч до пу-па. Хотя совершенно непонятно, зачем он в подразделении численностью в четыре неполных роты? Правда, одних только офицеров. Не ниже лейтенанта в звании.

— Вопросы есть?

— Товарищ генерал. Разрешите обратиться? Старший лейтенант Кудряшов.

— Давай, Кудряшов. Обращайся.

— В чем будет состоять суть нашей службы?

— Вы пока располагайтесь, обживайтесь, газеты на политзанятиях читайте, а потом, помаленьку, сами скумекаете что почем. Понятно?

— Так точно, товарищ генерал!

— Ну вот и славно...

Личный состав разбили на взводы и отправили в казармы.

— Неужели даже за ворота в выходные выпускать не будут? — удивлялись лейтенанты. — Мы что, срочники, что ли? Или курсанты? Что нас пасти надо...

— Разговорчики в строю! — гаркал взводный, — Песню... запе... вай!

— "По долинам и по взгорьям, шла дивизия вперед..." — раскатывался взвод, шагая в гимнастический зал и проклиная свою непонятную службу.

— В общем так, сейчас мы будем отжиматься. Руками от пола, — говорил взводный. — И отрабатывать подъем переворотом. Вопросы есть?

— Так точно. Разрешите обратиться?

— Вообще-то команды вышестоящих командиров следует понимать сразу. И как надо. Но учитывая наше недолгое знакомство... Разрешаю. Обращайтесь.

— Сколько раз следует отжаться? От пола.

— Восемьдесят.

— Скока-скока?! — ахал щедедушный на вид старлей из Закавказского военного округа.

— Восемьдесят! Для начала. Через месяц зачетная норма будет удвоена. А для наиболее любопытных — утроена! Еще вопросы есть?

Больше вопросов не было.

— Тогда, упор лежа — принять!

Делай... раз!

Делай... два!

Делай... три!..

Через месяц состав подразделения сократился на четверть.

— Ну что, бойцы, живы? — спросил генерал на очередном построении.

— Чуть... — невнятно ответили из строя.

— Тогда хочу вас обрадовать. Физических упражнений в гимнастическом зале больше не будет.

— Слава Богу!
— Хватит вам под крышей баклуши бить. С завтрашнего утра начнем разбивать ноги. По всей их протяженности. Будем бегать. Кроссы.
— Сколько километров, товарищ генерал?
— Семьсот...
— Скока-скока?! — охал тщедушный старлей из Закавказского округа.
— Семьсот. В один конец! — повторял генерал.
— Это точно, что в один. И конец... — грустно пошутил кто-то.
— Завтра с утра и начнем. И чтобы все километры отсюда до Псковской области пробежали единым духом и с хорошим, так сказать, настроением. Вот тогда я скажу, что вы орлы. Еще вопросы?

Вопросов опять не было.

— Тогда по коням.

Итого еще минус четверть личного состава, отпадавшего по мере продвижения к Псковской области.

Бежали днем. Но и ночью. Но и в дождь. И в жару. Со сном. Но не более четырех часов. И с послеобеденным отдыхом. Но не более минуты. С учетом мытья посуды. В общем, бежали.

На третьи сутки, кто не "сдох", втянулись. Бежали в механическом ритме, шаг в шаг, успевая на ходу даже обмениваться репликами.

— Сколько сегодня осталось?

— Километров сорок. По спидометру.

— Я думал больше...

Все! Семьсот километров! Как одна копейка! И даже каблуки на сапогах целы. А казалось невозможно.

— Живы? — спросил генерал, обозревая свое загоревшее и подобравшее животы воинство.

— Так точно!

— Вижу — живы. Правда, не все. Ну ничего, ребятки, я в ваши годы втрое бегал. С минометной плитой на плечах.

— Ну так мы тоже...

— Что тоже?

— Мы тоже можем. Втрое. Если командование прикажет...

— Ну я же говорил — орлы!

— Похоже, нас еще и летать заставят. Вместо самолетов. С полной бомбовой нагрузкой, — шепнул кто-то в строю. — По причине нехватки в войсках тяжелых бомбардировщиков.

— Молчи! Накаркаешь еще! Тьфу, тьфу, тьфу!

Вовремя сплюнули. Пронесло. Не заставили. Заставили другое. Совсем другое.

Глава вторая

— Дело — проще некуда, — ставил учебную задачу привлеченный к занятиям гражданский преподаватель. — Лесок видите?

— Видим.

— Сейчас вы пойдете в тот лесок и укроетесь в нем так, чтобы вас ни одна собака отыскать не могла.

— Это что, игра в прятки, что ли?

— В прятки. На выживание. Кого нашли — того пристрелили. А кого не обнаружили — тот жив остался.

— А если совсем не нашли?

— Считай, отмучился. Дембель, — хохотнул кто-то.

— Зачетное время — три часа...

Лесок был хиленький, насквозь видно. Как в нем спрятаться, не будучи грибом, совершенно не ясно.

— Ну что, будем окапываться? — предложил задохлый старлей из Закавказья.

— Тебе хорошо. Тебе окапываться — одну совковую лопату сверху бросить. Чтобы с макушкой. А мне каково? — вздохнул не малого роста сибиряк из Забайкальского военного округа.

— Это да. Но зато ты можешь дубом прикинуться. По причине сильного внутреннего сходства.

Через три часа гражданский преподаватель зашел в лесок и внимательно огляделся.

— В ямке, запыленной прошлогодней листвой, — раз, — показал он пальцем. — В кустах справа — два. Между двумя березами с пролеском — три...

Десять минут, и все схроны раскрыты. Повывковыривали летёх из убежищ, как тараканов из щелей. И даже без нафталина.

— Конечно, а как тут укрыться, если весь лес — три елки да две березки. Тут зайцу уши не спрятать!

— Не спрятать?

— Конечно, нет!

— Уверены?

— Готовы биться об заклад. Наши лейтенантские звездочки против ваших стоптанных сапог.

— Ну тогда проведем небольшой эксперимент. Сейчас вы все развернетесь вон в ту сторону и полюбуетесь окружающим пейзажем. Минут сорок. А потом повернетесь.

— И что?

— И ничего. Попытайтесь меня найти.

— В этом лесу?

— В этом.

— Без мухлежа?

— Без.

— Ничего у вас не выйдет.

Через сорок минут лейтенанты повернулись. Лес был стерилен. Без единого признака присутствия живого человека.

Хитрые лейтенанты выстроились колонной и прочесали лесок. Три раза — вдоль и три — поперек.

— Нет его здесь.

— А где же он?

— Домой пошел. Чай пить. А мы, дураки, его ищем.

— Не должен. Может, он за границы участка вышел? Давайте пройдем по периметру.

Прошли по периметру. С тем же результатом.

— А я нашел, — сказал Кудряшов.

Все встрепнулись.

— Где?

— Здесь недалеко. Пуговицу от кителя, которую наемни потерял.

— Не, мужики, нет его здесь. Голову на отсечение даю! — сказал сибиряк.

— Пивоваров. С руки сойди, — попросил голос.

— Что? — не понял сибиряк.

— С руки сойди. Больно уже.

Сибиряк отпрыгнул в сторону. Из-под листвы, травы и уложенных вплотную друг к другу полос дерна, из узкой, только-только втиснешься, траншеи поднялся, отряхиваясь, преподаватель.

— Тяжелый ты, Пивоваров. Как двухгодовалый бычок.

Все только руками развели.

— А как же мы вас не заметили?

— А вы искать не умеете. В этом деле — как в сборе грибов. Один идет — ни черта не видит, хотя шляпки ногами сбивает. А другой — полны лукошки набивает. В том же самом месте. Ладно, это дело наживное. Я тоже не с первого раза эту науку освоил.

— А вас кто учил?

— Меня? Немцы. В сорок втором. Они знатные учителя были. Умели стимулировать к изучению предмета. Особенно когда находили.

— А находили?

— Находили. Пару раз, — показал преподаватель два шрама на лбу и щее. — А потом уже не находили. Ну ничего. Завтра повторим все это дело. Вон в том болотце...

Все оставшиеся до конца месяца дни лейтенанты учились сливаться с окружающей средой. Как гусеницы, которые не хотят, чтобы их склевали птицы. Как птицы, спасающиеся от охотников. Они рыли убежища или, наоборот, вили гнезда на вершинах деревьев. И все реже и реже находили друг друга.

— Тема урока — бесшумное передвижение по лесной местности. Пробуем? Только так, чтобы как по пуху, — определил следующую задачу преподаватель.

Попробовали. Гул по лесу пошел, словно стадо диких слонов топтало джунгли. Хрустели попавшие под подошву ветки и сучки, шуршали листья, чертыхались свалившиеся в ямы неудачники. Стадо ополоумевших бизонов продиралось сквозь чащу, снося все на своем пути.

— Показываю — ногу так, подошву — так. И медленно, медленно вперед...

— Это невозможно. Невозможно в лесу пройти так, чтобы никто ничего не услышал.

— Показываю во второй раз... Ты встань здесь. Ты здесь. Это объект, который вам поручено охранять, и к которому крадется враг. С целью нападения. Тому, кто его первым услышит, — банка болгарского компота. По рукам?

Пивоваров и Кузнецов встали на часы. И стояли, поводя ушами, как локаторами. В отличие от просто часовых, они знали, что на них нападут.

Знали наверняка. Они стояли, боясь даже на краткое мгновение закрыть глаза. Боясь моргнуть. Стояли час. Потом еще час. И еще полчаса. На них никто не нападал. Может, препода передумал? Или отложил урок на потом?

Внимание часовых постепенно ослабевало, рассеивалось. Их мучила чесотка в руках, ногах и прочих труднодоступных для ногтей местах тела. Их одолевала зевота, сомнения и посторонние мысли.

И пока они чесались, зевали и переговаривались, облаченный в маску лат препода полз к охраняемому объекту. Медленно. По сантиметру. Замирая при каждом брошенном в его сторону взгляде. Когда до часовых осталось несколько метров, он поднялся по стволу прикрывавшей его от их взглядов березы и замер, оголив лезвие приготовленного к бою штык-ножа.

— Не будет его уже, — говорил Пивоваров, отмахиваясь от наседающих комаров. — Отказался он от своего замысла. Точно тебе говорю. Как можно подобраться к двум бодрствующим часовым, чтобы они ничего не увидели и не услышали...

В стороне упала веточка, брошенная нападающей стороной. Часовые встрепенулись и разом повернулись в направлении, откуда донесся невнятный шум.

Препода бесшумно вытек из-за ствола березы и встал за спиной Пивоварова.

— Ты ничего не видишь? — спросил Кузнецов.

— Нет, а ты? — ответил Пивоваров.

— Тоже ничего. Наверное, померещилось. Или ветер ветку сбил. Надо...

Пивоваров повернулся и увидел чужую ладонь возле своего лица, которая зажала ему рот и нос и оттянула голову назад. И еще увидел мгновенный блеск лезвия ножа, которое плашмя полоснуло его по открытому горлу.

— Пивова... — успел сказать Кузнецов, прежде чем штык-нож уперся в тело между шестым и седьмым ребрами.

— Вот так это примерно и выглядит, — сказал преподаватель, шумно вдохнув воздух. — Если не уметь ушами слушать, которые вам на то и даны. Уяснили?

Пивоваров и Кузнецов только глазами хлопали, не в силах придти в себя.

— В реальных боевых условиях вы уже полторы минуты как были бы покойниками, — сказал преподаватель, взглянув на часы. — На сегодня все. Продолжим занятия завтра...

Потом они стреляли из всех видов оружия. В том числе импортного, которое только в иностранных боевиках видели, а здесь держали живую. И разбирали-собирали. Раз по сто. Чтобы уметь это делать с закрытыми глазами. И стреляли. Из положения стоя, лежа, сидя, из несущегося на полной скорости автомобиля, в падении на землю, днем, ночью, в дождь, в туман, с левой руки, с правой руки, на звук голоса и звук шагов.

Стреляли.

Стреляли.

Стреляли.

— Замучили совсем, — жаловались друг другу старлеи. — Я даже ночью дергаюсь, словно из пулемета шмаляю!

— А я в туалете с пуговицами ширинки справиться не могу, потому что пальцы трясутся...

Потом были взрывы, стрельба, прыжки, кроссы, физподготовка, маскировка на местности, ориентирование, скрытое проникновение на территорию, занятую противником, вождение бронетехники, рукопашный бой... Все полтора года. От звонка до звонка.

И наконец зачет, зачет, зачет, зачет. С оценкой отлично.

Глава третья

— Старший лейтенант Миронов.

— Я!

— Распределяетесь в Дальневосточный военный округ...

— Старший лейтенант Макаров.

— Я!

— Распределяетесь в Западную Группу Войск...

— Повезло парню...

— Старший лейтенант Кузнецов... Пивоваров... Далидзе... Кудряшов... Парамонов... Семенов... Федоров... Остаетесь в распоряжение командования.

— Почему остаемся?

— Это вам объяснит командование. Если посчитает нужным...

А дальше пошли уж совсем непонятные вещи.

— Это не трава, это лиана, — говорил старший научный сотрудник Ботанического сада Академии Наук СССР группе военных экскурсантов. — Просто она еще маленькая. Вырастая, она достигает толщины в несколько сантиметров и длины до десяти-двадцати метров. Место произрастания — тропические леса юго-восточной Азии. Ареал распространен...

— Зачем нам эти лианы? — удивлялись лейтенанты, самым внимательным образом слушая докладчика. — Простите, в каких странах, говорите?

— Южный Китай, Индия, Камбоджа, Вьетнам...

— Спасибо.

— Теперь переходим к растениям, так сказать, второго яруса произрастания.

— Простите, а сколько всего этих самых ярусов?

— Несколько. В зависимости от географического месторасположения.

— Большое спасибо.

— Переходим к следующему представителю тропической флоры. Пальма обыкновенная...

Ботанический сад был очень большим, а старший научный сотрудник очень увлеченным своей профессией.

— Завтра я познакомлю вас с уникальными растениями, которые с самых древних времен почитались местными жителями как...

— Извините. А завтрашняя лекция будет последней?

— Нет, нет. Не беспокойтесь. Ваш командир, ну тот, который с большой звездочкой...

— Майор.

— Ваш командир, майор Петр Петрович, сказал, что вы хотите прослушать весь курс лекций, посвященный тропическим растениям.

— Он так сказал?

— Да, так и сказал. Сказал, что современной армии необходимо быть в курсе достижений отечественной ботаники.

— А простите, на сколько рассчитан этот курс?

— О, сущие пустяки, полторы-две недели. Если по восемь часов каждый день. Конечно, он не исчерпывает всего многообразия произрастающих в джунглях растений. Поэтому если вы захотите углубиться в тему, мы сможем организовать дополнительные занятия...

Следующим объектом для повышения общего культурного уровня младшего офицерского состава вооруженных сил был избран Научно-исследовательский Институт эпидемиологии.

— Господи, а это-то нам зачем?

— Ты в Ботаническом саду был?

— Ну был.

— Лиану щупал?

— Ну щупал.

— Вот и нацеплял на себя каких-нибудь паразитов, которых тебе сейчас покажут.

Экскурсию проводила молодая, симпатичная на вид м.н.с. в белом халате, брошенном поверх прозрачной нейлоновой кофточкой. Что сразу же заметно повысило интерес аудитории к паразитарным болезням.

— Этот отдел занимается лихорадками. Этот кишечными паразитами. Этот...

— А можно посмотреть?

— Что?

— Кишечного паразита.

— Пожалуйста. Вон он, на стенде. Растянут.

— Вот этот?!

— Ну да. Его привез к нам в страну один инженер-нефтяник из Африки.

— В багаже привез?

— Нет. В животе.

— В своем?!

— Ну не в чужом же...

— Все, мужики. Я дальше не пойду. Не могу. Я думал, это пожарный шланг. А это паразит, который в животе...

— Идемте, идемте. Дальше будет гораздо интересней...

Дальше было действительно гораздо интересней. Настолько, что вечером ужин в офицерской столовой унесли в посудомойку не тронутым.

— Лучше бы я продолжал взрывать рельсы. Или даже слушал про пальмы, чем смотреть этих... глистов, — жаловался Резо.

— Да, взрывать лучше... — соглашались остальные.

Утром команду лейтенантов в полном составе снова отводили в Институт эпидемиологии.

— Слушать мне тут внимательно! — приказывал майор Петр Петрович. — Чтобы культурно и чтобы никаких жалоб от научных сотрудников.

— А вопросы задавать можно?

— Вопросы можно. Но так, чтобы не ронять честь офицера...

Скоро лейтенанты знали, что слон, тигр и даже королевская кобра — это не самые страшные звери джунглей. Что какой-нибудь микропаразит, проникающий сквозь кожу стопы переходящего незнакомый ручей вброд человека, стократ опасней. Что этот невидимый глазу хищник способен сожрать целую боеспособную дивизию. В то время как тигр, от силы, отделение. И то не столько съесть, сколько закусать.

— Особую осторожность следует соблюдать при употреблении воды внутрь. Лучше вовсе не пить, если у вас нет стопроцентной гарантии, что вода не заражена микроорганизмами.

— Сколько не пить? — поинтересовался Кудряшов.

— Пока не выйдете к гарантированно чистому водоисточнику. Теперь рассмотрим следующий тип паразитов, проникающих в человеческий организм через пищеварительный тракт и поражающих печень.

Но и эти визуальные знакомства с миром тропических паразитов показались пустячком, когда дело дошло до настоящих испытаний.

Команду неожиданно перевели на казарменное положение. Без права выхода за территорию гарнизона. "Культурная программа" свелась к занятиям на полосе препятствий, отжиманиям от пола и ежедневным политинформациям.

Через неделю политико-физических измывательств команду посадили в тентованную грузовую машину с наглухо застегнутым входом и куда-то повезли.

— Поди, опять на стрельбище, — предположил Пивоваров.

— Ну да, в качестве мишеней.

Машина на мгновение остановилась. И снова тронулась с места. На малой скорости.

— Похоже, КП миновали.

— Похоже...

— Выходи строиться!

Вышли. Построились перед однообразно красной кирпичной стеной.

— Все?

— Все!

— Тогда слева, по одному, шагом марш!

Забегали в подъезд. Поднялись на второй этаж, в просторную, со скамейками вдоль стен комнату.

— Раздевайтесь. И ждите.

В баню, что ли, привезли?

Разделись. Стали ждать.

— Старший лейтенант Кузнецов.

— Я! — крикнул голый и синий старлей, вытягиваясь по стойке смирно.

— Зайдите в процедурную. Остальным ждать.

Кузнецов зашел в процедурную.

— Фамилия?

— Кузнецов.

— Садитесь.

Сел.

Далее последовали вопросы, касающиеся детских заболеваний, перенесенных инфекций, ран и прочих интимных подробностей его жизни.

— Пройдите в камеру дезинфекции.

Прошел.

— Задержите дыхание.

Задержал.

Облако какой-то пыли окутало его со всех сторон. Осело на кожу мелкими каплями.

— Выходите. Можете дышать.

Потом старлею Кузнецову вкололи полдюжины уколов во все возможные места.

— Если почувствуете недомогание, озноб, головокружение, тошноту, другие тревожные симптомы, немедленно доложите дежурной сестре.

— Есть!

— Одевайтесь.

Старший лейтенант Кузнецов надел полосатую больничную пижаму и был препровожден в палату, откуда ему строго-настрого запретили выходить. Постепенно в ту же палату, в тех же полосатых пижамах, втянулось все его подразделение.

— Ну и дела!

Потом у старлеев повышалась температура, кружилась голова, с полной отдачей их рвало в заранее принесенные больничные судна.

— Что ж с нами делают-то?

— Лечат.

— От чего?

— От того, чем заразили.

Как-то в палату зашел генерал. В штатском, с кульком яблок.

— Ну что, сынки, очухались?

— Что это было?

— Карантин с прививками.

— От чего?

— От скарлатины. И излишнего любопытства.

— Тогда они помогли...

— Ну ладно, ладно, не сердчайте. Бывает хуже. Мне однажды в партизанском отряде осколок из тела без наркоза выковыривали. Плоскогубцами. А тут, подумаешь, кольнули в зад несколько раз. Поправляйтесь.

Поправились. Кроме одного, который от тех прививок, наоборот, заболел. И которого больше никто в составе подразделения не видел.

Потом их переодели в гражданскую одежду, посадили в машину, из нее в транспортный самолет, из него в трюм судна, где были сколочены двухъярусные нары, и полтора месяца везли в неизвестном направлении, под аккомпанемент толкающихся в металлический борт волн. Три раза в день им приносили еду. Три раза в день по внутренним коридорам выводили в туалет.

Все было загадочно и тревожно. Но вопросов никто не задавал, наверное, под действием прививки. Которая от излишнего любопытства.

Через полтора месяца трюм вскрыли. И лейтенанты увидели растения, которые им демонстрировали в Ботаническом саду.

— Вот это и называется — приплыли, — грустно проговорил Резо.
— Разговорчики в строю! — прикрикнул приставленный к команде капитан в тропического покроя форме. — Кудряшов!

— Я!

— Кузнецов!

— Я!

— Пивоваров... Строиться. И в казарму — шагом марш.

— Без песен?

— Без песен. У нас здесь не дома. У нас здесь шуметь не принято.

Казарма была глинобитным бараком, крытым пальмовым листом.

— Из казармы не выходить. С местным населением не общаться. По всем вопросам обращаться лично ко мне. Ясно?

— Так точно!

Ночью старший лейтенант Пивоваров поймал в своей кровати таракана. Сантиметров в двадцать длиной.

— Матушки мои! Он же больше тапочка. Как же его убивать? — ахнул он.

— А какие же тогда здесь комары? — мрачно произнес Кудряшов.

Далее ночью никто не спал — ворошили простыни. Утром пришел капитан.

— А, местная фауна, — равнодушно взглянул он на раздавленного таракана. — Ничего, постепенно привыкнете. Те, кто останется жив.

— Что, так серьезно? — настожились лейтенанты.

— Да нет. Шучу.

— Товарищ капитан, а зачем мы здесь? Что будем делать?

— То же, что и дома. Служить. Верой и правдой.

И началась привычная ратная служба.

— Старший лейтенант Кузнецов.

— Я!

— Упор лежа принять!

Делай... раз!

Делай... два!

Веселее. Веселее. Не на пляже.

Делай... три!

Делай... пятьдесят три!

Закончить упражнение!..

Глава четвертая

В расположение части прибыл подполковник, которого до этого никто здесь не видел.

— Чтобы все у меня было как надо! Чтобы ни одной соринки, ни одной пылинки! — предупредил капитан и, подхватив рукой болтающийся на боку планшет, побежал встречать начальство.

Лейтенанты убрали казарму, подшили новые подворотнички, начистили ботинки и стали отдыхать в комнате для политзанятий, читая раскрытый на первой странице "Устав караульной службы".

Дневальный стоял в тамбуре входной двери, высунув голову наружу.

— Идут!

Подполковник вошел в казарму.

— Где личный состав? — спросил он.

— Отдыхают! — гаркнул дневальный.

— ...находящийся на посту часовой имеет право... — прервал на полупhrase увлекательное коллективное чтение старший лейтенант Кудряшов.

— Уставы изучаете? — спросил подполковник.

— Так точно! — гаркнули в ответ лейтенанты.

— Похвально, похвально. А как у вас с боевой?

— Все в порядке, товарищ подполковник! — отрапортовал капитан. — Вверенное мне подразделение завершило курс предварительной подготовки с оценками "хорошо" и "отлично".

— Все "хорошо" и "отлично"?

— Так точно! Все.

— Ну ладно. Ступай, капитан. Мне тут с ребятами переговорить надо. С глазу на глаз.

— Разрешите идти?

— Да иди уже.

Капитан развернулся на каблуках и строевым шагом вышел из казармы.

— Ну как, ребята, служба? — поинтересовался подполковник.

— Отлично, товарищ подполковник!

— Как настроение, питание?

— Отлично!

— Поди, измучил однообразный рацион? Хочется чего-нибудь экзотического? Вы не стесняйтесь, говорите.

— Это да! Хорошо бы картошки вареной с луком, — высказал пожелание Пивоваров.

— Эк хватил! — вздохнул подполковник. — Я бы и сам от картошки не отказался. А то эти бананы с кокосами мне во где сидят!

Все оживились и даже закрыли "Уставы караульной службы".

— Домой не тянет?

— Тянет...

— Зазнобы пишут?

— Пишут. Только письма долго идут...

— Капитан, поди, замордовал?

— Есть маленько... Но, в общем, ничего. Терпимо.

— Я вас вот для чего, ребятки, собрал, — сказал подполковник. — Дело у меня тут одно есть. Которое только с вашей помощью решить и можно. — Он достал карту. — Смотрите...

Лейтенанты придвинулись.

— Это наша часть. Это вот водораздел. Господствующие высоты. Шоссе. Поселок геологов. Река. А вот это — интересующая меня, а теперь уже и вас, топографическая точка. К которой, совершив скрытый марш, необходимо выйти. Ситуация усложняется тем, что здесь и здесь, — он ткнул в обозначенные на карте территории, — зона нашего влияния заканчивается. Нас там нет.

— А кто есть?

— Кто угодно. Мирное, если днем не поворачиваться к ним спиной, население, повстанцы, проправительственные войска, наемники, просто бандиты. В общем, развороченный муравейник. С ядовитыми термитами.

Есть еще одна наша база, куда, в случае крайней нужды, вы можете попытаться пробиться. Вот она. Правда, сильно на них вам рассчитывать не приходится. Во-первых, далеко. Во-вторых, они сами там со всех сторон обложены, как медведи в берлоге. Так что они для вас подспорье скорее психологическое, чем реальное. Но ничего другого я вам предложить не могу. Мы здесь гости неофициальные. Что и следует учитывать при планировании операции.

— Как далеко до исходной точки?

— Если в обход, по обжитым районам, вдоль побережья и шоссе, то близко — километров двести пятьдесят. А если напрямую, то дальше.

— Сколько?

— Пожалуй, верст сто с гаком. Если учесть, что идти придется по джунглям, по бездорожью, без ориентиров и подстраховки.

— Какие действия следует предпринять после выхода в исходную точку?

— Залечь. Оборудовать скрытые наблюдательные пункты и осуществлять круглосуточное наблюдение за шоссе.

— Как долго?

— Пока не проследует интересующий нас автотранспорт. Джип. Вот с этими номерами. После его прохождения вам следует как можно быстрее покинуть место операции.

— В какой из дней запланирован выход?

— Это зависит не от нас.

— А от кого?

— От джипа... Ваша задача: разработать подробный маршрут, подготовить снаряжение, оружие, ну и все прочее, что полагается в таких случаях. И ждать команды.

Контактов с местным населением, как до, так и во время операции, следует избегать всеми возможными способами. Оружие применять в самом крайнем случае, когда другого выхода не остается. Но тогда уж биться до победного конца и живыми в руки врага не попадать.

Хотя гораздо лучше вовремя от того оружия избавиться и изображать заблудившихся в джунглях мирных геологов. Для чего разработать соответствующую легенду. Вам, конечно, не поверят, но доказать ничего не смогут, и, подержав пару дней в плену, передадут с рук на руки нашему послу.

Ну всё, сынки, готовьтесь. И постарайтесь не сложить в этих поганых лесах свои буйны головы. А капитану я скажу, чтобы меньше вас доставал. Вам теперь не до него будет...

Глава пятая

Лейтенанты передвигались плотной колонной, буквально наступая друг другу на пятки.

Вообще-то это было нарушением инструкции. На территории противника положено выдерживать дистанцию от одного бойца до другого в пять-

шесть метров. Чтобы, напоровшись на засаду, не погибнуть от одной, развернутой веером от бедра, автоматной очереди.

Но эти правила были придуманы и были хороши для перелесков средней полосы России и совершенно не годились для не тронутых цивилизацией джунглей. Местные условия диктовали свои приемы передвижения.

Ночевать пришлось на болоте. Между стоящими вблизи друг от друга деревьями растянули простейшие, сплетенные из парашютных строп, гамаки. Замаскировали подходы листвой и ветками. Легли. Уложили на животы автоматы. Укрылись маскхалатами. Так всю ночь и качались, как мухи в паучьей паутине. Кроме одного сменного часового, бесшумно слоняющегося по округе в поисках подкрадывающихся к биваку врагов.

— Спокойной ночи!

— Спокойной!

Утром командир вскрыл аптечку и выдал каждому из бойцов по две таблетки стимулятора. Который и от усталости, и от голода, и от боли, и от сна. От всего, кроме смерти.

— Готовы?

— Готовы.

— Тогда в путь...

— Вижу объект! — показалдвигающийся в голове колонны дозор.

Точнее, не сам объект, а известные топографические привязки вблизи него. Те, которые невозможно спутать.

Командир поднял руку.

— Прекратить движение!

Колонна встала и онемела. Время разговоров прошло. Они вышли в исходную точку!

— Ожидаем ночи, — приказал командир. — Потом идем на сближение...

Они ждали еще двое суток, пока интересующая их машина прошла. Они лежали в тесных убежищах, скрючившись наподобие знака вопроса, наблюдая за дорогой сквозь узкие амбразуры, проделанные в маскировочных стенах. Они прослеживали каждую мелькнувшую в объективе биноклей или приборов ночного видения машину.

Не то...

Не то...

Опять не то...

По дороге нескончаемой вереницей двигался автотранспорт, запряженные в повозки мулы, просто мулы, люди, тянущие повозки, просто идущие люди. Люди разговаривали, смотрели по сторонам, отбегали на обочину по надобности и ничего не замечали. Не замечали наблюдающих за ними глаз. Чужих глаз.

Джи! Но не сходится номер.

Похожий номер. Но не джи!..

Ночами наблюдатели менялись, впервые за много часов имея возможность распрямить занемевшие до состояния бесчувственных деревяшек тела. К теплым окулярам оптических приборов прилипла другая смена.

Опять не то...

Опять мимо...

Мимо...

Мимо...

— Вижу! — отметил из ближнего НП Кудряшов. — Джип. Номер...

— Есть! — зафиксировал прохождение объекта прикинувшийся булыжником по другую сторону шоссе Резо.

— Точно. Он! — рассмотрел в бинокль номера командир. И зафиксировал время. — Сворачиваемся.

Уходили ночью, предварительно уничтожив все следы своего пребывания возле дороги. Шли в максимально быстром темпе. Не потому, что спешили. Потому, что шли домой.

Полчаса шагом.

Десять минут отдых.

И снова полчаса шагом...

К болоту вышли в полдень.

— Ныррем с ходу? Или ждем завтрашнего утра?

— Ныррем...

Двигались медленно, с трудом нащупывая подошвами ускользящее дно, еле продираясь сквозь переплетение ползатопленных стволов.

— Может, перекурим?

— Дойдем до острова — перекурим.

— Прямо сто девяносто.

— Заметил.

— Слева двести...

— А, черт!

— Что такое? Что случилось?

— Кажется, зацепила! Тварь ползучая!

Идущий впереди лейтенант рубанул мачете убегающую от него змею. Но было уже поздно.

— Куда?

— В руку. Выше локтя. Главное, я ее увидел, хотел прикончить. А она первая...

— Ладно. Молчи...

Бойцы осмотрелись вокруг. Положить пострадавшего товарища, чтобы оказать ему помощь, было некуда. Кругом грязь и вода.

— Сомкнись! — скомандовал один из них.

Бойцы придвинулись, встали плечо к плечу и подняли пострадавшего на согнутые в локтях руки.

Командир вытянул из ножен штык-нож и взрезал рукав.

— Сволочь! Сквозь куртку прокусила.

— Радуйся, может, не все тебе досталось. Может, часть яда на ткань пролилась!

На коже темнели две маленькие аккуратные дырочки, через которые вошла смерть.

— Дайте жгут.

Кто-то выдернул из штанов поясной ремень. Руку перетянули возле самого плеча. Мгновенье посомневавшись, командир приблизил к ране штык-нож.

- Потерпишь?
- Потерплю. Валяй.

Командир воткнул острие ножа в место укуса и прокрутил его, расширив рану. Потом стал высасывать кровь, сплевывая ее в воду.

— Ты, лейтенант, оказывается, вурдалак, — попытался пошутить пострадавший. — Ты, лейтенант... — И замолк, откинувшись головой назад.

Из аптечки вытащили противозмеиную сыворотку.

— Куда ее ставить-то?

— Куда угодно.

Шприц-тюбик вкололи, а пострадавший на это уже никак не отреагировал.

— Как же это вышло-то? Как получилось?..

— Рубите носилки, — распорядился командир.

На две жерди бросили маскхалат, полы затянули наверх и положили на них пострадавшего.

— И-и, взяли!

Носилки разом подняли и поставили на плечи.

— Пошли?

— Пошли. Все вместе. С левой. Чтобы не качались носилки.

Маленький отряд бойцов спецназа, словно маленький корабль, везущий бесценный груз, плыл в чавкающей топи тропического болота. Плыл к берегу. К родной пристани, обещавшей спасение.

— Поздно, — сказал капитан.

— Что поздно?

— Все поздно. Ему уже никто не поможет.

— Как так?

— Так. Вы труп несли. Весь день труп несли.

— Вы уверены?

Капитан только пожал плечами.

— Несите его пока в склад. А я начальству доложу.

К полудню над плацем завис вертолет.

— Быстро они, — сказал капитан. — Боятся, что он на такой жаре долго не пролежит.

— Кто не пролежит?

— Покойник. Затухнуть покойник может. А им его в вертушке везти, в которой потом самим летать. Ладно, тащите поближе к плацу. И застегнитесь на всякий случай. Не ровен час, по этому делу начальство сюда прилетит. Зачем мне лишние неприятности...

Лейтенанты застегнулись. И пошли за телом.

Из вертолета выпрыгнул уже известный лейтенантам подполковник. И еще один офицер с петлицами военврача.

— Где он? — спросил военврач.

— Вон там лежит, — показал капитан.

— Давно?

— Больше суток.

— Поди, уже плохой?

— Да нет. Еще терпит...

— Ладно, иди, капитан. Иди. Мне с ребятами поговорить надо, — произнес подполковник.

— Вольно. Разойдись, — скомандовал капитан и ушел.

Лейтенанты не разошлись. Так и остались стоять. Строем.

— Я все понимаю, ребята. Но это служба, а на ней всякое случается. В том числе и такое. Вы мне что-то хотите сказать?

— Товарищ подполковник, мы ваше задание выполнили, — совсем не по Уставу доложил Кузнецов.

— Да знаю я, знаю.

— Машина прошла семнадцатого в шестнадцать пятьдесят.

— В пятьдесят три... — поправил подполковник.

— Так точно. В пятьдесят три... А откуда вы...

— В общем так, ребята. За выполненное задание вам от лица командования благодарность. А остальное все потом. Потом, — и, махнув рукой, пошел назад к вертолету.

— Давайте, бойцы, грузите тело на борт, чего встали, — поторопил подошедший военврач.

Лейтенанты подняли носилки и втолкнули их в салон вертолета. Даже попрощаться забыли. Второпях.

— Отойдите! Отойдите от винта! Пока вам башки не поотшибало, — крикнул пилот.

Вертолет поднялся в воздух.

Лейтенанты пошли в столовую и долго ели безвкусный суп. И второе.

— Интересно, откуда он узнал, что пятьдесят три? — спросил Кузнецов.

— Земля слухом полнится...

— Да проще все, земляки. Не в единственном числе мы были. Они, прежде чем нас посылать, покумекали и решили, что такое задание одним только новичкам доверять нельзя. И подстраховались. Послали в дополнение к нам испытанную группу. Вернее, нас в дополнение, на всякий случай. А их — дело делать.

— Что же мы никого не заметили?

— Потому и не заметили, что не искали. Думали, одни трудимся.

— Да не может такого быть, чтобы мы их не заметили! И потом, зачем начальству двойным составом рисковать?

— А может, это дело особенное. Государственной важности.

— Ну да, великое дело — машина, прошедшая по шоссе.

— Мы же не знаем, с какой целью она там прошла. Именно в это время. И не знаем, кто там сидел...

— Не было никакой второй группы. И третьей не было. И вообще ничего не было. Одни вы по джунглям ползали, — проговорил капитан, допивавший компот за соседним столиком.

— А откуда же подполковник узнал...

— Откуда узнал? Дурни вы, ребята. И пацаны еще сопливые. Как ему было не знать, когда джип пройдет по шоссе, если он в нем сидел.

— Кто?

— Он — подполковник.

— А зачем же?..

— Затем, что нужно же было кому-то там в это время проехать. Чтобы вы его засекали.

— То есть, вы хотите сказать...

— Ничего я не хочу сказать. Кроме того, что нет никаких повстанческих территорий. И не было никогда. Вернее, были, но задолго до вас. И правительственных войск тоже не было. И враждебно настроенного к нам местного населения. И патрулей. И всего такого прочего. Это все "наша" территория. С проживающим на ней дружелюбным к нам населением. С открытыми для проезда дорогами...

— Как так, не было?!

— Так и не было. Можете мне на слово поверить. Учения это такие, максимально приближенные к боевым.

— Почему же нельзя было...

— Потому что нельзя. Потому что, если бы вы играли понарошку, никогда бы с этим делом не справились. Сошли бы с дистанции в самом начале. И ничего бы не поняли. Ничему не научились. Науку выживания в джунглях нельзя изучать теоретически. Только собственными ножами.

— Не может быть! У нас ведь было оружие. Мы могли кого-нибудь...

— Не было у вас оружия. Хлопушки, из которых воробья не подранить. Seriously вам говорю. Не верите, пойдемте в склад.

Лейтенанты в сопровождении капитана прошли в склад.

— Ваши автоматы?

— Наши.

Капитан передернул затвор и выпалил в пол весь рожок. Ничего не произошло, только пыль к потолку поднялась.

— Холостые у вас патроны были. На всякий случай. Чтобы с испугу не пристрелили кого-нибудь по дороге. Для вашего блага было сделано. Вам на настоящие боевые ходить. И побеждать.

— И для его? — кивнул Резо на пустое место, где недавно лежало тело их товарища.

— Что для его?

— Для его блага тоже?

Капитан помрачнел.

— Для его, конечно, нет. Для него это случайность. Это дурацкое ЧП. До вас ни одного укуса не случалось. А тут... Не повезло парню. Так ведь и на гражданке людей машины сбивают...

— Мы что, здесь не первые? — спросил Кудряшов.

— Не первые. И даже не десятые. Это же учебка. Для перепрофилирования бойцов спецназа в тропический вариант.

— А не проще ли было сразу все сказать? Как есть?

— Нельзя. Первая группа, с которой в правду сыграли, потом, на реальном боевом, в полном составе Богу душу отдала. И дело провалила. Потому что они обо всем знали и на учениях ног замочить не захотели. Вполсилы сыграли. Зачет получили, а научиться ничему не научились. Нельзя в нашем деле понарошку. Или в полную силу. Или... Ладно, не сердчайте, капитаны.

— Капитаны?

— Капитаны. Уже капитаны. Прошедшим учебку присваивается внеочередное звание. С чем вас и поздравляю. Приказ будет со дня на день. Так что вертите дополнительные дырки...

— И что нам теперь делать?

— То же, что и раньше. Ждать соответствующего приказа. Да, и вот еще что. Возмите-ка...

И капитан перебрал на лейтенантский стол фляжку.

— Что это?

— То самое, что вам сейчас очень не помешает. И считайте, что сегодня меня в казарме не будет...

Глава шестая

— Капитан Кузнецов.

— Я!

— Капитан Кудряшов.

— Я!

— Капитан Далидзе.

— Я!

— Капитан Пивоваров.

— Я!

— Капитан Федоров.

— Я!

— Капитан Парамонов... К подполковнику Местечкину!

— Есть!

Подполковник бы тот же самый, который отправлял их на первое боевое задание, на поверку оказавшимся учением. Но с реальными потерями...

— Товарищ подполковник...

— Проходите. Садитесь.

Капитаны прошли и сели на стулья, рядом установленные вдоль дальней стены. Сели, как стояли в строю, — по росту. Подполковник посмотрел на них, на каждого в отдельности, монотонно постукивая карандашом по пустому столу.

— Догадываетесь, зачем вызвал?

— Никак нет, товарищ подполковник.

— Ну тогда пододвигайтесь ближе, — и развернул по всему столу карту. — Вот это мы. Это морская база. А это... Узнаете? Скажем так — один полуостров. С очень интересной географией, с которой вам в течение ближайших нескольких дней предстоит познакомиться. Ясно?

— Неужели туда?

— Возможно, туда. А возможно, никуда. Это как получится. В соседней комнате вы найдете всю информацию, которую я смог отыскать по данному региону. По топографии, климату, растительному и животному миру, транспортным коммуникациям, составу населения, вероисповеданию, привычкам, кулинарным пристрастиям... В общем, все, что возможно.

Ваша задача — изучить, обобщить и привязать к нитке маршрута. Вопросы?

— Каков будет маршрут?

— Ну скажем, отсюда, — поставил точку на карте подполковник, — и досюда, — поставил еще одну точку и соединил точки прямой линией. — Работать будете здесь. В этой комнате. Покидать помещение без моего ведома — запрещено. Выносить книги, карты и прочие документы — запрещено. Рассказывать о характере работ посторонним — запрещено. Обсуждать детали задания с кем-либо кроме присутствующих — запрещено. Выходить за рамки означенного задания — запрещено. О чем я вас, будем считать, предупредил в официальном порядке. И что вы, будем надеяться, приняли к сведению. Под роспись. Поставленную вот под этим документом.

Под вашу роспись, капитан Кузнецов.

Под вашу, капитан Кудряшов.

Под вашу...

Под вашу...

Подполковник еще раз внимательно осмотрел и спрятал листы с росписями в сейф.

— Счастливо потрудиться. В случае непредвиденных обстоятельств ищите меня вот по этому телефону или через дежурного по штабу. Вопросы...

— Нет!

И началась обычная, рутинная спецназовская работа. На которую, честно говоря, приходится гораздо больше времени, чем на ползание по-пластунски через нейтральную полосу, бои с превосходящими силами противника, захваты штабов, подрывы мостов и другие героические свершения. Не с автоматом наперевес и чекой гранаты, зажатой в зубах, — с карандашом по листам мелкомасштабных карт, страницам книг, справочников, энциклопедий, газетных вырезок. Чтобы знать поле будущего боя лучше, чем знает противник.

— Уточним боевую задачу, — сказал неизвестный капитанам полковник. — Вот здесь, в этом районе, совершил вынужденную посадку штурмовик "Фантом" американских военно-воздушных сил...

— Наши сбили! — горячо прошептал Резо.

— Совершил вынужденную посадку по неизвестным нам причинам американский штурмовик "Фантом", — с нажимом повторил полковник. — Вот полученные с помощью аэрофоторазведки снимки места аварии. Фюзеляж, кабина, вот здесь чуть в стороне плоскость. В первую очередь, вас должна интересовать кабина. В ней вы должны отыскать и демонтировать блок электронного наведения ракет класса "воздух-земля" и точно такие же, но принимающие приборы снять с боевой части самой ракеты. По нашим сведениям, самолет в момент падения имел полный боекомплект. Значит, ракеты должны находиться на месте аварии или в непосредственной близости от места аварии... В связи с тем, что на означенной территории активных боевых действий не ведется, ваша задача упрощается. Тем не менее, прошу проявлять максимум внимания при передвижении по территории противника. И по возможности избегать мест предположительного нахождения воинских подразделений и скопления гражданских лиц.

— А как же мы узнаем этот самый блок наведения? Там же в самолете прорва всяких приборов, которые выглядят совершенно одинаково.

— Очень правильный вопрос задал капитан. И очень своевременный. Для того, чтобы отличить интересующий нас прибор от всех прочих, нас не интересующих, вы пройдете специальную подготовку в службе технического обеспечения частей морской авиации. Там для вас приготовлен специальный макет штурмовика "Фантом" в натуральную величину с расположением всех существующих приборов, примерно на тех самых местах, где им и надлежит находиться.

Капитаны только глазами захлопали от технических масштабов трогательной заботы, проявленной об их персонах.

— Но! — добавил полковник. — Должен вас предупредить, что операция носит особо секретный характер, и разглашение, пусть даже невольное, ее деталей, равно как самого ее факта, будет расцениваться как измена Родине и караться по соответствующей статье Уголовного Кодекса. Вплоть до...

Капитаны слотнули слюну.

— Сейчас каждый из вас, собственноручно, напишет расписку о том, что предупрежден о степени ответственности, связанной с разглашением тайны данной операции, согласен с ней и готов нести эту ответственность, предусмотренную Уголовным Кодексом, в полной мере.

Капитан Кузнецов...

Кудряшов...

Пивоваров...

Далидзе...

Федоров...

Смирнов...

И снова стопка исписанной бумаги ушла в несгораемый сейф.

— Разрешите вопрос?

— Разрешаю.

— Кто будет командовать операцией? Непосредственно на месте. И здесь.

— Здесь — хорошо вам известный подполковник Местечкин... А непосредственно на месте... — полковник вышел из-за стола и приоткрыл дверь: — Дежурный! Майора Кондратьева ко мне. И капитана Сибирцева. Быстро! С командирами я вас сейчас познакомлю.

Майор Кондратьев и капитан Сибирцев прибыли через пять минут.

— Товарищ полковник, разрешите...

— Вот это и есть ваше непосредственное начальство. Командир — майор Кондратьев Петр Семенович. Офицер опытный, боевой. Несколько раз выполнял ответственные задания командования. Его заместитель — капитан Сибирцев Виктор Петрович. Тоже в нашем деле не новичок. Оба имеют боевые награды.

— Какие?

— Разные. Они вам потом сами расскажут. Так что можете любить и жаловать. Или не любить и не жаловать, но все равно подчиняться их приказаниям безоговорочно. Что касается дублирующих командиров, то они будут назначены из личного состава подразделения. Из кого-то из вас. На усмотрение подполковника Местечкина. Еще вопросы есть?

— Никак нет!

Ночью группу подняли по тревоге. Их непосредственный начальник полковник Местечкин.

— Пять минут на сборы, — приказал он. — И чтобы ни одной вещи в ку-брике не осталось.

— Почему нас перевозят исключительно ночами? Хоть бы раз утром, — проворчал, натягивая штаны и подпрыгивая на одной ноге, Резо.

— Потому что дело наше такое — чужих глаз не любящее. Ночное дело, — ответил Кудряшов.

— Как у воров-домушников?

— Точно! Только без прибыли, которая иногда обламывается им.

— Выходи строиться!

Снова: автобус, дорога, аэродром. Далекие прожектора, ослепляющие глаза. Неясная тень человека у борта.

— Все?

— Все.

— Забирайтесь в машину. Отлет через сорок минут.

— А чего ж не теперь?

— Бортмеханик куда-то запропастился...

Вылетели через час двадцать. Без бортмеханика.

Капитаны сидели в пустом и гулком салоне самолета и гадали об ожидавшем их скором будущем. Хотя чего гадать — время придет, командование скажет.

Сели. Перегрузились в машину. И в ней же зависли. Без возможности даже высунуть нос наружу.

— Ну ничего, сынки, немного осталось, — подбадривал сонную команду подполковник. — Выгорит дело — можете дырки на кителях под ордена вертеть.

— А если не выгорит?

Подполковник не ответил. Может быть, не расслышал вопроса. Прошел час.

— Ну что они там? О чем думают?

— Они не думают. Они спят. В отличие от нас.

Послышался топот. И голоса. Раздраженные, подполковника и майора Кондратьева, и чей-то еще.

— Сколько?

— Минут десять. Максимум пятнадцать.

— Мы уже полтора часа ждем.. Личный состав не имеет возможности нормально отдохнуть! А им, между прочим, завтра в дело идти. Я буду вынужден доложить вашему командованию...

— Мы можем предоставить в ваше распоряжение кубрики и насчет ужины распорядиться.

— Не получится насчет кубрика. Личный состав будет находиться в машине до самого момента транспортировки согласно существующего приказа.

— Там же душно.

— Это вас не касается. Вы лучше отправку поторопите.

— Конечно, конечно. Через двадцать минут. В самом крайнем случае, через сорок. Но это в самом крайнем...

— Значит, не меньше двух часов, — прикинул в уме Кудряшов. — Вы как хотите, а я ложусь спать, — и сполз на тюки со снаряжением.

Команду на погрузку дали только к утру. Машину подогнали к одиноко-му пирсу, отгороженному от остальной территории порта высоким забором.

— Выходи по одному!

Капитаны стали выгружать снаряжение.

Торопясь, подбежали несколько матросов.

— Товарищ подполковник...

— Хватайте вещи. Да не так, а вот так. И осторожно, малой скоростью, как с полным блюдцем водки... Не дай вам Бог споткнуться...

Команды строиться не было. Капитаны и так стояли, кому где положено.

— Ну что, сынки? Пробил ваш час. Не все, конечно, было у нас гладко, и со временем тоже... но, в целом, считаю, что подготовиться мы сумели. Вы сами-то как думаете?

— Так точно! Сумели!

— Ну вот видите. Хочу надеяться, что через две недели, вот так же целыми и невредимыми увижу всех. Просто уверен, что увижу. Как говориться, ни пуха...

— К черту, товарищ подполковник!

— Командуйте, майор.

— Есть! Отряд, приготовиться к погрузке...

На пирсе спецназовцев поджидали вставшие по обе стороны сходней матросы.

— Ну все, загружайтесь! — крикнул капитан.

По мосткам бойцы поднялись на лодку и тут же нырнули в ее дышнувшее смесью масла, человеческих тел и металла нутро.

— Отдать носовой! Отдать кормовой!

Лодка качнулась, отвалила от стенки, развернулась носом в море и пошла своим, неизвестным никому, кроме капитана, штурмана и этих вот сторонних бойцов в камуфляжной форме, курсом.

— Задраиваемся, — сказал капитан, — и через десять минут готовиться к погружению.

Спустя тридцать часов лодка легла на дно.

— Почему стоим? — поинтересовался командир спецназовцев.

— Не стоим, а лежим, — поправил капитан подлодки. — На грунте.

— А зачем лежим?

— Затем, что переживаем.

— Что переживаем? Проход вражеских тральщиков?

— Каких тральщиков? — усмехнулся капитан. — Да нет, не тральщиков. Время. Время переживаем, чтобы к месту высадки подойти. Вам же ночь нужна?

— Ночь.

— Ну вот, потому и лежим. Отдыхаем. У вас кто-нибудь в шахматы играет?

— Ну, я играю.

— Слышь майор, или кто ты там, давай партейку-другую сгоняем. А то здесь со скуки подохнуть можно. А твои пусть поспят. Сон на глубине, он в масть идет, если бомбы не бросают.

— А если бросают?

— Тогда лучше дома спать. Под боком у жены... Даже если и не у своей... Ну что?

— Расставляй.

— Тогда, чур, мои черные. На счастье. Потому как мы сами тоже черные, что твой бушлат...

Лодка лежала на дне. Бойцы спецназа лежали на узких матросских койках. И спали. И смотрели очень далекие от морской тематики сны. Про дом. Про близких. Про далекую и уже слегка забытую жизнь. Про Россию.

Часть II

Глава первая

— Капрал Джонстон.

— Да, сэр!

— Почему вы не на строевых занятиях?

— Болею, сэр!

— Я не спрашиваю, болеете вы или нет. Я спрашиваю, почему вы не на строевых занятиях? Вы меня слышите, капрал?

— Да, сэр!

— Возвращайтесь в подразделение и доложите своему офицеру, что я объявил вам взыскание. На его усмотрение. Вы меня слышите, капрал? Повторите приказание.

— Вернуться в подразделение и доложить офицеру, чтобы он назначил мне взыскание. На свое усмотрение.

— Сэр...

— Сэр!

— Идите!

— Есть, сэр! — Капрал Джонстон развернулся на каблуках и строевым шагом пошел прочь от занудливого сержанта Брайна.

— По какому поводу взыскание, капрал? — устало спросил офицер.

— Не знаю! Сержант приказал придти к вам и доложить. Я доложил.

— Опять сцепились? Что вы как кошка с собакой? Не можете жить в мире и согласии?

— Нет, сэр! Не можем.

— Ладно, идите.

— Но взыскание, сэр!

— Скажите, что я вас наказал.

— Но...

— Идите, капрал. Или вы не поняли, что я сказал?!

— Понял, сэр!

— Что делаешь вечером, Майк?

— Ничего не делаю. Сплю. Мордой к стенке.

— Может, лучше в бар? Там девочки новые будут. Резервистки из связи.

— Пошли.

— Чего-то ты не веселый.

— А с чего веселиться?

— Опять сержант?

— Сержант. И чем я ему не угодил?

— Просто не повезло.

- Не повезло. Хотя из армии уходи.
— Из армии — плохо. Тут деньги. Дармовая жратва. Выслуга. Почет. Успех у девочек. Адмиралом стать можно.
— Только если через сержантский труп.
— Может, тебе в другую часть перевестись?
— Куда?
— Ну не знаю. Может, в "зеленые береты"? Я слышал, они добровольцев вербуют.
— Береты — это звучит!
— Звучит оно, конечно, звучит. Только загреметь можно.
— Куда?
— Туда, куда очень бы тебе не желал. Например, во Вьетнам.
— А мне хоть во Вьетнам, лишь бы от сержанта подальше!
— Ну, ты шутишь! Аж скулы сводит.
— А я не шучу. Я серьезно...

- Рядовой Смит.
— Я! Сэр!
— Пройдите в двадцатую комнату.
— Рядовой Симпсон.
— Я! Сэр!
— Двадцать вторая комната.
— Рядовой Хоуп.
— Я! Сэр!
— Возвращение в часть.
— Капрал Джонстон.
— Я! Сэр!
— Двадцатая комната...

Вот она — двадцатая. За дверью которой почти наверняка ничего хорошего не ожидает.

- Разрешите войти... Сэр! Капрал Джонстон...
— А, капрал, заходите, заходите. Поздравляю вас с зачислением в спецкоманду Q-17.

Господи, в какую еще команду? В какую Q-17? Что таится за этой аббревиатурой?

- Спасибо! Сэр!
— Садитесь здесь и ожидайте транспорта.
— Долго ожидать?
— До прихода транспорта.

Транспорт прибыл только к вечеру, когда двадцатая комната была набита разнопогонными солдатами, как кошелек Моргана-старшего долларами.

- Ты откуда?
— Из морской пехоты.
— А ты?
— Из связи...
— А ты?
— Переведен из роты разведки...
— Интересно, куда нас всех?

— Кто его знает...

— Команде Q-17 загружаться!

Загрузились через задние борта в две поданные "кормой" к самому крыльцу крытые брезентом грузовые машины. Поехали. Совсем недалеко до аэродрома.

Машины загнали прямо на взлетную полосу, вплотную к опущенному самолетному трапу.

— Выходи по одному!

Вышли. И тут же зашли в темное горячее брюхо транспортного самолета. Люк захлопнулся. Взревели моторы.

— Резко с нами...

— У меня дядька фермер примерно так же свиней перевозит. Ничего им не объясняя.

— Куда перевозит-то?

— Туда, где колбасу из них делают.

Через полчаса сели.

— Команде Q-17 выходить!

Вышли.

— Команде Q-17 строиться!

Построились.

— Рядовой Смит.

— Я! Сэр!

— Рядовой Доутсон.

— Я! Сэр!

— Капрал Джонстон.

— Я! Сэр!..

— Все?

— Все.

— Тогда бегом марш!

Побежали. До ожидающих поодаль машин.

Постановка перед шлагбаумом. Проверка документов.

Поворот. Другой поворот. Еще один шлагбаум. Еще одна проверка документов.

— Ну все, скауты. Из этого похода нам точно домой не вернуться...

— Выходи по одному!

Вышли.

— Строиться!

Построились.

— Рады приветствовать вас в нашем славном учебном Центре...

— Спасибо! Сэр!

Глава вторая

— Внимание в отсеках. Лодке приготовиться к всплытию!

В рабочем режиме заработали двигатели. Вздрыгнул, качнулся корпус ожившей после многочасовой дремоты субмарины, распугав случайную рыбу живность.

Раскрутились винты, проталкивая сигарообразную железную громадину сквозь толщу черных придонных вод...

— Всплываем на перископную глубину!

— Есть на перископную!

Штанга перископа, легко скользя по смазке, выскочила из корпуса и ушла к поверхности моря. Капитан приблизил глаза к окуляру.

— Подходы темны. Ветер узлов пять в секунду. Волна балла четыре. Не бассейн, конечно, но терпимо... Слышь, командир, хочешь посмотреть, где тебе придется бултыхаться?

Капитан подлодки отодвинулся в сторону. Командир разведгруппы припал к резиновым наглазникам. Берега видно не было. Он только угадывался.

— Вот эта черная дырка и есть материк, — сказал капитан.

— А поближе подойти нельзя? — спросил командир, прикидывая расстояние, которое ему предстояло преодолеть.

— Поближе можно. Но тогда уйти будет нельзя. Если только пешком по берегу. Я же не плоскодонка, чтобы в аквариумах плавать. Так что придется самим. Самим.

— Самим, так самим...

У скоб выходного люка стояли разведчики. В полном боевом облачении. В темных маскахалатах, с частыми разводами серой краски на лицах, сквозь которые просвечивали неестественно бледные лица.

— А может, все-таки задержитесь? На сутки? — еще раз предложил капитан.

— Да иди ты!

— Ну тогда ни пуха...

— К черту... Вернее, к этому, к Нептуну!

— Спускайтесь с подветренного борта. Чтобы корпус прикрыл вас от волны. И помните, что у вас на всё про всё пять минут. На шестой — не взываете, мы нырнем!

— А если не успеем за пять минут?

— Тогда десять, — легко уступил капитан. — Всем быть готовыми к срочному погружению, — приказал он. — Давайте, выметайтесь.

Люк раздраили. Разведчики, стуча подошвами по скобам трапа, полезли наверх.

Пивоваров. Далидзе. Кузнецов. Кудряшов. Федоров. Семенов... Всего шестнадцать человек. Согласно утвержденному в спецотделе списку.

— Все?

— Все!

— Ну ладно, пойду посмотрю, как пехота в море ноги мочит.

Капитан поднялся на мостик последним. В непроницаемой черноте тропической ночи о борт лодки лениво разбивались невидимые волны.

Матросы вытащили из люка два резиновых свертка, споро раскатали, воткнули куда-то внутрь шланги компрессора. С тихим шипением из нутра субмарины пошел воздух. Свертки расправились, раздулись, поднялись и превратились в две черные десантные лодки.

Лодки опустили под борт и переползли в них.

— Все нормально? — спросил из темноты голос капитана.

— Нормально!

— Куда плыть, знаете?

— Знаем.

— Ну тогда прощайте... — Глухо простучали в темноте шаги. Еле слышно хлопнул люк.

— Разобрать весла! — приказал командир.

Разом погрузив лопасти в воду, отошли от "тонущей" подлодки. Теперь впереди, сзади и с боков была чужая страна. Территория противника. К сожалению, уже не условного...

— Оружие к бою!

Разведчики вкрутили взрыватели в гранаты, прищелкнули к автоматам магазины. Ощетинились стволами вдоль бортов.

— Курс 290.

Мягко, без всплеска, погружались весла в воду. Мягко, без всплеска, поднимались на воздух. Каждый гребок подталкивал лодки к берегу, на котором их могло подстергать все, что угодно. В том числе и мгновенная смерть.

— Вижу берег, — показал наблюдатель на первой лодке.

На фоне лежащей по курсу однородной черноты стали проступать отдельные детали прибрежного пейзажа.

— Приготовиться к высадке.

Часть экипажа, чтобы не перевернуться в последний момент, сместилась от носа к корме. "Хвосты" лодок заметно притопились, плотно сели на воду. Носы, напротив, задрались вверх. Теперь осталось дожидаться самой большой волны.

— Вот она. Наша.

Разом отгреблись веслами, догнали, оседлали проходящий мимо гребень, и на нем, как верхом на гарцующей лошади, понеслись к берегу.

Касание днища!

Разом выпрыгнули, подхватили лодки за леера и, упираясь против откатывающих потоков воды, выбежали на пляж. Прибыли! Теперь не сачковать! Теперь работать в полную силу! По заранее разработанному, утвержденному и стократно отрепетированному на топографическом макете плану. Теперь успевать!

Боевое охранение веером рассыпалось в стороны. Залегло, готовое к мгновенному отражению атаки. Разведка бесшумно двинулась вперед расчищать незнакомую дорогу своими телами и, при необходимости, принимать в те тела первые пули или первые осколки пропущенных противопехотных мин. Оставшиеся, вцепившись в леера, потащили лодки вверх по берегу, стараясь как можно скорее покинуть открытый всем ветрам и взорам пляж. Подальше от опасной пустоты. Поближе к столь любимым разведчиками кустам, оврагам и непролазным чащобам.

Кусты. Теперь можно отдышаться. И избавиться от средств доставки.

Прикрыв клапана одеждой, чтобы не был слышен шум выходящего воздуха, открыли пробки. Лодки сдулись, осели и снова приняли первоначальный свой вид. Вид резиновых туюков.

В укромном месте разведчики аккуратно взрезали штык-ножами дерн, приподняли и раскрыли его, стараясь не примять травянистую поверхность и не нагрязнить вокруг земель. Затем выбрали грунт, уложили на дно полученной ямы-тайника плотно свернутые лодки. Ямы забросали землей. Землю утрамбовали. Поверх опустили листья дерна, плотно сведа

стыкуемые края. Траву подняли, разгладили, обдули. А подходы даже побрызгали отбивающим нюх у собак аэрозолем.

Больше на берегу делать было нечего.

В походную колонну, два метра дистанция... дозор... головное охранение... арьергард... Маршевым шагом... С места... В общем, пошли ребята...

Глава третья

— Разведгруппе Q-17 прибыть на стрельбище... Получить боевые патроны...

Приготовиться к стрельбе из положения лежа... стоя... в падении... с движущегося по грунтовой дороге автомобиля... из подствольного гранатомета...

Закончить упражнение...

— Разведгруппе Q-17 прибыть в атлетический зал...

... На полосу препятствий...

... В лингофонный кабинет...

... На саперный полигон...

... На...

И так изо дня в день. Ей-богу, на реальных боевых легких...

— Командиру разведгруппы Q-17 срочно явиться в штаб к полковнику Эдвардсу.

— К кому?

— К полковнику Эдвардсу!

Странно. Полковник Эдвардс не являлся официальным куратором группы. Скорее, куратором куратора. То есть не самым маленьким, с точки зрения рядового исполнителя, начальником. И поэтому никогда не общался с подразделением напрямую. Только через непосредственного командира. Или путем спущенных сверху письменных распоряжений. А тут вдруг соизволил лично. Это что-то значило...

— Ты не знаешь, зачем я полковнику? — придержал командир разведгруппы посыльного.

— Конечно, не знаю. Мое дело маленькое — пойти, передать, вернуться, отрапортовать. В общем, чемодан поднести. А что в чемодане, меня не касается.

— Ну тогда рапортуй...

— О чем?

— О том, что командир подразделения "коммандос" Q-17 прибывает через десять минут.

— Почему через десять?

— Потому что мне еще себя в порядок привести надо. Я же не на любовное свидание иду.

— О'кей! Через десять, так через десять...

Вызов в штаб к высокому начальству ничего доброго не сулил. Орден, поощрений и отпусков на родину разведгруппа не ожидала. Значит, подъем по тревоге. Или, как минимум, какие-нибудь "добровольно-принудительные" хозработы.

— Командир группы Q-17 первый лейтенант Вильямс. Сэр!

- Проходи, лейтенант. Рассказывай, как там успехи у твоих парней?
- Успехи соответствующие. Соответствующие планам учебно-тренировочных мероприятий. Сэр!
- А физподготовка? Вы там вроде с физподготовкой маленько недотягивали?
- С физподготовкой все в порядке. В рамках существующих учебных нормативов. Сэр!
- Ну тогда ладно. Тогда тебе мою просьбу будет выполнить не сложно.
- Какая просьба? Сэр!
- Пустяковая. Смотраться в ближайший уик-энд на материк, в один известный мне квадрат, о котором я скажу позже, и кое-что там забрать. То, что наши армейские коллеги по глупости потеряли, а теперь хотят непременно вернуть. Как ты на это смотришь?
- Мне бы хотелось узнать подробности предстоящей операции. Сэр!
- Ну какие подробности? Никаких подробностей. Я же сказал — почти прогулка: погрузиться на вертолеты, пролететь пару часов, сесть, найти пропажу и вернуть ее законному владельцу. Или, если это по каким-то причинам будет невозможно, уничтожить на месте.
- И больше ничего?
- И больше ничего.
- Что вы называете пропажей?
- Кое-какую электронную начинку потерпевшего аварию самолета "Фантом". Пока до нее другие не добрались.
- Вообще-то наш отряд специализирован на другого рода операциях. Мне кажется, здесь достаточно будет выучки рядового пехотного подразделения.
- Ну ты скажешь тоже — рядового.
- Тогда "зеленых беретов". Или морпехов.
- Да знаю я, что не вашей компетенции. Знаю, что вы для другого дела назначены, что по воронам из тяжелых орудий не стреляют. Но только нет у меня сейчас никого подходящего в наличии. Только вы. А дело не ждет.
- И все же мне кажется, что рисковать личным составом специализированного подразделения, предназначенного для ведения долговременных разведопераций на территории условного противника, по меньшей мере не рационально.
- А никакого особого риска нет. Эта территория нам подконтрольна. И настроена дружески. Надо только подлететь, погрузить и вернуться обратно. Работа пяти минут.
- Разрешите задать вопрос? Сэр!
- Валяй.
- Я никак не могу понять, почему для решения подобной простейшей задачи задействуют именно нас?
- Потому что тебя не спросили! Ты, видно, лейтенант, действительно что-то недопонимаешь... И совсем не о том думаешь. Ты бы лучше озаботился тем, как это задание качественней выполнить. Еще вопросы? По существу.
- Следует ли мне поставить в известность о характере операции своего непосредственного начальника?
- Он уже в курсе. Ровно настолько, насколько ему положено быть в курсе.

— В таком случае прошу разрешения задействовать его в разработке оперативных мероприятий...

— А вот этого разрешения я тебе, лейтенант, дать не могу. Эта работа только наша. Твоя и моя. И знать о ней в подробностях положено только тебе и мне. И еще кое-кому там, — ткнул полковник пальцем в потолок. — Оттого и посылают в дело тебя, а не обычных морпехов. Уяснил наконец суть проблемы?

Теперь все встало на свои места. Раз приказ исходил "оттуда", значит подразделение получало достойную работу. Достойную их статуса. А то, что она не из самых опасных и трудоемких, то тем лучше для подразделения.

— Можно еще один вопрос? Сэр!

Полковник согласно кивнул.

— Этот сбитый "Фантом"... за обломками которого нас... это обычный "Фантом"? Или...

— За обломками обычных "Фантомов" посылают сборщиков металлолома. Но я тебе этого не говорил. А ты этого не слышал. Понял, лейтенант?

— Да! Сэр!

— Ну тогда так, командир, собирай свою гвардию, оружие, снаряжение и будь готов к вылету.

— Когда?

— Не позднее послезавтрашнего вечера.

— А время?

— О времени будет сообщено дополнительно...

Остаток дня, вся ночь и весь следующий день прошли в лихорадочных сборах. Разведчики чистили, проверяли и отстреливали оружие, зашивали изодранную на полосе препятствий камуфляжную униформу, получали специальное снаряжение и инструмент, знакомились с топографией места действия... В общем, вели обычную подготовительную работу.

Наконец разведгруппа завершила подготовительные мероприятия и "села на чемоданы", переместившись в специально отведенную для подобных целей "транзитную" казарму и ожидая сигнала.

Спустя полчаса раздался пронзительный зуммер тревоги.

Подразделению Q-17 на выход!

На бетонной полосе аэродрома лениво раскручивали винты три армейские "вертушки".

— Это вы, которые?.. — спросил, ткнув пальцем в подошедших разведчиков, высунувшийся из ближайшей кабины пилот. — Это вас мы должны?.. — показал большим пальцем в небо.

— Мы, — так же жестом ответил командир "коммандос". — Это нас надо...

Пилот снял наушники, отодвинулся от окна пилотской кабины и тут же возник на срезе люка салона.

— Это место нашего нахождения, — ткнул он пальцем в обозначенный на карте аэродром. — Это точка назначения, — ткнул еще раз.

Командир группы согласно кивнул.

— Летим следующим образом, — отчеркнул ногтем на карте широкую дугу пилот. — Или вот так, — опустил дугу ниже и сломал ее в нескольких

местах резкими поворотами, вписанными в рельеф местности, отраженной на листе узнаваемыми топографическими значками. Посмотрел вопросительно. — Ну как?

Командир прикинул предлагаемые маршруты с точки зрения поставленных перед ним задач и выбрал второй. Прямая, конечно, короче, но проходит слишком близко к населенным районам, жители которых могут неправильно истолковать пролет над их территорией военных вертолетов.

— О'кей! — кивнул головой пилот. Снова ткнул в небо, растопырил четыре пальца. — Загружайтесь. Вылет через четыре минуты! — и прошел в кабину.

— Личному составу к погрузке! — жестом приказал командир. Отряд разделился на две равные части и разбежался к вертолетам. Сели по бортам вплотную друг к другу, зажав винтовки между ног.

Пилот еще раз на всякий случай высунулся из кабины в салон.

— Как у вас?

— Все в порядке!

— Тогда взлетаем.

Винты наддали обороты, "вертушки" мелко завибрировали, качнулись и оторвались от бетонной полосы. На вираже в раскрытом люке мелькнул аэродром, далекие казармы, полигон. Вертолет выровнялся и встал на курс.

— Через час двадцать шесть будем на месте, — крикнул показавшийся из кабины пилот.

Глава четвертая

— Ну что, как у вас дела? — спросил командир первой поисковой группы капитан Кудряшов, закончив обход очередного своего участка.

— Дела, как тропическая ночь бела, — зло ответил командир второй поисковой группы капитан Пивоваров. — Ни единой зацепки! Как вымело этот треклятый самолет.

— И у меня примерно так же.

— А как у Далидзе?

— И у Далидзе ни хрена, — ответил появившийся со своей группой Далидзе. — У меня вообще такое впечатление, что нас послали туда — сами не знают куда, искать то — сами не представляют что.

— Вполне может быть. Им лишь бы мы без дела не сидели...

— Ну что, разбегаемся по новой?

— Разбегаемся.

Разведчики встали и тремя группами разошлись в трех направлениях. Чтобы спустя два часа встретиться вновь. Если бы кто-нибудь посторонний мог увидеть со стороны, в чем заключается работа боевых разведчиков в тылу врага, он бы сильно удивился. Но еще более разочаровался. Где героические свершения? Где романтика вооруженной борьбы с превосходящими силами противника? Где — один против всех и обязательно побеждающий тех всех в рукопашном бою? Нет ничего такого. Есть толпа камуфлированных ротозеев, которая бродит туда-сюда, глядя под ноги и по сторонам, что твои подмосковные грибки. Только вместо лукошек у них

автоматы. Вместо грибов — лимонки. А взамен эффектных вскриков: "Вперед! За Родину!" или "Врешь гад, не возьмешь!" — невразумительная и не вполне цензурная брань в адрес вышестоящих начальников.

— Есть?

— Нет.

— А у вас?

— Аналогично.

— Расходимся?

— Расходимся...

Седьмой час поиска.

— Внимание! Лево тридцать пять непонятный блестящий предмет.

— Где?!

— Да вон же...

— Это не предмет. Это грязь. С поблескивающей на солнце водой...

— Право пятьдесят. Стеклянные блики...

— Точно блики! Стеклянные!

— Мать честная! Мужики! Да мы, кажется, нашли залежи ценных полезных ископаемых! Которые можно открытым способом. Это же на миллионы долларов! Даже если одной только лопатой!

— Капитан Смирнов! Не отвлекайтесь по пустякам. Нас не за ископаемыми послали...

— Лево сто. Срубленные вершины деревьев.

Это уже похоже! Это уже гораздо ближе к истине. Косая линия среза под малым углом уходила к земле. Все это очень напоминало картину вынужденной посадки воздушного судна.

— Обломок металла белого цвета!

— Да вижу.

— Еще обломок.

— Самолет!

"Фантом" лежал на небольшой поляне, уткнувшись смятым и разорванным носом в стволы двух приросших вплотную друг к другу деревьев. Вокруг густо валялись мелкие обломки.

Вот он, долгожданный!

— Первой группе работать самолет. Второй — искать и демонтировать ракеты. Третьей и четвертой занять круговую оборону.

— Есть!

Бойцы охранения выдвинулись на направлениях предполагаемой угрозы, оседлали ближние высотки, закрепились, наскоро окопавшись во влажной почве джунглей, замаскировали импровизированные окопчики ветками и листвой. Корректировщик-наблюдатель вскарабкался на верхние ветки отдельно стоящего дерева. Занавесил свой наблюдательный пункт камуфлированного цвета сеткой. Поднес к глазам бинокль.

— Охранение на исходных!

— Поискowym группам работать.

В потерпевший аварию самолет нельзя было войти, в него надо было пробираться, как в подвал обрушившегося в результате десятибалльного землетрясения дома. Разведчики вытащили штык-ножи и стали пробираться в кабину. Они отодвигали, отрывали, отрезали куски дюрала, отги-

бали торчащие во все стороны трубы и профили. Наконец добрались до кабины. На ее полу, размазавшись по приборной доске лицом, лежал полуразложившийся труп пилота, объединенный неизвестной тропической живностью.

— Мать твою! Как же мы достанем прибор? Если он... — поморщился Далидзе, инстинктивно прикрывая нос ладонью.

— Так и достанете. Молча. И ручками, — сказал командир разведотряда, наблюдавший за работой своих бойцов сквозь разбитый фонарь кабины. — Человек не грязь. Как-нибудь перетерпите.

Напоминающее кисель тело пилота сдвинули в сторону, чтобы открыть доступ к прибору.

— Ну что, я пошел? — без особой охоты предложил Кудряшов. Открывать прибор было предназначено ему.

— Давай, — сочувственно вздохнул Далидзе.

— Придержи этого...

Кудряшов встал на колени и, стараясь не задевать труп, полез руками в потроха кабины.

— Ну что? Нашел?

— Нашел.

— Целый?

— Черт знает. Это же не стеклянная бутылка, чтобы по состоянию корпуса судить о ее целостности. Давай скорее ключи.

— Зачем скорее?

— Затем, что я не хочу задерживаться здесь ни на одну лишнюю секунду.

Резо раскрыл матерчатую сумку с инструментами...

— Через пять минут будем на месте, — предупредил, высунув из-за перегородки кабины растопыренную пятерню, пилот вертолета. — У вас все в порядке?

— В полном, — кивнул командир "коммандос" и взглянул на циферблат часов. Вертолетчики выдерживали график полета с точностью до секунд.

"Вертушки" пошли на снижение.

— Приготовиться к высадке!

Разведчики зашевелились на скамьях, стали проверять оружие, подтягивать амуницию и ремешки на касках. Затем привстали и выстроились вдоль бортов.

Командир, удерживаясь за внутренние поручни и высунув голову за срез люка, отсматривал пролетающие внизу джунгли.

Теперь очень важно было не пропустить место аварии, которое было уже очень близко.

— Можно медленнее? — попросил командир "коммандос".

— О'кей! — показал пилот вертолета.

— Слышишь? — настороженно поднял палец один из капитанов, стоящих в охранении.

— Нет. А что такое? Что случилось?

— Стрекот. Какой-то странный стрекот. Вон с той стороны. Как будто приближаются вертолеты.

— Вертолеты?! Какие вертолеты?

— Тихо! — крикнул капитан и, напряженно замерев, прислушался.

Теперь гул приблизился, стал гораздо слышнее и гораздо узнаваемей. Теперь он был услышан и узнан всеми. Это работали толкаемые микровзрывами горючего поршни двигателей внутреннего сгорания. Это рубили воздух разбросанные на многие метры в стороны несущие винты. Винты вертолетов. Это были "вертушки"!

— "Вертушки"!

— Мать честная! Откуда они здесь?!

— От верблюда...

Бойцы охранения оторвали дула автоматов от ближней растительности и задрали их в небо. Похоже, опасность пришла совсем не с той стороны, откуда ожидалось.

— Вертолеты! — крикнул командир разведчиков, бухнув кулаком в разбитый борт кабины "Фантома". — Быстро всем на выход!

— Но нам осталось совсем чуть-чуть. Всего два болта...

— Всем на выход! На выход, я сказал! Тридцать секунд!..

Капитаны, бросив недоделанную работу, спотыкаясь и цепляясь одеждой за случайные железки, рванулись из обломков самолета наружу.

— Личному составу в укрытие! Быстро! — скомандовал в полный голос командир. — Слушать всем! Полная маскировка!

Бойцы отскочили под кроны ближайших деревьев, залегли в случайные ямки, нырнули под вылезшие из земли корни деревьев, накрылись сверху сорванными пальмовыми листьями и ветками, мазанули по лицам и рукам зачерпнутой в ладонь грязью, чтобы не отсвечивать светлой кожей. И замерли. Как неодушевленные предметы.

Есть полная маскировка! Вертолеты вынырнули из-за верхушек деревьев, оглушив окрестности мощным ревом работающих двигателей. Четырнадцать пар невидимых глаз вцепились взглядами в их борта. Звезды! Белые, пятиконечные, в круге — звезды армии USA.

Вертолеты, пригибая кроны деревьев потоками падающего от несущих винтов воздуха, пронеслись мимо. Наступила оглушительная тишина. Рев моторов ушел, а перепуганная громкими небесными звуками местная фауна еще молчала.

— Что? Улетели, что ли?

— Да вроде улетели...

— Слава Богу! А то я уж думал...

— Нет, на этот раз пронесло!..

Зашевелились, заговорили разведчики в своих убежищах.

— Всем тихо! Всем оставаться на местах! Еще четверть часа! — приказал командир отряда. — Если кого-нибудь увижу или услышу... Пеняйте на себя.

Разведчики замерли.

Еще пятнадцать минут они должны были изображать мертвых. Четырнадцать.

Тринадцать. Двенадцать...

— Стой! — закричал командир "коммандос", но тут же понял, что его не услышат, и забарабанил кулаком в переборку кабины.

Несколько секунд назад он что-то такое заметил. Несколько секунд назад под фюзеляжем вертолета мелькнул чем-то отличный от прочих пейзаж. Чем? Обломков самолета там не было. Вообще ничего похожего на обломки не было. Тогда что привлекло его внимание?

Что?! Вид деревьев! Чуть в стороне от трассы полета. Вот что!

Деревья в том месте, где они только что пролетели, не имели пышной кроны. Не имели вершин! Они были словно подстрижены. Чем подстрижены? Вполне вероятно, плоскостью падающего к земле самолета. Почти наверняка плоскостью!

— Сто-о-й!

— Что? — высунулся из кабины пилот. — Что случилось?

— Тормози!

— Что?!

— Верти обратно!! — бешено закрутил в воздухе пальцами командир.

— Понял! — кивнул пилот и скрылся в кабине.

Вертолет заложил крутой вираж и развернулся на сто восемьдесят градусов. Его маневр с абсолютной точностью повторили две другие машины. Вертолетчики знали свое дело. Звено "вертушек" встало на обратный курс.

— Передай — самый малый ход! — крикнул командир, высовываясь на половину в проем люка.

— Самый малый ход...

— Самый малый ход! — продублировали его команду разведчики, образовавшие живую связь с пилотом.

— Теперь левее двадцать!

— Двадцать градусов левее...

— Пусть добавит еще десять!

— Еще десять!

— Теперь так держать!

— Так держать!

Вертолеты медленно и неуклонно возвращались к месту, которое несколько минут назад так лихо проскочили.

— Теперь пусть помотается из стороны в сторону.

— Помотаться из стороны в сторону.

— Помотаться...

— Как так помотается? — удивленно приподнял брови пилот.

Головной вертолет резко забрал вправо, потом, достигнув определенной точки, крутым виражом ушел влево. И снова вправо. И снова влево, прочесывая окружающую местность.

— Стоп! Вижу!

— Стоп...

— Стоп!

Вот они, деревья с покалеченными вершинами! Именно здесь на бреющем полете свергся с небес самолет. Вот его визитка. Сомнений быть не может!

— Все! Садимся! Пусть выбирает площадку.

— Садимся...

— Садимся так садимся...

— Приготовиться к десантированию!

Головной вертолет снизился и завис в нескольких футах над площадкой.

— Первый пошел! Второй пошел! Третий пошел...

Бойцы охранения один за другим попрыгали на землю.

Быстро отбежали в стороны, упали на животы, отползли за препятствия, занимая круговую оборону. И лишь потом осмотрелись.

Все было тихо.

— Нормально, — показали разведчики. Прикрывая друг друга, расползлись в стороны, осмотрели ближние кусты. — И здесь все в порядке.

— Садимся, — ткнул большой палец вниз командир.

— О'кей! — согласно кивнул пилот. Вертолет коснулся "лыжами" грунта.

— Моторы глушить?

— Пока не надо. Вдруг мы ошиблись.

Командир "коммандос" и еще несколько бойцов, взяв оружие на изготовку, двинулись в сторону, куда указывала кривая падения самолета, вычерченная им на верхушках деревьев.

Долго искать не пришлось.

— Вон он лежит, — сказал один из бойцов.

— Передайте второму, что можно садиться.

— Второму посадка! — показал сигнальщик.

Второй вертолет снизился и совершил посадку в нескольких десятках метров от первого. Третья машина осталась в воздухе баражировать ближние окрестности и обеспечивать огневое прикрытие.

— Быстрее, быстрее, быстрее! — торопил своих подчиненных командир. — Лейтенант Браун, лейтенант Смит.

— Я! Сэр!

— Демонтируете приборную доску в кабине.

— Есть! Сэр!

— Лейтенант Джонстон, лейтенант... лейтенант... осматриваете окрестности с целью поиска ракет и прочего вооружения.

— Есть! Сэр!

— Лейтенант Доутсон, эвакуируете останки летчиков...

Мертвых пилотов аккуратно вынесли наружу, уложили в специальные пластиковые мешки на молнии, застегнули и понесли к вертолетам.

И лишь после этого приступили к демонтажу интересующих их приборов. Недействующие в данном виде работ бойцы обкладывали обломки самолета толовыми шашками.

Через пятнадцать минут они должны были закончить свою работу...

— В чем дело? Почему вы прекратили работу? — спросил командир "коммандос".

— Дело в том, что один из приборов, который я должен был снимать, уже частично демонтирован.

— Как так?

— Так! Сэр!

— Вы ничего не путаете, лейтенант? Может, его просто сорвало в момент удара самолета о землю? А вам показалось...

— Нет, сэр, это исключено. Прибор не сорван, прибор частично демонтирован.

— Почему вы так решили?

— Из восьми гаек, с помощью которых он крепится к фюзеляжу, шесть были откручены!

— Может быть, они сами...

— Гайки зафиксированы с помощью гроверных шайб. Они не могли раскрутиться сами. Тем более одновременно шесть штук. Они были откручены.

— Ну-ка, пойдем посмотрим на месте...

На месте командир "коммандос" увидел то же, что его предшественник. Две гайки вместо положенных восьми.

— Может быть, вы сами...

— Нет, сэр! Я не успел открутить ни одной гайки.

Командир опустил ся на колени и внимательно осмотрел болты. Они выглядели как новые, словно только что из-под резца токарного станка. Он ощупал их рукой и посмотрел на пальцы. На коже остались мелкие крупинки сора. На старых болтах, которые никто не трогает, грязь намертво пристаёт к металлу и рук не пачкает.

Командир выпрямился и внимательно оглядел кабину.

— Что мне делать, сэр?

— То, что было приказано, — демонтировать приборы. Только теперь гораздо быстрее, чем раньше.

Командир вышел из кабины и очень тщательно осмотрел останки самолета. Особенно места, где была повреждена обшивка. Он не пропустил ни одной трещинки, ни одного разрыва и очень скоро нашел то, что искал. Кусок искусственно взрезанной обшивки. Естественным образом металл так не рвется. Он лопается как бумага — ровно или большими неровными зубцами. Этот металл не рвался, этот металл пилился или рубился. По всей видимости, большим ножом.

Командир внимательно осмотрел места пропилов, ощупал зазубрины. Они были чисты. На них даже не успела осесть пыль. А это значит...

Это значит, что неизвестные были здесь не далее, чем несколько дней назад. Может быть, даже вчера.

Командир разведчиков приложился щекой к прикладу, выцелив главного "коммандос". На эту цель вторую пулю жалеть было грех. Командиры в бою должны умирать первыми. Чтобы не успеть организовать отпор. Чтобы не воодушевить своих бойцов на контратаку.

Главный американец стоял рядом с двумя бойцами и о чем-то спокойно разговаривал с ними. Он не догадывался, что жить ему осталось одиннадцать секунд.

Десять.

Девять.

Восемь...

Командир "коммандос" зябко повел плечами. Что-то ему вдруг стало зябко в этой влажной, тропической, безумной жаре. Так, что мурашки по коже побежали.

Что-то ему стало неудобно.

Семь.

Шесть.

Пять...

Что произошло в последние минуты?

Вначале вскрик птицы. Потом еще один. И еще несколько.

Словно перепуганная стая птиц отозвалась своему вожаку. Стая... Стая! Вот оно! Птицы, которые только что кричали, не летают стаями! Только в одиночку. На первый крик не должны были ответить другие. Тот крик должен был быть единственным! Вот что прослушали уши, но заметила интуиция. Если, конечно, только это...

Нет, не только! Еще расположение криков. То, откуда они звучали! Они звучали с трех сторон, справа, слева и с фронта. Они охватывали место действия широким полукругом, нависали с флангов. Они занимали крайне выгодную позицию.

Четыре.

Три...

Командир разведчиков мягко обхватил пальцем курок автомата и потянул его на себя. От этой мягкости зависела результативность выстрела. Дергать курок резко — значило рисковать результатом стрельбы. Жмут курки во всю силу пальцев только новобранцы. Или психически неуравновешенные люди. Или трусы, для которых быстрота выстрела важнее его результата. Опытные бойцы обходятся со спусковым крючком, как мать с новорожденным младенцем. Очень нежно и ласково...

Два...

Командир американских "коммандос" действовал инстинктивно. На уровне условных рефлексов.

Он мгновенно вскинул винтовку и от бедра, не целясь, всадил одну длинную очередь в зеленую стену джунглей. Примерно на уровне полуметра от земли. Примерно на том уровне, на каком должны были располагаться головы невидимых ему стрелков.

Он выпустил одну, до опустошения магазина, длинную очередь, но прицельно — только первых несколько выстрелов, потому что был убит встречной пулей, попавшей в переносицу.

Остаток магазина он выпалил в "молоко". Вернее не он, а уже бездыханный, с разбитым черепом труп, который все же не отпустил курка винтовки.

Командир ни в кого не попал, но выполнил свою задачу. Он выстрелил за мгновение до начала атаки противника. И тем спас свое подразделение от тотального уничтожения.

Услышав выстрел, заранее предупрежденные об опасности "коммандос" упали, откатились в свои укрытия и мгновенно открыли стрельбу в направлении, указанном командиром.

Погибли только одиннадцать бойцов. Первыми и мгновенно — пилоты и бортстрелки вертолетов. Чуть с опозданием, успев сделать по несколько ответных выстрелов, — "коммандос", не нашедшие надежных убежищ.

Другая сторона потерь не понесла. Но должна была понести непременно. Потому что фактор внезапности был не использован и тактическое преимущество утрачено.

— Гаси правый фланг! Правый фланг! Мать твою! — орал, уже не скрываясь, командир российских разведчиков.

Несколько автоматов, сконцентрировав огневую мощь в одном направлении, задавили удачно окопавшегося автоматчика.

Минус еще один "командос". Теперь надо было действовать очень быстро. Пока противник не очухался и не предпринял активных встречных действий. Теперь счет шел на секунды.

— Семенов! Давай перебежками на левый фланг. И обойди их с тылу! — громко приказал командир.

— Ты что кричишь? — попытался одернуть его "замок".

— Один хрен, они русский не знают. Да и ничего не расслышат за такой стрельбой. Ты меня понял? Семенов!

— Понял!

— Ну тогда действуй!

Семенов покинул свое убежище и, прячась за препятствиями, стал смещаться влево. Но далеко не ушел. Упал, получив три пули в голову и грудь. Три пули из трех разных винтовок. Он, равно как и его командир, не знал, что их нынешний противник изучал русский язык. Особенно в той его части, которая касается ведения боевых действий.

Над джунглями, над самыми вершинами деревьев, завис вертолет.

— Все, — сказал командир. — Сейчас он будет крутить из нас фарш. Своей крупнокалиберной мясорубкой.

Вертолет несколько раз качнулся на месте, пытаясь разобраться в перипетиях боя, рассмотреть, где свои, где чужие. Сверху это особого труда не представляло. Свои лежали распластанными на земле за случайными стволами и камнями. Чужих видно не было, но было видно, откуда они стреляют.

Вертолет развернулся, выбирая наиболее удобные высоту и положение, и завис. Пулеметчик завалил дуло своей "машинки" вниз и, не целясь, нажал гашетку. Он стрелял не куда-то конкретно, он стрелял по площадям. По тем, где предположительно мог быть враг. Патроны он не экономил. Патронов у него было вдосталь. Пули толщиной в три пальца впились в землю, в стволы деревьев, перерубая некоторые пополам.

— Работать вертолет! Всем работать вертолет! — кричал командир.

Его никто не слышал. Но все и так понимали, куда надо стрелять, откуда исходит наибольшая опасность.

Полтора десятка стволов замолотили по вертолету. Эта была стрельба не столько на поражение, сколько на испуг. На испытание нервов. Пулеметчик не выдержал первым. Наверное, еще потому, что не видел отвечающего ему на выстрелы противника. Вертолет плавно сдвинулся в сторону, исчезнув за кронами деревьев.

— Сейчас он вернется, и они возьмут нас в клещи. С воздуха и с земли... — предположил заместитель командира.

— Что делать будем?

— Атаковать!

— Кого?

— Тех, что на земле. Если мы сойдемся с ними вплотную, он не сможет стрелять, не рискуя зацепить своих. Надо сближаться. Это единственное спасение.

— Рукопашная?

— Рукопашная!

— В лоб?

— В лоб! На обходные маневры у нас времени нет!

Другого выхода действительно не было.

— Примкнуть штыки! Приготовиться к атаке!

— Гранаты к бою! На счет три...

Разведчики вытащили, выдернули чеки и разом бросили гранаты. Десяток одновременных взрывов закрыл наступающих дымом, пылью и комыями земли от взглядов противника. Мгновенным рывком разведчики пробежали опасную зону. Двое из них ткнулись головами в землю.

— Справа двое!

Автоматная очередь в упор...

— Вон он!..

— Берегись!..

— Саша! Сзади!..

Взрыв гранаты. Еще один. Выстрелы. Крики и проклятья на двух языках.

— А, сволочь!..

Теперь на "кулачки"! Вплотную, как в подростковой, стенка на стенку, драке. Чтобы рукой до горла достать можно было. Чтобы никаких там пистолетов и тому подобной уравнивающей силы техники. Без единого выстрела, одинаково опасного в такой толкучке и для своих, и для чужих.

Теперь у кого первого не выдержит психика.

— На, получай...

Блеск штык-ножа, крик, стекающая с лезвия кровь... И встречный блеск... Лязг наткнувшейся друг на друга стали...

Крики, возня, пыхтение, угрозы, падения. Драка уже мало напоминала бой... Просто драка, без приемчиков и правил.

И снова рев моторов зависшего над полем боя вертолета, раздрающие одежду потоки ураганного ветра сверху и равномерный, басовый стук крупнокалиберного пулемета.

— Он что, с ума сошел? Здесь же свои! — возмущенные голоса по-английски.

— Ребята, не отрывайся от них! Он своих мочить не будет! — крики по-русски.

Фонтанчики земли, выбитые крупнокалиберными чушками пулеметных пуль. Совсем рядом. Буквально в двух шагах. И одновременное падение и откат всех — и американцев, и русских — под защиту крон деревьев. И напряженные взгляды вверх.

— Он что у вас, псих, что ли?

— Didn't catch...

— Сам ты гад! — И тут же противника руками за грудки и, с силой подтянув к себе, головой в лицо. — Получи! За свое превосходство в воздухе! И за то, что ваши пилоты такие олухи!

Нет, слабы все-таки американцы в драке. Нет у них уличной закалки...
Культурная нация. Привыкли разрешать все споры с помощью адвоката.

— А как насчет "крюка" правой в левую скулу? Не очень? А в правую? Тоже не нравится? А "прямым" по нюхалке?..

— Миша, Миша, отойди в сторону! Я его из автомата!

— Да пошел ты со своим автоматом... Я его и так уделаю! Одними руками...

Посредине свалки, удерживая на вытянутых руках по гирлянде гранат, встал капитан Пивоваров. И зубами выдернул предохранительную чеку у той, что была зажата в правой руке, а потом у той, что в левой.

— Кто двинется хоть на шаг, отпускаю. Вы меня знаете! Блин!..

Откуда, интересно, американцы могли узнать о дурных наклонностях сибирского паренька Вани Пивоварова?

— Вань, а мы-то как? — попытались урезонить его опасливо замершие сослуживцы.

— И вы — на хрен! Достали все! — сказал Пивоваров и утер кулаком с зажатой в нем гранатой окровавленный лоб.

— Ну-у!

О'кей! — согласились американцы и отбросили в сторону ножи.

— Руки за голову!

Американцы подняли руки и сцепили пальцы на затылках в замок. В наступившей тишине стал отчетливо слышен рев моторов вновь приближающегося вертолета.

— У него что, горючки не меряно? — спросил кто-то.

— И патронов тоже...

— Далидзе! Федоров! Кузнецов!

— Я!

— Бегом к пулемету и отгоните этого... — кивнул в небо командир.

— Есть!

— Всем остальным собрать раненых, убитых и оружие.

— А что с этими делать? — кивнул на сбившихся в кучу пленных американцев Пивоваров.

— Вот эти пусть и собирают. Если попытаются бежать — стреляй на месте.

Далидзе, Федоров и Кузнецов, стараясь избегать открытых мест, пробежали несколько десятков метров до пулемета. Быстро заправили ленты, передернули затворы.

— А если он верхом пойдет? Мы же не сможем ствол так высоко задрать.

— Не пойдет. Ему рассмотреть надо, что внизу творится. Прежде чем стрелять...

Стали ждать.

— Вон он!

— Где?

— Сейчас увидишь.

Из-за дальних деревьев вынырнул вертолет. И сразу же навстречу ему застучали пулеметные очереди. Пули взрывали землю, шлепали по металлу, разбивали стекла в кабинах.

— Если попадет в бак, то...

— Не каркай! Ворона!

Дуэль длилась недолго. Какой-нибудь десяток секунд.

Вертолет отклонился в сторону, набрал высоту и лег на обратный курс.

— Уйдет, гад!

— Не уйдет! — кричал Кузнецов, выпуская вслед удаляющемуся вертолету бесконечную очередь. — Не может такого быть, чтобы ушел! Не должно...

Но вертолет ушел. Целым и невредимым. А может быть, и не целым. Но все равно ушел.

Ушел!

Глава пятая

Раненых положили на импровизированные носилки. Чтобы они не кричали, вкололи по шприцу-тюбику промедола.

— Сколько у нас времени?

— Часа четыре-пять. Как минимум. Полтора — лету туда, объяснение на месте с начальством, получение вышестоящего "добро" на преследование, сбор поисковой группы, согласование плана операции, полтора часа обратно. Это если все гладко пойдет.

— Ты думаешь, у них так же, как у нас?

— У всех одинаково. Все отлично стреляют на стрельбище и безукоризненно проводят плано-показательные операции на знакомых, как собственная ладонь, полигонах. А чуть доходит дело до внеплановых авралов, то сразу или горючки нет, или боеприпасов не завезли, или тот командир, что нужен, в стельку пьян, или подразделение, которым он должен командовать, в полном составе ушло в самоход.

Так что имею основания предполагать, что для организации погони им понадобится не четыре-пять, а минимум десять-двенадцать часов. Если говорить не о взводе пехоты и двух-трех подвернувшихся под горячую руку вертолетах, а о масштабной поисковой операции.

— Десять, это даже много...

— Десять — в самый раз!

— Тогда поступим следующим образом, — сказал командир, раскладывая на планшете карту. — Группа из трех бойцов совершает суточный марш-бросок вот в этом направлении, обеспечивая своим фальш-отходом прикрытые основной колонне. Достигнув точки поворота, где-то вот здесь, они изменяют линию маршрута на сто восемьдесят градусов, возвращаются по своим следам назад километров на десять-пятнадцать, затем отрываются и двигаются вот сюда, где соединяются с сидящим в засаде дозором. Дозор убеждается, что группа отвлечения не притащила за собой хвост, и ведет их к нам. Через тридцать пять — тридцать шесть часов мы снова будем вместе и направимся к точке эвакуации.

— А если встреча не состоится?

— Основная маршрутная группа выжидает дополнительный час, после чего выходит к точке эвакуации самостоятельно. Туда же должны прибыть опоздавшие.

— А если фальш-группа по каким-то причинам не сможет оторваться от преследования?

— В случае, если группа прикрытия не сможет оторваться от противника, она уводит его вот в этот район, мотает, сколько возможно, в конце концов обрубаёт хвосты и далее пытается выбираться самостоятельно, согласно схеме аварийной эвакуации. При полной невозможности отрыва от противника, равно как при прямом контакте с ним, группа самоликвидируется. В полном составе.

— Кого ты хочешь назначить командиром группы?

— ... Тебя.

— Чтобы быть уверенным в самоликвидации?

— Чтобы быть уверенным...

— Ладно, добро, — согласился "замок". — Кто остается вместо меня?

— Капитан Кудряшов.

— Не самый сладкий сахар, но сойдет. Кто пойдет со мной?

— Добровольцы.

— Не верю, что после такого... будет, из кого выбирать...

Девять разведчиков, по привычке разобравшись по росту, встали в ряд. Плечо к плечу.

— Раненым выйти из строя.

— Почему?

— Потому что нужны полноценные бойцы, а не калеки.

— Но...

— Разговорчики! Раненым выйти из строя!

Два бойца шагнули в сторону.

— Сомкнуться!

Бойцы сдвинулись, закрыв зияющие в строю пустоты.

— Дело обстоит следующим образом, — сказал командир. — Группе во главе с моим заместителем, капитаном Сибирцевым, предстоит обеспечивать отход основной колонны. То есть, если называть все своими именами, отвлекать силы противника на себя. Возможно, принимать бой... В случае такого боя, в случае неопределенного исхода такого боя... В общем, я отдал приказ о самоликвидации группы. Понятно?

— Так точно.

— В группу войдут только добровольцы. Но прежде подумайте, не станете ли вы в той группе обузой. Хватит ли у вас мужества умереть? И хватит ли физических сил справиться с поставленной задачей? За остаток сегодняшних и неполные завтрашние сутки надо будет преодолеть более сотни километров. В полной боевой выкладке.

Тот, кто способен умереть, но не способен выдержать таких нагрузок, лишь повредит делу. Оцените здраво свои силы. И свое мужество...

Добровольцам... два шага вперед!

Из строя вышли три бойца. Только три...

— Капитан Кудряшов. Вернитесь в строй.

— Почему?

— Потому что приказы не обсуждаются! Остальным — "кругом" и "шагом марш"!

Колонна втягивалась в джунгли. Медленно и очень осторожно. Ступая

шаг в шаг. Стараясь не задеть ни одной ветки, не потревожить ни одного листика, не сдвинуть ни одного камешка, не примять ни одной лишней травинки.

Американцы шли с перевязанными за спиной руками, с чужими плотно набитыми вещмешками и прочим полезным грузом, навьюченным на их спины. Шли как все — шаг в шаг. За каждой парой американцев следовал российский разведчик, зорко наблюдая за тем, как они идут, как ступают, как уклоняются от встретившихся на пути веток.

Последним шел командир, придирчиво осматривая пройденный его рядом путь. Он выпрямлял согнутые ветки, поднимал смятые травинки, укладывал на место сдвинутые подошвами обуви камешки.

— Пивоваров!

— Я!

— Снимай ботинки.

— Зачем?!

— Затем, что у тебя каблуки, как у черта копыта! И еще на правой подковке гвоздь вылез. И работает, что твой дырокол! Я замучился оставленные тобой отверстия зашпаклевывать.

— Так мне что, босиком идти?

— Нет, босиком тоже нельзя. Лучше в толстых носках.

— У меня нет толстых.

— Есть у кого-нибудь шерстяные носки?

— Есть!

— Тогда дайте ему... И вперед...

Командир прятал следы. Прятал профессионально, так как умеют это делать вышедшие на охоту звери и уходящие от преследования разведчики.

Совсем по-другому уходила группа прикрытия.

— Ты как ступаешь? — грозно спрашивал капитан Сибирцев.

— Нормально ступаю. Подошвой над самой землей.

— Зачем над самой землей?

— Чтобы не повредить травостой. Чтобы не оставлять следов...

— А надо как?

— Наоборот. Чтобы оставлять.

— Вот именно! Мы же группа прикрытия, которой назначено отвлечь на себя внимание противника. А как он на нас отвлечется, если пропустит наши следы? Повторите проход от исходной точки. Только не переусердствуйте! И быстрее, быстрее, мы уже опаздываем.

— Есть!

На этот раз боец шел, как предписывалось последним приказом: сминая траву, обрывая листья и надламывая встретившиеся на пути ветки. Не все. Только те, что препятствовали движению.

Следом за ним шагал другой боец, усердно вминая подошвы обуви в грунт. Но тоже не на каждом шагу. Лишь в местах, где на почве могли отпечататься следы. Не его следы. Рифленные, с хорошо узнаваемым узором, следы американских ботинок. Тех, в которые были обуты "командос".

"Замок", проходящий последним, принимал работу, что-то поправлял, что-то добавлял от себя. Группа прикрытия стремительно удалялась от места недавнего боя. Уходила от взорванных "Фантома" и вертолетов, от трупов погибших. Уходила в глубь материка, в противоположную от маршрута движения основной группы сторону. И уводила за собой возможную погоню.

Надломленная ветка...

Разорванный стебель травинки...

Сбитые с куста листья...

Отодвинутый в сторону камешек... Случайный отпечаток подошвы ботинка на непокрытом растительностью участке грунта. Хорошо читаемый отпечаток американского ботинка...

— Не нравится мне эта дорога. Активно не нравится, — шепотом сказал "замок".

— Чем не нравится, товарищ капитан?

— Всем не нравится. Но более всего тишиной. По дороге должен ездить транспорт. Ходить люди. И домашний скот. На то она и дорога. А эта — мертвая, как заброшенное кладбище ночью. Не бывают такими дороги...

Второй час группа прикрытия "пасла" встретившуюся им на пути дорогу. Обыкновенную дорогу — грунтовую, в две колеи. Перескакивать ее с ходу капитан не стал. Поостерегся. В другом месте, возможно, и решился бы. Но не здесь. Здесь — мешала топография. Разведчики находились на седловине небольшой каменистой гряды, обе стороны которой подпирали топяные болота. В случае неудачи уходить можно было только в две стороны — вперед или назад, что лишало группу необходимого ей маневра. Не любят разведчики местности, где нельзя убежать "на все четыре стороны". Неуютно они там себя чувствуют, как в мышеловке с захлопнувшейся дверцей.

Такие препятствия допустимо пересекать только ночью, в абсолютной темноте. Если по уму... Но до ночи было еще очень и очень далеко. Еще почти десять часов. А счетчик времени щелкал. А счетчик километров стоял...

— Вот что, ребятки, вы пока тут посидите, а я на эту тропку поближе взгляну, — сказал капитан Сибирцев. — Если что, вы меня прикройте. Не вернусь через полтора часа — уходите обратно.

Капитан ужом выполз из убежища и пополз к дороге, стараясь со всех сторон прикрываться кустами. Через каждые несколько метров он замирал и прислушивался. И присматривался. И даже принюхивался. Пытаясь обнаружить признаки присутствия врага. Но все выглядело, как обычно. И звучало, как обычно. И пахло, как всегда.

Капитан не стал выходить на дорогу. Он остановился в нескольких метрах от нее, забравшись внутрь каких-то кустов и обложившись вокруг гигантскими тропическими листьями. Он вытащил бинокль и самым внимательным образом осмотрел дорогу в двух направлениях.

Он обращал внимание на все: на сорванные с веток, нависающих над колеями, листки, на обломанные сучья, разбросанные камни, подсохшие лужи, пыль на придорожных кустах... Он изучил каждую выбоину, каждую ямку, каждый отпечаток протекторов колес. И пришел к выводу, что по этой дороге уже много часов никто не ездил и не ходил. Пыль слежалась,

оборванные листья пожухли, брызги подсохли, кое-где по обочинам колеи полезла молодая поросль травы...

Вывод вроде бы благоприятствующий выполнению задания, потому что дороги с интенсивным движением, в отличие от этой, замершей, пересекать крайне опасно. И одновременно рождающий тревогу. Отчего это вдруг дорога опустела, если до того по ней в немалых количествах передвигалась самоходная техника? В подавляющем большинстве колесная, но в том числе и гусеничная. Куда она подевалась?

Сильных дождей, способных затопить колею и по той причине прервать движение, в последнее время не наблюдалось. Землетрясений — тоже. Выходит, где-то просто перекрыли дорогу. Шлагбаумом. А зачем перекрыли?

И еще настораживало отсутствие в колеях остатков помета домашних животных. Ни вьючные мулы, ни ослы, запряженные в повозки, по этой дороге не ходили. По меньшей мере, две недели. Получается, что эта дорога имеет военное назначение? Или далеко отстоит от гражданских селений?

И отчего так густо усыпаны пылью ближние кусты, если машины здесь не ходят...

Сплошные неясности! А то, что неясно, — потенциально опасно. Иногда даже более опасно, чем явная угроза. Лучше было бы эту дорогу пересекать ночью.

Но время, время! Время диктовало иные решения. Высидев здесь десять часов, можно было не успеть к контрольному сроку...

Капитан вернулся к своим бойцам.

— Ну что?

— Ничего хорошего! Но и ничего явно плохого... В общем, так. Лишних часов на ожидание у нас нет. Того и гляди, погоня поджарит пятки. Перекидываться будем днем. Прямо сейчас.

— Ты, капитан, пойдешь первым. Мы прикроем. Дорогу переходи рывком, на одном дыхании. Приказ ясен?

— Ясен.

— Ну, тогда действуй. Капитан...

Разведчик отполз к дороге. На секунду задержался, чтобы поправить оружие, потом вскочил, пересек обочину и сделал шаг к середине дороги...

Всего один шаг.

Второй он сделать не успел. Потому что перестал жить.

Сильный взрыв выворотил у него землю из-под ног, подбросил вверх, развернул в воздухе и уронил к дальней обочине.

— Мать вашу!!! — выругался "замок". — Суки косоглазые!

Так вот почему по дороге никто не ездил! Потому что по минам много не наездишь! Вот почему близкие кусты были припорошены толстым слоем пыли. От взрывов мин, на которые напарывались переходящие дорогу дикие животные!

— Сашка!

Второй боец рванулся из убежища на помощь раненому товарищу.

— Назад! — крикнул капитан. — Назад!!! — схватил и резко дернул вскочившего бойца за ногу, больно уронив на землю. Навалился, прижал сверху. — Ты что делаешь!?

- Но там же... Там...
— Что там?
— Там... Он...
— Там уже никого нет! Только мины.
— Но он же жив!

Подорвавшийся разведчик действительно был жив. Он молча корчился на обочине, пытаясь дотянуться до разбитых осколками ног. Которых уже не было. Ступни, обутые в разорванные в клочья башмаки, лежали в другом месте.

— Он все равно не жилец, — жестко сказал капитан. — Ему оторвало ноги. Он умрет через несколько минут.

— Мы бросим его?

— Нет! Мы не можем оставить его. Мы должны убрать его останки и собрать его оружие. Но мы не должны повторить его глупость. Мы должны вначале найти мины... А это долго. Он не дождетя. Он умрет раньше. Пошли. — Капитан встал, шагнул вперед и тут же остановился. — Черт!

— Что случилось?

— Слышишь?

— Нет, не слышу...

— Мотор! Мотор на тропе!

Где-то далеко по дороге шла машина. Шла по заминированной колее! Не боясь подорваться!

— Всё, боец. Похоже, мы сели в дерьмо! По самые уши! И похоже, нам оттуда не выбраться!

— Что произошло?

— Произошло то, хуже чего не бывает! Даже в кошмарном сне!

— Но что? Что обозначает этот мотор?!

— То, что заминирован только этот участок дороги. Один только этот! Который мы не могли миновать! И который мы не миновали! Они не преследовали нас! Знаешь, почему они не преследовали нас? Потому что знали, что этот перешеек мы не минуем. Они не утруждали ног. Они нас просто ждали.

Капитан лихорадочно расправлял на коленях карту.

— Здесь находимся мы. Здесь болото. И здесь болото. С берегами в форме воронки, упирающейся в дорогу. Единственный проходимый участок — седловина гряды. По которой мы сюда и пришли. Сзади они наверняка поставили несколько засад, которые среагируют на взрыв немедленной облавой. А по дороге пустят бэ-эм-пешки, мотор которых мы наверняка и услышали.

Мышеловка захлопнулась — пожалуйста забирать улов. Всё, боец! Приплыли! Сзади облава, спереди мины, с боков топи. А крылья нам по штатному расписанию не положены!

— Неужели нет никакого выхода?

— Один. Через дорогу. Это единственный путь к спасению. Если он, конечно, есть...

Капитан встал, подобрал с земли толстый подгнивший сук и, размахнувшись, бросил.

Не на дорогу, за нее, за дальнюю обочину.

Палка упала в траву. И тут же раздался взрыв! Получается, подходы тоже заминированы! Дальние. С той стороны дороги. А с этой — нет. С этой свободны. Значит, визитеров ждали именно отсюда. И значит, ждали очень конкретных визитеров. Которые и заявили. Ждали тех, кто пришел! Теперь это было абсолютно ясно. Теперь это не вызывало никаких сомнений!

— Густо насажали! Земли за железом не видать!

— Может, разминировать?

— Можно было бы. Кабы время было... Но только они нам его не оставляют. Ни секунды. Еще четверть часа, и машины будут здесь! Так что, как ни крути, придется возвращаться! И придется стукнуться... Грудь в грудь.

— С облавой?

— С ней самой, с облавой... Боишься?

— Нет, не очень...

— А я очень. Потому что в таком дерьме еще не бултыхался. Не прихотилось. Так-то, боец... Ну да ладно, авось, прорвемся...

"Замок" отстегнул, осмотрел и снова поставил на место рожок автомата. Передвинул на живот подсумки с гранатами. Расстегнул пеналы с запасными обоймами. "Замок" не спешил. Потому что спешить уже было поздно...

— Ну что, боец, двинулись? — сказал он и, не оборачиваясь, пошел от дороги.

— А Сашка? — тихо спросил боец.

— Ну ты где там? Идешь или собираешься сдаваться на милость победителя? — обернулся капитан.

— Там Сашка, — показал глазами боец. — Ждет...

Сашка был все еще жив. Он лежал в пыли и в луже крови, сочащейся из обрубков его ног. Лежал и смотрел на своих товарищей. Возможно, он смотрел не на них, а просто в никуда. Но глаза его были направлены в их сторону. И выражали боль. И надежду.

— Ему надо помочь. Неужели мы...

— Пошли!

— Но там...

— Там нет никого! — отрезал капитан.

И, повернувшись и скинув автомат, выпустил короткую очередь в сторону раненого. В грудь и в лицо. Пули попали по назначению.

— Пошли! Я помог ему. Как сумел...

Больше капитан не оборачивался. Его впереди ждала работа. Возможно, последняя в его жизни. Возможно, самая главная...

Глава шестая

Капитан шел бесшумно, как подкрадывающийся к жертве зверь. Весь он был устремлен вперед. Туда, откуда должна была прийти опасность.

— Внимание! — поднимал он вверх руку.

— Сядь! — опускал ладонь горизонтально.

— Замри, где сидишь! — сжимал ее в кулак.

Потом тыкал себя отставленным большим пальцем в грудь:

— Я.

Вытягивал в сторону указательный:

— Осмотрю в том направлении.

Поворачивал палец:

— Ты!

Показывал им вниз на землю:

— Будешь ждать меня здесь...

— И чтобы тихо! — демонстрировал здоровенный кулак.

И шел дальше один. Крадучись. Так, чтобы ни одна травинка, ни один листок не шелохнулся.

Через несколько минут возвращался обратно.

— Все чисто. Можно идти. Только тихо...

Так бесшумно, по полшага, по шагу, разведчики удалялись от дороги. Каждый новый метр расширял горло воронки. Каждый добавлял шансов на спасение и усложнял работу возможной облаве. Чем шире подлежащее прочесыванию расстояние, тем больше требуется ловцов, тем реже им приходится идти, тем значительней становятся ячейки образуемой ими ловчей сети. В такую, глядишь, можно и проскочить. Если умеючи. Если не лезть на рожон...

— Внимание...

Замри, где сидишь...

Работаю один.

В том направлении...

Ты ждешь меня здесь...

Новая разведка. Согнувшись корпусом, стелясь над самой землей, не трогая, не раздвигая, не обламывая, а только обходя встретившиеся на пути кусты, замирая при каждом подозрительном звуке, — сделать несколько шагов. Осмотреться. Сделать еще несколько шагов...

И еще несколько...

И еще...

Главное, не спешить. Лучше пройти меньше, но не напороться на чужие глаза...

Осмотреться сквозь редкие сквозные пустоты в густой листве тропической растительности.

Осмотреться... И увидеть!

Вон они... Все-таки они... Все-таки они есть!

Небольшие фигурки в защитных комбинезонах, с автоматами наперевес медленно шли навстречу. Шли развернутым фронтом. В пределах видимости один другого.

Облава! Вот и облава!

Капитан замер, пытаясь рассмотреть фланги наступающего строя. И не увидел его. Фланги были где-то там, в недоступной ему дали. Где-то возле топи болот.

Он быстро вернулся назад.

— Они там, — показал капитан своему бойцу. — Идут фронтом. Они близко. И скоро будет тут.

— Что делать? — глазами спросил боец.

Капитан повернул его ухо к своим губам.

— Отойдем метров на триста назад, чтобы выиграть время, и попробуем затаяться. Если не выйдет, примем бой. Попытаемся прорваться. Возмож-

но, кому-то повезет. Возможно, кто-то пробьется. Там, за их спинами, джунгли, которые не по силам прочесать даже целой дивизии... Ты готов?

Боец кивнул головой.

— Тогда ходу!

Триста метров прошли быстро. На порядок быстрее, чем когда шли в противоположную сторону.

— Туда, — показал капитан на несколько густых, сросшихся друг с другом кустов. — Может быть, туда они не сунутся.

Разведчики закрыли лица беретами, закусив их с внутренней стороны зубами, и, раздвигая телами ветки, полезли внутрь кустов. Медленно — чтобы беззвучно. Молча, несмотря на то, что шипы раздирали им кожу, — чтобы их не услышали. Не обрывая и не обламывая острые как иголки шипы, чтобы не повредить куст и не навести ловцов на свое логово.

— Ну что? — спросил глазами "замок".

— Нормально, — ответил, стирая кровь с рук, боец.

— Тогда окапываемся. На полтора штыка, — показал капитан на лезвие саперной лопатки. — И маскируйся. Умеешь?

— Учили...

Боец отстегнул, расчехлил лопатку, вдавил ее во влажную почву. Вытащил и вдавил еще раз. И еще...

Поднял, отвалил в сторону подрезанный дерн. Выгреб из-под него землю. Обернув беретом, чтобы заглушить звук, сломал несколько мешающих работе сухих веток. Живые подрубил в земле острым штыком лопаты.

— Быстрее, быстрее, — торопил его жестами капитан.

Еще один лист дерна.

Еще один.

Еще...

Без мгновения остановки. Чтобы успеть.

И все равно не успели...

— Шабаш! — показал перекрещенными руками капитан. — Они уже рядом.

"Странно, почему я их не слышу?" — подумал боец, забираясь под листы дерна и прижимаясь к капитану.

Замерли! Напряженно слушая, что происходит снаружи.

Удар по веткам... Еще... Еще...

И снова шаги. Дальше... Дальше... Дальше...

Уходящие шаги...

Неужели пронесло?! Неужели повезло?! Неужели смерть на этот раз прошла мимо?! И будет еще много, много жизни... И тут же мягкий толчок капитана в бок.

— Жив?

— Жив.

— Лежим еще десять минут, — показал капитан на часы. — И сразу уходим...

Разведчики приподняли головы, осмотрелись. Вроде все спокойно. Не зря, видно, старались инструкторы по маскировке. Не зря гоняли на подмосковных полигонах, обучая "по науке" зарываться в землю. Вот где пригодились! На самом краю света!

— Я первый, ты прикрываешь, — показал "замок", осторожно выползая из кустов. — Теперь ты...

Разведчики развернулись и быстрыми бесшумными шагами двинулись в открытый противником тыл...

Слава Богу... Теперь все позади...

Нет, не слава...

И не все позади...

— Стой! Стрелять буду! — прозвучала короткая, как автоматная очередь, команда.

Команда на совершенно незнакомом языке. Но очень понятная. Универсально понятная.

Значит, все-таки не пронесло! Значит, уходя, они уходили не насовсем. А на всякий случай оставляли на отсмотренных участках наблюдателей.

На тот случай, который представился.

— Бросай оружие!

Нет, все-таки язык знаком. Что-то он такое напоминает... Что-то, что изучали в классах перед выходом на это задание.

Язык угрозы!

И сказал тот невидимый человек: "Бросай оружие! Или буду стрелять!"...

Капитан отбросил автомат. Вытащил из кармана ПМ и отбросил туда же.

Из-за ствола вышел вьетнамец. И почти сразу же к нему подбежали еще четыре соплеменника. С автоматами, которые были чуть не больше их.

— Привет, узкоглазые, — зло сказал "замок". — Чего щуритесь? Капитана не видали?

Вьетнамцы быстро заговорили на своем языке. Один из них, отделившись от компании, побежал вслед ушедшей поисковой цепи. Трое остались.

— Интересно, они ножи у нас будут забирать? — ни к кому конкретно не обращаясь, спросил капитан.

Дула автоматов быстро передвинулись в его сторону.

— Нет, я это только так, только к тому, что будет жаль, если такая вещь за просто так пропадет. В мокрой могиле, — примирительно сказал капитан и, дружелюбно улыбаясь, открыл полу маскхалата. На поясе его висел штык-нож.

— Да, да, — закивали вьетнамцы.

— Вот и я про то же говорю, — еще раз улыбнулся капитан. — Слышь, боец. И ты тоже. Сдавай холодное оружие... Пока наши новые хозяева не осерчали... Сдавай на счет раз... Понял?..

Боец отодвинул полу маскхалата, показывая нож.

— Да, да, — снова закивали вьетнамцы.

Разведчики одновременно расстегнули ножны, одновременно вытянули за ручки штык-ножи, одновременно протянули их, лезвиями к себе, вьетнамцам. Не бросили — протянули.

Вьетнамцы приблизились, что вообще-то делать не стоило.

— Разом! — крикнул капитан и, упав на землю, под наведенный на него автомат, резко перехватил и всадил нож в незащищенный живот вьетнамца.

Тот успел выстрелить, но не успел попасть в капитана. Потому что дуло ударило, уперлось в его голову. Очередь прошла мимо, взрывая землю в десяти шагах дальше.

То же самое и в ту же самую секунду сделал плененный боец. Но ему повезло меньше. Его стрелок, прежде чем умереть, его достал. Одна из выпущенных пуль навывлет прошла левое плечо.

Третьего вьетнамца капитан нейтрализовал еще одним, метательным ножом, который хранил в специальном кармашке, вшитом внутрь левого рукава кителя.

— Всё, узкоглазые! Отщурились... — зло сказал "замок", вытирая о траву окровавленный нож и одновременно оглядываясь по сторонам. — Слышь, боец, пора рвать когти.

— Я не могу, — сказал боец. — Я ранен...

— Дьявол! — выругался "замок". — Зацепил все-таки... Куда?

— В плечо.

Капитан быстро осмотрел рану, подхватил раненого и побежал.

— Ничего, нам только на оперативный простор выйти. А там ищи ветра в поле...

Позади раздался мощный взрыв.

— Так, своих они отыскивали... И поздоровались... И попрощались... Ну теперь жди стрельбы. По бегущим мишеням...

Сзади застучали выстрелы. Но вреда они причинить не могли. В джунглях, если не наугад, можно стрелять только с близких дистанций.

— Давай, давай, шевели ногами, — торопил капитан.

— Не могу! Нет сил!

— Нет сил, говоришь? — мрачно спросил капитан. — Куда же они, так тебя разэдак, делись?

— Не знаю. Но не могу...

— Не можешь?

— Нет!

— Сможешь! Или я тебя...

На что боец только замотал головой и остановился.

— Все равно не смогу. Лучше "или"...

— Стрелять я в тебя не буду, но и жалеть не стану, — злобно сказал капитан. — Просто заставлю идти. Пойдешь?

— Нет!

— Ну тогда извини за неудобства, — и капитан пальцем ткнул раненого в плечо. Туда, где каплями сквозь разорванную одежду сочилась кровь.

— А-а-а!! Больно-о-о!!! — заорал в голос раненый боец.

— Сейчас будет гораздо больней, — предупредил капитан, удерживая его и занося палец снова. — Будет, ты представить не можешь, как больно! И будет столько раз больно, сколько раз ты будешь останавливаться! Я тебе еще весь палец целиком в рану воткну. И там проверну. Понял?!

Раненый, с ужасом глядя на занесенный для удара палец, кивнул.

— Побежишь?

— Побегу!

— Ну так беги! Размазня!

Побежали. Но не далеко.

— Стой, — сказал капитан.

Встали.

— Почему? — спросил раненый.

— Потому что приехали, — зло бросил капитан.

— Куда приехали?

— Не куда приехали, а совсем приехали... Окончательно. Просьба освободить вагоны...

— Почему? Почему мы не убегаем?

— Потому что нас догнали! Слышишь?

— Что?

— Выстрелы. Справа и слева. Они обходят нас с флангов. В центре придерживают, а фланги гонят полным ходом. Чтобы соединить их там, впереди. Чтобы замкнуть кольцо. В котле мы, боец... Как немец под Сталинградом.

— Может быть, вы один...

— Поздно! И одному и вдвоем — поздно! Все уже поздно...

Капитан быстро осмотрелся и потащил раненого к расположенной недалеко поляне.

— Ничего. Мы еще посмотрим, как эти жмурики воюют... Мы еще получим их воевать...

В центре поляны капитан опустил раненого на землю и вытащил саперные лопатки.

— Иди, — сказал он, — руби вон те и те кусты. Слишком они близки к позициям. Если косые до них доберутся, они смогут забросать нас гранатами. А если нет, я их как в тире... Иди!

— Я не могу...

— Через "не могу"! — рыкнул капитан. — Делай! И терпи! Не так долго осталось...

Лихорадочно работая лопатой, капитан зарывался в землю. Как крот, который почуял лисицу...

Вьетнамцы подтянулись через пятнадцать минут.

— Давайте, давайте, ползите, желтобрюхие. Поближе. Чтобы я вас рассмотреть мог. Через прорезь прицела, — тихо бормотал капитан, выцеливая из своего окопчика приближающегося противника.

Вьетнамцы шли осторожно, от дерева к дереву, стараясь прикрываться ими от возможного выстрела.

— Опытные, гады! — пожалел капитан. — Так просто не дадутся...

— Когда стрелять? — спросил раненый.

— На счет три! Когда они доберутся вон до тех кустов. Не раньше. Если раньше — зря потратишь патроны. По-настоящему наш — только первый залп. А потом они залягут. Раз... Два... С Богом!

Два автомата ударили одновременно. Несколько вьетнамцев споткнулись и упали навзничь. Другие, быстро сориентировавшись, попадали за случайные укрытия и открыли ураганную ответную стрельбу.

— Все, блицкриг закончен, — крикнул капитан. — Переходим к затяжной позиционной войне... Слышь, боец...

Раненый боец молчал. Раненый боец был мертв.

— Суки желтушные! — выругался капитан. — Сволочи!

Массированный обстрел пошел на убыль. Противник приходил в себя, осматривался и менял обоймы.

— Ничего, ничего. Пообвыкнутся, осмелеют и встанут. Непременно встанут... Никуда не денутся... Тут мы их и прищучим. Так, боец?

Вьетнамцы действительно смелели. Особенно те, что слева. На них капитан и сконцентрировал все свое внимание. С них он и решил начать. А продолжить... А продолжить, скорее всего, не удастся...

Вьетнамцы высунулись еще больше и перебежками, от ствола к стволу, двинулись вперед. Капитан чуть приподнялся, прилег щекой к прикладу автомата.

— Ну вот сейчас мы и...

Сбоку раздался одиночный выстрел. Капитан дернулся и сполз на дно окопчика.

— Сволочи, на дерево влезли... — прошептал он. — В спи-ну, су-ки-и... — и попробовал пошевелить рукой.

Рука шевелилась. Собрав все силы, он дотянулся до положенной на бруствер окопчика гранаты, сгреб ее пальцами, подкатил под тело и, навалившись, выдернул предохранительную чеку.

Главное — дожждаться. Не умереть до того, как они подойдут...

Когда вьетнамцы подошли, капитан был почти мертв, поэтому когда в него, на всякий случай, выстрелили, он не почувствовал боли. Только тупой толчок куда-то в область живота.

— Су... — беззвучно сказал он и последним усилием приподнял руку, под которой лежала граната...

Глава седьмая

— Прямо по маршруту вооруженные люди, — доложил вернувшийся из разведки дозор.

— Какие люди? Американцы?

— Нет. Местные.

— Местные?

— Да. Вьетнамцы.

— Как далеко?

— Километра два по азимуту двести шестьдесят.

— Что они делают?

— Сидят.

— Как сидят?

— Кружком. Возле костра. И кажется, что-то едят.

— Едят... Тогда так... Дозору перекрыть подходы со стороны противника. Маршрутной колонне двигаться по азимуту сто пятьдесят, в обход обнаруженного... препятствия. Быть готовыми к бою. Через пять километров встать лагерем. Занять круговую оборону. И ждать дозор. Я с дозором. Капитан Кудряшов за меня. Всё. Исполнять...

— Есть! — сказал капитан Кудряшов.

— А ты давай, показывай, где твои вьетнамцы обедают...

Вьетнамцы действительно обедали. Из одного большого котла. Составленные пирамидой автоматы стояли чуть в стороне. Еще один вьетнамец,

по всей видимости, часовой, сидел немного поодаль, жадно поводя ноздрями в сторону костра.

Интересно, для чего они здесь?

— Уходим, — показал командир.

Дозор поднялся и бесшумно двинулся в обратный путь. Колонну догнали только через четыре километра.

— Товарищ майор, за время вашего отсутствия никаких происшествий не случилось, — шепотом доложил капитан Кудряшов.

Не привык еще капитан к "замковству". Служил буквально, по параграфам Устава.

— Ты чего так официально? — спросил командир.

— Как положено...

— Ладно, "замок". Тормози колонну. Вставай лагерем. А мы тут пока осмотримся. Только так, чтобы тихо! Чтобы ни звука! Костров не разводите. Табак не курить. Песен не петь. До ветру громко не ходить... Ляг и замири...

Капитан коснулся плеча ближайшего бойца.

— Колонна, стой! Передай дальше...

— Колонна, стой...

— Колонна...

— ...стой...

— Дозор, ко мне! — тихо скомандовал командир.

— Дозор к командиру.

— Дозор к командиру...

— Все?

— Все!

— Тогда так. Вы вдвоем двигаетесь вот в этом направлении. Азимут двести — двести десять градусов. Ты — на полста градусов западней. Ты — на полста к югу. Ну а я... я сам как-нибудь разберусь. Сбор через три часа в полтора километрах строго на север от лагеря. И не вздумайте хвост притащить... Вопросы есть?

— Никак нет.

— Тогда разбежались...

Через три часа дозор собрался в полтора километрах севернее лагеря.

— Ну, что?

— У меня чисто. Ни зверя, ни человека.

— У тебя?

— Тропа. По тропе проходили люди.

— Много?

— Много. Не меньше полусотни человек. Всю траву повитоптали.

— Военные?

— По всей видимости, военные. Нашел несколько отпечатков подошв. Разного размера. Узор стандартный. У гражданских обувь была бы разная...

— В каком направлении шли?

— На юго-восток. Градусов сто двадцать.

— У тебя?

— Наткнулся на патруль.

— Не заметили?

— Нет, не заметили. Я среагировал первым.
— Сколько человек?
— Примерно столько же, сколько и тех, что рис лопали.
— Форма?
— Форма.
— Вооружение?
— Автоматы, карабины, пистолеты. А что у вас, товарищ командир?
— Тоже самое — патруль. Одиннадцать человек. Военная форма. Автоматы, карабины...
— Обложили...
— Обложили.
— Что это может быть?
— Это может быть только облава. Причем масштабная.
— А чего же нас вьетнамцы ловят, а не американцы?
— Разговорчики... — прервал дискуссию командир. — Сделаем так. Вы обследуете северное направление. Ты — северо-запад. Ты — северо-восток. Сбор здесь, через три часа... Разбежались...

Доклады, поступившие от разведчиков через три часа, звучали более оптимистично, чем в первый раз.

— У нас чисто...
— У меня тоже никого...
— И я никого не видел...
— Ну и у меня примерно так же. Значит, делаем вывод, что северное направление свободно. Что ж, придется идти туда. Туда, куда пускают. А там, Бог даст, развернемся на курс...

— ... Колонне приготовиться к движению...

Медленно, как будто гигантская извивающаяся рептилия, колонна втягивалась в джунгли. Совсем не в том направлении, куда ей следовало идти...

Вскоре снова послышались выстрелы. Противник наседал. Обмануть его отходными маневрами было невозможно. Оставалось только два выхода. Первый — занять оборону, встретить врага ураганным огнем и... погибнуть. Всем до одного. Уничтожив при этом вдвое-вчетверо больше живой силы противника.

Другой выход — идти на прорыв с надеждой оторваться от преследования и раствориться в непролазных дебрях азиатских джунглей — был невозможен, пока отряд связывали раненые. В прорывах подобного рода решающими факторами являются скорость и маневр. С ранеными за спиной это было затруднительно.

— Стоп колонне!

Встали.

— Капитана Кудряшова к командиру.

— Капитан Кудряшов по вашему приказанию...

— Значит так, капитан. Дальше бегать бессмысленно. И вредно. Можно так забежать, что костей не соберешь. Поэтому поступим следующим образом. Собери бойцов, двух-трех, направь в помощь арьергарду. Чтобы они там совместными усилиями придержали этих... Остальных в разведку по следующим направлениям... Задача — обнаружить места концентрации

либо отсутствия противника, подсчитать его силы, огневую мощь, определить направления возможного прорыва. Ну, в общем, ты сам понимаешь...

— Прорываться?

— Прорываться. Другого выхода нет. Задача ясна?

— Так точно!

— При любом исходе разведки через пятнадцать минут все должны быть здесь.

— Кто останется на месте охранять раненых и пленных?

— На месте останусь я. Довольно будет меня одного?

— Ну не знаю...

— Все, капитан. Исполняй! И желательно в темпе вальса...

— Есть! В темпе вальса...

Бойцы разбежались в стороны выполнять поставленную задачу. Потому что бойцы здесь были не нужны. По крайней мере в ближайшие десять-пятнадцать минут.

Майор посмотрел в спины ушедшим капитанам и вытянул из ножен штык-нож. Он обязал себя сделать то, что он не мог перепоручить никому другому. Он взял на себя самую грязную работу. Самую грязную, с которой могут столкнуться разведчики. Ту, от которой не отмыться впоследствии никакими шампунями и никакими годами беспорочной жизни. Ту, которую может, должен и имеет полномочия делать только командир...

Майор перехватил автомат и быстро подошел к носилкам.

Пленные американцы отступили на шаг.

— Сесть вон туда, — приказал майор.

Связанные попарно пленные повиновались.

— Кучнее!

Кучнее, чтобы легче было охватить их одним стволом. Чтобы если стрелять, то наверняка.

— Лицом внутрь! — показал, развернув одного из американцев, командир.

Пленные повернулись.

— Кто шевельнется — убью! — Майор подошел вплотную к носилкам. — Как ты? — коснулся он раненого.

— Нормально, — улыбнулся боец, увидев своего командира.

— Как нога?

— Терпимо...

— Ну если терпимо, то терпи. Совсем немного осталось, — сказал майор и зашел с головы носилок.

Откладывать дело, которое он не мог не сделать, было бессмысленно. И тяжело.

Командир быстро нагнулся, зажал рот и нос раненого ладонью, чтобы заглушить скорый вскрик, увидел устремленные на него безмерно удивленные глаза и ударил штык-ножом. В самое сердце. Раненый даже не успел прикрыться руками. Он только вздрогнул, выгнулся и забился в предсмертных конвульсиях.

Прости, солдат...

Американцы напряженно привстали, но тут же, увидев направленное на них дуло автомата, снова сели. Кажется, их не особенно удивило то, что они наблюдали. Кажется, они были к этому готовы.

Значит, не новички. Значит, знают одни и те же, для всех армий и всех разведок, правила игры...

— Сидеть! — еще раз предупредил командир. И не узнал своего голоса.

С остальными ранеными проблем не было. Остальные раненые умерли легко. Не приходя в сознание. И не открывая глаз навстречу своему убийце...

Дело было сделано. Самое трудное из всех возможных дел. Майор сел, вытащил заначенную еще на подводной лодке сигарету и, нервно теребя ее дрожащими пальцами, закурил.

Через несколько минут вернулся первый разведчик.

— Товарищ командир...

— После. Всё после.

Спустя минуту подошел еще один. И еще...

Бойцы подходили и замирали возле носилок. Молча. Сразу понимая, что произошло во время их отсутствия. И зачем их посылали на задание...

Теперь все было гораздо яснее, чем пятнадцать минут назад. Но теперь ничего исправить уже было нельзя. Теперь они могли либо покарать убийцу, либо подчиниться ему. Покарать его было нетрудно, он не защищался. Но карать его было глупо. Умерших минуту назад товарищей уже не вернуть. А лишаться еще одного активного ствола — значило играть на руку противнику. Лишняя смерть ничего не могла исправить. Ничего не могла убавить или прибавить. Кроме лишней смерти.

— Все? Собрались? — спросил командир.

— Все...

— Тогда так: умерших похоронить. Но только если очень быстро. Место захоронения замаскировать. Ньюни не распускать. Ньюни оставляем для дома. Если теперь мы не сможем уйти, ляжем рядом с ними. Все. До единого. Ясно?

— Ясно...

— Не слышу!

— Ясно, товарищ майор.

— Тогда всем готовиться к прорыву. И ни о чем, кроме него, не думать.

Где силы противника сконцентрированы в наименьшей степени?

— В направлении северо-северо-восток.

— Значит, готовиться к прорыву в направлении северо-северо-восток.

Вопросы есть? Вопросы — нет.

— Есть один...

— Я сказал — вопросов нет! Вопросы, жалобы, претензии — после выполнения задания. Рапортом вышестоящему начальству... Если останется, кому эти рапорта писать...

Глава восьмая

— Приказывать не хочу! Это дело добровольное. Потому что совершенно безнадежное, — сказал командир. — Максимум, что могу обещать, это полчаса не самой веселой жизни. Без продолжения... Ну что, желающие найдутся? Тогда желающим — шаг вперед.

Желающие нашлись. И шагнули из строя.

— Боевая задача ясна?
— Так точно! Ясна!
— Надеюсь, понимаете, что обратного хода не будет? И вообще ничего не будет.

— Так точно! Понимаем!
— Ну тогда смотрите... Тогда на вас вся надежда... Тогда будем ждать, как вы управитесь... Капитан Кудряшов!

— Я!
— Значит так, "замок", отдели им по одной обойме от боезапаса каждого бойца и еще подкинь гранат. Десятка два. Нам они все равно не помогут, если дозор лопухнется...

— Отделить по одной обойме...
Бойцы вытащили из подсумков автоматные рожки. Передали их по рукам. Капитаны рассовали их по подсумкам и карманам.

— Ну, ни пуха...
— Разрешите идти, товарищ майор?
— Идите. И если можете, возвращайтесь.
— Постараемся...

Бойцы дозора отошли на несколько шагов и пропали, как сгнули в густой листве. Но, прежде чем пропасть, еще раз оглянулись и взмахнули рукой.

Вот и всё прощание...
— Всем быть готовыми. Всем — ждать.

Ждать трудно. Особенно когда не знаешь, сколько ждать. И если не ждешь ничего хорошего...

Минута.

Вторая...

Десятая...

Пятнадцатая...

— Где они сейчас могут быть?

— Метрах в семистах. А может быть, и дальше...

Дозор был ближе. Много ближе. Всего-то в полукилометре. Дозор наблюдал копошащихся за деревьями вьетнамцев, разбив наблюдаемое пространство на сектора.

— Видишь?

— Вижу.

— Сколько?

— Бойцов десять-двенадцать.

— И у меня десять-двенадцать. Итого — больше двух десятков. По дюжине на брата.

— Не мало.

— Сколько есть...

— Ну что, с ходу?

— Давай с ходу... Один хрен...

— Тогда — на счет три!..

Дозор вступил в бой, разом забросав прочесывающего местность противника гранатами и осыпав его строй градом выпущенных из автоматов десятков пуль. Дозор стрелял не для того, чтобы попасть, не для того, что-

бы нанести врагу урон в живой силе, а для достижения максимально возможного шумового эффекта. Чем больше шума, чем интенсивней стрельба, тем выше вероятность, что противник поверит в реальность прорыва.

— Ну что, шагнули?

— Шагнули!

Два бойца, составлявшие дозор, одновременно вскочили на ноги, одновременно бросили еще несколько гранат и, стреляя на ходу из автоматов, побежали, часто приседая, неожиданно и резко меняя направление движения, прыгая из стороны в сторону, падая, откатываясь в бок и снова, но уже в другом месте, вскакивая на ноги.

Побежали не для того, чтобы куда-то прибежать. А для того, чтобы выгадать несколько лишних минут. Несколько лишних минут жизни. Назначенной исключительно для того, чтобы, прыгая, падая, откатываясь и поднимаясь, пробежать еще несколько десятков метров.

— Слева автоматчик!

— Вижу!

— Справа...

Еще по гранате в подозрительно шевельнувшиеся в стороне кусты. И еще по одной вперед, расчищая дорогу. И еще по одной... Не экономя, не думая о завтрашнем дне. Которого все равно не будет...

— Прямо двое!

— Слева!

— Справа!

— Прямо...

Главное, чтобы стрельба и взрывы не утихали. И чтобы они смещались в сторону, определяя направление движения прорывающейся группы.

Еще две гранаты. И длинные автоматные очереди вдогонку. И несколько неприцельных выстрелов из пистолета...

— Сколько они воюют? — спросил командир.

— Уже одиннадцать минут.

Одиннадцать минут для подобного боя было много. Очень много.

— Продержаться бы им еще минуты три-четыре...

Одна.

Две.

Три... Новая серия взрывов. И длинная пауза. Неужели всё? Длинные очереди. Но уже только одного автомата. И уже не смещающиеся.

— Приготовиться к бою. Пленных — в голову наступающего отряда. Если что, если они станут разбегаться, клади их на месте. Без всякой жалости!

— Есть, командир!

— Всем вперед!

Первыми, подталкиваемые в спину недобрыми взглядами и дулами автоматов, — американцы. Следом — группа прорыва. Те, которым придется гасить огневые точки врага. Своими телами, после тел американцев, гасить...

За ними — командир и "носильщик".

Последними — арьергард, прикрывающий тылы.

— Пошли?

— Пошли!

Пригибаясь и прикрываясь стволами встретившихся деревьев, отряд двинулся вперед. Все быстрее и быстрее...

— Чисто?

— Чисто! На удивление чисто!

Две тысячи пятьсот метров вперед.

— К повороту на азимут сто десять.

— Есть к повороту на азимут сто десять!

Поворот. И снова — "ходу"! Как можно быстрее и как можно дальше от места боя. От места, где в неравной схватке, в полном составе, пал прикрывающий ложный плацдарм дозор.

— Сбоку двадцать — противник!

Залечь, замереть, переждать проход спешащего к месту отвлекающего прорыва небольшого отряда вооруженных вьетнамцев. Выждать еще пару минут. Оглядеться, подняться и продолжить прежний путь.

Быстрее!

Быстрее!!

— Сзади двести восемьдесят противник!

— Уйти тихо невозможно?

— Невозможно. Они идут прямо по следу!

Все-таки достали, все-таки ухватили в последний момент!

— Арьергарду принять бой! Всем остальным — бегом марш!

Оторвались! Кажется, оторвались...

И даже догнавший основную группу арьергард.

— Все живы?

— Все!

— Противник?

— Бойцов пять. Скорее всего, "левые". Которые случайно заметили наше продвижение.

— Всех?

— Всех!

— Других не видели?

— Нет.

— К повороту на азимут сто восемьдесят...

Девятьсот метров вперед.

— Противник слева восемьдесят... Что б их всех!.. Боевому охранению принять бой. Всем остальным — продолжать движение. Капитану Кудряшову, капитану Синицину оставаться на месте!

Нас не ждать! Через пятнадцать минут мы вас догоним!

Похоже, командир решил сбросить "груз"! Похоже, дело совсем дрянь, если он решился на такое! "Груз" оставляют только тогда, когда нет другого выхода.

— Здесь! — сказал командир, указав на обширную грязевую лужу, густо заросшую мелким кустарником. — Здесь его сам черт не найдет.

Разведчики сняли подсушки и вещмешки. Расчехлили саперные лопатки.

— Ты — в охранение. Мы — работаем...

— Есть! — "Замок" встал в охранение.

По упавшему стволу дерева, чтобы не оставлять на прибрежной грязи следов, разведчики сошли в воду. И из конца в конец пересекли лужу.

— Здесь?

— Здесь...

Копали в самом глубоком месте. Копали интенсивно, чтобы грязевидная земля не успевала затянуть воронку.

— Может, хватит?

— Нет, давай еще на полметра. Чтобы наверняка.

Зарылись еще на полметра, буквально заныривая во взбаламученную воду с головой. И копая, копая, копая...

— Все! Давай! Пока яма не затянулась.

"Груз" уложили на самое дно, прямо в вещмешке, для верности засунув в него пару камней. Под мешок протолкнули две гранаты, с разжатыми усиками предохранительных колец. Сами кольца привязали к вещмешку. Теперь всякий случайный человек, надумавший поинтересоваться содержимым мешка, был обречен на смерть. А его содержимое — на уничтожение.

Воронку забросали землей, притоптали. Нагребли еще земли и еще раз притоптали. И разгладили руками.

— Готово!

"Груз" был надежно укрыт. Надежней некуда. Если пройдут дожди и лужа растечется, подходы к тайнику закроет толстый слой воды. Если лужу высушит солнце, то "груз" будет вцементирован в высохшую и затвердевшую до состояния бетона монолитную грязь.

— Запомните место! — сказал командир. — Ближние ориентиры: азимут девяносто пять — четыре, треугольником расположенные деревья. От крайнего дерева до тайника — сорок пять шагов. Азимут двести десять — поляна. Шестьдесят шагов. Азимут триста пятьдесят — завал. Восемьдесят шагов.

Дальние ориентиры: четыреста метров на северо-восток — выход скальных пород. Вот он, на карте. Полтора километра на юго-юго-запад — излучина реки...

Здесь и здесь — поставим опознавательные метки...

На картах ничего не пометать. Информацию не фиксировать. Только запоминать. Запомнили?

— Запомнили!

— Тогда ходу. Пока наши далеко не ушли...

— Стоп, колонна!

— Что такое? Что случилось?

— Ничего не случилось. Река впереди.

— Кто сказал?

— Дозор...

— Река широкая — метров сто двадцать. Течение спокойное... — доложил передовой дозор.

— А глубина?

— Приличная. Полностью проверить не смогли.

- Ну примерно? На глазок.
— В центре с головой. Точно.
— А на карте?
— На карте ручей. Блохе в два прыжка перескочить.
— Как говорится: не было печали — купила баба пороса...
— Что купила?
— Не важно...
— Брод не видели?
— В том месте где, мы вышли, — нет. А дальше надо смотреть.
— Смотрели?
— Не успели. Я послал двоих в стороны. Одного вниз, другого вверх по течению. А сам по быстрому к вам. Чтобы предупредить...
— Ну что ж, будем ждать... Личному составу можно отдыхать. Но чтобы оружие на боевой...
— Личному составу отдыхать... Оружие к бою...
Все сели там, где стояли. Не выпуская из рук автоматов.
— Пусто, — доложил вернувшийся из обхода дозорный.
— Далеко смотрел?
— С километр. Вверх по течению.
— А дальше?
— Дальше вообще полный швах. Болото. Топи. Я попробовал сунуться, но чуть не утоп...
— Все ясно. Будем ждать дальше.
— А если и вверх — ничего?
— Пойдем вплавь. Или будем вязать плоты. Или двинемся в обход. Что-нибудь придумаем... Если добрых вестей не дождемся...
Двадцать пять минут.
Тридцать.
Сорок...
Дождались.
— Есть брод! — доложил подошедший второй дозорный.
— Где?
— Четыреста пятьдесят метров вниз по течению.
— Глубина?
— Максимум по пояс. Я прошел до середины потока и вернулся.
— Скорость?
— Нормальная. Как в закрытом бассейне.
— Подходы?
— Чистые. По крайней мере я ничего подозрительного не заметил.
— Колонне — встать. Строиться... Шагом...
Подтянулись к реке. Вдоль берега прошли вниз по течению. На четыреста пятьдесят метров.
— Здесь?
— Здесь!
— Уверен?
— Совершенно. Вон моя метка.
— Ну смотри... Всем стоп! Готовиться к переправе. Боевому охранению выставить посты.

Два бойца, подхватив автоматы, разошлись в стороны, залегли на прибрежных высотках. Задрали руки, показывая, что готовы.

— Ладно, двинулись, — дал отмашку командир. — Первый дозор. Вторыми — пленные...

Дозор вошел в воду и, постепенно погружаясь, двинулся к противоположному берегу. Дошли. Внимательно осмотрели полосу песчаного пляжа. Прислушались.

— Все в порядке!

В воду вступили американцы.

За ними, повода во все стороны автоматами, разведчики.

За ними — арьергард во главе с командиром.

На половине переправы командир махнул рукой боевому охранению.

— Всё, можете идти.

Бойцы охранения покинули свои позиции и быстро пошли вдогонку за основной группой.

Переправа через водную преграду была почти завершена.

"Может, река остановит эти треклятые патрули? — подумал командир. — Может, отведенная им зона патрулирования осталась на той стороне? Тогда есть шанс выправить курс и успеть к контрольному сроку..."

Но к контрольному сроку отряду успеть было не суждено... И вообще не было суждено придти хоть куда-нибудь...

Зря командир строил планы возвращения.

На берега реки с двух сторон, молча и как будто ниоткуда, вышли люди. Много людей в военной форме. С автоматами и карабинами на изготовку.

— Полундра! — попытался крикнуть кто-то из боевого охранения и тут же заткнулся, получив короткую очередь в затылок. Он даже не успел сделать ответный выстрел. Потому что не смог выбрать цель. Их было слишком много. И к какой-нибудь он неизбежно вставал незащищенной спиной.

Он упал лицом в воду и медленно поплыл вниз по течению.

Второму бойцу сыпанули под ноги пулеметную очередь и вышибли из рук оружие. Он тоже не успел выстрелить. Потому что не решился. Потому что выстрелить значило немедленно умереть. И даже не успеть никого прихватить с собой. Просто умереть. Без всякой пользы. Даже без надежды на пользу.

— Не надо оказывать сопротивления. Не надо совершать глупость. Тогда мы не будем стрелять, — на ломаном английском сказал кто-то из толпы военных.

— Не стреляйте. Иначе они убьют всех. И вас, и нас, — перевели американцы. — Без всякий толк убьют...

Значит, они действительно знают русский. Все-таки знают... — еще успел про себя удивиться командир.

— Без толку, — автоматически поправил он.

— Yes, yes! Без тол-ку... — закивал заговоривший американец.

— Если вы не поднимете руки, мы начнем стрелять. Через десять секунд, — снова по-английски сказали вьетнамцы. И показали десять пальцев.

— Они будут стрелять... — перевел американец.

— Не надо. Я понял, — прервал его командир.

Бойцы, стоя по пояс в воде, смотрели на командира. И одновременно на врага. Они готовы были стрелять и готовы были умирать. Хотя и не хотели.

Они умерли бы на сто процентов, убив от силы двух-трех вьетнамцев...

Силы были не равны. Силы были безнадежно не равны. На каждого вооруженного разведчика приходилось по два десятка врагов. И каждый из этих врагов имел автоматическое оружие... И безоговорочное позиционное превосходство. Они стояли на берегу, сверху вниз посматривая на застывших посреди речного потока разведчиков. Им достаточно было приопустить дула автоматов...

Один... — сказал вьетнамец и кивнул своим бойцам.

Вода вокруг разведчиков вспенилась и закипела от сотен испарявавшихся ее поверхность пуль. Десятки автоматов и пулеметов разом выплюнули сотни граммов раскаленного свинца. Плотность огня была такая, что пролетай в это время над рекой муха, и она бы не уцелела. А уж человек...

Вьетнамцам довольно было перевести огонь на несколько метров дальше, чтобы... Чтобы все мгновенно закончилось. И для разведчиков, и для американцев.

Для всех... Без всякой надежды на другой исход.

И без пользы. Без всякой пользы...

— Хрен с вами! Ваша взяла! — крикнул командир и поднял высоко над головой автомат. Его бойцы, взглянув на него, сделали тоже самое.

— Выходите на берег, — приказал вьетнамец.

— Требуется выйти на берег, — перевели американцы.

— По одному! Оружие над головой!

— По одному...

— Первым — старший!

— Первым старший...

— Ладно, понял, — поморщился майор и, раздвигая стоящих в воде людей, побрел к берегу. Молча. Ни на кого не глядя. Уперев глаза в воду.

— Командир... — тихо произнес кто-то.

Командир замер, обернулся и внимательно посмотрел на своих бойцов.

— Всё, мужики, дальше каждый решает сам... Приказывать не могу...

— Что он сказал? — подозрительно спросил главный вьетнамец американца-переводчика.

Тот неопределенно пожал плечами.

— Что он сказал?! — крикнул вьетнамец и, передернув затвор и подняв пистолет, направил дуло в голову переводчика.

— Он сказал... он сказал, чтобы они не творили глупостей...

Вьетнамец удовлетворенно закивал головой.

Командир резко отвернулся и продолжил путь на берег.

Он вышел и остановился, широко расставив ноги.

К нему подбежали несколько вьетнамцев и попытались вырвать из рук оружие. Но они были слишком маленькие. Они не дотягивались до задранного над головой автомата. Они бегали вокруг командира, как моськи между ног слона. Они тянулись руками, подпрыгивали, дергали вниз рукава гимнастерки. И ничего не могли сделать...

Пока один из них не догадался... И не ударил командира ногой в живот.

Командир охнул и пригнулся. Вьетнамцы выбили автомат. Задрали гимнастерку, сдернули с пояса штык-нож и подсумки с гранатами, выдернули из кармана пистолет.

— Сволочи! — сказал командир, выпрямляясь. — Шакалы. Щенки шакалов...

Один из вьетнамцев ударил его снова. В живот. И в лицо. И попытался ударить еще раз. Но не сумел. Майор перехватил его руку и резким ударом сломал ее об колено. Как гнилую жердину...

Потом он расшвыривал вьетнамцев во все стороны, словно рассвирепевший медведь болонок. Вьетнамцы падали, вскакивали, снова получали удар и снова падали, откатываясь на несколько шагов...

Бойцы рванулись было на помощь командиру, но по воде и поверх их голов дали еще один залп, потом мгновенно обступили, уперли в тела штывки, примкнутые к автоматам и карабинам, отобрали оружие...

— На, гад!.. Получай, гад!.. И еще раз!.. И в довесок... — орал, материл, бился смертным боем командир.

Он уже не пытался защищаться. Не пытался избегать ударов. Он только нападал.

— Ну подходи... макака желторожая... и ты... гнида... подходите... и ты... и ты!..

— Оставьте его! — крикнул старший вьетнамец. А может, что-то другое. Но его поняли. Драчуны рассыпались в стороны, как капли воды с отряхивающейся собаки.

Майор встал, утирая кровь, стекающую на глаза.

— Ну? И что?

Вьетнамец поднял пистолет.

— Стрелять будешь? — презрительно спросил командир.

И болезненно поморщившись, потянулся к поврежденной левой руке. А вообще-то, не к руке. К метательному ножу, закрепленному внутри, на рукаве гимнастерки.

— Ну... давай... давай... сучара!

Вьетнамец ничего не ответил и не запросил перевода. Он нажал на курок. За мгновение до того, как майор вытянул нож, две пули ударили его в живот. Он упал на колени, согнувшись пополам. Но все же дотянулся до ножа. Все же выдернул его из потайного кармана. Но не бросил. Уже не хватило сил...

Вьетнамец неторопливым шагом подошел к командиру, зашел за его спину, упер пистолет в затылок и выстрелил. Майор дернулся вперед и упал лицом в песок.

Вьетнамец еще раз обошел его, вытащил из ослабевшей руки нож, внимательно рассмотрел его и сунул в карман. Нож ему понравился.

Командир, лишившийся ножа и жизни, сидел на коленях, упершись головой в землю.

Командир был мертв...

Часть III

Глава первая

Капитан Кузнецов шел вместе со всеми. В одной бесконечной цепи, состоящей из человеческих тел. Привязанный к руке впереди идущего американца. А сзади него шел другой американец. Накрепко привязанный к

его другой руке. В свою очередь, к его руке был прикован еще один русский разведчик. Как кольцо, зажатое в другом кольце.

Изошренно они все это придумали, вьетнамцы, сцепили всех в единый организм, превратив в гигантскую сороконожку, и сопровождают спереди и сзади. Ни дернуться, ни выйти из строя, ни убежать...

Зато ноги свободны. И могут идти куда угодно. Куда укажут хозяева...

— Направо! — показывали вьетнамцы, и цепь, изгибаясь, поворачивала направо.

— Налево!

Поворачивала налево.

Стой! Привал!

Пленники сели в круг, лицами друг к другу. Все молчали, но все перглядывались. Русские — с русскими, американцы — с американцами. И думали. Все об одном и том же — что же будет дальше? И будет ли это "дальше"? И не закончится ли оно несколькими минутами спустя?

Вьетнамцы подходили, бесцеремонно поднимали руки, проверяли, не ослабли ли веревки, перетягивали узлы, мало заботясь об отеках, как раздутые резиновые перчатки, кистях.

Вьетнамцы не издевались. Они действовали рационально. Просто облегчали себе задачу охраны и транспортировки пленных. А то, что это было сопряжено с некоторой жестокостью, так к ней на востоке привыкли... Как к неизбежности...

— Встать!

Встали... Кто замешкался, получил удар прикладом по спине. Не для боли, для порядка и послушания...

— Пошли!

Пошли...

Шли долго. Двое суток. Исправно удерживая друг друга за руки.

И пришли. Именно туда — не знаю куда...

Поляны, хижинки, заборы, чем-то напоминающие украинские плетни, только более экзотические, лепешки помета крупнорогатого домашнего зверья под ногами, запах дыма и подгоревшей пиццы. В общем, деревня как деревня. Если не обращать внимания на окружающую пеструю флору и фауну и нездоровый прищур и цвет лиц местного населения. Двинулись мимо хижин.

— Стой!

Встали. Большинство вьетнамцев куда-то разбежались. Остались лишь несколько. И те косили глазами в стороны и нетерпеливо перебирали ногами, как застоявшиеся жеребцы, предвкушая близкую встречу с домом. Или с казармой. Где тоже накормят и спать уложат.

Вьетнамцы пришли домой. А все прочие? Они куда?

— Пошли!

Пошли...

— Направо... Теперь налево... Опять направо... Стой!

Встали. Пред какими-то ямами, накрытыми бамбуковыми настилами. Странными настилами. С частыми, мелкими, квадратными дырами.

Вьетнамцы подняли настилы и показали вниз.

— Что? Спускаться? Туда?!

— Туда, туда, — оживленно закивали вьетнамцы. Им до чертиков надо-ели эти туго соображающие белые. Из ямы несло тухлятиной и дерьмом.

— Я туда не полезу! — сказал Резо. — Я не свинья!

— В такую дыру и свинья бы не полезла!

Дна ямы видно не было.

— Как же туда спускаться? Там же лестницы нет!

— Самокатом.

Вьетнамцы ударили стоявших ближе к ним пленных прикладами автоматов. Ткнули штыками в мягкие ткани.

Дальше пятиться было некуда. И предложение было хоть и без восторга, но принято. Всеми гостями одновременно.

— Черт!

— Devil!

Вразной закричали гости, ссыпаясь на дно ямы и друг на друга.

Бамбуковая решетка упала, поделив чужое небо на мелкие, как в тетради по арифметике, клетки.

— Всё! Приехали!

Яма была глубокая. Метра три с половиной, если мерить от пола до отсутствующего потолка.

— Не достать. Даже если прыгнуть, — оценил на глазок расстояние до бамбуковой решетки Кудряшов.

— А зачем прыгать? — спросили американцы.

— Чтобы форму не потерять, — недовольно ответил Кудряшов.

— Какую форму? — не понял американцы. — Военную?

— Физкультурную. Спортсмен он, — ответил за Кудряшова Пивоваров. —

У вас баскетбол есть?

— Yes, yes, — закивали американцы.

— Ну так вот, он тот самый баскетболист. По бросанию чего-нибудь лишь бы куда-нибудь. Йес?

— О! — сказали американцы. — Yes!

Яма была мокрая. На полу кое-где стояли лужи от недавно прошедших дождей. Относительно сухо было только возле стен, где выбиты или выцарапаны в стенах примитивные ступеньки-сидения, застеленные сухими листьями.

— Извиняйте, что не прибрано, — сказал Кузнецов, широким жестом приглашая товарищей располагаться.

— Ну и что будем делать? — спросил Пивоваров.

— Спать! — коротко ответил Кудряшов.

— Здесь?

— Здесь! Или ты ожидаешь, что тебя пригласят в хозяйскую спальню, под бочок хозяйской жинки?

— Не-ет! Не надо. Лучше здесь, чем под такой бочок, — поморщился Пивоваров.

— Ну так не теряй времени — устраивайся! — Кудряшов улегся на земляное сиденье.

Война войной, а обед по расписанию! За неимением такового — сон. Как говорится в малозажиточных семьях: есть хочешь, спать ложись. Сон тоже силы восстанавливает. Которые еще очень и очень могут пригодиться.

На обед пленникам дали сон. Сколько влезло. На ужин — дрему. Тоже от пуза. На завтрак — легкий пересып. Без ограничений в весе и калориях.

И только в обед следующего дня — собственно еду.

— Что это? — спросил Далидзе, показывая на спущенный сверху на веревке большой полукруглый котел.

— Супница, — ответил ему Пивоваров. — Причем, кажется, с супом. Ну что, будем дегустировать?

— А супчик с чем?

Пивоваров ковырнул гущу случайно найденной палочкой.

— По-моему, какие-то гусеницы...

— Что?!

— Вот, — вытащил Пивоваров на палочке толстую, разваренную личинку.

— Мамочка моя!

— Что-то этот ресторан перестал внушать мне доверие, — сказал Далидзе, страдальчески поглядывая в дальний, заглубленный угол ямы.

Пивоваров продолжал задумчиво ковыряться в супе.

— Знаете, мужики, вы как хотите, а я... Ну не умирать же с голоду, в самом деле...

— Хозяин-барин.

Пивоваров решительно вздохнул и подсел ближе к котлу.

— Дайте ложку.

— Откуда бы ей взяться?

Ложки не было. И вообще посуды не было. Никакой.

— Что же, через край хлебать? Как свиньям из кормушки?

— Похоже на то.

— Сволочи! Устраивают зверинец! В клетки сажают, из корыт кормят...

— Вы хотели кушать с ложка? — вежливо улыбаясь, спросил американец.

— Я просто хотел есть...

— У меня есть ложка, — американец вытащил из кармана маленькую складную ложку. — Please.

— Ну ты вообще, американец, ничего мужик, — обрадовался Пивоваров, похлопывая своего спасителя по плечу.

— Ты что, в самом деле будешь есть? — спросил Далидзе.

— Буду!

— И гусениц?

— И гусениц! И вам рекомендую. Ничего другого вы от них не дожидаетесь. Только оголодаете. А потом все равно придется... Голод не тетка...

— Наверное, он прав, — сказал Кудряшов. — Лучше сейчас, чем потом, — и решительно придвинулся к котлу.

— И вы тоже, как это, плиз, — показал Пивоваров на котел американцам. — Подсаживайтесь. Учтите, второй раз плиз не буду.

— O'key! — согласились янки, подвигаясь ближе.

Ложка пошла по кругу. От русских — к американцам. От американцев — к русским. До полного опустошения котла.

— Ничего, за милую душу пошел супчик...

— Что есть "за милая душа"...

Глава вторая

Утром "на улице" долго стучали молотки. По дереву. Стучали и стучали...

— Они что, виселицы колотят? — ломали головы узники.

— Зачем им виселицы? Они же не европейцы. У них такой культуры казней нет.

— А какая есть?

— Ну не знаю... На кол сажать, в масле жарить, бамбук сквозь тело проращивать. Да ты сам скоро увидишь...

Еще час, два, три пленники томились в неизвестности, нервно шагая по периметру своей тесной земляной "камеры". Через четыре в яму спустили лестницу.

— Ты и ты! — показал сверху вьетнамец на одного русского и одного американца.

Выбранные жертвы слегка отшатнулись. Но вьетnamцы применили свой излюбленный прием — ткнули вниз два ствола и передернули затворы.

Русский безнадежно махнул рукой и шагнул на первую ступень лестницы. Следом за ним полез американец. Решетку захлопнули. Но лестницу не подняли. Оставленная на месте лестница настораживала не меньше, чем поставленная на площадке дыба, чем гильотина с задраным вверх ножом. Если лестница осталась на месте, значит, ушедшая пара не последняя. Значит, за ней последует другая...

Узники напряженно прислушивались к доносящимся с "улицы" звукам. Пытались понять по ним, что там, наверху, происходит. Но не слышали ничего. Совершенно ничего!

Наверху затараторили голоса. Звякнул засов, и решетка снова поднялась.

— Ты и ты! — показали вьетнамцы.

И снова один русский и один американец.

— Ну все, ребята... Не поминайте лихом...

Решетка захлопнулась.

— Что же они делают? Сволочи!

— Узнаем. Скоро узнаем. Все узнаем...

— Ты и ты...

— Прощайте, пацаны. Если что...

— Ты и ты...

Капитан Кузнецов попал в шестую пару. Он взялся за перекладину лестницы и полез наверх. Как на эшафот. Сзади сопел американец. Обидно, что американец. Со своими принимать муки было бы легче...

— Стоять здесь! — толкнули вбок прикладом часовые.

Встали.

— Пошли! — толкнули еще раз.

Пошли... До калитки в проволочном заборе. Через калитку. За ближайшую хижину...

Что-то будет за ней.

Со стороны хижины послышались деревянные звуки. И на порог вынесли две толстые деревянные доски. С полукруглыми отверстиями.

Мать честная! Это же колодки!

Колодки подтащили к пленникам и бросили на землю. Пленники подняли колодки и пошли.

— Сюда! — показал конвой на расположенный невдалеке навес. Под навесом сидели ранее уведенные из ямы пленники.

Сидели в колодках. Попарно. В том же порядке, как их вводили.

— Сесть!

Узники сели.

— Вытянуть руки и ноги!

Вытянули...

Два вьетnamца ухватились за руки, потянули, развели их чуть в стороны, уложили запястья в дальние отверстия. Потом тоже самое сделали с ногами, которые втокнули в ближние полукружья. Уронили сверху вторую, верхнюю, колоду и связали обе по краям веревками.

Плохо отструганное дерево впилося в кожу, сдавило мышцы. Колодки вместе с узниками проволочли по земле несколько метров и бросили под навесом.

— С прибытием! — мрачно приветствовал колодочное пополнение Пивоваров.

— Как у вас тут?

— Жестко.

С кистей Пивоварова, по дереву колодок на землю, стекали капли крови.

— Ты, главное, кисти не напрягай. Держи в свободном весе, — посоветовал Кудряшов. — Мышцы от напряжения увеличиваются в объеме... ну и сам видишь. Эти деревяшки только на вид архаичны. А действуют, что твои наручники. Чем больше шевелишься, тем тебе же хуже.

Через час все пленники были вместе. Кроме одного американца, оставшегося без пары. Он тоже пришел с колодками и тоже сел. Вьетнамские заплечных дел мастера стали надевать на него деревянные браслеты, но что-то у них не заладилось. Может, эти последние колодки были бракованными, может, руки у него были нестандартные, а может, отсутствие второго партнера каким-то образом нарушало технологию процесса заковывания. Вьетнамцы громко о чем-то разговаривали, спорили, а потом и вовсе ушли.

Американец сидел в одиночестве и посматривал в сторону своих товарищей. И даже ободряюще подмигнул им.

Вьетнамцы скоро вернулись и, все так же переговариваясь, сняли колодки. Что-то сказали конвойному. Конвойный приказал пленному встать и повел его обратной дорогой. Через несколько минут раздался выстрел.

Все оцепенели.

— Сволочи! Из-за того, что каких-то колодок не хватило!

Вьетнамцы подняли бракованные колоды и пошли за хижину, даже не оглянувшись на пленников. Похоже, смерть здесь была обыденным явлением. Похоже, к ней привыкли...

— Скоро и нас так же...

Всю последующую ночь закованные в колодки пленники сожалели, что их "не так же" и жестоко завидовали застреленному американцу, не на-

шедшему себе пару. Его всего лишь убили! А им даровали жизнь в полусогнутом состоянии, которая оказалась много хуже смерти.

В полдень к навесу подогнали грузовик. Пленников, поднимая вместе с колодками, побросали в кузов. Кузов захлопнули. Машина тронулась с места.

На этот раз никто не интересовался тем, куда их везут. На этот раз все молчали, подпрыгивая, перекатываясь, ударяясь о пол спинами и головами и сталкиваясь друг с другом, как какие-нибудь неодушевленные предметы. Как нагруженные в навал кирпичи. Или бочки. Или доски...

Теперь они желали только одного — стать теми, не имеющими души и не имеющими болевых рецепторов, кирпичами, бочками или досками. И уж как совсем о недостижимом мечтали об автоматном дуле, упертом в затылок...

Глава третья

Ехали долго, часто пробуксовывая на разбитых грунтовках. В одном месте машина остановилась, пленников сдвинули к кабине, и в кузов стали бросать какой-то домашний скарб, какие-то узлы, коробки, свертки. Потом затащили клетки с бестолково лопочущей и машущей крыльями домашней птицей. Подняли каких-то детей и женщин.

Женщины поправили юбки, стали громко и весело о чем-то разговаривать между собой, озорно поглядывая на сидевший на боковых скамейках конвой.

Машина двинулась дальше. Пленники стали подпрыгивать и кататься по полу, тревожа вещи. Домашняя птица в клетках забеспокоилась, закричала, забила клювами в прутья. Но ни на нее, ни на пленников никто не обращал никакого внимания. Дети, высовываясь наружу, смотрели на пробегаящий мимо пейзаж. Женщины строили глазки конвою. Конвой заигрывал с женщинами, наваливаясь на них при поворотах телом и приобнимая на подъемах, как будто пытаясь удержать от падения. Женщины протестующе кричали и не очень активно отбивались от назойливых ухажоров.

Пленники катались, подпрыгивали и бились головами о пол, о борта, о колодки соседей. Из рассеченных голов и спин густо сочилась кровь. Если кто-нибудь из них скатывался слишком близко к заднему борту, конвойные вьетнамцы, не глядя и не отвлекаясь от основного занятия, отпихивали их ногами назад.

Машина остановилась, женщины выпрыгнули, вытащили детей и сняли груз.

Машина тронулась дальше, набрала скорость и снова запрыгала по ямам и выбоинам...

— Стоп. Приехали.

— Интересно, где мы? — спросил кто-то из пленников.

— На этом свете, — ответили ему.

— Жаль. Жаль, что на этом...

Конвой открыл задний борт и, вытягивая колодников, свалил их в кучу. Друг на друга.

Пленники, вскрикивая от боли, раздирая кожу и на двух языках проклиная своих мучителей, кое-как расползлись в стороны.

Машина уехала.

Вокруг была деревня. Точно такая же, как первая. И с точно таким же навесом. Вот только детей и женщин здесь не было видно. Одни мужчины. В военной форме и при оружии.

Пленники валялись посреди дороги, и на них никто не обращал внимания. Если шли мимо, то обходили. Если нельзя было обойти, перешагивали.

Пленники лежали так почти час.

Потом пришел новый конвой, организовал проходящих мимо бойцов, с помощью которых затащил пленников под навес, где опять бросил на несколько часов. Но пленники этих часов реально не ощущали. Они представлялись им днями или даже неделями. Тем, кто был в сознании. А тем, кто его потерял, мгновениями.

Есть колодникам не давали. Пить — тоже.

Вечером конвой принес ведро баланды и ведро воды. И поставил на землю. От баланды еще можно было отказаться. Но от воды — нет. Все смотрели на ведро с водой. Только на него...

Конвоир поднял валящуюся на земле помятую консервную банку, выпрямил, вытряхнул из нее пыль, зачерпнул ею в ведре и поднес ко рту первого колодника. Тотпил жадно, вытягивая голову и стуча зубами о жесть, и поэтому не столько выпил, сколько пролил драгоценную влагу мимо рта. Второй банки ему не предложили.

Потом была ночь. Но эту ночь из пленников мало кто помнил. Эта ночь была легче первой. Потому что боль уже притупилась, а сознание почти угасло.

Днем к навесу подкатила машина. Открытый джип. Из него выскочил вьетнамец в военной форме. Судя по тому, как вокруг забегали, засуетились военные, как присел на задние лапы караул, вьетнамец был чин. И не из самых маленьких.

Он подошел к пленникам, посмотрел на них, на их руки и ноги, постукал ботинком по колодкам, затем развернулся и пошел прочь.

Через несколько минут к пленным подбежали солдаты, развязали колодки, разогнули, протерли воспаленные руки и ноги. Но, главное, дали воды. Столько, сколько каждый способен был выпить.

— Что это с ними? Что это в них человеколюбие проснулось?

— Не человеколюбие. Просто в войсках какая-то неувязка вышла. Кто-то кому-то не так передал приказание верхнего начальства. Или кто-то неправильно его понял.

К пленникам подошел еще один вьетнамец. Низенький и кривоногий, в свободном болтающемся балахоне. Поклонился, осмотрел раны, поскреб их деревянной палочкой, взбрызнул какой-то жидкостью, густо смазал невозможно вонючей мазью, накрыл какими-то напоминающими лопухи листьями. Поклонился и ушел.

— Вежливый, гад!

Конвой принес и раздал лепешки и чашечки с рисом.

— Сволочи, — оценил их усилия Кудряшов.

— Почему сволочи они? — удивились американцы.

— После поймете.

— Почему сволочи?

— Потому что нам до того, чтобы отмучиться, всего шажок оставался. Маленький. Мы бы завтра к утру уже далеко были... А они нас реанимировали. Мерзавцы!

— Интересно, зачем?

— А они скажут. Не расстраивайся...

Очередной вьетнамец очень долго и очень внимательно осматривал руки узников. И даже замерял их палочкой. А потом с помощью долота и длинного ножа расширил и углубил отверстия в колодках. И даже зачистил их напильником.

— А просто руки связать они не могут?

— У них свои традиции. Или с веревками напряженка.

— Знал бы, со своими приехал...

После обеда пленников снова подвели к колодкам, снова заставили сесть, засунули руки в отверстия и закрыли обе половины. Теперь руками было чуть свободней, но еще больней. Потому что соприкасаться с деревом приходилось разбитой кожей. А вернувшееся в жизнь сознание воспринимало боль, как новую, к которой еще не привыкло.

— Вот это я и имел в виду, когда говорил, что лучше было бы сдохнуть...

Вечером конвойный привычным жестом ткнул в крайнюю пару пленников.

— Ты! И ты! — развязал колодки. — Встать!

Освоившие язык чужих команд пленные встали.

— Пошли!

Пошли.

Вернулись пленники не скоро. Но вернулись. Какие-то пришибленные и не похожие сами на себя.

— Ну что? Били?

— В том то и дело, что нет.

— А что делали?

— Вопросы задавали. По-английски. Ну вроде как допрашивали. А он, — кивок в сторону американца, — переводил.

— Что спрашивали?

— Как обычно. Кто, откуда, что здесь делали. Просили на карте показать, откуда и куда шли.

— Ну и что ты сказал?

— Ничего. Изображал глухонемого идиота. А говорил этот, переводчик.

— Что?

— Откуда я знаю. Он же по-английски говорил.

— Ты что говорил? — спросил Кудряшов у американца.

— Я совсем мало чего говорил. Я говорил, что он очень нехорошо говорит английский, и я ничего не понимаю. И еще я требовал посла и адвокат!

— Ну ты даешь, янки! Ну ты наглец!

— Наглец это хорошо или плохо?

— Когда как. В данном случае нормально!

— Тогда я наглец!

— Больше ничего не спрашивали?

— Вроде ничего...

- Что значит, вроде?
- Понимаете, мужики, там потом тот, который нам ноги смазывал, пришел. Их доктор. Что-то такое выпить дал. И стал иголки втыкать.
- Под ногти?
- Нет. Не под ногти. В шею и уши.
- Больно?
- Нет. Совсем не больно. Знаете, даже приятно. Вначале чуть жжет, потом тепло, а потом как будто два пузыря водки выпил. Без закуси. Голова кругом, в ушах звон, в глазах туман. И почему-то смеяться хочется...
- Yes. Да. Туман. И смешно. Как будто выпил два стакан виски.
- Он тоже пил... в смысле, ему тоже вкалывали?
- Ему тоже.
- Так. И дальше что?
- А дальше ничего не помню. Дальше они, кажется, что-то спрашивали.
- А ты, кажется, отвечал?
- Может, и отвечал. Не помню. Хоть убей.
- Так, мужики, — предложил на правах командира Кудряшов. — Давайте договоримся, о чем рассказывать. Пока они правду своими палочками из нас сами не повыковыривали.
- А эти? — кивнул на американцев Далидзе.
- А куда от них деться? Мы теперь одной веревочкой, в смысле колодками. Будем сообща врать...
- О чем будем все врать? — спросили американцы.
- Значит, так. Мы — моряки торгового флота. Потерпели аварию, тут, неподалеку. Выплыли на берег. Пошли в лес по нужде и заблудились.
- И прошли пару сотен километров. По джунглям.
- Ну заблудились же!
- А тельняшки наши где? И оружие откуда?
- Ну это... нашли.
- Где? В лесу? Когда по нужде отошли?
- Да... Ну скажем, что наше судно перевозило оружие. И мы случайно не тот ящик взяли... Думали, с едой, а оказалось со стволами...
- А американцы?
- Нет, мужики. Они хоть и ближе к приматам, чем мы, но не полные же идиоты. Думаю, придется говорить правду. Что шли мы к разбитому самолету...
- На этом слове русские пленники вздрогнули и напряглись. Американцы переглянулись. Впервые то, о чем думали и догадывались все, было произнесено вслух.
- Шли к разбитому самолету. Потому что узнали, что он перевозил... золото. Что сами мы — беглые зеки с России. Без паспорта и гражданства. Потому что беглые. Что хотели подзаработать монет. Тем более, все это так почти и есть. Верно ведь?
- А оружие?
- Для самообороны. Из армейского склада, который мы ограбили, после того, как сбежали с зоны. До того, как угнали корабль. Который потом затонул...

— А американцы?

— Ну я же говорю. Искали самолет с золотом, а тут, откуда ни возьмись, янки на вертолетах. И тоже наверняка за золотом. Нам, конечно, стало обидно, ну и мы, в сердцах...

— Но он не перевозил золото! — возразили американцы.

— А мы откуда знали, что он перевозил? Вы же не писали в газетах, что он перевозил... Вы что, не понимаете?

Американцы переглянулись.

— O'key! Золото так золото. Мы согласен.

— Значит так: вы тоже летели за золотом. И мы за золотом. И схлестнулись. Стенка на стенку...

— А куда золото дели?

— Какое золото?

— Которое в самолете было.

— А может, его не было? Загрузить забыли. Или лучше так. Было, но мы его по дороге обронили. Или не обронили, а спрятали, чего-то испугавшись, а место забыли. Отошли...

— По нужде?

— Да пошел ты! Отошли — и как корова языком!

А обо всем прочем — молчок. Какие бы вам иголки в какое место не вставляли. Ясно?

— Ясно!

— Yes! — кивнули американцы.

— Ты! И ты! — ткнули пальцами конвоиры и расстегнули Кузнецова с напарником. И кивнули дулами автоматов вверх.

— Встали!

Встали.

Толкнули прикладами в спины.

— Пошли!

Пошли...

— Налево!

Повернулись.

— Прямо!

Опять пошли... Недалеко. До ближайшей хижины.

— Здравствуйте! — сказал по-английски уже знакомый большой военный чин.

— Приветствует, — перевел американец.

— Садитесь, — показал вьетнамец на плетеные кресла. — Мне надо задать вам несколько вопросов. Первый. Как вас зовут?

— Майкл Джонстон. Гражданин Соединенных Штатов Америки.

— А его?

— Спрашивает, как тебя зовут.

— Задов! Хрен Моржович!

— Как?!

— Ладно, черт с ним. Кузнецов Алексей Петрович! Русский. То есть бывший русский. А теперь просто гражданин без паспорта.

— Почему без паспорта?

- Зэкам паспорта не положены.
- Что есть "зэк"? Я не знаю, как это переводить.
- Зэк — это заключенный в колонии строгого режима.
- "Колония" это что? Это поселок, где в строгом порядке живут колонисты? Которые обживают новые земли? Как у нас давно в Америке?
- Во-во. Обживают земли. В очень строгом порядке. Это точно.
- Американец пожал плечами и перевел.
- А как вы оказались здесь?
- Угнали корабль, поплыли, приплыли, потерпели бедствие, пошли пешком.
- Как угнали?
- Обыкновенно. Как корабли угоняют. Пришли, команду выкинули и поплыли...
- А как вы находили путь? В море?
- А мы капитана оставили. И этого, штурмана.
- И где они теперь?
- Утонули. Вместе с кораблем.
- А что вы у нас искали?
- Честно скажу — искали золото.
- У нас нет золота.
- А мы не ваше искали. Мы их искали, — кивнул допрашиваемый на переводчика.
- Yes! Наше золото, — подтвердил американец.
- А куда вы потом шли?
- Не знаю. Я не смотрел. Нас командир вел. А я шел, куда велели. За тем, кто впереди шел.
- А куда велели?
- Вначале направо, потом налево, потом прямо, потом опять направо...
- Можете показать на карте?
- Я не умею читать карт.
- А почему вы были с оружием?
- А как без оружия? Мы же по лесу шли, в котором зверья хищного видимо-невидимо.
- Откуда оно взялось?
- Расплодилось. Дело-то нехитрое...
- Откуда взялось оружие?
- Ах, оружие? Со склада. Мы склад ограбили.
- Как ограбили?
- Обыкновенно. Как склады грабят. Пришли, охрану выкинули и забрали...
- Хорошо, пройдите сюда...
- Зачем?
- Затем, чтобы убедиться в правдивости ваших слов.
- А как вы убедитесь?
- Вы сядете вот сюда и выпьете воду из этого стакана.
- Кузнецов сел и выпил жидкость. С противным терпким запахом.
- Из-за циночки вышел старик в балахоне, который лечил раны, и поклонился. Вытащил из-за пояса маленькую коробочку, из которой достал тоненькие костяные иголки. И еще раз поклонился.

Первую иголку он воткнул куда-то за ухо. Вторую — за второе ухо. Третью — в мочку. Четвертую — в ту же мочку. Остальные — в шею.

У Кузнецова заслезились и поплыли глаза. И поплыло сознание. Словно в голову закачали туман. Густой, плотный, вязкий, который невозможно стряхнуть простым мотанием головы. Закачалось кресло. Закачались и расплылись стены. И лицо стоящего напротив вьетнамца.

Что происходило дальше, о чем его спрашивали, и что он отвечал, Кузнецов не помнил. Наверняка, что-то спрашивали. И, наверное, он что-то отвечал...

Очнулся Кузнецов уже под навесом. Уже в колодках. С явным ощущением постпохмельного синдрома. С головной болью, дурным запахом во рту и смутными воспоминаниями о вчерашнем дне. В смысле о прошедших минутах.

— Сколько я был? Там? — спросил он.

— Часа два с половиной.

— А я что-нибудь рассказал?

— Откуда мы знаем? Мы за себя-то ничего сказать не можем...

— Мне кажется, я что-то рассказал... Но никак не могу вспомнить, что...

— Мы все не можем вспомнить...

На этом восточная поэзия с воткнутыми в уши иголками закончилась. И началась проза. Проза жизни.

— Куда вы шли? — спрашивал военный. И тонкой палочкой бамбука, летящей с мелодичным посвистом, бил по голым пяткам.

— А-а-а!

— Он говорит, что часть маршрута знает, но ему нужен весь маршрут, — переводил, с состраданием глядя на истязаемого, американец.

Американец сидел в плетеном кресле. Потому что стоять не мог. Его пятки опухли, как подушки. Его голые ноги напоминали валенки...

— Он требует показать весь маршрут. Он знает, что ты знаком с картой. Что ты кадровый военный армии.

Ах, они и это знают.

Взмах. Посвист и обжигающая не пятки, а прокалывающая все нутро боль.

— Где вы проходили?

— Я не помню. Я не смотрел на карту...

Взмах. Посвист. Рассекающая тело надвое от ступни до мозга боль.

— А-а-а-а!!!

— Он спрашивает, где вы шли? Извини, я ничем не могу помочь.

— Не извиняйся.

Посвист... боль!

И темнота потери сознания. Где все равно боль. И холодная вода на голову и лицо.

— Как проходил ваш маршрут? Он требует показать на карте...

— Я не умею читать карт.

— Он говорит, ты умеешь читать. Он видел, как ты читаешь...

Взмах... посвист... и боль!

Боль!!
Боль!!!

— Ты что-то сказал?

— Сказал. Про подводную лодку. И про самолет...

— Про золото?

— Нет, не про золото. Про то, что мы там должны были что-то взять. Но я не знаю, что. Потому что об этом знал один только командир. Которого они убили...

— А что еще они спрашивали?

— Про маршрут. От начала до конца.

— Сказал?

— Нет. Вернее не про весь. Только от самолета. И про ребят. Про могилы.

— И про могилы?

— И про могилы. Сам не заметил... Но про гранаты не сказал. Понимаешь? Про гранаты ни слова не сказал. Чтобы они... Пусть только сунутся... Пусть только копнут... И все... Чтобы все... До одного... Гниды косоглазые...

— И я сказал...

— Про что?

— Про лодку... И самолет... И могилы...

— Били?

— Били... И вот еще. На руке...

На руке, с внутренней стороны, от плеча до локтя была снята кожа. Тремя длинными полосами.

— Живым на ремни режут. Гады!

Издали со стороны хижины доносились сдавленные крики.

— Кто там?

— Далидзе.

— Громко кричит...

— Шакалы! Дети шакалов! А-а-а!! Чтоб вы!.. Чтоб ваши мамы!.. А-а-а-а!!
Чтоб ваши дети!.. И внуки!.. А-а-а-а-а-а!!

Зря горячился Резо. Зря ругался на двух языках. На русском и грузинском. Они все равно их не понимали. Ни тот, ни другой...

Через день пленников перестали бить по ногам. Били только по рукам и голове. Резали и жгли тело. Выворачивали суставы. И строгали пальцы...

— Теперь меня интересует пятый день. Шесть часов вечера.

— Я не помню пятый день. Я не помню, что было в шесть часов вечера.

— Постарайтесь вспомнить. Иначе вам будет больно. И вы все равно расскажете. Вы все рассказываете. Только очень поздно.

— Зачем вам это? Зачем вы нас мучаете? Лучше просто убейте...

— Мы не виновны в ваших страданиях. Вы сами виновны в ваших страданиях. Мы не приглашали вас в нашу страну. Вы пришли, не спросив нас. С оружием в руках. И убивали наших бойцов, которые хотели остановить вас. Потому что это их страна. Вы убили много наших бойцов... Мы не тро-

гаем гостей. Но вы не гости. Вы пришли без нашего согласия. Зачем вы пришли в нашу страну?

— За приборами. С разбитого самолета.

— Мы не верим вам. Где эти приборы? Куда они делись?

— Мы потеряли их. Ну, в смысле, бросили. Когда начались бои.

— Где бросили? При каких обстоятельствах?

— Не знаю. Не знаю, при каких обстоятельствах. Их командир прятал.

— Один?

— Один.

— Мы не верим вам.

— Зачем мы, по-вашему, пришли? Зачем?

— Наверное, хотели убить старейшину нашей провинции...

— Старейшину? Какого старейшину? Какой провинции? О каком старейшине вы говорите? На хрена он нам сдался, ваш старейшина!

— Или взорвать дамбу. Вот здесь. В верховьях этой реки. Чтобы затопить наши поля. Чтобы погиб урожай и скот. Чтобы наш народ голодал... Вы два раза переходили реку. Здесь и здесь. Поднимались вверх по ее течению. Зачем вы поднимались вверх?

— Не знали мы, что там дамба. Ну не знали!

— Зачем вы тогда пришли?

— За прибора-а-а-а-а!!! Убери щипцы! Больно же! Убери-и-и! Больно-о-о! А-а-а-а-!!!

И снова: "Ты. И ты!"... "Ты. И ты!"... "Ты. И ты!"... Каждый день. И каждую ночь...

— Слушайте, мужики, может, скажем им, где "груз". Чтобы они поверили и успокоились. Ведь все равно доконают. У меня уже живого места нет. Еще немного, и я им даже то, что не знаю, расскажу. Американцы все сказали, и их не трогают. Почти совсем не трогают. Чем мы хуже...

Если по совести рассудить, то самолет на их территории лежал. И значит, по закону им принадлежал. Он больше, чем наш... Давайте отдадим. Им эти приборы без надобности. Куда им их присобачивать? Под хвост мулам? Для точности наведения на базар? Чтобы по дороге с пути не сбиться? Они даже не врубятся, что это такое...

Снова подошли конвойные. Принесли, бросили очередную пару. И выбрали новую.

— Ты. И ты...

— Зачем вы пришли в нашу страну?..

— Где вы были утром шестого дня?..

— Где вы были?..

— Зачем?..

И после каждого вопроса — крики боли и ужаса!

— Все, мужики! Я пас! Я им про все расскажу. Даже про детские шалости. Даже про то, как я за бабами в бане подглядывал. Я больше не могу...

Глава четвертая

Неожиданно пытки прекратились. Совсем. Пленников вымазали с ног до головы мазями, обмотали "лопухами" и оставили в покое. И даже накор-

мили. Не сделали только одного — не сняли колодки. Чтобы они чего-нибудь с собой не сотворили.

— Что они опять задумали?

— Кто их знает? Мне иногда кажется, они вообще не думают. Потому что нечем.

— Не скажи... Мне кажется, они знают, чего добиваются. Особенно главный, который нас допрашивает.

— И чего?

— Возможно, хочет сделать из нас козлов отпущения. Чтобы набить себе цену и заработать лишнюю звездочку на погон. Для этого и дамбу придумал...

— Они просто плохой люди, — высказали свое мнение американцы. — Которые не любят цивилизаций.

Прошел день.

Пленников еще два раза накормили-напоили. Потом пришел местной выпечки доктор, поклонился и еще раз обработал раны. Поклонился — и ушел.

Второй день был, как первый.

Снова с кормежкой, медицинской помощью и свободным, в пределах колодок, досугом.

На третий день колодки с ног сняли, а к пленникам подошли вооруженные вьетнамцы и скомандовали подъем.

Пленники встали вместе с повисшими на руках колодками.

— Пошли!

Пошли. Интересно, куда на этот раз?

Оказалось, недалеко. Оказалось, что через деревню протекает ручей. С очень мутной и вонючей водой.

— Остановиться! Туда! — показали вьетнамцы дулами автоматов на воду.

— Куда — туда? В воду, что ли? Для отработки стрельбы по водоплавающим мишеням?

— Да нет, похоже, просто сегодня объявлен банный день.

Пленники сели в воду. И сидели так три часа.

— Встать!

Встали.

— Пошли!

Пошли. Но уже не под навес. Дальше. На окраину деревни.

— Сесть!

Сели. И сидели чуть не полдня. Потом их снова загнали в яму.

На срезе ямы появился главный вьетнамец, который проводил допросы.

— Сейчас вы все отправитесь в джунгли и постараетесь узнать те места, где проходили в шестой и седьмой дни, — сказал по-английски вьетнамский чин. — А потом в восьмой и девятый. Переведите.

— Приглашает идти в лес, — перевели американцы.

— Грибы собирать?

— Искать места, где мы ходили.

— Понятно. Чем дальше в джунгли, тем больше дров... Спроси его, а как мы пойдем, в колодках?

— Так и пойдете. В колодках, — объяснил вьетнамец.

— Убедил...

Пленников вытащили из ямы и поставили в строй. Колодки велели держать перед собой.

— Пошли!

Впереди вытянулся строй вьетнамских солдат. До двух рот численностью. И сзади тоже. Солдаты шли, пробивая в густолесье тропу, подминающая и вытаптывая кусты, прорубая в местах сужений проходы.

Шли недолго, часа четыре. Но устали больше, чем раньше бы за сутки.

— Стоп!

Кажется, пришли.

— Узнаете место?

Нет, никто не узнает. Что раньше деревья были, что теперь деревья. Что там кусты, что здесь. Джунгли везде на одно лицо. Как вьетнамские солдаты в строю.

— Узнаете?

— Нет, не узнаем...

Впрочем, может, и узнаем... Но все равно не узнаем.

Категорически.

— Вы должны знать это место. Вы здесь ставили метки.

Какие метки? Кто ставил?

Может, и ставили... Но не мы...

Может, и мы... Но не помним, какие...

А если вспомним, какие... То забудем, где...

— Очень жаль, что у вас такая плохая память. Идите за мной.

Идем...

А место действительно знакомое. Неприятно знакомое.

Поворот направо. Направо. И еще чуть-чуть. Завал из полусгнивших стволов и веток. И из камней.

— Теперь узнаете?

Гробовое молчание в ответ.

— Вижу — узнаете.

Как же они нашли? Как отыскивали ту иголку в том стоге сена? И как быстро они к этому месту привели! За четыре часа! Со стороны хорошо наезженной дороги!

А они бродили здесь чуть не сутками. И думали, что бродят по девственному, где нога человека не ступала, джунглям. Впрочем, человека, наверное, не ступала. Вьетнамцы не в счет!

— Подойдите сюда. Видите эту ткань? Знаете, что под ней?

Вьетнамские бойцы разом по команде схватились за углы брезента и оттащили его в сторону. Под брезентом, вплотную друг к другу, лежали разведчики. Мертвые разведчики. С нетронутыми взрывом лицами. Выходит, они и гранаты нашли...

— Ваши?

Пленники молчали.

— Ваши. Только почему они умерли от ножа? Вьетнамские солдаты не пользовались ножами. Вьетнамские солдаты стреляли. Они даже не бросали гранат. Потому что это было им запрещено.

Тогда кто убил ваших товарищей? Вы сами? Кто конкретно? И кого? Посмотрите внимательней.

Вьетнамский чин зашел с дальней стороны могильника, и приблизившись, повернул подошвой ноги голову одного из мертвецов.

— Кто из вас убил его?

— Гнида! — с ненавистью прошептал кто-то из пленников.

Пленники стояли и глядели на своих товарищей. И сильно завидовали им. Хотя бы тому, что те уже умерли, избежав тех мук и унижений, что довелось испытать им. Избежав слабости и предательства. И не они стояли сейчас перед телами своих погибших друзей, слушая нравоучительные нотации чужого военного чина. Они лежали. И им было уже все равно.

— Посмотрели? Тогда идите дальше! — сказал вьетнамец. — Я хочу вам показать кое-что еще.

Пленные развернулись и пошли, подгоняемые штыками конвоя.

— Как вы думаете, что может находиться в этом мешке? — спросил вьетнамец.

Мешок был узнаваем. Это был их вещмешок. В котором они носили боезапас, вещи, продукты и "груз".

— Ваши предположения?

Пленные молчали.

— Ну?

Пленные молчали.

Вьетнамец приподнял вещмешок, распустил стягивающую горловину веревку, перехватил и перевернул его вверх дном. Из мешка выпали и покатались под ноги пленным головы. Головы их однополчан.

— Их вы тоже не узнаете?

Пленные закрыли глаза. И стиснули зубы.

Они думали, они надеялись, что группа отвлечения ушла.

Что им повезло больше. Хотя бы им!

Нет. Не повезло!

— Мы не могли принести тела. Вы, европейцы очень большие. И очень тяжелые. Мы принесли только головы. Чтобы вы могли опознать их. Вы узнаете их?

Снизу, с земли, на разведчиков смотрели стеклянные глаза заместителя командира и двух его бойцов. Смотрели, словно спрашивали, как скоро они придут к ним.

— Сейчас мы пойдем дальше. По маршруту вашего следования. И совместными усилиями будем искать все то, что вы "случайно" обронили на нашей территории. Возможно, мы найдем то, о чем вы говорили. Возможно, нет. Это как вы постараетесь. Если найдем, я доложу о находке своему командованию, которое решит вашу судьбу. Но от себя лично обещаю, что допросы после этого прекратятся. И вы сможете умереть.

— На что можем рассчитывать мы? — спросили американцы.

— Тоже на легкую смерть. Я рекомендую вам бороться хотя бы за легкую смерть. Потому что бороться за жизнь вам уже поздно. Вы ее проиграли. Официально вы уже умерли. Нам осталось только убить вас. Послу-

шайте доброго совета. Боритесь за легкую смерть. Подумайте над моими словами.

— Что он сказал? — обеспокоено спросили русские.

— Он сказал, что и вы и мы погибли в бою. Уже погибли...

— Так... Понятно...

Вьетнамский чин показал на головы. Солдаты раскрыли мешок.

— Итак, вы идете дальше?

— Я — нет! Я никуда не пойду! — решительно заявил Пивоваров. — Лично я никуда. Я останусь здесь. — И Пивоваров сел, вынужденно увлекая за собой американца.

— Вы никуда не пойдете?

— Я пойду. Я могу, — попытался высказать личное мнение американец.

Вьетнамец подозвал начальника конвоя...

Через десять минут Пивоваров кричал. Не закрывая рта. И не думая, что он при этом очень некрасиво выглядит. Сильнее всего он кричал, когда с его спины срезали полосу кожи и бросили туда горсть древесных термитов.

Через час он шел в общем строю...

Глава пятая

В лагерь вернулись к ночи. Пленников выгрузили из машины и погнали ударами прикладов к яме. Они спотыкались и падали. Падали всегда вдвоем.

Пара Кузнецова тоже упала. Вернее, упал американец, а за ним, вынужденно, его напарник по колодкам.

— Быстрее! — торопил конвой, не обращая внимания на истекающего кровью раненого. — Быстрее!

Конвой спешил к ужину.

Но к яме пленных не привели. Их прогнали до конца лагеря и остановили на утоптанном плаце возле вбитых в землю на расстоянии в пять-шесть метров друг от друга кольев.

— Сесть возле кольев! — приказал, точнее показал конвой. — Каждый возле своего.

Пары пленников разбежались в стороны. Каждая к своим кольям. И сели на землю. Кузнецову с американцем достались самые последние колья. Сзади них никого не было. Конвоиры прошли вдоль ряда, привычными движениями раскрыли и загнали в колодки ноги пленных и привязали колодки врастяг, от кола к колу. Так, что нельзя было сдвинуться ни в ту, ни в другую сторону. После чего сели в стороне возле разведенного костра. Ужинать.

На этот раз ни еды, ни воды пленникам не предложили.

"Неужели будут снова допрашивать? — думал капитан, а нынче рядовой колодник, Кузнецов. — А ноги пристегнули для устрашения? Неужели все-таки..."

— Алексей! — тихо позвал американец.

— Чего тебе?

— Посмотри, Алексей, сюда! — американец поднял в оскале губы. В зубах у него блеснуло стекло. Здоровенный осколок бутылочного стекла. — Это там, когда я упал. Теперь ты понял? Алексей... Я не могу сам! Веревка далеко. Я не достаю.

Веревка, связывающая две половины колодок, была действительно далеко. И достать до нее ртом невозможно.

— Надави на меня...

— Нет. Не сейчас. Сейчас нельзя. К утру. Когда караул заснет.

— O'key! К утру. Утро вечера мудреней!

— Мудренее...

— Yes! Мудренее. Будем ждать.

Ближе к рассвету, когда у часовых, вне зависимости от цвета кожи, самый крепкий сон, Кузнецов толкнул американца.

Тот кивнул и показал зажатый в окровавленном рту осколок. Он был готов к работе.

Кузнецов уперся в колодки руками и ногами, наклонился, уткнулся головой в плечо американца и что есть сил, не обращая на резкую лому в кистях, отдал его книзу.

— Есть! — кивнул американец и стал водить головой вправо-влево.

Он пилил веревки, не обращая внимания на боль и на кровь, брызжащую из свежих порезов. Он пилил, потому что боролся за жизнь. А порезы угрожали только здоровью.

Есть!

Веревка ослабла и упала одним концом на землю. Верхняя колода приподнялась.

Теперь главное, чтобы ничего не услышал конвой.

Пленники медленно выпрямились. И очень медленно положили колоду на место. Но только рук в этих колодках уже не было.

— Дай стекло, — попросил Кузнецов.

И перерезал веревки с другой стороны колодок. Теперь верхняя колода оказалась свободной. Нижняя продолжала висеть на веревках, привязанных к кольям.

Надо попытаться отползти и перерезать веревки соседям, подумал Кузнецов. И другим соседям. И всем остальным. А потом разом напасть на караул... Сейчас. Через минуту...

Но отползти к соседям не удалось и освободить всех остальных узников не удалось. Со стороны лагеря пришла караульная смена.

— Быстро! — сказал Кузнецов, вталкивая руки и ноги в полукружья нижней колоды, прижимая их верхней и прижимая ту верхнюю колоду лбом.

Новый караул прошел вдоль рядов, проверяя пленников.

— В порядке, — махнул старший нового караула, и бойцы старого, гремя оружием и переговариваясь, побрели в сторону лагеря.

Не успели! Совсем чуть-чуть не успели! Маленькую капельку...

Ну ничего, сейчас новый караул успокоится, поест своего риса, попьет своего чая и, глядишь, тоже разомлеет. Полчаса ничего не решают...

Но новый караул не сядил. И не ел рис. И не пил чай. Новый ка-

раул тащил службу. Как будто ему надо было больше всех...

Через полтора часа начался рассвет. И бежать было поздно. Может быть, спустя какое-то время... Когда караул куда-нибудь уйдет. Или отвернется. Может быть...

Но караул не уходил и не отворачивался. А когда взошло солнце, новый караул приступил к делу, за которым сюда прибыл.

Они прошли к первой паре пленников и склонились над ними.

"Неужели они решили проверить узлы? — напрягся Кузнецов. — И сейчас, двигаясь от пары к паре, доберутся до них. И увидят взрезанные веревки..."

Но караул не проверял узлы. Караул делал совсем другое.

Два бойца зашли за спины пленников, стянули с плеча автоматы, передернули затворы и приставили дула к их затылкам. Третий зашел с боку и что-то сказал.

Два одновременных выстрела грохнуло над плацем. Мертвые пленники ткнулись головой в землю.

— Гады-ы-ы! — закричал кто-то.

— Что там? Что происходит? — встрепенулся американец.

— Происходит расстрел, — жестко ответил Кузнецов.

Конвойные не спеша развязали колодки и отпнули трупы в сторону. Колодки они аккуратно положили друг на друга. Колодки им были еще нужны.

Потом они зашли в затылок другой паре. И повторили свои механические движения. Приставили дула к головам. И нажали на курки. Одновременно.

Еще два пленника ткнулись лбами в чужую землю.

Тот, что справа, был Смирнов. Сашка. Был, потому что перестал быть...

Вьетнамцы сняли колодки и пошли дальше. К третьей паре.

— Волки позорные! Падлы! Гады! Развяжите меня...

Пивоваров... Вьетнамцы приставили автоматы. Выстрелили. Сняли колодки...

— Крис! — сказал американец.

— Что?

— Это был Крис...

— И Пивоваров...

С четвертой парой палачи возились дольше. Четвертая пара крутила головами, орала, материлась на двух языках и пыталась перевернуться на спину. В четвертую пару стреляли три раза. Два раза, чтобы попасть. И один — чтобы добить.

В четвертой паре крайним справа был Далидзе...

Далидзе...

— Надо бежать! — сказал американец. — Немедленно! Надо бежать! — и попытался приподняться.

— Сиди! Сиди, гад! — свирепо приказал Кузнецов. — Сиди... Если мы сейчас... они все равно нас. У них автоматы на боевом взводе. Им только развернуться. Мы не успеем. От силы два шага...

— А что тогда?

— Ждать! И драться! По-другому нам не спастись...

Пятая пара. Американец. И Кудряшов.

Автомат к затылку. Выстрел. Стук укладываемых друг на друга колодок...

Кудряшов...

Вьетнамцы действовали четко, слаженно и спокойно, словно исполнили привычную работу, словно упражнялись в этой процедуре ежедневно.

Шестая пара... Двое американцев...

Седьмая пара...

— Дальше, — сказал распорядитель.

Дальше была последняя пара.

— Твой — командир, — тихо произнес Кузнецов.

— O'key! — ответил американец.

Конвой подошел ближе.

— О-о! — сказал распорядитель, посмотрев на место, где должны были быть узлы. И даже слегка наклонился, чтобы лучше рассмотреть то, что хотел рассмотреть.

— Разом! — крикнул Кузнецов и, приподняв и перехватив верхнюю колоду, изо всех сил ударил вьетнамца с автоматом по лицу. Услышал хруст и тут же, не замахиаясь, ткнул другого вьетнамца в живот. А когда тот присел, ударил еще раз прямо в выпученные от ужаса глаза. И еще раз — в уже мертвую кровавую кашу. Не для того, чтобы подстраховаться, чтобы отомстить. Чтобы почувствовать, как дерево дробит и ломает ненавистную ему голову.

— Слева! — крикнул по-английски американец.

Но Кузнецов понял. Слева должны были подниматься с карачек запасные конвойные. И должны были поднимать автоматы.

Кузнецов перехватил, вырвал из вялых рук убитого вьетнамца оружие. И боковым зрением увидел, как два его противника разворачиваются в его сторону автоматами. Как лапают непослушными пальцами курки. Но им еще надо было передергивать затворы. А у тех бойцов, которых он убил, автоматы были уже взведены, уже готовы к выстрелу, предназначенному для его затылка. Но этот выстрел миновал его затылок. Этот выстрел пошел по назначению!

Кузнецов повернул дуло и нажал на курок. Короткая очередь трянула автомат, посылая пули в лица и грудь так и не успевших взвести оружие врагов. И тут же грохнуло еще несколько выстрелов. Пистолетных. Сбоку. Оттуда, где стоял американец. Он тоже успел убить и успел перехватить оружие.

— Экономь патроны, — крикнул Кузнецов. — Они нам еще пригодятся.

— Патроны? Yes!

Ну вот и всё. Время унижений прошло. Теперь лучше пулю в лоб, чем в колодки. В лоб! А не по чужой воле в затылок!

— Бери автоматы и запасные обоймы! И фляжки. Обязательно фляжки! Уходим! — крикнул капитан Кузнецов. Теперь уже капитан, а не колодник... — Через десяток минут они будут здесь!

— Кто они?

— Увидишь... Ходу! Ходу!

Русский и американец бежали по плацу к недалеким спасительным кустам.

Глава шестая

Беглецы приблизились к кустам, за которыми, присмотревшись, можно было увидеть плац, вкопанные в землю колья и лежащие возле них трупы. Они заметили суету солдат в лагере, машины, в которые спешно грузились вооруженные вьетнамцы.

— Мы будем делать бой здесь? — спросил американец.

— Нет, мы не будем принимать бой. Пока. Мы спрячемся.

— Где спрячемся? Здесь?!

— Именно здесь! Где они нас будут искать меньше всего. Они думают, что мы побежим в джунгли. Они будут ловить нас именно там. А мы будем здесь! Почти в их лагере. Где искать нас им никогда не придет в голову!

— Но мы не можем быть здесь всегда.

— А мы и не будем всегда. Мы переждем, пока суета утихнет, пока они вернуться из поиска. И потом уйдем. Но только потом. А не сейчас.

— Сколько мы будем ждать?

— Столько, сколько понадобится!

Лежали сутки...

Потом вторые...

Потом третьи...

К исходу четвертых суток беглецы решили выбираться наружу. Но именно в конце четвертых суток поверх убежища прошла облава.

Вначале послышались голоса.

Потом далекие глухие шаги. Негромкие команды.

— Тихо! — на всякий случай зажал рот напарнику Кузнецов.

Но он и без того был тих, как дохлая мышка.

Шаги приблизились, подошли вплотную и удалились.

Всего один человек! Вот что значит открытое пространство. В буреломах наверняка шарил целыми взводами.

Значит, можно выходить?

Нет, надо долежать еще несколько часов. На всякий случай.

Эти последние часы были самыми мучительными...

Поздно ночью беглецы выползли из своей норы.

— Ну что, мы идем дальше?

— Не раньше, чем завтра вечером. Вначале надо посмотреть, что они там делают.

Капитан подполз к самой опушке джунглей. Лагерь сворачивался. Навесы разбирались, кухни зачехлялись, палатки снимались. Солдаты забирались в машины, которые сосредотачивались на плацу, где

еще совсем недавно лежали расстрелянные пленники. Когда все грузовики были заполнены, регулировщик дал отмашку. Выруливая одна за другой, машины вытянулись в колонну.

Лагерь был свернут. Кроме одной единственной палатки. И одной единственной машины. Джипа!

— Все нормально? — спросил американец.

— Нормально, — ответил капитан.

— Мы идет дальше?

— Нет, мы задержаться. Тьфу, в смысле притормозимся.

— Зачем?

— Понимаешь, янки, там остался джип.

— Какой джип?

— Не какой, а чей. Джип того вьетнамского следователя. Суки той, которая нас... Который над нами...

— Ты хочет мстить? Ты хочет разбить его джип?

— Я хочу разбить морду его хозяину. А после этого выпустить из него кишки! И это меньшее из того, что я хочу. И много меньшее из того, что он заслужил.

Вьетнамцев было мало. Главный следователь, его водитель, его охранник и еще какой-то тип. И все! И больше ни одного бойца! Пустой лагерь! Просто какой-то подарок к Новому году.

Вьетнамцы сидели возле джипа и кого-то ждали.

— Какие-то психи. То как тараканы сотнями бегают, то вчетвером остаются. Ни черта не понимаю.

— Что? Что ты не понимаешь?

— Зачем они остались, не понимаю. Кого ждут? Он же полковник — не меньше. И вдруг чуть не один остался. Куда он свое войско отослал? И зачем? И зачем остался?

— Тебе это важно?

— Мне на это наплевать! Мне важно эту гниду прикончить. Только как бы кто в последний момент сюда не нагрянул. И не помешал.

Ладно, янки, давай так. Ты по тем кусточкам ползи вон туда. А я — туда. И по моему сигналу, одновременно, в два ствола. Только в него не стреляй!

— Почему в него не надо?

— В него не надо. Он мой. Я его живым попробую. Или раненым. Чтобы потом потолковать. Не заслуживает он легкой смерти... Ты понял, янки? Его — ни-ни.

— Хорошо, понял. Его ни-ни. Он твой.

— Ну все. Пошли!

Беглецы шагнули в разные стороны и тут же замерли.

Над джунглями раздался рокот моторов.

— Вертолет! — сказал американец.

— Да слышу, что вертолет, не глухой, — досадливо сплюнул Кузнецов. — Не успели! Не везет нам. Сейчас понабежит косоглазых...

— Нет. Это не их вертолет. Это наш вертолет!

— Какой-такой ваш?

— Наш. Американский. Я знаю их шум. Это наш армейский вертолет. Такой же, как который вы взрывать.

— Как такой же?

— Такой же! Я слышу...

Над джунглями показалась и быстро выросла точка, превратившаяся в вертолет.

— Я же говорил, это наш вертолет. Я умею слушать их мотор, — гордо сказал американец.

— Да, это ваш вертолет. Теперь я вижу, что ваш вертолет!

Вертолет завис и снизился.

Вьетнамцы, стоявшие у джипа, замахали руками.

Вертолет еще снизился и коснулся лыжами земли.

— Ничего не понимаю.

Из вертолета выпрыгнул военный в форме.

— No! — сказал американец и опустил автомат. Глаза его полезли из орбит.

— Что? Что такое? — забеспокоился русский.

— Это полковник!

— Может, полковник, может, подполковник... Ты-то чего так разволновался? Или это твой добрый знакомый?

— Это мой знакомый. Это мой полковник! Полковник Эдварс! Это он отправлял меня... нас на задание. Это он!

Полковник подошел к вьетнамскому следователю и протянул ему руку. Вьетнамский следователь протянул свою и что-то сказал. Полковник рассмеялся.

Из вертолета вышли пилоты и подошли к джипу. Вьетнамцы радостно заулыбались и показали на столик, который стоял возле палатки. На столике была еда. Пилоты кивнули и пошли к столу. Есть.

— Ничего не понимаю. Я ничего не понимаю... — твердил по-английски Майкл, уперев в виски пальцы.

— Что ты говоришь? Что? — тряс его за плечо капитан.

— Я ничего не понимаю! — сказал по-русски американец.

— Чего здесь непонятного? Встреча полковника со старым другом. С последующим пикником на природе. На плацу, где расстреляли его личный состав.

— Я ничего не понимаю, — еще раз повторил американец и растерянно посмотрел на капитана.

— Все здесь понятно. Продает вашему полковнику ваши трупы. За доллары. Или еще чего-нибудь продает.

Вьетнамский чин посмотрел на часы и показал рукой на дорогу. Похоже, они ждали подхода машин. Возможно, с трупами накануне расстрелянных американцев. Хитрецы, расстреляли здесь — под ногами, а привезут как будто совсем из другого места...

Со стороны дороги послышался гул машины, которая через мгновение выскочила из-за деревьев. Но не грузовая. Легковая. Точно такой же, как стоял на плацу, джип. С водителем и еще одним человеком на заднем сиденье.

— Похоже, еще один ваш. На пикник... — сказал капитан.

И осекся. И побледнел.

— Что? — спросил очухавшийся американец.

Джип подрулил к палатке и остановился. Из машины вышел военный. Еще один полковник. Но не в американской форме. В форме полковника советской армии.

Вышедший снял фуражку, кивнул американцу, протянул руку вьетнамцу. Вьетнамец пожал и эту руку, что-то сказал. Все рассмеялись.

— Охренеть можно! — только и смог вымолвить капитан.

— Что? Это уже не наш, это уже ваш полковник? — с ехидцей спросил американец.

— Наш. Полковник, — еле слышно повторил капитан. — Мой полковник. Полковник Местечкин! Правда, я его знал, как подполковника...

Полковники, похлопывая друг друга по спинам, прошли в палатку.

— Ничего не понимаю, — дословно повторил фразу американца капитан.

Американец ободряюще тронул его за плечо.

— Он посылал нас сюда за вашим прибором. С вашего самолета. Он готовил всю эту операцию. И он здесь... Я ничего не понимаю.

— Нас тоже посылал наш полковник. За прибором. И он тоже... — в свою очередь сказал американец.

— Что происходит? Что здесь происходит? Меня послал наш полковник... Тебя — ваш полковник. Мы стреляли. Мы убивали друг друга. А они здороваются. И еще они здороваются с этой сволочью, которая убивала и вас, и нас. Я ничего не понимаю...

— Я тоже ничего не понимаю...

Американец и русский стояли, опустив автоматы дулами в землю, и просто смотрели на плац. Они забыли, что собирались сводить счеты с вьетнамцами. Они забыли, для чего у них в руках оружие. Они забыли обо всем.

Со стороны джунглей раздался гул моторов. Еще одних моторов.

— Назад, Алексей! — крикнул американец и, допрыгнув, уронил капитана на землю.

Над плацем завис вертолет. С иероглифами на борту.

Полковники вышли из палатки и задрали головы кверху. Вертолет развернулся и сел рядом с американской машиной. Из люка выскочили несколько бойцов в камуфлированных комбинезонах и выставили в сторону джипа оружие. Следом за ними по поданному пилотом трапу сошел китаец в парадной военной форме.

— Генерал! — шепнул американец. — Нас учили их форма.

Китайский генерал что-то сказал своим бойцам. Они опустили автоматы к ноге, отдали честь и замерли истуканами вблизи вертолета.

Генерал подошел к группе полковников. И с каждым поздоровался. И каждому подал руку. И что-то сказал. И снова все захохотали. И подошли к джипу.

Вьетнамец что-то громко крикнул, солдат побежал в палатку, тут же выскочил обратно, держа в руках какой-то предмет. Он подбежал к

капоту машины и положил предмет туда. Козырнул, развернулся "кругом" и отошел на десять шагов.

Генерал и полковники повернулись к капоту. Вьетнамец поднял предмет.

Предмет был вещмешком. Предмет был тем, с которыми разведотряд вошел в эти треклятые джунгли, вещмешком.

Вьетнамец развязал горловину мешка и вытащил из него...

— Прибор!

— Device!

Одновременно вскрикнули русский и американский беглецы.

Прибор с разбитого самолета. Тот прибор, за которым с двух разных сторон пришли два разных разведотряда. Советский и американский. Прибор, за который они вступили в бой, из-за которого они убивали друг друга. И из-за которого потом их убивали вьетнамцы!

Прибор!!!

Китайский генерал взял прибор в руки, внимательно осмотрел его и часто закивал головой. Китайский генерал был доволен.

Потом прибор взял советский полковник. И тоже рассмотрел его. И тоже закивал.

Американец прибор не взял. Просто закивал.

Генерал повернулся и крикнул что-то в сторону своего вертолета. Из салона выскочил офицер с дипломатом и, придерживая фуражку, побежал к джипу. Подбежал, отдал честь и отдал дипломат.

Генерал поднял дипломат на капот, открыл замки. И что-то вытащил из него, что-то прямоугольное и небольшое по размеру.

— Что это? — спросил капитан.

— Это доллары, — ответил американец. — Наша национальная валюта.

Генерал передал пачку русскому полковнику. Еще одну — вьетнамскому. И еще одну — американскому. Затем перевернул дипломат, и пачки высыпались на капот.

— Это очень много денег. Очень много долларов, — сказал янки. — Я никогда не видел столько долларов.

Генерал бросил прибор в дипломат, передал его офицеру, козырнул и пошел к своему вертолету.

Полковники стали раскладывать деньги. На три равные кучки.

— Сволочи, — сказал капитан. — Они продали прибор китайцам! За ваши вонючие доллары! Они продали и вас, и нас. Оптом. Они убили нас, чтобы спрятать концы. Мы были обречены. Мы были обречены сразу. Когда еще даже не сели в подлодку. Наш гад-полковник выдал наш маршрут. И время нашего прибытия. Чтобы послали вас. Вы знали, когда мы будем на месте! Вы ждали нас!

Капитан схватил американца за грудки.

— Вы же все знали, гниды! Все знали...

— Мы не знали. No! Мы ничего не мог знать! Если бы мы знали, мы не стали бы умирать! Мы бы стали убить вас! Мы ничего не знать! No! No!

— "Не знать"? Да, верно! Вы бы не подставились. Зачем вам было

подставляться под наши пули? Вы не знали. Тоже не знали. Вас тоже подставили. Под наши выстрелы. Нас всех подставили. Всех одинаково подставили!

Китайский вертолет поднялся и, сделав круг, ушел туда же, откуда прилетел.

Полковники придержали поползшие от ветра по капоту доллары.

— А потом, когда мы взяли над вами верх, они подключили вьетнамцев. Чтобы прикончить нас. И вас. Чтобы прикончить всех. И остаться с деньгами. И вьетнамцы нашли прибор. Потому что нас пытали. И убивали. Ты слышишь, янки, они пытали и убивали нас, чтобы отдать прибор нашим хозяевам. Они все были в сговоре. Кроме нас. Кроме тех, кто умирал. За их вонючие доллары. Ты слышишь, янки!..

Полковники положили доллары каждый в свой портфель, и вьетнамец жестом доброго хозяина пригласил их к столу. Откушавшие пилоты американского вертолета сместились в сторону, на травку.

Вьетнамец разлил из большой плетеной бутылки какое-то вино, поднял свой стакан и что-то сказал. Все протянули к его стакану свои стаканы и чокнулись.

— Я не выпущу их отсюда, — вдруг очень спокойно произнес капитан. — Ни одного! Даже если я умру. Даже если я три раза умру. Я не выпущу их...

— И я не выпущу! — сказал американец. — Я их буду мочать!

— Мочить.

— Yes! Я их буду мочить! Всех!

— Тогда ты туда! Я сюда! И... по команде.

Полковники пили и ели экзотические фрукты, а по дальним кустам, обдирая животы о колючки, ползли их бывшие подчиненные и их бывшие пленники. Все ближе и ближе. На расстояние плевка.

Раз!

Два!

Три!

Капитан Кузнецов встал из-за кустов. В рост. Наверное, он не встал бы так в бою, наверное, в бою он стрелял бы из положения лежа. Но это был не бой. Это была месть. И жертвы должны были видеть своего палача. Иначе какая же это месть.

Капитан встал и нажал на курок. Он стрелял от бедра одной длинной бесконечной очередью. Вьетнамцы, даже не успевшие перехватить оружие, падали один за другим.

— Нате, сволочи! Получайте, сволочи! — орал и трясся от выстрелов капитан Кузнецов.

И что-то такое же, но по-английски, кричал лейтенант Джонстон.

Лейтенант и капитан стреляли в смертельно ненавистных врагов. В русских, американцев и вьетнамцев.

До полного опустошения магазинов. До сухого щелчка пустого затвора.

Всё!

В стороне, безумными глазами глядя на кровавое побоище, высоко задрали вверх руки два американских пилота.

Лейтенант Джонстон подошел к джипу.

— Стой! — крикнул ему капитан. — Я сам! Только я.

— Нет, ты — своего. Я — своего! — жестко сказал американец и, вогнав в автомат новый магазин и передернув затвор, поднес дуло к голове полковника. Своего полковника.

— Pig! — сказал он, выстрелил и плюнул в лицо своему бывшему командиру. Но его командир ничего не почувствовал. Его командир был мертв.

Еще жив был советский полковник. Он зажимал рукой грудь и пытался отползти под джип. Правой рукой он царапал кобуру.

Капитан Кузнецов подошел к нему и пнул по пытающейся нащупать оружие руке.

— Ты узнал меня, полковник?

Полковник смотрел на вставшего над ним человека с автоматом.

— Ты узнал меня? — еще громче сказал Кузнецов. И даже пригнулся, чтобы было лучше видно его лицо.

— Капитан... — еле слышно пробормотал полковник.

— Ты узнал меня!

Полковник обессилено закрыл глаза.

— Встать! — заорал капитан. — Я сказал — встать! — и дал полковнику пощечину. И еще одну. И еще.

Полковник открыл глаза.

— Ты знал? Ты знал, что нас должны убить? Всех? Говори!

Полковник кивнул глазами.

— Ты посылал нас, чтобы продать узкоглазым прибор? Так? Ответь! Урод!

Полковник застонал. И изо рта у него потекла струйка крови.

— Да, — тихо проговорил он.

— Кому ты должен был передать деньги? Кому?!

— Полковнику Михееву! Спроси...

— Су-ка! — сказал капитан, и, вскинув автомат, выстрелил полковнику в лицо. — Все вы суки!

И сел, где стоял, обхватив голову руками.

— Пошли, — тронул его за плечо лейтенант Джонстон. — Здесь уже нет живых. Пошли.

— Куда?

— В вертолет. Я доставлю тебя, куда ты скажешь.

— Куда?

— Куда ты скажешь. Быстро в машину! — крикнул по-английски лейтенант испуганно замершим пилотам. И повел в их сторону автоматом.

Капитан Кузнецов встал и безвольно пошел к вертолету.

Лейтенант быстро собрал полковничьи портфели и догнал его. Возле самого люка.

— Ничего, Алексей, все будет хорошо. Все будет очень хорошо! Поверь мне! Все будет all right!..

Вертолет раскрутил винты и поднялся над плацем.

— Куда? — спросил высунувшийся из кабины пилот.

- Что? — переспросил лейтенант.
— Куда летим?
— Туда, — махнул рукой лейтенант в сторону русского капитана. — Туда, куда он скажет...

Глава седьмая

- Кто отправлял вертолет? — спросил лейтенант Джонстон пилотов. — Кто сопровождал полковника?
— Мы точно не знаем...
— Кто отправлял вертолет? — повторил лейтенант, вытащил гранату и вытащил из гранаты чеку.
— Полковник Смит! Сэр!
— Полковник Смит. О'кей. Тогда летим на базу...

Над посадочной полосой американского военного аэродрома завис вертолет.

- Что это за машина? — спросил диспетчера дежурный по полетам.
— Не знаю. Сэр!
— Ну так узнайте! Черт вас возьми! Что это за бардак? Прилетают никому не известные машины...
— Это борт полковника Смита! Сэр!
— А, разведка. Вечно они со своими фокусами. Вечно у них все не как у людей. Запросите борт. И разрешите им посадку.
— Сэр! Они отказываются садиться.
— Это что еще за новости? Как так отказываются садиться?
— Они отказываются садиться без присутствия на полосе полковника Смита. Сэр!
— Ну так позовите этого полковника. Побыстрее. Не будут же они висеть здесь весь день... Шевелитесь же, шевелитесь...

Диспетчер набрал номер.

- Полковника Смита.
— Я полковник Смит.
— Ваш вертолет над полосой. Сэр! Он отказывается совершить посадку, пока вы не придете на аэродром.
— Какой номер борта?
— Двести семнадцатый.
— Я выезжаю. Ничего без меня не предпринимайте.
— Есть!

Джип полковника Смита вылетел на взлетную полосу. Прямо под брюхо зависшего вертолета. Полковник сошел с джипа и, придерживая рукой фуражку, задрал голову кверху. И махнул рукой.

— Вот и славно, — сказал почему-то по-русски лейтенант Джонстон и завалил вниз дуло бортового пулемета.

— Нам спускаться ниже? — спросил из кабины пилот.

— Нет, вполне достаточно, — ответил лейтенант и еще раз, на всякий случай, показал пилоту зажатую в руке гранату с выдернутой чекой.

Потом он на мгновение отпустил пулемет, чтобы открыть дипломат. Он открыл дипломат, увидел сложенные в нем доллары и толкнул дипломат вниз. Деньги выпали и, сбитые воздушным потоком, стекающим с несущих винтов, ударились в бетон взлетной полосы и в задравшего голову вверх полковника Смита.

— Вот и славно! — еще раз сказал лейтенант Джонстон и нажал на курок.

Пулемет задрожал, и десятки пуль устремились вниз, в тело упавшего полковника. Они терзали его плоть, облепленную окровавленными долларовыми купюрами, поверх которых снова и снова впивались крупнокалиберные пули.

— Су-ка! — сказал лейтенант Джонстон. — Это собака женского рода...

Капитан Кузнецов ждал катер, который должен был эвакуировать полковника Местечкина. Он ждал его уже несколько часов. Потому что вертолеты летают быстрее, чем ездят машины. Место эвакуации он увидел на карте, которую нашел в портфеле полковника.

Капитан ждал катер и ни о чем не беспокоился. Он устал беспокоиться. Он просто ждал.

Катер вынырнул из тумана и мягко воткнулся в песчаный пляж. Капитан вышел навстречу спрыгнувшему на берег морскому офицеру.

— Вы полковник Местечкин? — спросил он.

— Нет. Я капитан Кузнецов.

— А где Местечкин?

— Местечкина не будет. За Местечкина я.

— Бардак! — сказал морской офицер. — Я должен забрать полковника Местечкина. И только его.

— Вы что, не понимаете? Полковник сильно захворал. За него я. Если вы не доставите меня по назначению, вас будут ждать неприятности. Я везу очень важные документы.

— Откуда я знаю, что вы замещаете Местечкина?

— Но я же знаю место и время встречи.

— Черт с вами, забирайтесь, — согласился офицер. — Навязали вас на нашу голову — полковники, капитаны, Местечкины, не Местечкины... Идите в рубку. Здесь будет мокро.

— Нет. Я останусь здесь.

— Ну, как хотите.

Катер отвалил от берега и, развернувшись, пошел в открытое море.

Через час из тумана выступил силуэт большого корабля. Катер дал короткую сирену и подвалил к борту, с которого сбросили трап.

— Мне нужно к полковнику Михееву, — сказал Кузнецов вышедшему ему навстречу офицеру. — Где он?

— Полковник у себя.

— Где у себя?

— В каюте. Я вас провожу.

Капитан в сопровождении офицера прошел внутрь корабля.

— Здесь! — сказал офицер и стукнул в овальную металлическую дверь.

— Что? Прибыл? — крикнул из-за двери голос. — Входите.

Офицер открыл дверь.

— Так точно! Прибыл!

— Ну так пусть заходит! А вы... А вы можете быть свободны.

— Есть! — козырнул офицер и ушел.

Капитан шагнул в каюту.

— Кто вы? — удивился полковник Михеев.

— Я от полковника Местечкина.

— А где он сам?

— Полковник ранен. Он приказал передать вам вот это. Для передачи дальше...

Капитан выложил на стол портфель.

— Не было печали... Когда ранен?

— Несколько часов назад.

— Seriously?

— Нет.

— Ладно. Пока ступайте. Я после вас вызову. И разберусь.

— Разрешите идти?

— Идите!

Капитан вышел из каюты и аккуратно затворил дверь. Пройдя по коридору, он остановился метрах в двадцати от каюты.

Интересно, он сразу полезет в портфель или погодит? — подумал капитан.

Ждал капитан недолго.

Корпус корабля вздрогнул, и раздался сильный взрыв. Дверь каюты вылетела и ударилась о переборку. Из каюты повалил дым, полетели какие-то бумажки.

Капитан подошел и поднял одну из них. На бумажке был нарисован портрет президента США. И по углам стояли цифры. Цифры сто.

Капитан бросил бумажку и пошел по коридору, толкаемый бегущими навстречу матросами с огнетушителями.

Все-таки полковник оказался очень нетерпеливым. И посмотрел сразу. Растяжка сработала...

Значит, полковник знал о том, что должно быть в портфеле! Значит, все случилось так, как должно было случиться...

Ну и значит — черт с ним... С ними со всеми...

Послесловие

Москва. Управление ГРУ. Отдел специальных операций.

— Дежурный! Полковника Трегубова ко мне. Срочно!

— Есть! Товарищ генерал...

— Разрешите, товарищ генерал?

— Проходи.

— Товарищ генерал, полковник Трегубов по вашему приказанию...
— Я же сказал, проходи... Садись. Сел? А теперь доложи, что у нас там по китайскому делу?

— Все в порядке, товарищ генерал. Операция практически завершена. Деэа прошла.

— Это хорошо, что прошла. А как приборы?

— Приборы изъяты спецгруппой майора Тихомирова в составе пяти человек. Взамен изъятых установлены наши приборы. Операция по изъятию прошла без происшествий.

Демонтированные приборы доставлены на объект Северный, после чего в полном комплекте переданы в НИИ вооружений для детального изучения их технических параметров и технологии изготовления. Наши приборы приняты адресатом согласно утвержденному плану.

— Выходит, съели китайцы нашу фальшивку? Не поперхнулись?

— Так точно! Съели.

— Ну что скажешь, молодцы технари, не подкачали!

— Так точно, молодцы! Наши источники подтверждают, что приборы переданы их ученым ВПК и оценены как высокотехнологичные. Рассматривается вопрос об адаптации их для использования в китайских ВВС.

— Американцы ничего не пронюхали?

— Никак нет! Все сложилось очень удачно. Полковник Смит, который был использован нами в оперативных целях, погиб в результате несчастного случая. Вся информация была замкнута на нем. Так что...

— Наши потери?

— Потери плановые. Погибла разведгруппа прикрытия. Китайцы оповещены о данном факте в полном объеме.

— Чем больше крови, тем больше веры?

— Так точно.

— Что у тебя еще? Ну говори! Не финти, полковник!

— Неплановые потери, товарищ генерал.

— Кто?

— В ходе операции погибли полковник Местечкин и полковник Михеев.

— Час от часу не легче! Обстоятельства?

— Обстоятельства выясняются.

— Распорядитесь о компенсациях, пенсиях, ну и о всем прочем. Пошлите соболезнование семьям. Ну, вы сами знаете... И подготовьте рапорт о представлении к наградам. Посмертно. У вас все?

— Никак нет, товарищ генерал.

— Что еще?

— В разведгруппе прикрытия остался в живых один боец.

— Как так остался?

— Стечение обстоятельств...

— Фамилия?

— Капитан Кузнецов, товарищ генерал.

— Где он?

— В настоящий момент находится в камере предварительного заключения. В одиночке. С ним работают наши следователи.

-
- Что вы предлагаете?
- В принципе существуют два варианта. Вынесение приговора с последующим длительным заключением в подконтрольной нам зоне. Либо...
- Капитан осведомлен о деталях операции? О ее целях, задачах?
- Никак нет. Капитан владеет информацией в рамках своей компетенции.
- Тогда так. Не надо заключения. И "либо" не надо. Хватит нам жертв. Плановых хватит... Сделаем так: капитана Кузнецова откомандировать в распоряжение шестого отдела. Пусть служит. Пригодится еще. Видно не дурак парень, раз из такой передраги умудрился сухим выйти!
- Но...
- Довольно, полковник! Будем считать вопрос решенным. Подготовьте приказ.
- Так точно, товарищ генерал!
- По китайскому делу все?
- Все, товарищ генерал!
- Тогда пошли дальше. Как у нас обстоят дела в Анголе?.. ■

Вниманию участников конкурса "Моя родословная"

По просьбам наших читателей жюри решило продлить сроки конкурса, объявленного в февральском номере журнала.

Окончательные итоги мы опубликуем в январе 1999 года, к 75-летию "Смены".

ТРИП-ХОП – МУЗЫКА XXI ВЕКА?

Как в старом анекдоте:
“... Только медленно и печально”

В Англии, на берегу Северного моря, недалеко от Бристоля, есть маленький и ничем не примечательный городок Портисхэд. В 1991 году в этом рыбацком местечке появилась одна из загадочнейших групп нашего времени, а возможно, и самый интересный британский коллектив 90-х с названием родного города — “Портисхэд”. Они — одни из изобретателей музыки XXI-го века — трип-хопа. Песни “Портисхэд” — гипнотическое напение тягучих фрагментов — сэмплов, а поверх них — таинственные “шпионские” мелодии и, конечно, неземной голос солистки группы Бет Гиббонс. Ледяной и сексуальный, он вводит в состояние транса и подчиняет себе с первых же звуков. Трип-хоп в последнее

время называют современным блюзом, стало быть, Бет — это Дженис Джоплин наших дней. Автор музыки и идеолог "Портисхэд" — Днефф Барроу. Еще в группе — опытный джазмен Эдриан Атли, гитарист и иногда продюсер, а также гениальный звукоинженер Дэйв Мандональд.

Днефф попал в музыку довольно традиционно — с шестнадцати лет работал оператором в той самой бристольской студии, где сейчас записывается. Объединив усилия с еще одним гением-самоучкой, Трини, Днефф в 22 года записал свою первую песню "Aftermath". Тогда, в 1990 году, эта вещь прошла незамеченной, но двумя годами позже, в переработанном виде, она стала хитом, вознесшим Трини на самую вершину. Талантливую юншу заметила довольно

коммерческая, но оригинально мыслящая певица Нене Черри. Именно на деньги ее мужа и продюсера Днефф записывал свои первые опыты. В конце концов он решил, что пора создать собственную группу. Музыка была почти готова, оставалось только найти голос, который озвучит подсознание бристольского умельца. А тут годился далеко не всякий голос...

Предыстория названия очень символична: одного яхтсмана, живущего в Портисхэде, отнесло в открытое море, и он уже не вернулся назад. Потом на яхте нашли видеонассету, которую он успел

отснять. На ней он повторяет: "Вызываю Портисхэд, вызываю Портисхэд..." Сами же "Портисхэды" не в восторге от своего города. "Музыка была для меня единственным шансом вырваться отсюда", — говорил Днефф. Бет Гиббонс ничего не говорила: она никогда не дает интервью, никогда не приходит на пресс-конференции и уж, конечно, не перекидывается репликами со зрительным залом.

23-летний Джефф встретил Бет в агентстве по трудоустройству в 1991 году. Она узнавала, не требуется ли где певица, а он искал музыкальную компанию, которая возьмется спонсировать его начинания. По словам Джеффа, Бет (ей тогда уже стукнул тридцатник) до их встречи выступала с парой заштатных "пивнушных" групп и вообще больше пела в ванной, чем на сцене. Разговорившись за чашечкой кофе, Джефф и Бет выяснили, что подходят друг другу: в частности, Барроу понравилось, что в отличие от других вокалисток, с которыми он работал, Бет сама писала песни. А потом он услышал, как она их поет, — с этого и началась история "Портисхэд".

В июне 1994 выходит 10-минутный фильм со странным названием "To Kill A Dead Man", где Бет сыграла главную роль, а Джефф написал музыку; вслед за тем первый сингл "Numb", занявший 10-е место в танцевальных чартах — тогда любая электронная музыка считалась танцевальной. Рецензии вышли не просто хвалебные, а полные чуть ли не религиозного экстаза. Такого и вправду давно уже никто не слышал — параллели с "Massive Attack" были неизбежны, но вместо ленивого гедонизма своих коллег "Портисхэд" занырнули в самые глубины тоски и печали, откуда, казалось, нет возврата. Прочие же музыканты без лишних слов наперегонки бросились к Барроу заказывать ремиксы. Таким образом, еще пребывая в относительной неизвестности, "Портисхэд" обрабатывали песни таких гигантов, как "Primal Scream", "Neneh Cherry", "Tricky" и "Depeche Mode". Да и "Massive Attack" не обидели — реминс "Портисхэд" на песню "Karmacoma" с вокалом Трини — настоящая квинтэссенция трип-хопа.

Двумя месяцами позже появляется альбом "Dumty". Он представлял собой такой поток свежих идей, будто на дворе стояли 60-е и вокруг расстилалось непановое поле возможностей. С первых же

звучов "Dumty" воздушная меланхолия призрачными потоками изливалась из динамиков, заполняла все вокруг, брала за душу, зачаровывала. "Портисхэд" смешали в принципе несовместимые стили: джаз, депрессивную "атмосферную" готику, музыку из шпионских и научно-фантастических кинофильмов 50-х — 60-х плюс безудержное новаторство Джеффа Барроу. Эта парадоксальная смесь глубокого прошлого и отдаленного будущего, как ни странно, заработала, да еще как. На некоторых треках даже старательно воспроизведено потрескивание архаичной виниловой пластинки — Джефф предпочитает давно снятые с производства модели синтезаторов и прочего оборудования, и еще музыку, написанную до 1962 года. Некоторые склонны рассматривать "Портисхэд" как погребально-депрессивную группу, но существует и другое мнение. "Портисхэд" — это Барри Уайт 90-х, то есть идеальное музыкальное сопровождение для интимной обстановки.

Меланхоличная рефлекслирующая лирика Гиббонс идеально сочеталась с ее божественным хрупким голосом. Слушая "Dumty", легко представить себя в насквозь прокуренном баре, сидящим глубокой ночью с чашечкой черного кофе, и погруженную в себя женщину с тлеющей сигаретой в тонких пальцах, поющую о боли и разлуке. Эти ассоциации еще более укрепились от эlegantных клипов "Портисхэда": измощенная Бет в черном вечернем платье и длинных перчатках, ей подыгрывает отстраненный джаз-бэнд. Тогда же группа несколько раз выступила живьем: публики расходилась изумленная, с выпученными глазами.

Триумфально выступив на главном английском фестивале в Глстонберри летом 1995-го, "Портисхэд" замолкает. Правда, на сборнике "Yelp" появилась новая вещь коллектива — "Mourning Air".

Тем временем трип-хип и "Портисхэд" становятся последним криком моды, все, связанное с личной жизнью группы, вызы-

вает огромный интерес. И если Джефф изредка да и дает интервью, то Бет живет затворницей в маленькой деревушке Девон и наотрез отказывается встречаться с журналистами, которые в отместку пишут про нее всякую чушь. По немногочисленным высказываниям Джеффа, однако, можно заключить, что Бет не настолько депрессивная и замкнутая натура, как может показаться по ее стихам. Газеты приписывали неразговорчивость "Портисхэд" их заносчивости, но сами они утверждали, что их интересует только музыка, а не шумиха в прессе.

Весь 1996 год о "Портисхэд" никто ничего не слышал — было непонятно, ждатель ли нового диска вообще, казалось, их история не получит продолжения. И только летом 1997 наконец появляется новый сингл под названием "Cowboys", включающий одноименную песню и ее инструментальную версию. "Cowboys" услышали далеко не все желающие — сингл вышел только на виниле смехотворным тиражом 7500 экзemplяров. С рук этот суперраритет сбывали за 100 фунтов. Немногочисленные счастливицы поведали остальным, что песня звучит более по-портисхэдовски, чем когда-либо. 24 июля "Портисхэд" в сопровождении оркестра из тридцати человек дают концерт в Нью-Йорке (билеты размели за один день), на котором исполняют песни с нового альбома. И даже играют одну песню на бис! Бет по-прежнему погружена в себя и все так же одну за другой смолит "Marlboro Lights", музыканты ничуть не утратили профессионализма. Это их первое за два года выступление ляжет в основу фильма, причем именно фильма, который планируется показывать в кинотеатрах, а не музыкального видео.

На пресс-конференции (на которую Бет опять не явилась), Джефф поведал, что работа над новым диском заняла тринадцать месяцев и протекала в очень нервной обстановке, из-за чего "Портис-

хэд" едва не распались. На группу сильно давило то, что от них ожидают не менее сильной работы, чем "Dummy", — запиши они пластинку чуть хуже, и музыкальная пресса разорвет их в клочья, так уж заведено в Англии.

И вот альбом, названный просто "Портисхэд", появляется на прилавках магазинов. Его предваряет сингл "All Mine". И тот, и другой моментально оказываются в первой десятке. Никто не осмелился сказать, что "Портисхэд" — более слабая работа, чем "Dummy". Звук несколько изменился: стало больше клавишных (партии сыграны на архаичном Hammond'e), все сэмплы Джефф записал самолично — тогда как сэмплы для "Dummy" позаимствованы из классики блюза; стало больше акустических инструментов, на музыку и шпионским лентам альбом тоже не походил — зато очень годился для хичконовских изысканных ужасов. Голос Бет звучит так же страстно и загадочно, как и всегда, но на этот раз он пропущен через массу примочек и создает совершенно сюрреалистическую и зловещую атмосферу. От гипнотического шепота он воспаряет на три октавы выше и летит обратно. Стихи сохраняют настроение мрачного самокопания первого диска. Музыка стала несколько агрессивнее, и местами тяжелее, чем на "Dummy". В целом диск намного эмоциональнее, нежели его предшественник. При прослушивании "Портисхэд" не покидает ощущение путешествия через какие-то ужасные ландшафты, где зывает ледяной ветер и никогда не светит солнце. Трип-хоп ли это по-прежнему? За неимением другого термина — да, но правильней будет — просто "музыка, которую играют "Портисхэд".

После долгого перерыва группа снова дает концерты в Англии и, видимо, как никогда, полна творческих сил. Новый альбом уже продан большим тиражом, чем "Dummy", о падении популярности и речи не идет. ■

Дмитрий ВЕБЕР

Золушка, дочь миллионера

Майя ОРЛОВА

 изни ее завидовали все женщины мира, во всяком случае, те из них, кто читал газеты и смотрел кинофильмы. Признанная красавица, дочь миллионера, звезда Голливуда — американка Грейс Нелли встретила самого настоящего принца: властителя последнего княжества на земле — Монако. Она вышла за него замуж, родила троих детей и погибла в авткатастрофе, против немногим более пятидесяти лет. Тайна ее смерти не разгадана и по

сей день, зато давным-давно раскрыта тайна ее жизни; прекрасная принцесса была очень несчастной женщиной.

"Мне всегда нравилось жить понарошну", — призналась она как-то одному журналисту. Дочери миллионера это настолько нравилось, что она забивалась в чулан и часами играла там в куклы, с которыми разговаривала на особом, ею придуманном языке. Уже став принцессой Монако, Грейс втайне от всех перевезла в Европу целый ящик своих кукол с нарядами и прочими вещами, и время от времени уединялась, чтобы пообщаться со своими любимицами и привести их в порядок.

От матери-немки Грейс унаследовала утонченную арийскую красоту блондинки, от отца-ирландца — неуклонное стремление добиваться поставленной цели, каной бы фантастической она ни казалась. Джен Нелли родился в семье каменщика и стал миллионером исключительно благодаря своему труду и целеустремленности. Вообще семья Нелли еще до того, как породнилась с ньяжеским семейством Гримальди, заслуженно гордилась двумя братьями Днорджем и Уолтером, драматургом и комедийным антером, и сестрой Грейс, блестящей комедийной антрисой и мимом, в честь которой и назвали будущую принцессу Монако.

Третий ребенок в семье, Грейс росла гадким утенком: склонная к полноте, близорукая, вечно простуженная, она вызывала у своих родных жалость и желание чем-то компенсировать девочке ее неназистость. Но потом, совсем как в сказке, произошло превращение гадкого утенка в прекрасного лебедя. К

семнадцати годам Грейс стала одной из самых хорошеньких девушек в Филадельфии, ее родном городе, а в восемнадцать, благодаря привлекательной внешности и... протекции дяди-драматурга, поступила в Американскую академию драматического искусства. Отъезд из родного дома во многом способствовал блистательному успеху будущей

принцессы: и отец, и мать были достаточно деспотичны. Когда много лет спустя ее старшего брата спросили, почему Грейс так резко отличается от остальных членов семьи, он, не задумавшись ни на секунду, ответил:

— Она рано покинула дом. Никто другой из нас не сумел бы этого добиться.

Уже на следующий год обворожительное лицо Грейс появилось на обложках "Редбуна" и "Космополитена", а несомненно раз в неделю ее можно было увидеть в рекламных роликах по телевизору. Но этот успех, казалось, ее совершенно не задевал. "Она по натуре была одиночкой, — вспоминала позже одна из ее однокурсниц. — Некоторые из студентов буквально молились на нее из-за ее красоты и какой-то изысканной отстраненности. Да, она была прекрасна, но мне всегда казалось, что она немного холодновата".

Эту точку зрения, однако, разделяли далеко не все. Первый ее официальный возлюбленный, Александр де Арси, в то время уже известный киноактер, был просто потрясен, когда после недели красивого и целомудренного ухаживания попробовал пойти чуть дальше и как бы ненароком коснулся рукой колена Грейс. "Она прямо-таки бросилась в мои объятия. Я не мог поверить собственным глазам: она оказалась полной противоположностью собственной внешности и манере держаться."

Грейс еще не стала известной актрисой, но уже состоялась "генеральная репетиция" ее блистательного будущего. Зимой 1949 года в Америку с официальным визитом прибыл тридцатилетний шах Ирана — красавец Мохаммед Реза Пехлеви, незадолго до этого разведшийся со своей бесплодной женой. Шах влюбился в Грейс с первого взгляда, они провели вместе неделю и в один прекрасный день монарх предложил Грейс стать повелительницей Ирана. Но честолюбивая американка отвергла королевского жениха: она не любила шаха, еще не оставила мечту прославиться как актриса, да и побаивалась связать свою дальнейшую судьбу с загадочным Востоком.

Вторая "репетиция" состоялась год спустя. Грейс играла в пьесе "Лебедь" юную княгиню, которая разрывалась

между возлюбленным-простолюдином и неким меланхоличным принцем, которого родители прочили ей в мужья. Героиня пьесы выбрала принца. Самой Грейс в ту пору был 21 год и она еще не думала о замужестве.

Не думала она о нем и тогда, когда в 1952 году сыграла в фильме "Могамбо" вторую женскую роль. Ее партнером был сам Кларк Гейбл, перед чарами которого в свое время не устояла даже Скарлетт. Роман закончился одновременно со съемками, но Грейс уже почувствовала вкус к общению со звездами, в том числе и с королями экрана. Ее заметили в Голливуде, и очень скоро сыграть в одном из его фильмов ей предложил знаменитый Альфред Хичкок, причем она была единственной женщиной во всем актерском составе. Фильм "Набережье номер убийцы" пользовался успехом, но несравнимым с тем, который выпал на долю следующей ленты Хичкока "Окно во двор". Лента побила все насовые рекорды. И наконец роль в фильме "Деревенская девчонка" принесла Грейс знаменитую премию "Оскар" в номинации "Лучшая актриса года".

После банкета Грейс вернулась в свой гостиничный номер и водрузила статуэтку "Оскара" на тумбочку. "Вот так мы и сидели вместе, — вспоминала она впоследствии, — "Оскар", я и больше ничего. Это было унасно". Невидимые миру слезы...

В 1954 году Грейс отправилась на международный кинофестиваль в Каннах — там она и познакомилась с Ренье, принцем Монако. Полгода спустя принц приехал в Америку, чтобы официально просить руки белокурой красавицы у ее родителей, честолюбивые мечты которых были более чем удовлетворены этой просьбой. Дочь, на которую они не возлагали особых надежд, блистательно устроила свою судьбу. А самой Грейс в двадцать шесть лет больше всего хотелось стать женой и матерью. Но глав-

ным было то, — кстати, в это никак не хотела поверить пресса, — что жених и невеста искренне любили друг друга.

Правда, Альфред Хичкок, режиссер, сделавший ее знаменитой, отозвался об этом браке более чем язвительно: "Я ужасно счастлив, что Грейс нашла себе такую отличную роль".

Апрель 1956 года стал для Грейс кульминацией всей ее жизни: на морском лайнере класса "люкс" она плыла через Атлантику навстречу действительно королевскому обряду венчания. Тридцать лет спустя подобную церемонию — венчание леди Дианы и принца Уэльского Чарльза — с замиранием сердца наблюдал по телевидению весь мир. Именно тогда впервые появились признаки болезни под названием "журналистская истерия", которая имела столь печальные последствия для принцессы Дианы. Принцессе Грейс повезло значительно больше.

— Со мной творится нечто странное, — сказала она одной из знатных дам Монако, встречавших ее в порту, — я чувствую, что становлюсь счастливее с каждой минутой.

Через девять месяцев и четыре дня после свадьбы княгиня Грейс родила своего первого ребенка — Каролину-Луизу-Мargarиту, а спустя год и два месяца — наследника княжеского рода Гримальди Альбера-Александра-Луи-Пьера. Меньше чем за два года молодая княгиня выполнила свой долг и обеспечила свою новую страну законным наследником. Ей еще не исполнилось тридцати лет и добрая половина жизни была впереди. А вот Голливуд, наоборот, навсегда остался позади, несмотря на то, что Грейс Монакская неоднократно получала оттуда чрезвычайно выгодные предложения.

Она играла последнюю свою роль — роль принцессы, и делала это безукоризненно. Научилась сносить и вспышки гнева своего августейшего супруга (тот мог запустить в нее стаканом, если

стрижка Грейс, по его мнению, была слишком короткой), и частые приступы его черной меланхолии. Научилась отвечать на многочисленные письма, приходящие на ее имя, и присутствовать на всех протокольных мероприятиях, сплошь и рядом жертвуя для этого сном и общением с детьми. Но... она устала. И в ответ на вопрос принца, какой подарок она хотела бы получить к десятилетней годовщине их свадьбы, ответила не без горечи:

— Двенадцатимесячный отпуск.

Она устала и от детей, точнее, от того, что было связано с их появлением на свет. Дамы из семейства Гримальди, согласно давней и неписаной традиции, должны были рожать без обезболивания и самостоятельно кормить детей грудью. Когда в 1965 году, после двух неудачных беременностей, Грейс родила дочь Стефанию-Марию-Элизавету, то не могла воспользоваться теми благами цивилизации, которыми пользовались самые простые женщины в мире: анестезией при родах и молочными смесями для кормления.

На Всемирной выставке в Монреале, куда Грейс отправилась с супругом и двумя старшими детьми, семью онидал удар. В возрасте 37 лет принцесса была снова беременна и с радостью ожидала появления на свет своего четвертого ребенка. Но мальчик умер во чреве матери, так и не появившись на свет. Врачи сказали, что больше детей у нее уже не будет никогда.

Судя по тому, что принцесса Монакская все больше и больше времени проводила в Париже — без супруга и детей, в ее семейной жизни далеко не все было гладко. Но Грейс слишком вошла в свою роль, чтобы показать, насколько она несчастна в замужестве. Тяжелый характер принца Ренье с годами стал почти невыносимым. Она научилась уворачиваться от его насмешек и оскорблений с бесстрастным лицом. Жизнь со

"сказочным принцем" она ждала ничуть не лучше жизни с самым обыкновенным человеком, но абсолютно исключала развод или попытку публично защитить свои права.

Старинное предание гласило, что ни один из Гримальди не познает счастья в браке, поскольку первый принц Ренье еще в XIII веке обесчестил юную девушку. Та и прокляла его таким экстравагантным образом. И, что самое странное, так и было на самом деле. За более чем шесть веков существования рода не сложилось ни одного счастливого брачного союза и даже те из монакских правителей, которые женились по любви, вскоре утрачивали это чувство.

Не составил исключения и брак красавицы из Голливуда с принцем Ренье. Через двадцать лет после свадьбы они были совершенно посторонними друг другу людьми, которых хоть как-то связывали только дети. Избалованные, не слишком хорошо воспитанные дети, приносившие сплошные неприятности. Принцесса редко жаловалась, но иногда все-таки проговаривалась. Во время официального приема в Англии по случаю помолвки принца Чарльза и леди Дианы принцесса Грейс познакомилась с будущей герцогиней Уэлльской и та пожаловалась, что ей просто житья не стало от назойливых журналистов и фоторепортеров.

— Не стоит волноваться, моя дорогая, — ответила ей принцесса Монако самым утешительным тоном. — Дальше будет еще хуже.

И тем не менее, на взгляд постороннего наблюдателя, принц и принцесса назвали счастливой и довольной жизнью парой, хотя, конечно, ничуть не подходили на романтических влюбленных. Умница Грейс находила способы время от времени выпархивать из золотой клетки, сохраняя за собой и все положенные ей по статусу принцессы привилегии, и возможность в любую минуту ту-

да вернуться. Она по-прежнему была прекрасной антрисой. Он же без нее терял многие привлекательные черты. Великодушные и эгоистичные, супруги справили серебряную свадьбу, не дав за четверть века вездесущей прессе ни единого повода для сплетен.

А через год автомобиль, в котором ехала Грейс со своей младшей дочерью Стефанией, рухнул в пропасть на одном из поворотов дороги в горах. Стефания отделалась ушибами, а Грейс в бессознательном состоянии доставили в клинику. Сутки спустя Грейс Патриция Келли, Ее Светлейшее Высочество принцесса Грейс Монакская скончалась, не приходя в себя. Ей было пятьдесят два года. На ее похоронах почти все присутствовавшие планали, включая и овдовевшего принца Ренье.

"Господи, — прозвучало на кладбище у края свежей могилы, — я не спрашиваю тебя, почему ты забрал ее у меня, но благодарю за то, что ты дал ее нам".

Принц Ренье до сего дня сохраняет верность своей первой и последней настоящей любви. И это — единственное сказочное, что есть в этой истории.

Семейная жизнь троих детей принца и принцессы складывается исключительно неудачно. ■

фото "Фотобанка"

ИНДЕКСЫ ЖУРНАЛА:

70820 — для индивидуальных подписчиков. Полугодовая подписка — **93 рубля** (по каталогу "Роспечати") без стоимости доставки.

72516 — подписка для всех библиотек и ветеранов войны и труда. Полугодовая подписка — **87 рублей** (без стоимости доставки).

88998 — адресная подписка с доставкой на дом [зеленый каталог] на полгода — **120 рублей**.

Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи России и стран СНГ с любого месяца.

Ф. СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на _____
журнал

(индекс издания)

«СМЕНА»

Количество комплектов	
-----------------------	--

на 1999 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому _____

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА

ПВ

место

ли-
тер

на _____
журнал

(индекс издания)

«СМЕНА»

Стои-
мость

подписки
пере-
адресовки

руб.
руб.

Количество
комплектов

на 1999 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому _____

(фамилия, инициалы)

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах «Роспечати».

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи и «Роспечати».

И снова наш «Практикум» к вашим услугам, читатель. С его помощью вы самостоятельно справитесь с такой досадной мелочью, как поломка любимой брошки; сможете организовать на дачном участке «парад тюльпанов»; а наши милые читательницы откроют секрет избавления от лишнего веса.

И дождь не страшен

Чтобы складной зонтик открывался и закрывался без осечки, время от времени ставьте его в развернутом состоянии под теплый душ. Под действием теплой ткань равномерно растянется по спицам и после сушки сохранит свою форму.

Если у зонтика от конца спицы оторвалась ткань, вовсе не обязательно обращаться в мастерскую. Нужно взять тонкую леску, трижды обмотать конец ткани и завязать узел. Затем продеть леску через отверстие в конце спицы и закрепить ткань.

Мягкую мебель можно отлично вычистить с помощью выбивалки для ковров, не поднимая при этом в комнату пыли. Достаточно накрыть обивку мокрой простыней. Пыль осядет на простыню, которую останется лишь сполоснуть.

рисунки Виктора Ковалея

При мытье люстры, как ни старайся, хрустальные подвески так и норовят упасть на пол. Чтобы они остались целыми, подставьте заранее тазик с водой.

Если ваш портфель или сумка потеряли форму, ее можно восстановить, вставив в угловые швы упругую проволоку.

Отвалившуюся от значка или брошки булавку можно легко прикрепить обратно. Сначала булавку припаивают к жестяной или латунной пластинке размером несколько меньше значка. Тыльную сторону значка выравнивают напильником, а затем приклеивают к ней пластинку с булавкой.

Вышедшую из строя нарковую пробку для термоса можно заменить пенопластовой, обернутой полиэтиленовой пленкой. Такая пробка не разбухает и хорошо держит тепло.

Чтобы телефонный аппарат не соскальзывал с полочки, надо приклеить к ее поверхности две крышечки от лимонада. Аппарат ставится в них ножками и таким образом фиксируется. Со стороны крышечки совершенно не видны.

Мыльница с присосками прочнее держится на стене, если поверхность стены в месте крепления мыльницы предварительно смазать мыльным раствором.

Пора сажать тюльпаны

Яркие, низнераспростертые тюльпаны нравятся всем. Их крупные колокольчатые цветки отличаются буйством красок — огненно-красные, розовые, оранжевые, желтые, сиреневые и даже черные. Не бывает только синих и голубых тюльпанов.

Можно иметь в саду целую коллекцию этих необыкновенных цветов и превратить свой цветник в непрерывный парад тюльпанов. Но учтите, что сортов очень много (около 10 тысяч). Они различаются по форме цветков, их окраске, срокам цветения. Чтобы легче разобраться в этом многообразии, специалисты разбили все сорта на несколько групп (всего их 15). Я предпочитаю разводить Лилиецветные — удивительно изящные растения, рослые (50-75 см) и пропорциональные. Их венчает весьма примечательный цветок с заостренными кончиками лепестков и перетяжкой в талии, напоминающий по форме бутон лилии. Пожалуй, Лилиецветные — самые грациозные и утонченные из всех тюльпанов. Сорта можно брать такие: Алладин — красный с желтой каймой; Аляска — светло-желтый; Гизела — неж-

но-розовый; Мариетта — розовый; Миссис Мун — чисто желтый...

Тюльпаны любят светлые, защищенные от ветров участки, где зимой накапливается много снега. По моим наблюдениям, под действием сильных и холодных ветров у тюльпанов сокращается период цветения, стебли ломаются, ухудшается внешний вид растений. Недостаток солнечного света приводит к вытягиванию и искривлению стеблей, луковицы мельчают и вырождаются. Между тем я убежден, что поздноцветущие сорта можно высаживать в полутени, тогда они цветут дольше.

Идеальная почва для тюльпанов — высококультурная, легкая, водопроницаемая, с нейтральной реакцией (рН около 7,0). Избегайте переувлажненных участков с тяжелой глинистой почвой. Важно за месяц до посадки луковиц перекопать почву на глубину 25-30 см и одновременно внести перепревший навоз, компост или торф (до 10 кг на квадратный метр). Непосредственно перед посадкой желательно внести фосфорно-калийные удобрения (30-40 г/м²). Больше всего тюльпаны любят микроудобрения: марганец, бор, цинк.

Но учтите, что лучше не докормить, нежели перекармливать тюльпаны. Для борьбы с сорняками и улучшения аэрации за неделю до посадки участок нужно вновь перекопать.

Тюльпаны рекомендуется высаживать с таким расчетом, чтобы до наступления морозов они хорошо укоренились. Только тогда весной вы будете наслаждаться их пышным цветением. Я предпочитаю высаживать их в грунт в начале сентября, но приходилось сажать луковицы и в третьей декаде октября — ничего страшного не случилось. Цвели они нормально, только цветоносы были укороченными.

Для обеззараживания луковиц перед посадкой их необходимо на 30-40 минут поместить в 0,1%ный раствор марганцов-

Обойдемся без гущенки и соленых огурцов

Продолжим разговор о диетах для женщин четырех типов телосложения. Сегодня расскажем о третьем — лимфатическом типе фигуры.

ни (3 г на 3 л воды). Раствор можно обогатить микроэлементами бора и цинка. Луковицы высаживают поштучно, рядами. На газоне очень красиво выглядят небольшие группы тюльпанов по 10-15 штук. Мелкие луковицы высевают в борозды, на дно которых насыпают песок. Расстояние между луковицами в ряду и между рядами, а также глубина посадки зависят от их размеров: чем крупнее луковица, тем большей площади питания она требует. Расстояние между рядами обычно 20-25 см, между крупными луковицами — 8-10 см, глубина посадки должна составлять 3 высоты луковицы. На легких почвах сажают глубже, на тяжелых — мельче. Чтобы летом было легче выкапывать тюльпаны, каждый рядок фиксируют, сажая по краям 1-2 зубка чеснока. При посадке будьте осторожны — не вдавливайте луковицы в дно борозды!

На декоративных рабатках (узких грядках), особенно когда они имеют неправильную форму, удобно высаживать луковицы так называемым голландским способом. Почву вынимают со всей поверхности рабатки на глубину высадки луковиц, дно разравнивают граблями, насыпают 2-3 см песка, луковицы размещают сначала вдоль краев, а потом заполняют ими центральную часть рабатки (через 10-15 см). После укладки их засыпают песком (слоем 2-3 см) и вынутой ранее землей.

Украшением цветника служат декоративные рабатки, на которых тюльпаны растут совместно с сопутствующими растениями, выбранными с учетом сроков их цветения (после тюльпанов) — это прежде всего анютины глазки, незабудки, маргаритки. Они хорошо переносят пересадку даже в начале цветения. Эти растения цветут после тюльпанов и хорошо декорируют засыхающие в начале лета листья.

Но это будет еще не скоро... Позаботьтесь о тюльпанах сейчас — и весна встретит вас польханием цветов.

У дам лимфатического сложения жир равномерно распределяется по всему телу. И из-за того, что в жировых отложениях скапливается жидкость, они кажутся более полными, чем есть на самом деле, их ноги, лодыжки, руки и запястья часто выглядят отеками. Их организм с трудом сжигает калории, и они набирают вес быстрее, чем другие, из-за присущего им телосложению сниженного обмена веществ.

Женщины лимфатического типа, как правило, очень любят молочные продукты, которые плохо усваиваются и способствуют увеличению веса и накоплению слизи в организме. Чтобы избавиться от лишнего веса, они должны следовать режиму питания, основанному на низком содержании или даже полном отсутствии соли и молочных продуктов.

Мы предлагаем вам диету, рассчитанную на то, чтобы стимулировать вялые обменные процессы и циркуляцию крови, а также благоприятно влияющую на деятельность печени и почек, отвечающих за очистительные функции организма. К тому же эта диета поможет снять лишнее напряжение с вашей лимфатической системы.

Но для начала запомните: наиболее благоприятно для еды утреннее и дообеденное время, когда скорость обменных процессов организма достигает пика. То есть основное потребление вами калорий должно происходить в первой половине дня. В это время суток ваш организм прекрасно справится с переработкой пищи.

Самый трудный период начинается после обеда, когда вы уже немного устали. В это время вы можете почувствовать голод, побуждающий вас нарушить диету. Чтобы этого не случилось, перекусите морковкой, сельдереем, яблоком или выпейте стакан овощного сока, очень полезного для печени и почек. Вечерняя пища должна быть легкой, так как обменные процессы в организме в это время суток замедлены. А в целом ваш дневной рацион по калорийности не должен превышать 1200 калорий. Помните об этом!

А сейчас — несколько вариантов дневного меню для женщин лимфатического телосложения:

Завтрак. 2 пшеничные оладьи (см. рецепт в предыдущем номере), 2 банана, стакан травяного чая;

2 подсушенных ломтика хлеба, 60 г консервированного лосося, 1 свежий фрукт или стакан сока;

2 яблочно-овсяные булочки (см. рецепт в предыдущем номере), стакан чая; полтора стакана каши из овсяных хлопьев, сваренной на воде, 1 свежий фрукт.

Обед. 2 крупных яйца, зеленый салат с заправкой без масла, 2 свежих фрукта;

фасолевый паштет, зеленый салат с заправкой без масла, 1 стакан нарезанной моркови и свеклы, 2-3 ломтика ананаса;

1 стакан отварных спагетти с томатным соусом, зеленый салат с лимонным соком, 1 большой фрукт или стакан сока;

100 г постного мяса, 1 стакан моркови со свеклой, зеленый салат, 1 фрукт или стакан сока.

Ужин. 1/2 грудки цыпленка, запеченной в гриле, 1 порция низкокалорийного соуса, зеленый салат с заправкой без масла, 1 большой фрукт;

2 стакана фасоли по-мексикански, зеленый салат с заправкой без масла, 1 ломтик подсушенного хлеба, 1 помидор; полтора стакана риса, тушеного с овощами, 1 стакан травяного чая;

1 порция отварной или запеченной рыбы, зеленый салат с заправкой без масла, 1 стакан нарезанной отварной свеклы.

Рецепты некоторых упомянутых выше блюд:

Фасолевый паштет (10-12 шариков). 400 г отварной фасоли, 1/2 стакана отварного риса, 1 мелко нарезанный стебель сельдерея, 1 тертая морковка, 1 мелко нарезанная луковичка, 3 измельченных зубчика чеснока, 1 столовая ложка нарезанной зелени кинзы, 1 яйцо, семена кунжута.

Смешайте все, кроме кунжута. Если смесь жидковата, добавьте немного муки. Скатайте шарики и обваляйте их в семенах кунжута. Обжарьте на сковороде в небольшом количестве масла до золотистого цвета.

Фасоль по-мексикански (6 порций). 450 г консервированной фасоли, 450 г мелко нарезанных помидоров без кожицы, 1/2 нарезанного зеленого перца, 1 мелко нарезанная луковичка, 1 тертая морковка, 1 мелко нарезанный стебель сельдерея, 3/4 стакана воды, 2 чайные ложки зелени базилина или кинзы.

Смешайте все в кастрюле и варите до мягкости и загустения примерно 30 минут, постоянно помешивая.

Советы о правильном питании женщин, принадлежащих к четвертому типу, мы напечатываем в следующем номере журнала.

Практикум вели

Елена ЕВДОКИМОВА,

Ирина ЛОПОТУХИНА,

Александр КУЛЕНКАМП

Туттанерчевый МУХТАР

Мухтар Гусангаджиев из Дагестана — артист и спортсмен, максималист и философ...

Его искусство владения телом приводит в восторг таких признанных суперменов, как Чак Норрис, Арнольд Шварценеггер, Ван Дамм, Дэвид Копперфилд.

У него пожизненный контракт на Канарах, приглашение сниматься в Голливуде; он разговаривает на шести языках, имея за плечами лишь восьмиклассное образование, армию и... три года тюрьмы.

Его сравнивают с пауком и змеей, потому что свое тело он способен завязывать в узлы более сложные, нежели те, что уже есть на нитях его жизни.

Нить первая: школа прошлого

— Я — третий сын в семье. Когда мне было четыре года, родители разошлись. Остался с отцом и по дагестанским обычаям уже не мог общаться ни с матерью, ни с ее родственниками. Даже боялся садиться в автобус, где кондуктором работала тетя — сестра матери... Правда, иногда, преодолевая страх и оглядываясь, нет ли знакомых, пользовался запретным маршрутом, и тетя давала мне 20 копеек — на мороженое.

Отца почти не видел — его годами не было дома, поэтому с детства привык сам о себе заботиться. Да и несколько лет учебы в школе-интернате приучили к самостоятельности. До всего приходилось доходить самому: помогало природное любопытство. Учебник истории читал не по параграфам, а сразу от корки до корки,

фото Анатолия Ильяхинского

словно приключенческий роман: меня интересовало, как строили пирамиды, возводили Парфенон, слагали чудесные легенды. Увлекался танцами, пантомимой, потом ушу, восточными единоборствами. С детства любил рисовать, одноклассники даже фотографии делали с моих картин.

Научился играть на гитаре, потом, не зная нотной азбуки, освоил фортепиано. То же и с физкультурой: неужели я слабее сверстников, отстану от них? Не может быть! Тем более, дагестанское воспитание, такое мужское... У нас, упаси Бог, прийти домой заплаканным — на порог не пустят! Даже бабушка говорила: "Если их много и победить не в силах, хоть зубами землю грызи, но только не заплачь!"

И действительно, раньше я независимость свою часто отстаивал кулаками. Вот однажды и получил от жизни серьезный урок. Отслужив в армии водителем, почти сразу, даже не насладившись толком дембелем, угодил в... тюрьму. Меня избili. За что? А просто так — "золотой" молодежи захотелось развлечься; причем, драться один на один испугались — а нанюлись всем скопом. За унижение я должен был отомстить. Отыскал заводилу, померялся с ним силой честно и показал, что в одиночку он — ничтожество. Не учел только, что родители его были влиятельными "шишнами" в том городе. Ну и заверте-

лось. Полгода меня искали, а в один прекрасный день пришли, надели наручники и увезли в Иваново. Кому — город невест, а мне — тюрьма. На три года...

Пусть не покажется странным, но именно тюрьме я благодарен за то, что впервые задумался о будущем и стал серьезно заниматься телом и духом: растяжки, концентрация, преодоление боли... Соединение "инь" и "янь" — гармония физического и духовного. К этому я и стремился.

Нить вторая: школа настоящего

— Выхожу на сцену по пояс раздетый, работаю без режиссера и всякой мишуры, отвлекающей зрителя, — показываю только возможности тела. Никакой мимики — каменное, непроницаемое лицо, никто не догадается, что мне тоже бывает больно, если, снажем, застужу спину или потяну мышцу: все делается ритмично, легко, играючи.

Я научился перемещать внутренние органы, могу выгибать и "завязывать" тело в такие узлы, что возникает ощущение, будто внутри нет костей. Нет, у меня все, как у обычного человека, и — никакого фокуса, иллюзии и мистики.

...Я убежден: подобное под силу любому. Разумеется, если мышцы ежедневно

не растягивать, утратится дане природная гибкость. Но если над ними постоянно работать, можно так развить все тело! К примеру, я спокойно "выставляю" плечевой сустав, а врачи говорят, что это называется "вывихом" и без боли и опухоли сделать такое невозможно. А я показываю, что возможно.

Сейчас мне 34 года, из них 10 лет я изо дня в день тренируюсь, а возможности собственного тела до конца еще не раскрыты. Я хочу доказать, что и в 50 мунчина может быть молодым и гибким, как ребенок... Не забываю о живописи, музыке, спорте: несколько лет назад получил черный пояс по тазквондо.

Я твердо убежден, что благодаря уникальным резервам организма человек сам может исцелиться от многих недугов, в том числе и паралича, отыскав границу не подвижности и потихоньку "выводя" ее за пределы тела, ежедневно разрабатывая, растягивая мышцы. Я спокойно пишу не только обеими руками, но и... ногами. В сущности, если разобраться, неумение владеть ногой как рукой — частный случай паралича, от которого я уже избавился.

Когда спрашивают, кто твой учитель, отвечаю: отсутствие условий. Не надо сидеть и думать, что жизнь сложилась бы по иному, если бы было то да се — богатые родители, спортзал, хороший наставник... У меня были условия те еще — по сути я семь лет жил "от звонка до звонка" (в интернате, армии, тюрьме) и общался с людьми абсолютно разными, причем, навязанными мне силою обстоятельств. Но не ждал, сложна руни, лучших дней, а развивался, занимался — и не стал "как все", приучив себя к дисциплине и работе в любых условиях.

Нить третья: школа будущего

— Я давно и серьезно мечтаю о своей собственной школе. Но до сих пор ее не открыл. Все дело во мне. Я должен стать

таким мастером, чтобы ученик ни в чем не усомнился.

Ведь если я, обучая владению телом, не владею в совершенстве собственным; обучая музыке, не могу сам сыграть; обучая философии, не в силах духовно возвыситься и возвыситься, — ученики подсознательно перестанут верить в учителя. И это будет уже не школа, а кружок самостоятельности.

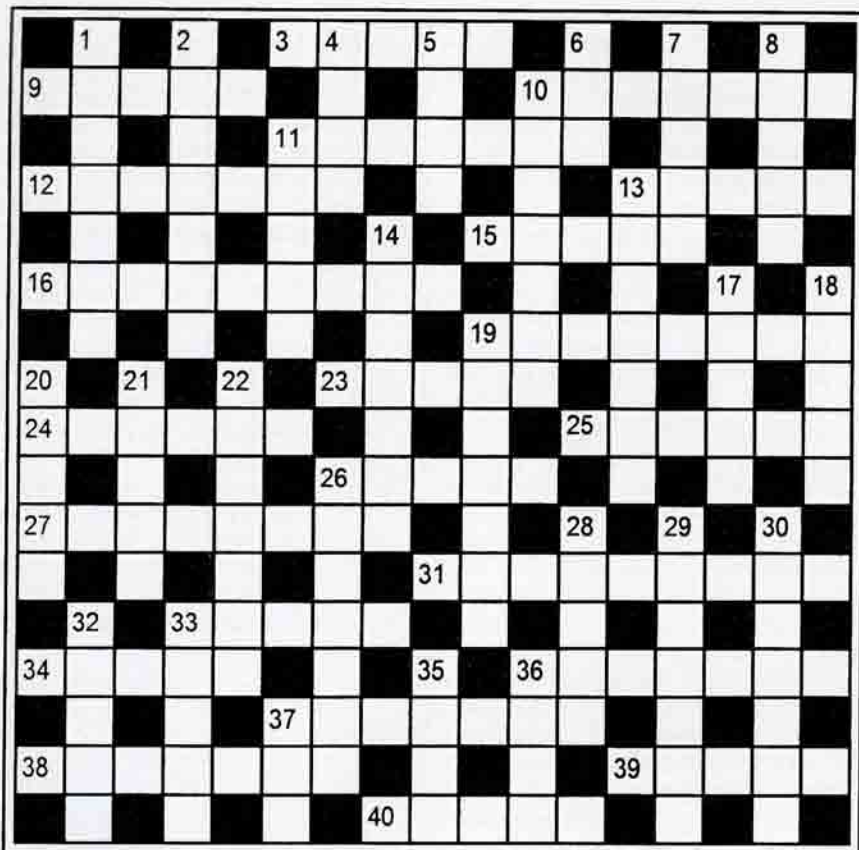
Ни в коем случае в моей школе не будет узконаправленной "специализации", тут обязательны и музыка, и живопись, и поэзия, и танцы... Школе нужна отличная библиотека с книгами по философии, истории, методике. После поступления — испытательный срок. За это время придется расстаться с враньем, завистью, курением, сквернословием... Конечно, в моей школе должны учить оптимизму и умению радоваться жизни.

Меня самого в трудную минуту поддерживает простая мысль: я ставлю себя на место людей, кому намного хуже, чем мне, кто мечтает просто нормально ходить, шевелить руками, разок увидеть свет...

У меня же это все есть. И, значит, все остальное поправимо. ■

**Валерия СВАЛЬНОВА,
Вячеслав СВАЛЬНОВ**

ЭРУДИТ

По горизонтали. 3. Библейская вдова, избавившая Иерусалим от ига Вавилона. 9. Первый директор ЦРГ, позже преобразованной в ЦРУ. 10. Американский химик-органик, названный "человеком, который лепит молекулы". 11. Сын царя птиц. 12. Сестра фашистского "Тигра". 13. Народ, по которому была названа одна из европейских стран. 15. Качество, поддерживающее и развивающее, по А. Швейцеру, жизнь. 16. "Злая немощь благочестия" (Поль Денурсель). 19. "Преисподняя" в средневековой Франции, куда неожиданно проваливался преступник или негодный, чтобы уже не выйти оттуда. 23. Река, при впадении которой в Онежское озеро давно нашли наскальные рисунки. 24. Антер, лучшая Баба Яга всех времен и народов. 25. Южная ящерица, неутомимый охотник на домашних насекомых. 26. Недуг, погубивший во время плавания в Индию больше ста из ста шестидесяти моряков Васко да Гамы. 27. Дерево на Филиппинах, чей ожог и сильнее, и стойче крапивного. 31. Цветок, становящийся свежее и краше в при-

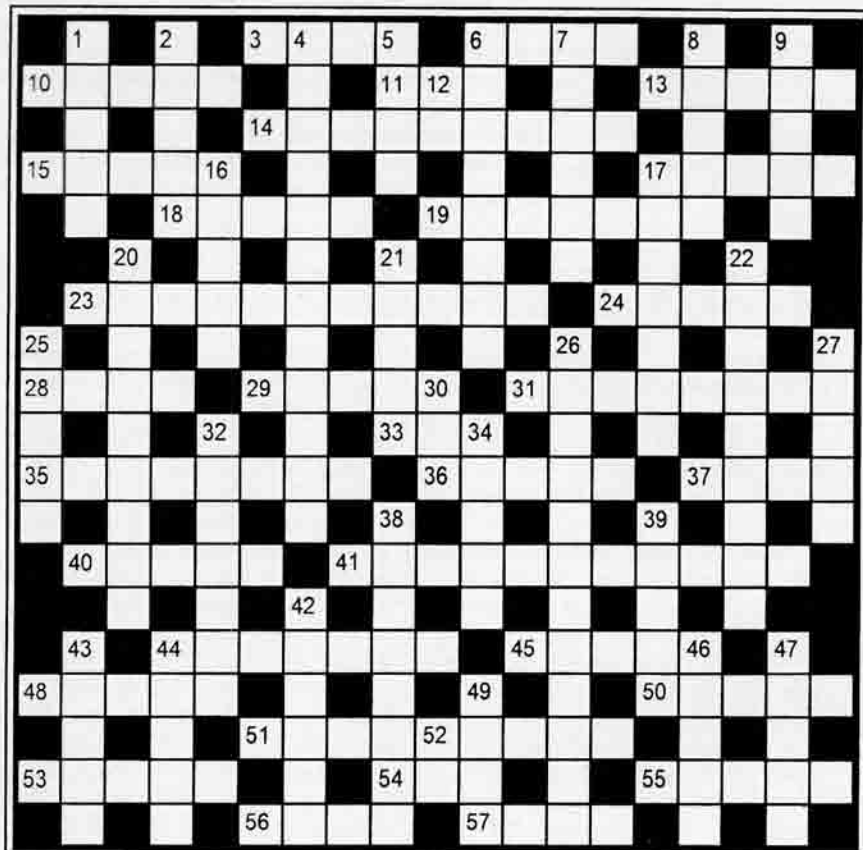
существовании ландышей. 33. Металл, бутылка с которым тяжелее ведра с водой. 34. Мастер, создавший стулья на радость Остапу Бендеру. 36. Русский шахматист, чье дебютное творчество Ласнер назвал образцом для мастеров. 37. У Гермеса и Ириды — керикейон, у Меркурия — ... 38. Украшение, самая частая находка археологов на территории Киевской Руси. 39. Самоцвет, каним оказался испанский "Браганца" (до середины XIX его считали самым большим в мире алмазом). 40. Персидский шах, давший название знаменитому алмазу "Нохинур" ("Гора света").

По вертикали. 1. Устройство, обещавшее устами академика Л. Арцимовича "термоядерное Эльдorado". 2. Человек, ведомый по служебной лестнице мохнатой рукой. 4. Космический провал. 5. Накидывать ... — умышленно затемнять, делать неясным. 6. "Железнодорожный червь" в США, у чьей личинки светится красный фонарик. 7. Часть колхозной бригады. 8. Самый эротический из языческих богов на Руси. 10. Гадание на кофейной гуще. 11. Матереубийца, ставший героем трагедий Эсхила, Софонла и Еврипида. 13. Античный ученый, завещавший изобразить на его могиле как эпитафию шар, вписанный в цилиндр. 14. Имя двух дочерей царя Алексея Михайловича от первого брака. 17. Начальный и конечный пункт странствий Одиссея. 18. Самый сильный стимулятор воображения. 19. Среднеазиатский астроном, убитый по приказу сына как "отступник от ислама". 20. Техника, в каной облицован алтарь в миланской церкви Сант-Амброджо. 21. Предмет одежды палача в Испании, на котором была вышита лестница. 22. Спортивная игра, где нужны и сила, и ум. 26. Закон безбрачия у католического духовенства. 28. Химический элемент, в малых дозах заживляющий язвы. 29. Гриб, накапливающий селен, становясь ядовитым. 30. Поющее насекомое в "Степи" А. Чехова (кто оно, сейчас уже никто не знает). 32. Брат Эмиля Кио, исполнявший в его трюках роль двойника. 33. Добывание улик обшариванием. 35. Рыба, способная поймать низко летящую над водой ласточку. 36. Европейский народ, у которого есть поверье, что пчелы пили пот с тела распятого Христа. 37. Представитель сибирского народа, хоронящего убитого медведя близ селения, а задранного медведем охотника — в лесу.

ОТВЕТЫ НА "ЭРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали. 1. "Тюфан". 7. Бриз. 11. Коллоид. 13. Лиахви. 14. Маразм. 15. ... щерба. 16. Нлио. 20. Гаичка. 21. ...серпентинит... 23. Гнев. 24. Федотов. 25. Иония. 31. Сирин. 32. Экситон. 33. Иван. 36. Племянников. 39. Пуссен. 40. Наль. 41. Знать. 43. Нансун. 45. Чертог. 46. Хилиаст. 47. Есин. 48. Жизнь.

По вертикали. 2. Юнагир. 3. Язва. 4. Говение. 5. Хлебников. 6. Мим. 8. Ржавчина. 9. Зимбабве. 10. Флонс. 12. Дацан. 17. Лепет. 18. Оплот. 19. Энеолит. 22. Уилкинс. 26. Финляндия. 27. Вицин. 28. ...хохол... 29. Шимпанзе. 30. Гассенди. 34. Аметист. 35. Петух. 37. Наштан. 38. Вьюга. 42. Цепи. 44. Кир.

КРОССВОРД

По горизонтали. 3. Северный медвежонок — герой мультфильма, искавший друга. 6. Канцелярский прилипала. 10. Судно Стеньки Разина на картине В. Сурикова. 11. Название на французский лад "нарумяненного" и "напомаженного" стиля в нашей живописи XVIII-XIX веков. 13. Аптенаровская единица веса. 14. Конкурент Остапа Бендера в поисках бриллиантов. 15. Сын русского сельского дворянина. 17. Нарьер, кентер, курц (общее название). 18. Способ советской торговли всучить любую ненужную вещь. 19. Головной убор, какой носил Ф. Гойя. 23. Строительный материал, изобретенный французским садовником Монье. 24. Заметное изменение. 28. Ягодный кустарник, расселенный вдоль дорог. 29. В церковной друдине каждый из русских воинов, вооруженных во время Ледового побоища только боевыми рунавицами. 31. Массовое истребление фашистами евреев. 33. Почтовая мера веса на Руси. 35. Древнегреческая "песнь козлов" как жанр. 36. Общеєвропейская золотая монета в средние века. 37. Государство в Амери-

не с кондором на гербе. 40. Полугрузовой автомобиль. 41. Крестьянин, работающий с цепом в руках. 44. Болван, невенча. 45. Холодное оружие в русской тяжелой кавалерии. 48. Искусство, которое не любил Иван Бунин. 50. Гурт монеты. 51. Яга в сказке Л. Филатова "Про Федота-стрельца, молодого удальца" говорит: "Все и колет, и болит, и в груди огнем палит! Я давно подозреваю у себя ...!" 53. Самое почитаемое божество в ведической религии. 54. Бараний горох. 55. Ностровой "плюсун". 56. В "Вие" Н. Гоголя богослов — Халява, ритор — Горобець, философ — ... 57. Ленарственная трава, растущая на Кавказе.

По вертикали. 1. Передача имущества по завещанию. 2. Московский купец, купивший больше пятидесяти картин П. Пикассо. 4. Полифония в переводе на русский. 5. Кличка собаки в "Белом пуделе" А. Нуприна. 6. Ударный инструмент, впервые зазвучавший в оркестре у Сен-Санса в "Пляске смерти". 7. Клест, живущий среди зеленых красавиц. 8. Симфоническая сюита А. Римского-Корсакова, давшая толчок И. Репину к написанию картины "Иван Грозный и сын его Иван". 9. Цитрус, чей запах помогает программистам реже ошибаться. 12. Открытое всем ветрам место. 16. Писатель, путивший гулять по миру слово "робот". 17. Спортивная игра, накой увлекался сатирик М. Задорнов. 20. Предмет, проваленный Вольной на экзамене не без помощи старика Хоттабыча. 21. Государство, в чьей столице в роли такси выступают слоны. 22. Собрание фирменных пивных банок, бокалов, бутылок, кружек, пробок. 25. Художественный музей во Флоренции в палаццо, построенном Брунеллески. 26. Чудовище несвободы, порождаемое бесконтрольной властью в государстве. 27. Элемент рисунка. 30. Рокеровна по сути. 32. Французский астроном, вместе с Метеном измеривший дугу меридиана от Барселоны до Дюнжерна, что дало точную длину метра. 34. Коренной житель азиатско-европейской страны. 38. Деловая или официальная бумага. 39. Изобретатель металлического сосуда для хранения сжиженных газов. 42. Написание картины с натуры на природе. 43. Хлеб до мельницы. 44. Бараний коллектив. 46. На кладбище в Риме есть памятник с надписью: "Перси Биши ... — сердце сердец". 47. Гнет, тягость. 49. Подвесна, украшающая икону. 52. Лирическое размышление в китайской литературе. ■

Составил **М. АКУЛИЧ**, Омск

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали. 4. Щебет. 6. Фрау. 8. Дело. 10. Закуска. 12. Брынза. 13. Йогурт. 14. Люцифер. 15. Орава. 18. Арним. 22. Потяг. 26. Нентунки. 27. Розмарин. 28. Ландо. 29. Матвеева. 30. Стреноза. 31. Дюнс. 34. Нешью. 37. Стенд. 40. Барачие. 41. Грабли. 42. Рифмач. 43. Царство. 44. Арба. 45. Врач. 46. Тоник.

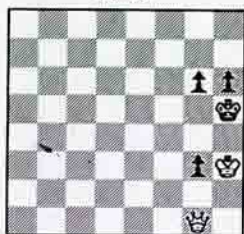
По вертикали. 1. Мернуцио. 2. Теософия. 3. Бронза. 5. Элигон. 7. Узала. 8. Дайра. 9. Ярмо. 11. Хром. 16. Ретивое. 17. Венсель. 19. Разврат. 20. Исаакян. 21. Чебак. 22. Пилад. 23. Тондо. 24. Гросс. 25. Линза. 32. Жирардон. 33. Начетчин. 34. Кора. 35. Шуберт. 36. Юница. 37. Серов. 38. Евфрат. 39. Дназ.

Шахматная эпиграмма

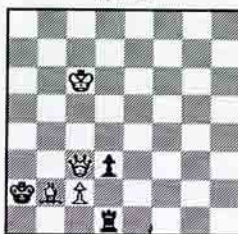
Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
VII международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

118. С. КОВАЛЕВ
 Барнаул

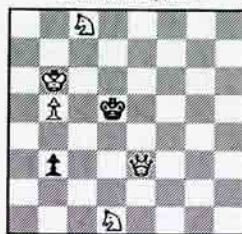
2

119. А. НЕЙВ
 Братск

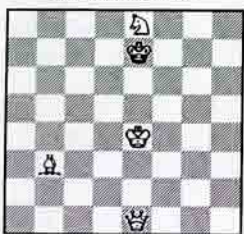
2

120. В. МЕЛЬНИЧЕНКО
 «Котовск, Украина»

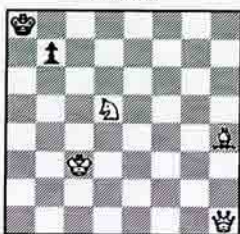
2

121. В. МАНСИН
 Запорожье, Украина

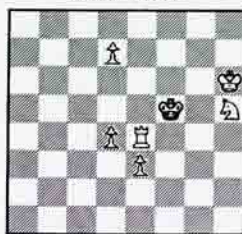
3

122. М. ЧЕРНУШКО
 Уссурийск

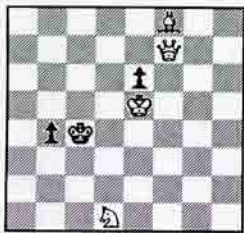
3

123. С. РАДЧЕНКО
 Ростов-на-Дону

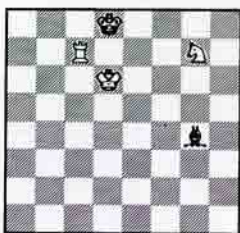
3

124. В. ЛУНАШЕВ
 Таганрог

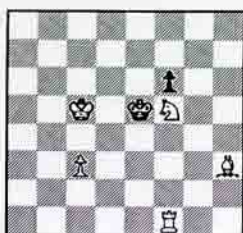
4

125. В. ЖЕГЛОВ
 Москва

6

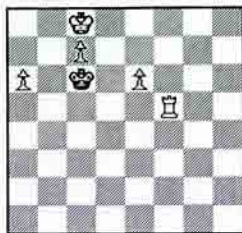
126. В. МОРОЗОВ
 Москва

8

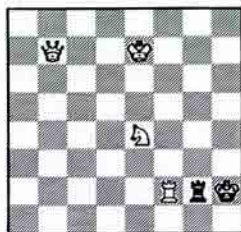
Трехходовка-97

I приз
М. МАРАНДИОН, В. ПИЛИПЕНКО

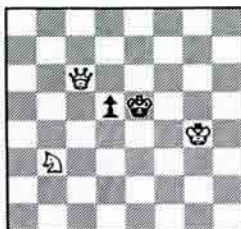

б) a.e7 f6
в) a.e6 g4

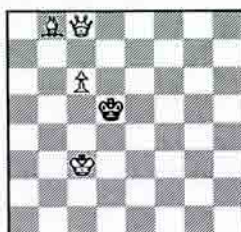
II приз
В. КОВАЛЕНКО

III приз
Ю. СУШНОВ

Специальный приз
Н. РЕЗВОВ

В конкурсе трехходовок 1997 года участвовало 124 задачи 54 авторов, опубликовано 47. Из конкурса исключены №№ 9, 14, 37 — из-за предшественников, № 66 — как ранее опубликованная.

I приз — М. МАРАНДИОН,

В. ПИЛИПЕНКО (Украина)

а) 1. a7? Kpb6 a8Jl
Kpb6 3. Лабх, 1...Kpd6!
1.e7? Kpd6 2.e8Jl Kpb6 3.
Лб6х, 1...Kpb6!
1. Kpd8? Kpb6 2. c8Ф Кра7 3.
Kpb7х, 1... Kpd6!
1. Kpb8! Kpb6 2. c8Jl Кра6 3. Лб6х,
1...Kpd6 2.c8Ф Кре7 3.Фд7х.

б) 1. a7! Kpb6 2. a8Jl
Kpb6 3. Лабх, 1...Kpd6 2.
a8Ф Кре6 3. Фд5х; 1. f7?
Kpd6 2. f8Ф Кре6 (Кре6)
3.Фс5 (Фf6)х, 1...Kpb6!

в) 1. Kpd8! Kpb6 2. c8Ф
Кра7 3. Фб7х, 1...Kpd6 2.
с8Jl Кре6 3. Лб6х

С помощью близнецов авторы добились в известном механизме рекордного содержания! На четырех полях белые 4 раза превращаются в ладью и 4 раза — в ферзя. Выделяется чередование превращений пешки с7 в решениях близнецов а) и в).

II приз — Б. КОВАЛЕНКО

(г.Большой Камень

Приморского кр.)

1. Фb3? Лf2 2. Фg3
Kph1 3. Kf2х, 1...Kpg1 2.
Лf1 Kpf1 3.Фд1х,
2...Kph2! 1. Фb2 Лf2 2.Фf2
Kph1 3. Kg3х, 2...Kph3
3.Фg3х, 1...Kph1 2.Лf1
Лg1 3.Kg3х, 1...Kpg1
2...Лg2 Kph1 3. Kg3х,
1...Kph3 2. Лg2

В этих двух фазах осуществляется перемена пра-

вильных матов. В лонном следе 1. Фb6? Kpg1! повторяется вариант с правильными матами из решения, а в лонном следе 1. Фd5? Лf2! — вариант с правильным матом из первого лонного следа.

III приз — Ю. СУШНОВ

(Санкт-Петербург)

1...Кре4 2. Фс3 d4 3.
Фд4х, 1...d4 2. Кd2 d3 3.
Kf3х

1.Кс1! Кре4 2.Фf6 d4
3.Фе6х, 1...Kpd4 2.Фс7
Кре4 3.Фf4х

Малютка-блон с двухвариантной переменной игры!

Специальный приз —

Н. РЕЗВОВ (Одесса,

Украина)

1...Кре4 2.Фg4 Кре3 3.
Са7х, 1...Крс5 2.Фа6

1. Ch2!! Кре4 2.Фg4
Кре3 3.Cg1х

Еще одна малютка-блон с прекрасным, через всю доску, ходом белого слона!

Почетный отзыв —

В. ВИНУКОВ (Иваново),

В. ЖЕЛТОНОЖКО

(Екатеринбург)

1.Фh1!! Kpb3 2. Сс4
(угроза) Кре4 3. Фд5х,
2...Кра3 3. Фс1х, 1...Kpd2
2. Фе4 —, Kpd1 3.Фе2х

Великолепен первый ход, отдающий три поля черному королю. Н сожалению, от угрозы защищает лишь один вариант, хотя авторы и добились четырех правильных матов.

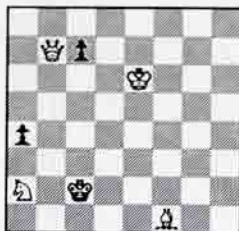
Почетный отзыв —

В. МЕЛЬНИЧЕНКО

(г.Котовск, Украина)

1. Фh7 — 2.Кс5 Kpb8
3.Фb7х, 1...Крс6 2. Ке5

В.ВИНОКУРОВ, В.ЖЕЛТОНОЖКО

Крб5 3. Фa7x, 2...Кe5 3. Фe7x, 1...Крc8 2.Кc5 Кc5 3.Фc7x.

И здесь четыре правильных мата, но от угрозы защищает фантически лишь один вариант.

Почетный отзыв —

В. КОЖАНИН (Магадан),
Л. ЛЕБЕДЕВ (Бобрыйск, Беларусь)

а) 1.Са2 Крf8 2. g6 Крg8 3.Кре7x, 1...Крh7 2.Крf6 Крh8 3.Крg6x; 1.Крf6?, 1. g6? a2!

б) 1.Крf6 c4 2.Кe6 Крh8 3.Крf7x, 1...Крf8 2. Ch7 c4 3.Сb4x

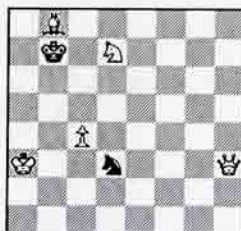
Близнецы с переменной игры. Особенно симпатичны варианты с батарейными матами.

Похвальный отзыв —

В. ЖЕЛТОНОЖКО
(Екатеринбург)

1.Сf4? Крd5 2.Фe5

В.МЕЛЬНИЧЕНКО

Крe6 3.Фb5x, 1...Крd3 2. Фe6 Крc2 3. Фb3x, 1...Крf3!

1.Фf7! Крd4 2.Фe6 Крd3 3. Фe4x, 1...Кре5 2. Кре5 Крe4. 3. Фd5x

Две пары неправильных эхо-матов в квартете.

Похвальный отзыв —

Л. ЛЕБЕДЕВ (Бобрыйск, Беларусь)

1. Кd3 Кра2 2. О-О Кра3 3. Ла1x, 1...Крb1 2. Сb3 Кра1 3. О-Оx

Два варианта с ронированной белых фигур заканчиваются правильными матами.

Похвальный отзыв —

В. ЧЕРНОУС (Одесса, Украина)

а) 1. Се4 Крb1 2. Лc3 Кра2 3. Ла3x б) 1. Cd5 Крb1 2. Лc4 Кра2 3. Лc1x, в) 1. Лd2 Крb1 2. Лd1 Кра2 Cd5x, 2...Кре2 3. Са4x.

В.КОЖАНИН, Л.ЛЕБЕДЕВ

б) на3с5

Специальный почетный отзыв — **С. ТНАЧЕНКО**

(с. Приазовское, Украина)

Крh4, Лh1, Сg8, Ке8, п.f7 — Крh6, Лf8.

1. Лf1 Ле8 2.feК, 1...Лg8 2. fgС, 1...Лf7 2. Лf7

"Феникс" слабых белых фигур.

Специальный похвальный

отзыв — **А. ГРИН** (Москва)

Крd8, Фd7, п.g5 — Крh8, Лh4, Сg8, п.h7.

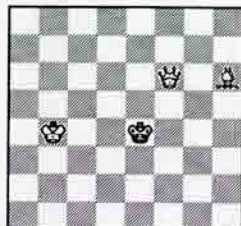
1. Фd6 (2. Фf6x) С — 2. Фf8 Сg8 3.Фf6x, 1...h6 2. Фf6 Крh7 3.g6x, 1...h5 2. Фf6 Крh7 3.Фh6x

Обе интересные задачи портит короткая угроза, защиты лишь продлевают агонию черных.

В. ЧЕПИЖНЫЙ,

международный арбитр.

В.ЖЕЛТОНОЖКО

Л.ЛЕБЕДЕВ

В.ЧЕРНОУС

б) пe3c4 a) пc3c7

Геннадий Павлов

Стиль его работ невозможно определить одним словом. В них и наив примитивистов, и стилизация под народный лубок, и фантазмагория странных образов сюрреализма. Сам художник называет свою манеру — условный реализм. Это когда вполне реальный сюжет окутан некой таинственностью, мистикой. И хотя на творчество Геннадия Павлова оказали влияние такие мастера живописи, как Джотто, Паоло Учелло, Брейгель и Босх, у него, безусловно, свой индивидуальный почерк, свое лицо. "Старые мастера, их школа, — говорит Геннадий, — помогли мне определить свой

путь в искусстве, выработать творческие принципы, основанные на точной ритмической и цветовой гамме изображения".

Геннадий закончил Художественное училище имени 1905 года. Еще студентом расписывал фрески, делал мозаику в зданиях библиотек, на заводах, даже в крематориях. Исколесил всю страну и из каждой поездки привозил множество рисунков, этюдов, набросков к будущим картинам. Выставляться начал рано, еще во время учебы в училище. Был участником многих молодежных выставок: всесоюзных, республиканских. Рано, в 20 лет, стал членом Союза художников.

У Геннадия Павлова две любимые темы — пейзажи, особенно московский, и портреты. Геннадий — коренной москвич, и успел застать старую Москву с еще не перестроенными под западный стиль старинными купеческими особнячками. Он никогда не пишет с натуры. Только по памяти. И на полотнах мы видим не конкретные, как на фотографиях, места, а какие-то нереальные фантастические "кусочки" фантастического города. Но вот что интересно: родной город все равно узнаваем. Вообще, он любит писать идиллические пейзажи, которых в жизни и не встретишь. Те же подмосковные деревеньки, чудом уцелевшие от advancing столицы, у него выходят слишком анкуртными, красивыми, поэтическими. Такое приукрашивание, говорит художник, он делает специально. Потому что главное для него — гармония, красота. В живописи, как, собственно, и в литературе, всегда есть место вымыслу.

Портреты — особая тема художника. Он пишет своих друзей, знакомых, иногда делает картины на заказ. Разные люди, разные характеры, разные судьбы. Но их объединяет одно — написаны они с любовью и добротой. "В этом нет лестности, — уверяет художник.

Малая Бронная в туманную ночь.

Разрушающийся дом.

— Каждый человек интересен, и у каждого есть свое предназначение. Просто многие об этом не догадываются, а некоторые так и уходят из жизни, не узнав себя... Павлов создал также целую серию портретов наших классиков — Державина, Пушкина, Тютчева, Бунина...

В последнее время Геннадий увлекся еще одной темой. Побывав в старинных русских городах — Новгороде, Пскове, — просто влюбился в архитектуру их церквей и храмов. "Новгород. Спас Нередицы", "Псков. Фортпост на рене Велиной" — суровые, строгие строения, напоминающие крепости... И совсем иные, красочные и нарядные, с золочеными куполами, церкви Москвы. "Замоскворечье", "Осень в Москве. Дорога к Храму". Эти работы и еще "Преподобный Серафим Саровский", "Преподобный Сергей Радонежский" осенью будут представлены на выставке, которая пройдет в музее при Храме Христа Спасителя...

Людмила КАНДАЛОВА

Портрет девочки в белом платье с цветком.

ФЛЕГРЕАН ТУРИСТ СЕРВИС

*Отдых в Греции,
Италии (остров Искья),
на Кипре*

Москва, Б. Саввинский пер., 8а
Тел.: (095) 246-71-26, 246-71-32, 246-89-80